

СВЕТ И ЦВЕТ /
light and color

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО-2009

Москва, Центральный выставочный зал «Манеж»
15-18 октября 2009 г.

**ИНДЕКС
УСТОЙЧИВОСТИ**

Главный приз фестиваля –
Российская национальная премия
в области архитектуры

«Хрустальный Дедал»

Учредитель фестиваля – Союз архитекторов России
www.zodchestvo.com

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

19

цвет и свет / light and color

Спонсоры номера

Архитектурная Фирма
Н. Жуковского

события	
Комиссия по профессиональной практике МСА-2008.....	2
I пленум правления Союза архитекторов России	4
XIII межрегиональный фестиваль архитектуры и дизайна «Золотая капитель».....	6
Конкурс архитектурных проектов «Ордер воплощения».....	9
XXIV Конгресс МСА «Токио-2011»	10
Конкурс на медали и дипломы Российской академии архитектуры и строительных наук за 2008 год.....	10
Бренд Братска разрабатывается с сибирским размахом.....	12
Саморегулирование.....	13
«Зимник» открылся.....	14
БухАрт 2009.....	15
трибуна	
Фрагмент авторской передачи Владимира Познера от 22 декабря 2008 года	22
Генеральный план развития Петербурга	24
«Пожар способствовал ей много к украшению»	26
Без барьеров	27
мастера	
Успешен только счастливый	30
Архитектура – это судьба	33
Нам нужна честная архитектура.....	36
ландшафт	
Список состоящих на государственной охране и выявленных объектов культурного наследия г. Иркутска	40
Современное состояние озеленения города Иркутска.....	46
Японский сад в Сан-Франциско	49
Кайское наследие	52
выставки	
Цена свободы	60
Живущий всегда. Архетипы и символы Даши Намдакова.....	63
новостройки	
Жилые блок-секции в 32-м микрорайоне г. Ангарска	65
квартирный вопрос	
Родник справедливости.....	68
Философия стоицизма в интерьер-дизайне туалета.....	68
агломерация	
Университет как градообразующий фактор	71
SOS	
Дом №1 на станции Маритуй Кругобайкальской железной дороги.....	72
наследие	
Сохранить невидимое? Дух места и архитектурная этика (Случай Ичери Шехер, Баку)	73
Ашихмина Мира Яковлевна	81
интернет-дайджест	84

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проекту россия Барту Голдхоорну и издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева

выпускающий редактор,
корректор
Инеcса Бражннкова
литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева

редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Артем Ольшевич
арт-директор
Жанна Измайлова

Выражаем благодарность
за участие в подготовке
номера
Виктории Астраханцевой
(Братск), Андрею
Дубову (Улан-Удэ), Ольге
Смирновой (Красноярск)

Использование текстовых и фото-материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

фото на обложке
Sony Center,
фото Ларисы Крыловой

печать
ООО «Призма-Пресс»
Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 25.03.09
периодичность
4 раза в год

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Комиссия по профессиональной практике МСА-2008

10-13 декабря 2008 года в Марракеше прошло ежегодное заседание Комиссии по профессиональной практике Международного союза архитекторов, в котором приняли участие 40 архитекторов из 20 стран мира. Впервые после отставки возглавлявшего Комиссию многие годы Рассела Кони заседания вел Дуглас Стейдл (США) совместно с сопредседателем Джоан Веймином (Китай).

В работе КПП-08 приняли участие руководители МСА президент Луиза Кокс (Австралия), иммидиат-

паст президент Газтан Сью (Маврикий), генеральный секретарь Жорди Фаррандо (Испания). Представительный состав участников – традиция КПП. Достаточно сказать, что все вышеперечисленные руководители МСА работали (и сейчас периодически продолжают) в Комиссии над созданием документов Соглашения МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике. До 2003 года Россию в Комиссии представлял Юрий Гнедовский, президент СА России (1992-2008) и вице-

президент МСА (2002-2005). В КПП-08 приняли участие члены бюро МСА вице-президенты Патриция Эммет (регион 5, Африка), Альбер Дюблер (регион 1, Западная Европа) и президент Африканского союза архитекторов Сеиф Аллах Алнага (Египет).

В начале заседания в ряду достижений прозвучала благодарность Союзу архитекторов России за издание Соглашения МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике на русском языке для России, стран СНГ и Восточной Европы. Напомним читателям ПБ, что главный документ МСА был издан нашим Союзом в начале 2008 года сразу вслед за англоязычным изданием, выпущенным Американским институтом архитекторов. Презентация русского изда-

ния Соглашения или, как его окрестили, Зеленой Книги, состоялась на Конгрессе в Турине в июле 2008-го, а затем на съезде Союза архитекторов России в октябре того же года. Издание стало еще более актуальным в связи с реформами по саморегулированию.

Кроме России, из стран Восточной Европы впервые за последние пять лет на заседании Комиссии в Марракеше присутствовали представители Польши (Стефан Курилович) и Румынии (Влад Гайворонский).

В ходе работы КПП были заслушаны отчет редакционной группы по изучению рекомендаций на тему соглашений между архитектором и заказчиком, отчеты редакционных групп по пересмотру существующих рекомендованных норм по объему практики,

по изучению нормативов по архитектурным гонорарам.

Горячо обсуждались отчеты по пересмотру существующих рекомендованных норм по роли профессиональных органов и взаимоотношению национальных профессиональных органов и регулятивных органов; по интегрированной практике и управлению строительной информацией; отчет и дальнейшие действия совместно со Всемирной торговой организацией по рекомендованной Советом МСА теме «Проекты дисциплин по местным законам в архитектурном секторе».

Были проведены дискуссии о роли архитекторов в общественном / частном партнерстве, офшорингу (перевода части подразделений компа-

нии за границу) и аутсорсинга (привлечения сторонних ресурсов) в рамках архитектурных услуг, а также о международных слияниях и покупке архитектурных фирм (изучение влияния на роль архитекторов, в особенности когда строительные фирмы покупают архитектурные фирмы).

Состоялась презентация и обсуждение заявок, предложенных Луизой Кокс от себя лично и от лица Жанкарло Иус для рабочей программы Комиссии на 2008-2011 годы (стабильная практика; практика и образование без границ; этика; рабочие условия для архитекторов; дети; защита интеллектуальной собственности; уважение прав человека).

Обсуждая разные сферы профессии, члены Комиссии

неоднократно касались проблемы тендеров в ряде стран, крайне отрицательно влияющих на качество среды.

Джон Райт (Великобритания) отметил, что для продвижения Соглашения к утверждению, признанию его правительствами недостаточно писем от случая к случаю, необходимы обращения к политикам напрямую.

Журнал ПБ планирует серию обзорных материалов, комментирующих главный документ – Соглашение МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике.

В кулуарах, а затем и в процессе обсуждений члены Комиссии то и дело возвращались к ситуации с мировым

финансовым кризисом. По словам Жорди Фаррандо (Испания), объемы строительства в Испании к началу декабря сократились на 70%. Той же цифры достигает уже сокращение архитекторов в отдельных компаниях Каталонии, и это, увы, еще не предел.

Работе Комиссии МСА предшествовал круглый стол по интернатуре, проведенный 10 декабря 2008 года с целью увеличить мобильность и признание требуемого профессионального опыта интернатуры (ведущий Майкл Пек, Австралия), а третьим в блоке архитектурных форумов в Марракеше стал съезд Африканского союза архитекторов.

Фото Венита Верма, Елена Григорьева

I пленум правления Союза архитекторов России

Первый пленум нового состава правления Союза архитекторов России состоялся в Москве 5 декабря 2008 года. Избранный VII съездом президент Союза архитекторов России Андрей Владимирович Боков ознакомил собравшихся с планами, направленными на совершенствование работы Союза, на повышение общественной значимости и авторитета архитектурной профессии. Был избран президиум правления и распределены функции на основе здесь же утвержденного плана мероприятий. Почетный президент СА Юрий Петрович Гнедовский будет курировать работу профессиональных советов, в том числе Совета по градостроительству совместно с Советом главных архитекторов субъектов РФ и муниципальных образований, Совета ландшафтных архитекторов, Совета по наследию. Первым вице-президентом стал Сергей Борисович Киселев, известный архитектор, лучший архитектор Москвы-2007 (сибиряки имели возможность познакомиться с ним на «Зодчестве ВС-2005»). Освобожденный вице-президент Сергей Викторович Качанов, кроме работы аппарата, будет заниматься развитием блока информации архитекторов как через Интернет-портал, так и через периодические издания – газету и журнал.

Законотворческая деятельность осталась за Виктором Николаевичем Логвиновым, президентом Союза московских архитекторов. Сфера деятельности Александра Андреевича Скокана в составе президиума – профессиональная этика и третейский суд, Сергей Викторович Гнедовский займется вопросами правового обеспечения. «Министром иностранных дел», ответственным за продолжение внешних связей (в том числе за продолжение плановой работы в Международном союзе архитекторов) назначен Игорь Николаевич Воскресенский. В план международного блока входит и подготовка к XXIV конгрессу МСА в Токио.

Координировать образование и работу с молодежью

будет Алексей Львович Бавыкин, а региональную работу – Виктор Алексеевич Чурилов.

Новшество в структуре президиума – региональные представители президента – вице-президенты по федеральным округам: С.А. Соколов (Дальний Восток), Е.И. Григорьева (Восточная Сибирь), П.И. Анисифоров (Западная Сибирь), В.В. Холмечкий (Урал), Ю.Н. Трухачев (Юг), Ю.М. Корякин (Поволжье) и В.В. Попов (Северо-Запад).

Гости пленума – депутат Госдумы В.В. Панов и директор Департамента культурного наследия Минкультуры С.А. Архангелов – отметили необходимость дальнейшего тесного сотрудничества и продуктивность постоянных консультаций с Союзом архитекторов России при разработке законодательных документов.

Президент Союза архитекторов России Андрей Владимирович Боков вручил награды – дипломы «Заслуженный работник Союза архитекторов России» – штатным сотрудникам центрального и региональных аппаратов, ведущих каждодневную организационную работу в Союзе.

По окончании пленарного заседания состоялась встреча региональных и столичных лидеров движения по созданию саморегулируемых организаций системы СА России. Восточную Сибирь на встрече по СамРо, как и на пленуме, представляли Елена Григорьева, Игорь Козак

(Иркутская региональная организация САР) и Андрей Дубов (Бурятская организация САР), Западную Сибирь – Петр Анисифоров (Алтайская организация САР) и Марина Насонова (Кемеровская организация САР).

РЕШЕНИЕ

I пленуму правления Союза архитекторов России Москва 5 декабря 2008 года Обсудив вопросы повестки дня I (организационного) пленума правления Союза архитекторов России, члены правления приняли следующее решение:

1. Утвердить Положение о Коллегии советников правления СА России (прилагается).

2. Утвердить Коллегию советников правления СА России (прилагается).

3. Утвердить составы рабочих групп правления СА России по направлениям деятельности Союза с учетом предложенных дополнений (прилагаются).

4. Утвердить планы работ по направлениям деятельности Союза.

5. Утвердить первым вице-президентом СА России КИСЕЛЕВА С.Б.

6. Утвердить вице-президентами СА России:

- Анисифорова П.И.
- Бавыкина А.Л.
- Воскресенского И.Н.
- Григорьеву Е.И.
- Корякина Ю.М.
- Логвинова В.Н.
- Осипова В.А.
- Попова В.В.
- Соколова С.А.

- Солопова Г.Д.
- Трухачева Ю.Н.
- Холмечкого В.В.
- Чурилова В.А.

7. Утвердить членами президиума правления СА России с полномочиями вице-президентов:

- Гнедовского С.В.
- Скокана А.А.

8. Принять к сведению и одобрить кандидатуру Качанова С.В. на должность вице-президента СА России по контракту.

9. Утвердить президиум правления СА России в составе 20 человек (список прилагается).

10. Утвердить дополнения к Положению о почетном президенте СА России, принятому VIII пленумом правления СА России (прилагаются).

11. Утвердить изменения в Положении о межрегиональных объединениях организаций СА России, предусматривающие статус вице-президента для председателя Советов объединений.

12. Принять к сведению информацию о ходе работы по формированию системы саморегулируемых организаций. Поручить организациям СА России активизировать деятельность по созданию саморегулируемых организаций в структуре СА России в соответствии с решениями VII съезда Союза. Обеспечить своевременную передачу информации о формировании СРО в организации СА России.

13. Поручить президиуму правления СА России до конца 2008 года доработать план основных мероприятий Союза

с учетом замечаний и дополнений, высказанных на пленуме.

14. Принять к сведению информацию о проведенной аудиторской проверке финансовой деятельности СА России за период с января 2006-го по сентябрь 2008 года.

15. Принять к сведению информацию о работе по формированию бюджета СА России на 2009 год. Проект бюджета принять за основу. Поручить президиуму правления СА России разработать принципиальную экономическую концепцию деятельности Союза, в рамках которой доработать бюджет 2009 года и представить его на утверждение II пленума правления СА России.

16. Поручить президиуму правления СА России подготовить предложения по размерам взносов в Союз архитекторов России и внести их на утверждение II пленума правления СА России.

17. Для уточнения размера задолженностей организаций СА России по членским взносам провести до 1 марта 2009 года бухгалтерскую сверку.

18. Поручить дирекции фестивалей «Зодчество» до конца 2008 года предложить девиз «Зодчество-2009» и дать предложения об участии организаций СА России в фестивале на льготных условиях.

19. Продолжить работу по поддержке имущественного комплекса СА России.

20. Обеспечить в течение первого полугодия 2009 года выдачу вице-президентам и председателям правлений (президентам) организаций СА России удостоверений специального образца.

21. Ускорить работу по регистрации изменений и дополнений в Устав СА России, принятые на VII съезде Союза.

Контроль за исполнением настоящего решения возложить на президиум правления СА России.

Принято единогласно.
Президент СА России
А.В. Боков
Ученый секретарь
А.В. Бородина

Президиум правления СА России

1. Анисифоров П.И.
2. Бавыкин А.Л.
3. Боков А.В.
4. Воскресенский И.Н.
5. Григорьева Е.И.
6. Гнедовский С.В.

7. Гнедовский Ю.П.
8. Качанов С.В.
9. Киселев С.Б.
10. Корякин Ю.М.
11. Логвинов В.Н.
12. Осипов В.А.
13. Попов В.В.
14. Скокан А.А.
15. Соколов С.А.
16. Солопов Г.Д.
17. Трухачев Ю.Н.
18. Холмецкий В.В.
19. Чурилов В.А.
20. Вице-президент – глава Ассоциации СРО

Коллегия советников правления СА России

1. Бакеев В.П.
2. Волчок Ю.П.
3. Вольфтруб Т.И.
4. Есаулов Г.В.
5. Ивакин А.П.
6. Кананин Р.Г.
7. Кобзарь О.Н.
8. Коробьина И.М.
9. Коротаев А.В.
10. Кубасов В.С.
11. Лежава И.Г.
12. Лейкина Д.К.
13. Маркина И.А.
14. Нелюбин Б.С.
15. Орлов Г.М.
16. Павлов Н.Л.
17. Панин А.Н.
18. Прокофьев Д.В.
19. Сабитов И.Н.
20. Сдобнов Ю.А.
21. Таранов А.И.
22. Фролов А.Е.
23. Шилова Н.Б.

ПОЛОЖЕНИЕ

о Коллегии советников правления Союза архитекторов России

I. Общие положения

1.1. Коллегия советников правления Союза архитекторов России (далее Союз) является постоянно дей-

ствующим совещательным органом и учреждается с целью активизации работы Союза, привлечения необходимого числа членов Союза к систематическому участию в деятельности его правления.

1.2. В состав Коллегии советников правления Союза входят члены Союза, обладающие опытом общественной работы и активно участвующие в деятельности Союза и его организаций.

1.3. Состав Коллегии советников Правления Союза и её численность определяются президиумом правления Союза в соответствии с задачами и утвержденным планом работ.

1.4. Положение о Коллегии советников правления Союза и изменения к нему утверждаются решением президиума правления Союза.

II. Права и обязанности советников правления Союза

2.1. Советник правления Союза участвует:
– в заседаниях правления Союза;
– в заседаниях президиума правления Союза;
– в заседаниях рабочих групп, сформированных при правлении Союза.

2.2. Советник правления Союза участвует в формировании и обсуждении решений, относящихся к деятельности Союза и региональной организации, в которой он состоит на учете.

2.3. Советник правления Союза сотрудничает с аппаратом президиума правления в организации подготовки и осуществления деятельности Союза.

2.4. Советник правления Союза руководствуется в своей работе Уставом Союза, может представлять по поручению президента, вице-президентов и правления Союза его интересы в государственных, общественных и иных организациях.

2.5. Советник правления Союза утверждается президиумом правления Союза сроком на 4 года. По истечении 4-летнего срока советник может быть утвержден на новый срок по рекомендации члена президиума правления Союза, сотрудничавшего с советником в предыдущий 4-летний период его деятельности.

III. Порядок формирования Коллегии советников правления Союза

3.1. Кандидатуры советников правления Союза предлагаются президентом Союза, членами президиума правления и организациями Союза.

3.2. Кандидатуры советников правления Союза рассматриваются на заседании президиума правления с участием кандидатов и утверждаются поименным открытым голосованием.

3.3. Члены президиума правления, рекомендуемые в качестве советников правления конкретных членов Союза, обеспечивают их активную систематическую работу по определенным направлениям деятельности.

3.4. Каждому советнику правления Союза выдается удостоверение установленного образца.

Фото Елена Григорьева

Совещание по саморегулированию в рамках пленума

XIII межрегиональный фестиваль архитектуры и дизайна «Золотая капитель» (26-29 января 2009 года, Новосибирск)

Фестиваль собрал архитекторов и дизайнеров в Новосибирске в тринадцатый раз. В масштабах Сибири «Золотая капитель» — одно из крупнейших архитектурных событий года. Впечатляет число поданных заявок — 166. Из них наибольшее число представлено городом — организатором фестиваля Новосибирском. Вторым по количеству заявок (34) стал Иркутск. Двухэтапное судейство из весьма компетентных дипломантов и лауреатов предыдущих фестивалей выявило индивидуальных и коллективных участников, награжденных в многочисленных номинациях. В общей сложности во всех номинациях из Новосибирска иркутяне привезли 20 наград. Это впечатляющий результат, свидетельствующий о потенциале творческих коллективов и бюро, о современности архитектурного мышления участников фестиваля.

Тринадцатая «ЗК» прошла в достаточно сложной для архитекторов и дизайнеров экономической ситуации. Но смысл этого мероприятия,

по словам А. Ложкина, во многом остается прежним: архитекторы, среди прочих работ, хотя бы показать проекты, которые никогда не будут реализованы, многие из них останутся на бумаге. Однако большая часть из показанного на смотре-конкурсе фестиваля все-таки либо уже строится, либо планируется к строительству. Для участников создается возможность предложить свои работы и идеи на архитектурном рынке. Сегодня девелоперы посещают выставку не только в поисках проектировщиков, способных реализовать их идеи; они ищут идеи, способные заинтересовать застройщиков. А «внутриархитектурный» смысл фестиваля — проведение своеобразного «открытого чемпионата Сибири» по архитектуре.

За прошедшие с момента возникновения «ЗК» годы произошла своеобразная эволюция внутри фестиваля. В конце 90-х в конкурсной программе преобладали дизайнерские проекты: номинации «общественные и жилые интерьеры», «ландшафтный дизайн» и «дизайн

городской среды» были представлены достаточно полно. Постепенно количество дизайнерских работ становилось меньше, год за годом архитектура начала вытеснять дизайн. И в программе «ЗК-2009» конкурсных дизайнерских работ очень мало, преобладает архитектура. Зато стало появляться много работ по градостроительству, где обнаружилось свежее, интересные разработки. Это вселяет надежду на позитивные изменения в архитектурном облике городов.

В то же время следует отчетливо осознавать, что никакой фестиваль сам по себе архитектуру изменить не сможет. Но он помогает выделить такие образцы, тенденции и идеи, в которых воплотится будущая архитектура. Участники и организаторы солидарны в том, что средний уровень фестиваля становится выше год от года. Это не значит, что к участию представляются «серые» работы: их профессиональный уровень высок, а главное — именно массив профессионально сделанных про-

ектов определяет реальный уровень архитектуры, своим существованием создавая такую систему требований, с которой уже нельзя не считаться администрации города и застройщикам.

По мнению жюри, заявки из разных городов были ориентированы на разные приоритетные модели архитектуры. Члены жюри отмечали, что «иркутская коллекция» отмечена нестандартными архитектурными идеями, представляя достаточно самобытную и — одновременно — современную школу.

Свидетельством тому стала высшая награда конкурса — премия «Золотая капитель» за работу «Жилые блок-секции в 32-м микрорайоне г. Ангарска (номинация «Жилые многоэтажные здания» в разделе «Проекты». Авторы О.Б. Бадула, К.В. Зимина, Ф.Р. Бадула, Ю.П. Петрук). Впечатляющим выглядит и результат участия в номинации «Лучшее архитектурное бюро года»: им признано иркутское ООО «Архитектурно-строительная фирма «АСС» (А.Н. Юшков, Л.А. Копейкина). Дипломами

Гостиница «Marriott» в Иркутске. Авторы: О. Бадула, К. Зимина, Ю. Петрук, И. Миносьяна

награждены еще 7 иркутских архитектурных бюро, что показывает определенную закономерность в деятельности архитектурных объединений.

Не случайным выглядит и успех молодых иркутских архитекторов: «Золотого диплома» в номинации «Архмолодежь» удостоена постройка «Интеграция с природой» (С.Е. Бегеца, Е. Низамутдинова, С. Карбан, Ю. Балукова, С. Заславский, А. Потапова, В. Богданов). Она же отмечена дипломом куратора фестиваля Т. Иваненко с формулировкой «за безупречную идею, реализацию и подачу».

Диплома конкурса в разделе «Постройки» (номинация «Здания общественного назначения») и диплома куратора с формулировкой «за корректность и элегантность» удостоен административно-торговый центр в условиях исторической застройки (авторы Н.Л. Жуковский, О.В. Нючева, И.Ю. Буторин, В.В. Тяжев).

Отдельного упоминания заслуживает научная и педагогическая деятельность иркутских архитекторов. Высшей награды в области научной деятельности – премии им. А.Д. Крячкова – удостоена серия монографий профессора ИргТУ

М.Г. Мееровича «Рождение соцгорода», «Рождение и смерть города-сада», «Рождение и смерть жилищной кооперации». А.В. Ашихмин удостоен высшей награды в области педагогической деятельности – премии им. Е.А. Ащепкова – за учебные пособия «Иркутск – XX век (40-60-е гг.)» и «Деревянное зодчество Иркутска».

Сейчас складывается ситуация, когда рынок продавца, у которого, как горячие пирожки, расхватывали все предлагаемое, исчезает или исчез. Наиболее конкурентоспособным становится не любая, но лишь качественная недвижимость. Качество архитектуры растет на фоне интернационализации архитектуры, когда города теряют свое лицо. Ответами на вызовы времени могут стать только серьезные предложения архитектора-профессионала, преодолевшего границы узко-регионального мышления, умеющего генерировать идеи на мировом уровне.

Полтора десятка лет были успешны архитекторы, складывающие квадратные метры, как кубики. «Золотая капитель» показывает, что есть и другие архитекторы. Прочитую А.Ложкина: «Если мы здесь сможем нала-

дывать сотрудничество архитекторов и заказчиков – так, как это удалось обладателям ГРАН-ПРИ «Золотой капитель», спроектировавшим бизнес-центр «Гринвич», – если такое сотрудничество будет, мы получим совсем другое качество архитектуры».

Иркутские архитекторы, награжденные на XIII фестивале «Золотая капитель» – Бадула О.Б., Зимина К.В., Бадула Ф.Р., Петрук Ю.П.

«Жилые блок-секции в 32-м микрорайоне г. Ангарска». Премия «Золотая капитель» / Раздел «Проекты» / Номинация «Жилые многоэтажные здания».

– Юшков А.Н., Копейкина Л.А. ООО Архитектурно-строительная фирма «АСС». Лучшее архитектурное бюро 2008 ГОДА / Номинация «Архитектурное бюро».

– Меерович М.Г. Серия монографий: «Рождение соцгорода», «Рождение и смерть города-сада», «Рождение и

Реконструкция здания диспетчерского пункта Иркутского аэропорта. Автор А. Михайлик

Торгово-развлекательный центр «Пионер» в Братске. Автор А. Михайлик

Жилой дом в 1-м поселке Иркутской ГЭС.
Автор И. Дружинина

Благоустройство территории жилого дома в г. Иркутске.
Автор И. Дружинина

смерть жилищной кооперации». Диплом премии им. Крячкова / Раздел «Научная деятельность» / Номинация «Книги».

– Ашихмин А.В. Учебные пособия: «Деревянное зодчество Иркутска», «Иркутск – XX век (40-60-е гг.)». Диплом премии им. Ащепкова / Раздел «Педагогическая деятельность» / Номинация «Авторские учебные программы, учебные пособия, учебники».

– Бегеца С.Е., Низамутдинова Е., Карбан С., Балукова Ю., Заславский С., Потапова А., Богданов В. Интеграция с природой. Золотой диплом / Раздел «Архмолодежь» / Номинация «Постройки».

– Жуковский Н.Л., Нючева О.В., Буторин И.Ю., Тяжев В.В. «Административно-торговый центр в условиях исторической застройки». Авторы: Н. Жуковский, О. Нючева, И. Буторин, В. Тяжев

Административно-торговый центр в условиях исторической застройки.
Авторы: Н. Жуковский, О. Нючева, И. Буторин, В. Тяжев

«Корректность и элегантность» / Раздел «Здания общественного назначения» / Номинация «Постройки».

– Бегеца С.Е., Низамутдинова Е., Карбан С., Балукова Ю., Заславский С., Потапова А., Богданов В. «Интеграция с природой». Кураторский диплом за «безупречную идею, реализацию и подачу» / Раздел «Архмолодежь» / Номинация «Постройки».

– Григорьев М.С., Ананьев Д.С. «Административное здание по ул. Горной в г. Иркутске» Диплом конкурса / Раздел «Здания общественного назначения» / Номинация «Проекты».

– ООО ТПО «Иркутскархпроект»; директор Урлапова Г.В. Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Третьяков Е.А., Сивушкова И.Е., Русецкая А.Е., Петухов А.В., Григорьев Н.А.

Архитектурное бюро «АРТ-Консалт». Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Папанян К.А., Пожидаев А.А. (директор). ООО АПМ «Образ города». Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Шемазашвили К.Д. (ген. директор), Сероштан С.В., Беспалко М.И., Казанцева А.К., Давыдов И.В. ЗАО «ДИАС». Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Солнышков В.В. (руководитель), Алексеев С.Г., Жиженко Е.Г., Смольков С.А. ИП «Солнышков В.В.». Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Юшков А.Н., Копейкина Л.А., Грудина С.А., Гладкова А.Ю. «Административное здание по ул. Байкальской в г. Иркутске». Диплом конкурса / Раздел «Постройки» / Номинация «Здания общественного назначения».

– Ильин Д.В., Власенко Н.В. «Супермаркет автомобилей по ул. Кедровой в г. Иркутске». Диплом конкурса / Раздел «Проекты» / Номинация «Здания общественного назначения».

– Папанян А.А. (руководитель), Селиванов Р.А., Щербанова В.Ф., Хадеев М.Б., Жеренова Н.Ф., Саломатина Т.В. ООО ПТАМ «Парк». Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Чумаков С.А., Никифоров В.С. «Жилые дома со встроенно-пристроенными нежилыми помещениями и подземной автостоянкой в г. Иркутске».

Диплом конкурса / Раздел

«Проекты» / Номинация «Жилые многоэтажные здания».

– Бадула О.Б., Зимица К.В., Петрук Ю.П., Миносьян И. «Гостиница «Marriott» в г. Иркутске». Диплом конкурса / Раздел «Проекты» / Номинация «Здания общественного назначения».

– Михайлик А.В. «Реконструкция здания диспетчерского пункта иркутского аэропорта»; «Торгово-развлекательный центр «Пионер» в г. Братске». Дипломы конкурса / Раздел «Архмолодежь» / Номинация «Проекты».

– Зимин Р.В., Зимица А.С. ООО «Строй-Проект». Диплом конкурса / Раздел «Архитектурное бюро».

– Жуковский Н.Л., Нючева О.В., Буторин И.Ю., Тяжев В.В. «Административно-торговый центр в условиях исторической застройки». Диплом конкурса / Раздел «Постройки» / Номинация «Здания общественного назначения».

– Жуковский Н.Л. «База отдыха в поселке Никола, озеро Байкал». Диплом конкурса / Раздел «Постройки» / Номинация «Комплексы зданий и сооружений».

– Дружинина И.Е. «Благоустройство территории жилого дома в г. Иркутске». Диплом поощрительный / Раздел «Постройки» / «Ландшафтная архитектура»; «Благоустройство территории жилого дома в г. Иркутске». Диплом / Раздел «Постройки» / «Жилой дом в 1-м поселке Иркутской ГЭС».

Марина Ткачева

Конкурс архитектурных проектов «Ордер воплощения»

Ежегодный конкурс архитектурных проектов «Ордер воплощения» проходил 21-23 января 2009 года в Красноярске. Его проводила выставочная компания «Красноярская ярмарка» совместно с Красноярской региональной организацией общественной организации «Союз архитекторов России» в рамках 17-й специализированной выставки «Строительство и архитектура». Для архитекторов Красноярска «Ордер воплощения» – это подведение итогов работы за год, наглядное свидетельство того, что в изменении облика города архитекторы принимают действительное участие. Организаторы конкурса подчеркивали, что это – во многом заслуга молодых архитекторов. Общественное признание и поощрение наиболее прогрессивных талантливых архитекторов и студентов стало целью конкурса. Конкурс проводился в шести номинациях:

- градостроительство: территориальное планиро-

- вание, генпланы населенных пунктов, жилые районы, микрорайоны;
- архитектура жилых зданий;
- архитектура общественных зданий;
- ландшафтная архитектура;
- дизайн и интерьер жилых и общественных зданий;
- детское архитектурное творчество.

Победителями стали:

- в номинации «Градостроительство» за проект «Торгово-офисный комплекс по ул. Шахтеров в г. Красноярске» – С. Бальцер;
- в номинации «Дизайн интерьеров жилых и общественных зданий» за интерьер «Буйство НЭПа» в ресторане-клубе «Золотая подкова» – архбюро «Массив А» (директор Ю. Мыльников, гл. архитектор И. Крылова);
- в номинации «Архитектура общественных зданий» с проектами «Детские ясли-сад на 290 мест с бассейном» на ст. Саянская и адми-

нистративное здание ФГУ «Земельная кадастровая палата» по Красноярскому краю – институт Красноярскжелдорпроект. Дипломами за участие в выставке были отмечены ГИП Л.А. Скурихина и архитекторы В.В. Медиевский, О.М. Власенко, М.В. Чернышова, Б.А. Стус, непосредственно принимавшие участие в разработке этих проектов.

Студенты участвовали в конкурсе наряду с профессиональными архитекторами, но в отдельной категории. 37 работ было опубликовано в официальном каталоге выставки конкурса, многие из них при определённой доработке вполне могут быть взяты на реализацию.

- 1-е место – «Протестантская церковь» – Анна Вербицкая, V курс, руководители Е.Р. Ахметова и О.В. Киселева (кафедра градостроительства).

- 2-е место – проект «Гараж-стоянка на 300 автомобилей» – Анна Колобова, III курс, руководители проф. Г.П. Лашук, А.В. Слабуха, ас.

- Н. Дядечкин (кафедра градостроительства).

- 3-е место – «Детская игровая площадка для детей с ограниченными возможностями» – Светлана Сидоренко, II курс, руководители – доц. М.Е. Меркулова, ст. преп. Т.Ю. Дубенкова (кафедра основ архитектурного проектирования).

По традиции конкурс завершился архитектурным нон-стопом. Для участников (среди которых наиболее активными были А. Пилипенко, Е. Зыков, О. Смирнова) и слушателей (в большинстве это были студенты-архитекторы) такая форма «заглядывания в архитектурную кухню» и обсуждения промежуточных вариантов приносит иногда больше пользы, чем рефлексия над готовыми проектами.

По материалам красноярских сайтов
Марина Ткачева

Корреспондент Красноярской ярмарки берет интервью у Евгения Зыкова

Нон-стоп. Выступление Ольги Смирновой

Выступление Евгения Зыкова

Выступление Артура Пилипенко

XXIV Конгресс МСА «Токио-2011»

INTERNATIONAL UNION OF ARCHITECTS

Следующий Всемирный конгресс Международного союза архитекторов будет проходить с 25 по 29 сентября 2011 года в Японии, в Токио, на Токийском международном форуме. Генеральная ассамблея МСА будет проводиться с 29 сентября по 1 октября 2011 года. Япония и, в частности, город Токио, являясь Меккой для современной архитектуры, встретят своих гостей яркой и динамичной архитектурной средой.

Конгресс «Токио-2011» послужит важной вехой в процессе обмена, развития и распространения концепций архитектурного будущего, направленных на 2050 год и далее.

Главная тема этого конгресса – «Дизайн-2050» – будет рассматриваться с трех позиций: окружающая среда, жизнь и выживание.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: наша планета, устойчивая архитектура, стихийные бедствия, вода,

сельское хозяйство, космическая среда.

ЖИЗНЬ: демографические проблемы, стареющее общество, инфекционные заболевания, искусственная жизнь, биологическое разнообразие.

ВЫЖИВАНИЕ: наше общество с развитыми информационными технологиями, проблемы города, экономика, транспорт, образование, историческое наследие.

Председатель XXIV Конгресса МСА – Йошиаки

Огура. Председатель Консультативного комитета конгресса – Фумихико Маки.

Фумихико Маки был награжден Золотой медалью МСА в 1993 году. Еще одним японским архитектором, получившим эту награду в 2005 году, был Тадао Андо.

Дополнительная информация: www.uia-architectes.org.

Конкурс на медали и дипломы Российской академии архитектуры и строительных наук за 2008 год

22 января 2009 года (постановление № 1) президиум Российской академии архитектуры и строительных наук в соответствии с рекомендациями научно-отраслевых отделений и по результатам обсуждения присудил следующие награды за лучшие научные и творческие работы в области архитектуры, градостроительства и строительных наук за 2008 год.

Медали и дипломы Академии присуждаются на конкурсной основе архитекторам, градостроителям, ученым архитектурно-градостроительных и строительных специальностей – гражданам Российской Федерации за лучшие проекты, по которым строительство осуществлено (для архитектурных проектов) или осуществляется (для градостроительных проектов), за научно-исследовательские и проектно-конструкторские разработки, в результате которых получен значительный экономический и социальный эффект, опубликованные научные труды, монографии и учебники. На конкурс могут представляться построенные объекты или опубликованные научные работы в течение последних 5 лет. Построенные объекты должны иметь срок эксплуатации не менее 1 года.

Устанавливаются следующие награды за лучшие работы:

Медали Академии (6 медалей)

В области архитектуры – 1 медаль за лучший архитектурный проект, осуществленный в строительстве
– 1 медаль за лучшую опубликованную работу в области архитектурной науки

В области градостроительства

– 1 медаль за лучшую работу в области градостроительной науки

– 1 медаль за лучшую проектную работу в области градостроительства, реализованную или принятую к реализации

В области строительных наук

– 1 медаль за лучшую опубликованную работу в области строительных наук

– 1 медаль за лучший инженерный проект

3 специальных диплома за лучшие учебники (учебные пособия) по архитектуре, градостроительству и строительным дисциплинам (по 1 диплому в каждом разделе)

Дипломы Академии

Устанавливается 12 дипломов РААСН, присуждаемых лучшим научным и творческим работам в области архитектуры, градостроительства и строительных наук независимо от номинации (научные труды или постройки).

Президиум оставляет за собой право в случаях, когда на конкурс представлена работа, имеющая выдающиеся профессиональные качества, новизну и актуальность, в том числе имеющая комплексный

междисциплинарный характер, присуждать Большую медаль Академии вместо одной из медалей РААСН, установленных Положением. Большая медаль РААСН одному и тому же лицу присуждается только один раз.

ИТОГИ КОНКУРСА

В области архитектуры

МЕДАЛИ РААСН

Застройка пешеходной улицы (дублер Невского проспекта). В 130-м квартале Центрального района Санкт-Петербурга.

Архитекторы: Мамошин М.А., Богатырева А.Х., Юдин А.А., Чистяков К.С., Федченко А.П., инж. Петров И.В. (Санкт-Петербург)

Монография «Русская усадьба Серебряного века».

Автор – Нащокина М.В. (Москва)

ДИПЛОМЫ РААСН

Московский театр «Мастерская Фоменко».

Архитекторы: Гнедовский С.В., Гаврилова М.М., скульптор Красулин А.Н., инж. Гнедовский С.Ю. (Москва)

Благоустройство парка усадьбы «Царицыно» для

Государственного музея-заповедника

Архитектор – Посохин М.М. и коллектив Моспроект-2 (с уточнением авторов разделов благоустройства и археологии)

Книга «Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века»
Автор – Бондаренко И.А. (Москва)

Книга «Диалог искусств XX века»
Автор – Азизян И.А. (Москва)

Учебник «Архитектурное конструирование»
Автор – Пономарев В.А. (Екатеринбург)

В области градостроительства

МЕДАЛИ РААСН
Внедрение комплекса научно-методических разработок по градозооэкологическому обоснованию генеральных планов в реальное проектирование (на примере г. Саратова и г. Саранска)

Авторы: Краснощекова Н.С., Вирич В.Г., Еремин В.Н., Кирюшина Н.К., Соколова О.Г., Туркадзе Т.Г. (Москва, Саратов)

IX Международный архитектурный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2009»

Министерство культуры Иркутской области, Иркутская региональная организация Союза архитекторов России, Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук проводят фестиваль «Зодчество Восточной-Сибири 2009». Фестиваль проводится с 2 по 5 июня 2009 года в г. Иркутске в порядке подготовки к Международному фестивалю «Зодчество 2009».

Место проведения:

г. Иркутск, Художественный музей (ул. Ленина. 5) и Дом архитектора (переулок Черемховский 1а).

В программе фестиваля:

- смотр конкурс лучших архитектурных произведений 2007-2009 годов (разделы: «Постройки», «Проекты», «Пропаганда архитектуры»);
- смотр-конкурс творчества молодых архитекторов и студентов Восточной Сибири за 2007-2009 годы;
- смотр-конкурс детского архитектурно-художественного творчества;
- дискуссия по материалам смотров-конкурсов и проблемам архитектуры и градостроительства в Восточной Сибири.

К участию в смотрах-конкурсах фестиваля приглашаются архитекторы, проектные организации, архитектурные фирмы, учебные архитектурные заведения, архитектурно-художественные школы Восточной Сибири.

Лауреаты смотров-конкурсов награждаются дипломами и ценными призами.

Количество наград устанавливается жюри в пределах премиального фонда.

Премиальный фонд формируется из взносов учредителей фестиваля и других взносов.

Учредители и спонсоры фестиваля имеют право присуждения собственных наград.

С положениями о смотрах-конкурсах, заявками и другими документами можно ознакомиться на сайте www.igo-sar.ru

По всем вопросам организации и проведения смотров-конкурсов обращаться по адресу:

664025, г. Иркутск
Переулок Черемховский 1а
Тел\факс: (3952)33-28-40
Тел\факс: (3952)33-28-39
E-mail: boai@inbox.ru

График проведения фестиваля:

Заявки на участие во всех смотрах-конкурсах принимаются до 22 мая. Предоставление работ до 29 мая 2009 года; с 30 по 1 мая 2009 года – монтаж выставок.

Председатель оргкомитета:

Чумаков С.А., тел.: (3952) 33-39-66, chumakov@ipsp.ru.

Монографии: «Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг.», «Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг.» (Иркутск, 2008)

Автор – Меерович М.Г. (Иркутск)

ДИПЛОМЫ РААСН

Цикл работ по основам теории градостроительства (монография и 4 пособия):

Основы теории планировки и застройки городов» (М.: Архитектура-С, 2007), «Архитектурно-планировочное развитие городов» (М.: Архитектура-С, 2005), «Основы теории градостроительства и районной планировки» (М., 2004), «Атлас архитектурных проектов планировки городов» (М.: Архитектура-С, 2007), «Часовни в архитектурно-планировочной среде города» IM.: Архитектура-С, 2006)

Авторы: Косицкий Я.В., Благовидова Н.Г. (Москва)

«Рекомендации по модернизации транспортной системы городов» (Москва, 2008)

Авторы: Бочаров Ю.П., Агасьянц А.А., Азаренкова З.В., Семенова О.С., Пышкин Н. С. (Москва)

Цикл научных публикаций (5 книг) по проблематике «Территориальные основы градостроительства»: «URBI et ORBI: Пятое измерение города» (издание I-е и 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2006 и 2007); «Глоссарий: градостроительные меры по предотвращению чрезвычайных ситуаций как ситуаций риска (RS)» (М.: ЛЕНАНД, 2007); «Территориальные основы градостроительства» М., 2007; «Градостроительные и архитектурные традиции Руси – России. Новации XXI века» (Учебное пособие. М., 2008)

Авторы: Лазарева И.В., Лазарев В.В. (Москва)

Комплексная схема развития и размещения гаражей и стоянок автотранспортных средств в Нижнем Новгороде

Авторы: Парфенов В.М., Лотштейн Ю.Н., Рудакова КТ., Кессель К.А., Демидов Е.С.,

Головкова Н.С. (Нижний Новгород)

В области строительных наук

МЕДАЛИ РААСН Монография

«Автоматизированные системы теплофикации, теплоснабжения и отопления»

Авторы: Чистович С.А., Харитонов В.Б. (Санкт-Петербург)

Цикл работ и изданные на их основе книги в период 2006–2008 гг., направленные на обеспечение надежности и безопасности объектов жизнедеятельности населения в Дальневосточном регионе России

Авторы: Аббасов П.А. (рук.), Беккер А.Т., Абрамов В.Е., Кugno В.С., Петрашень А.С., Русанова Т.Ю. (Владивосток).

ДИПЛОМЫ РААСН

Монография «Аэродинамика и теплообмен при взаимодействии потоков и струй со зданиями» и справочное пособие «Строительная климатология».

Автор – Савин В.К. (Москва)

Монография «Теория деформирования прочности материалов, чувствительных к виду напряженного состояния. Определяющие соотношения».

Автор – Трещев А.А. (Тула)

Монография «Математические методы в строительной механике».

Авторы: Золотов А.Б., Акимов П.А., Сидоров В.Н., Мозгалева М.Л. (Москва)

Учебник «Строительные конструкции».

Авторы: Чирков В.П., Павлов Ю.А., Федоров В.С., Швидко Я.И., Евстифеев В.И., Шавыкина М.В. (Москва)

Учебные пособия «Фундаменты» и «Экологичные подпорные и шумозащитные стены».

Автор: Тетиор А.А. (Москва).

По материалам сайта
www.raasn.ru

БРЕНД БРАТСКА РАЗРАБАТЫВАЕТСЯ С СИБИРСКИМ РАЗМАХОМ

В Братске с 27 по 29 ноября 2008 года состоялся 4-й ежегодный фестиваль рекламы «FREШЬ»

Небольшая справка:

По уровню благоустройства Братск ежегодно занимает призовые места в масштабе страны и области. В этом году город стал победителем во Всероссийском конкурсе как самый благоустроенный город России и награждён 60 млн рублей, которые пока планируется также потратить на благоустройство территорий города Братска.

Комитетом по градостроительству и архитектуре администрации г. Братска при участии Братской организации Союза архитекторов России с 2005 года проводится ежегодный городской фестиваль рекламы, архитектуры и дизайна FREШЬ.

«Что общего между алкоголем и дизайном?» – «Способность изменить мир». С таким, почти ироничным настроением началось наше, архитекторов, партнёрство с рекламистами города.

Сначала фестивальная площадка использовалась для отслеживания тенденций в архитектуре, возможности профессионального общения и просветительской деятельности, как оказалось, для достаточно большой и разнообразной аудитории молодежи, студентов, преподавателей – ежегодно до 100 слушателей. Со временем FREШЬ стал трибуной регулярного обновления новых материалов Союза

архитекторов России, Российской академии архитектуры и строительных наук, конгрессов Международного союза архитекторов, фестивалей всех уровней. Состоялись общественные обсуждения нового генплана города, программы перспективного развития застройки. В традициях околывыставочных мероприятий по актуальным городским проблемам проводились тематические круглые столы, семинары, творческие встречи с гостями фестиваля, экскурсии. Реальные достижения в номинации «Архитектура» выявлялись по представленной архитекторами города экспозиции. Традиционно по её оценке осуществлялся приём в Союз архитекторов.

На FREШЬ-2008 было представлено более ста работ, организованы несколько выставок, мастер-классы и трехдневный обучающий семинар с практиками из Москвы.

В секции «Архитектура» заслушивались доклады о самых заметных архитектурных событиях: Всемирном конгрессе архитекторов в Турине в 2008 году, VII съезде Союза архитекторов России. По представлению главного архитектора города А. Белькова состоялось обсуждение нового генплана Братска, перспектив его поэтапного развития. Состав участников круглых столов – около 100 человек, включая архитекторов, студентов и преподавателей, представителей различных СМИ города.

Сквозной стала непривычная для рекламных фестивалей задача – найти комплексные решения для изменения облика сибирских городов. Работа велась сразу по нескольким направлениям: архитектура, наружная реклама, брендинг городов и регионов, коммуникационные программы для горожан, организация специальных мероприятий, новые решения для телевидения и радио.

Как сказал председатель оргкомитета фестиваля и его идейный вдохновитель – главный художник Братска Николай Самсонов, «облик города складывается не только из того, что люди видят, но, в первую очередь, из того, что они думают о своем городе. У Сибири огромный потенциал развития во всех отношениях. И хотя такие понятия, как «брендинг территорий», мы только осваиваем, энергия и энтузиазм помогут добиться впечатляющих результатов, тем более при поддержке мэрии и генерального спонсора – компании «Байкалвестком».

Участники семинаров по брендингу и рекламе пытались описать будущее Братска в словах, образах и даже песнях. Так разносторонне решалась задача разработки концепции по созданию и продвижению бренда Братска как города, привлекательного для инвестиций и всестороннего

развития. Уровень эмоций и энтузиазма во время презентаций заставлял вспомнить о комсомольском задоре строителей Братской ГЭС.

Член жюри, генеральный директор агентства EnterMedia Владимир Вайнер (Москва) считает, что фестиваль FREШЬ «обладает уникальной отличительной особенностью. Он формирует представление о рекламе как градообразующем факторе, тесно связанном с решениями в области дизайна городской среды, архитектуры, решениями в социальной сфере. Многие региональные фестивали могут позавидовать этому комплексному подходу».

Член жюри, заслуженный архитектор России Виктор Ахраханцев: «Драматургия нашего фестиваля со временем обозначилась как имиджевая составляющая города и фирм-участников мероприятия. Координация их деятельности позволит избежать дизайнерской синхронизации архитектуры, которой так подвержены наши города. Цель – оживить, очеловечить среду, примирить усилия всех направлений творческой деятельности в деле обустройства социальных пространств».

Результатом практических занятий стало создание инициативной группы в 15 человек для дальнейшей работы. По словам члена жюри Валерии Вовченко, нью-бизнес директора сетевого немецкого brand-services агентства AVANTGARDE (Москва), «фестиваль не должен заканчиваться только фанфарами. Здоровые концепты нужно дорабатывать и реализовывать. Investor Relations – одно из направлений деятельности AVANTGARDE, после виртуальной практики в агентстве, членов группы ждет стажировка в Москве и работа на исключительно интересном проекте».

Член жюри Дмитрий Галаджий, генеральный

директор «Oriental Group» (Москва): «Весь потенциал города был задействован. За время всего фестиваля не случилось ни одного срыва, ни одной накладки. А мне как специалисту в области проведения массовых мероприятий хорошо известно, какой ценой даются такие результаты!»

Церемония закрытия фестиваля началась с награждения победителей.

Гран-при фестиваля получила группа «РГА-Дизайн» за медиа-концепт «Хорошоу» (утреннее шоу на радио «Голос Ангары» и разработанный для продвижения программы «Хороший черный утренний чай»). Затем участников ждали показы в режиме нон-стоп роликов-победителей Международного фестиваля Clio Awards, Лондонского и других международных

фестивалей рекламы, а также премьеры фильма «20 сигарет».

«По качеству организации, увлеченности участников фестиваля, профессиональному уровню их работ, а также содержанию образовательной программы фестиваль в Братске составляет достойную конкуренцию многим именитым фестивалям, проходящим в Москве, Санкт-Петербурге,

Новосибирске» – это мнение председателя жюри Сергея Горлова, вице-президента Российского отделения IAA, возглавляющего Международный институт рекламы.

Информация подготовлена Викторией Астраханцевой и Николаем Самсоновым с использованием материалов федерального сайта sostav.ru

Саморегулирование

Принятие закона о саморегулируемых организациях (СРО) положило начало процессу перехода регулирующих функций от государства к профессиональным сообществам. Энергично развивается некоммерческое партнерство строителей Байкальского региона. На конец января 2009 года оно насчитывало более 106 организаций, что уже превысило необходимый показатель для перерегистрации НП в саморегулируемую организацию строителей (СРО). Как сообщил председатель правления некоммерческого партнерства строителей Байкальского региона Сергей Брилка, исполнительная дирекция НП ведет работу еще с 200 юридическими лицами – строительными организациями Иркутской области, а вскоре будет предложено объединиться строителям Бурятии и Забайкальского края.

Приходит новый регулятор строительного рынка на смену государственным рычагам и в строительном проектировании. Инициаторы создания СРО уверены, что она может гарантировать качество конечного продукта. Региональное некоммерческое партнерство (НП) создается на базе проектных организаций четырех регионов: Иркутской области, Республики Бурятия, Забайкальского края, Республики Тыва. Это продиктовано необходимостью: НП не может позволить себе сотрудничать с компаниями, пренебрегающими профессиональными требованиями ради сиюминутной прибыли, в то же время в каждом из четырех регионов по отдельности не набирается достаточного количества проектных компаний, которые бы стабильно обеспечивали высокое качество проектной документации. По мнению инициаторов движения за создание СРО, их распространение – свидетельство зрелости профессионального сообщества, создающего слаженный, отработанный механизм, гарантирующий контроль за качеством конечного продукта – строительных проектов.

В связи с вступлением в силу федерального закона «О саморегулируемых организациях», а также принятых в целях исполнения названного закона поправок в Градостроительный кодекс Российской Федерации, 8 октября 2008 года под эгидой Общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России» в Иркутске состоялось учредительное собрание некоммерческого партнерства «Байкальское общество архитекторов и инженеров» (НП «БОАиИ»), по итогам которого принято решение о создании партнерства с целью приобретения последним статуса саморегулируемой организации в сфере архитектурно-строительного проектирования. На момент подачи на регистрацию учредительных документов в Управление министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области в качестве соучредителей будущей саморегулируемой организации выступило 68 юридических лиц и 14 индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою профес-

сиональную деятельность на территории Иркутской области, республик Бурятия, Тыва, Забайкальского края. 2 декабря 2008 года завершился этап государственной регистрации НП «БОАиИ» в качестве юридического лица.

В декабре 2008 года под началом Союза архитекторов России состоялось учредительное собрание ассоциации некоммерческих партнерств в сфере архитектурно-строительного проектирования в Москве, где НП «БОАиИ» выступило одним из соучредителей. Между тем срок начала полноценной работы НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» в качестве саморегулируемой организации в сфере архитектурно-строительного проектирования связан с приобретением статуса СРО в Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору, как государственного органа, осуществляющего государственный контроль (надзор) за деятельностью саморегулируемых организаций согласно Постановлению Правительства РФ от 19

ноября 2008 года N 864 «О мерах по реализации федерального закона от 22 июля 2008 г. N 148-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

По информации, полученной от руководителя Иркутского межрегионального управления Ростехнадзора В.С. Варлыгина в письменном ответе от 14 января 2009 года на запрос НП «БОАиИ» о регистрации в качестве СРО, – на настоящее время отсутствует сформированный механизм приема документов и регистрации СРО в органах Ростехнадзора на местах, в связи с чем прием документов некоммерческих партнерств, претендующих на получение статуса саморегулируемых организаций будет осуществляться непосредственно в Федеральной службе Ростехнадзора в Москве.

По итогам проведения общего собрания Всероссийской ассоциации саморегулируемых организаций (АССО-САР) с участием

представителей НП «БОАиИ», состоявшегося 10 февраля 2009 года, в том числе в связи с обстоятельствами, указанными выше, было решено сформировать и предоставить пакет документов на приобретение НП «БОАиИ» статуса СРО одновременно с подачей документов от трех некоммерческих партнерств в составе АССО-САР после завершения «пробной» регистрации в качестве СРО московского некоммерческого партнерства, результаты которой ожидаются в начале марта 2009 года. Прогнозируемый срок подачи документов НП «БОАиИ» на регистрацию – конец марта 2009 года.

В настоящее время НП «БОАиИ» открыто для принятия в свой состав новых членов, необходимые для заполнения документы можно получить по адресу места нахождения органов управления НП «БОАиИ»: г. Иркутск, Черемховский переулок, 1а, оф. 2.

Президент коллегии НП «БОАиИ» В.Б. Стегайло
Исполнительный директор НП «БОАиИ» Д.В. Бросов

Адрес: г. Иркутск, пер. Черемховский, 1а, оф. 2.
Тел./факс 20-37-67
e-mail: boai@inbox.ru
сот. тел. исп. директора НП «БОАиИ» 678-334

«Зимник» открылся

9 февраля в Иркутске состоялось торжественное открытие 10-й юбилейной сессии Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета. В конференц-зале ИрГТУ собралось немало замечательных людей, представителей разных стран, множества университетов и организаций. Приветствие в адрес участников «Зимника» – а именно такое название прижилось у иркутян для этого события – прозвучало и от администрации нашего города, который уже в 10-й раз открывает свои объятия для участников. Помимо простоты произношения, слово «Зимник» заключает в себе еще и некую метафору: как зимняя дорога, соединяющая людей, живущих в разных местах земного шара, но преследующих одну цель – сделать мир или среду нашего обитания более комфортной, красивой, живой и интересной. В этом году тема для работы в командах – «Культура уличного пространства».

Немного об истории. Международный Байкальский Зимний градостроительный

университет был основан в 1999 году по инициативе администрации города Иркутским государственным техническим университетом и при участии проектных институтов и общественных организаций. Принцип проведения сессий МБЗГУ основывается на опыте Летних мастерских Европейского университета градостроительства (г. Сержи-Понтуа, Франция), где была создана собственная оригинальная методика и стратегия проведения летних сессий, апробированных в течение 25 лет в разных странах мира, которая состоит в создании конкурсных программ и реализации их в работе проектных групп, сформированных из молодых специалистов различной профессиональной подготовки, представителей разных стран и культур.

По словам Николая Степановича Хиценко, вице-мэра г. Иркутска, президента МБЗГУ, «программа является оригинальной моделью подготовки молодых специалистов различных специальностей, связанных с градостроительством, и позволяет развивать у них

качественно новый уровень концептуального мышления, обмена информацией, овладение аналитическими и проектными подходами в условиях международного междисциплинарного партнёрства в работе с динамично развивающимися градостроительными системами городов Сибири».

На открытии «Зимника» прозвучало много официальных речей, а во время неформального общения участников было много эмоциональных, неожиданных высказываний. Из первых впечатлений гостей: «...Меня больше всего поразило то, с какой скоростью движутся машины в городе и за его пределами, 150 км/ч – это ужасно, но захватывающе!» (Ерван (Erwane Laenuw) из Франции); «...Мы прилетели рано утром, и первое, что мы увидели, – это сверкающий снег. Когда ехали по городу, было ощущение, что мы перенеслись на машине времени на век назад в эпоху поэтов и декабристов, балов и дуэлей. Это удивительно, как сохранился образ и дух того времени в вашем городе! И в сиянии луны так хотелось увидеть тройку лошадей, несущихся куда-то...» (Алин (A-line Raad), Ливан); «...Нас поразили контраст между таким холодным и жестким климатом Сибири и горячим, заводным и добродушным характером

сибиряков!» (Гразиелла Лоренти, из университета ESSEC, Франция).

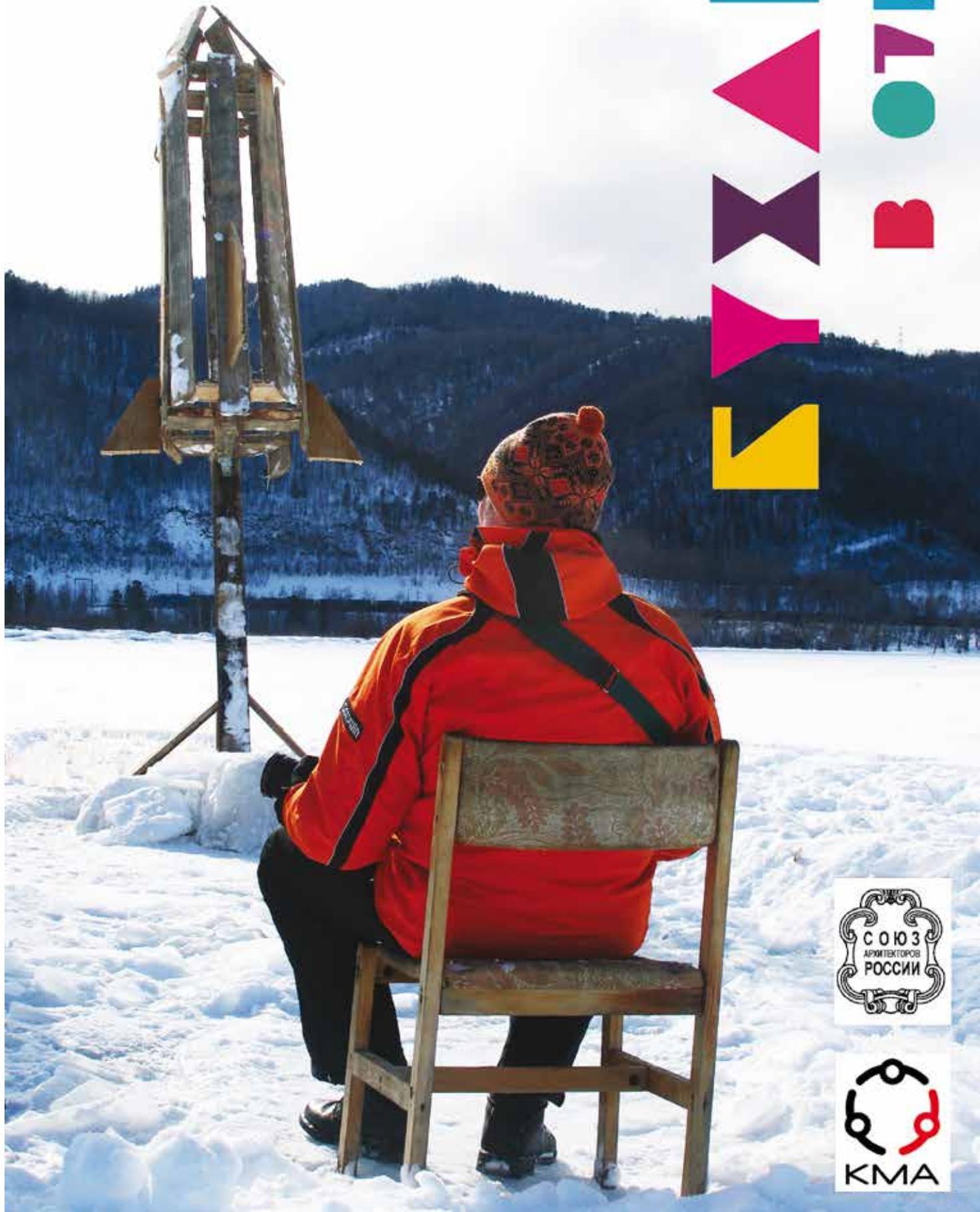
В течение трех недель участники будут разрабатывать проекты для трёх улиц города Иркутска – Лермонтова, Байкальской и Декабрьских Событий. Им будет прочитан курс лекций по заданной теме, подготовленный ведущими специалистами ИрГТУ, проектных институтов и Института географии РАН.

В программе предстоящей сессии запланировано много интересных событий, как для участников, так и для экспертов – представителей известных университетов Германии, Франции, Монголии, гостей из Москвы, Красноярска, профессиональной элиты города Иркутска: интересные лекции, мастер-классы, коллоквиумы, проводимые на базе МБЗГУ, экскурсии по городу, поездки в этнографический музей «Тальцы» и на Байкал.

Нам остается только пожелать удачи, плодотворной работы и творческих идей участникам очередной сессии «Зимника» и с нетерпением ждать первых результатов их работы. Итоги работы «Зимника-Х» журнал «Проект Байкал» планирует опубликовать в следующем номере.

Лариса Крылова

КХАРТ БОТРИВ

Зимне-весенняя сказка про архитекторов...

5 марта десант ОРКов, в 6 утра по местному времени погрузив светотехнику и концертное оборудование, выдвинулся по направлению к пос. Утулик. В электропоезде нашу банду приняли за детскую группу и срочно просили предоставить водителя. Вот тут закрились сомнения: как же мы справимся с организацией процесса интеграции 100 творческих и креативных... Высадка в солнечно встретившей Слюдянке прошла удачно – так, потеряли пару лыж, 12 веников и, самое главное, красную ленту, но это нас не остановило. Проходя заснеженную дорогу уже возле реки Утулик, мы были бодры и веселы: БухАрт один раз в год, и мы его ждали! Готовились заранее, писали сценарии, назначили кураторов, ломали голову над темой, не спали порой, лишь бы лед не растаял до приезда участников.

Вдохнули, получив крышу над головой, и разбежались по территории – десант закончился часам к 8 с хорошим результатом: спираль с местами для команд четко обозначилась, марганцовка не замерзла и разлилась номерами строительных участков, полный боекомплект – лопаты и ведра – ждали бухартовцев в тамбуре. Ну и место встречи изменить нельзя – на льду уже прошел саундчек, и прекрасный дикий пейзаж затухал в ожидании следующего дня...

6 марта звук ударов по металлическому ведру разбудил и собрал оргкомитет на планерку отработать стратегию и тактику приветствия команд-участников, размещения их на территории гостеприимных баз и доставки пиломатериала. Каша уже варилась на плите, и яркое солнце говорило о приближении часа ИКС.

В 13.00 прибыло два автобуса, полных идейными молодыми людьми, с реквизитом, запасом питьевой воды и отличным настроением. В 14.00 по плану состоялось открытие III Иркутского открытого архитектурного чемпионата по интеграции с пространством «БухАрт В Отрыв». 14 команд заодно приветствовали друг друга на сцене, желали удачи и побед,

не тая своих желаний стать чемпионами. В ход шли речевки, заранее придуманные костюмы и даже миниперфомансы. Сразу стало понятно: фестиваль обещает быть ярким, сюжетным и с сюрпризами. Состав участников 50 на 50 – ветераны и новички, и энтузиазма было не занимать ни тем, ни другим.

Выбрав в формате лотереи свое место под солнцем в системе «спираль в никуда», участники, взяв курс за кураторами, проследовали на стройплощадку, и началось! Местность в этом году досталась не из легких – торосы, да еще снег и ветер, но ребятам все нипочем – примеряли свои актуальные эскизы к ситуации до самого ужина. А некоторые так заработались, что очнулись часов в 10 вечера, не заметив темноты и отсутствия конкурентов на площадке.

К тому времени уже в самом разгаре было торжественное открытие чемпионата: все как положено – с приветствием от организаторов – команды «Иркутск», разрезанием красной ленты победителями двух прошлых фестивалей коллективом «Кто Блин?», клятвой КМАшника, ну и, как всегда, закончился вечер оrep-airgom от DJ Mar, Dj DenSurr и DjFil.

7 марта начался снегопад – белые хлопья летели плотной завесой, но, подкрепившись за завтраком, все команды ринулись осуществлять свои задумки, невзирая на нелетную погоду. Весь день в режиме non-stop участники махали лопатами, резали лед, утрамбовывали снег, а самые теплолюбивые делали конструктивные заготовки на дому. Уже к вечеру стали вырисовываться силуэты архитектурных посланий и «аппаратов» для полного ОТРЫВА. Самые неугомонные пилили и стругали ночью в свете фар автомобилей, а уверенные в себе оттачивали танец БухАртовца около кальяной, участвуя в конкурсах от Анастасии Потаповой и Александра Сотникова. Закончился вечер-ночь махито-пати на базе ОРКомитета, подготовленной нашими «зелеными человечками», один из которых – Евгений Золотухин, гость из Москвы,

год назад привезший на нашу землю замечательный фестиваль «Города» во главе с А. Асадовым.

8 марта стал праздником трижды для всех участников чемпионата.

Во-первых, естественно никто, даже в режиме non-stop-стройки, – есть достоверные сведения, что некоторые команды вообще не ложились спать, – не забыл о прекрасной половине участников фестиваля, и поздравления начались прямо с 8 утра, продолжались весь день и феерично завершились тортом и стриптанцем на катке от команды «POP-KOPH».

Во-вторых, уже к полудню завершилась общая «отрывная» композиция, точкой отсчета которой стал главный пирс тихой прибрежной зоны, харизматично уходящий прямо в воду, а точнее, в лед. Прибыло многоуважаемое жюри, которому огромное спасибо, что даже в такой день они нашли силы и время для нас. В 14.30 началась перфоманс-презентация работ участников, во время которой всем желающим удалось познать тернистый творческий путь с минутой славы и моментом падения (1-е место – команда «Студия КСИ»: Андрей Матвеев, Елена Кошкина, Константин Заворин, Светлана Кривошеева, Дарья Зотина), ощутить полную трансформацию во времени и пространстве «утки в отрыве» (2-е – место команда «PS 1»: Алена Ларина, Алексей Кулинич, Дмитрий Ильин, Лера Соболева, Мария Маркова, Алексей Петухов), увидеть «отрыв пэкмена» – существа, способного увеличиваться в размере, размножаться и изменяться в объеме (3-е место команда «БухАрт»: Дарья Шипановская, Александр Щелчков, Виктория Долгушева, Настя Новопашина, Валерия Кольган, Егор Коновалов). Особое внимание жюри привлекла «взорвавшая мозг» команда «Точка G» (специальный приз спонсора мероприятия ООО «ГлавСпецСтрой»). Поощрительные дипломы получили «Кто Блин?», «Любовники», «Ice Бабы», «Перспектива». Не менее яркими были работы команд

«POP-KOPH», «А ну ничё так», «K'art'амель», «Точка Опоры», «Дзута», «GirraTeam», которым просто не хватило опыта и иногда масштаба. Желаем ребятам успехов в следующем году.

В-третьих, после награждения команд, в лучах яркого солнца и ощущения наступившей весны, был торжественно закрыт III Иркутский открытый архитектурный чемпионат по интеграции с пространством «БухАрт В Отрыв», и не менее торжественно эстафету «БухАрта» оргкомитет – команда «Иркутск» – передал команде «Точка G». После чего последовали горячие поздравления глнтейном и блинами новых «БухАртовцев».

БухАрт... Как много в этом слове... Наверное, незамысловатое название сыграло свою роль, и чемпионат по Интеграции с Природой стартовал легко и весело два года назад под бурные эмоции творческой молодежи Иркутска. Три года спустя нам приятно осознавать, что прошел уже 3-й БухАрт, а эмоции не ослабевают: такой отдачей команд, рвения в стройке и самовыражении мы, честно говоря, на фоне общей заостренности проблем кризиса не ожидали, а потому вторично приятно, что все прошло на УРА. Уровень работ, безусловно, вырос, командный дух стал ярче, и, главное, мы увидели, услышали, прочувствовали, что БухАрт нужен! Так что пожелаем удачи в следующем году!

СПАСИБО
КМА и участники фестиваля благодарят уважаемое жюри:

Григорьеву Е.И., вице-президента Союза архитекторов России,

Козак И.В., председателя Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»,

Красильникова А.Г. и о. главного архитектора г. Иркутска,

Жуковского Н.Л., руководителя персонального проектного бюро,

Говорина А.В., директора ООО «ГлавСпецСтрой»

Организаторы фестиваля – команда «Иркутск» – в

составе: Козак А., Ольшевич А., Сергеев А., Ольшевич Н., Потапова Н., Дуканич А., Алимов А., Соколов Д., Арестов А., Хворостына Н., Жуковская Д., Золотухин Е. благодарят за постоянную

помощь в подготовке и реализации нон-стоп акции «БухАрт В Отрыв»:
– Иркутскую региональную организацию Общероссийской общественной организации «Союз

Архитекторов России»
– ООО «ГлавСпецСтрой» и Говорина Алексея Владимировича
– рекламно-производственную компанию «Братья Пилоты» и Маковеева

Александра Вивкторовича

Отдельное спасибо
– журналу «Особняк в квадрате»
– ночному клубу «Объект 01»
– «StageAction»

1-е место.
Команда «Студия КСИ»: Матвеев Андрей, Кошкина Елена, Загорин Константин, Кривошеева Светлана, Зотина Дарья

3-е место
 Команда «Бу Бля»: Шипановская Дарья, Шелчков Александр,
 Долгушева Виктория, Новопашина Настя, Кольган Валерия,
 Коновалов Егор

Поощрительные дипломы:

Команда «Кто Блин?»

Команда «Точка Опоры»

Команда «Дэуга»

Поощрительные дипломы:
Команда «А ну ниче так»
Команда «Карт'амель»
Команда «Перспектива»

Фрагмент авторской передачи Владимира Познера от 22 декабря 2008 года

22 декабря 2008 года на Первом канале РТ в авторской программе Владимира Познера принимал участие Александр Николаевич Сокуров. Участники затронули несколько важных тем, в том числе и весьма острою: о судьбе исторической части Петербурга, о новой архитектуре, разрушающей облик города, об ответственности за непоправимые изменения в нем.

И автор передачи, и его собеседник – люди, позиция которых вызывает общественный интерес, резонанс и доверие (это очевидно, когда просматриваешь материалы форума программы и отклики в региональной печати, в частности в интернет-издании красноярских архитекторов НоЖКА, 136 том 1-4 (4 января)). Тем более странными выглядели инвективы А.Н. Сокурова в адрес архитектурной общественности: в реальности именно она активно протестовала и против засилья высоток в Петербурге, и против строительства одиозной башни Газпрома. Но аргументы профессионалов меркли перед властными решениями и волей инвесторов.

Ситуация в Петербурге не исключение. Видимо, возникает необходимость отрефлексировать ход дискуссий вокруг застройки в исторических городах, роль профессиональных сообществ и общественности, обозначив более корректно ее приоритеты и результаты. Мы публикуем фрагмент передачи, учитывая еще и тот факт, что в часовом поясе Иркутска она выходит в эфир поздно ночью.

АЛЕКСАНДР СОКУРОВ

...Были встречи не с президентом, были встречи с премьер-министром Владимиром Владимировичем Путиным. Первый раз такая встреча у меня была.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР

Она была по вашей инициативе? Вы просили о встрече?

АС

Мне, честно говоря, очень бы не хотелось комментировать сейчас и рассказывать об этом. Ну, мне удобнее сказать, что да, что по моей инициативе встреча.

ВП

А это не было связано, предположим, с просьбой финансирования, скажем, новой картины?

АС

Это было связано с целым рядом вопросов, которые у меня были к этому человеку. Целый ряд вопросов. Для меня лично в первую очередь, это, конечно, судьба города, который, как я считаю, начинает погибать. Я имею в виду Санкт-Петербург.

ВП

Я понимаю.

АС

Это не родной город для меня, я там житель. Как и многие люди, я там просто житель, и я в этом городе пользуюсь тем, что оставили люди, что сберегли люди. В первую очередь я хотел обратить его внимание на это катастрофическое положение. У меня такое ощущение, знаете, что архитектурная общественность города напоминает мне больницу, где все врачи хотят быть патологоанатомами. Город разрушается самыми стремительными темпами, остановить мы это – я имею в виду общественные силы – не можем никак. И это была, в общем, практически для меня главная тема этого разговора

– помочь остановить вот этот чудовищный процесс. <...>

ВП

Сейчас мы перейдем к теме Петербурга, которая вас так тревожит. Хотелось бы чуть-чуть туда влезть. Но еще прямая речь перед этим, потому что есть связь. «Надо быть с теми людьми, у которых есть воля и любовь к отечеству, и любовь к жизни в этой стране. Быть с ними. Да, это может резко сказаться на карьере, на будущей жизни. Но степень жертвенности каждый выбирает сам. Быть, думать, стараться практическим образом чем-то помочь. Есть у нас движения «Живой город», «Зеленая волна», движение в защиту Новой Голландии и другие – это все дозволенные законами и принятые обществом формы организации диалога с властью. Если вы поддерживаете, например, эти движения, ту часть людей, которым не все равно – возникает тот самый диалог с вашими современниками и с городом. Если вы решили уезжать из страны, если тяжесть жизни здесь вам не по плечу – уезжайте. Но если вы живете здесь, то надо бороться».

АС

Да, так и есть.

ВП

Так и есть?

АС

Так и есть.

ВП

За что вы боретесь в Питере? Что вас так не устраивает? Что вас тревожит?

АС

Меня тревожит, что в Петербурге происходит то, что происходит на самом деле не только в Петербурге – и в Екатеринбурге, и в Нижнем Новгороде, наверное, в Саратове. Меня крайне беспокоит пренебрежение к сложив-

шейся атмосфере, меня крайне не устраивает фамиллярное отношение к тому образу, который существует. Крайне не устраивает. Меня крайне не устраивает такая деградация в поведении людей, которые решают наши вопросы – городской среды, архитектуры, культуры жизни города, – чрезвычайно меня это беспокоит.

ВП

Ну, дайте пример, что вы имеете в виду?

АС

Я имею в виду, например, высотное строительство в Петербурге. Я имею в виду, уплотнительное строительство в Петербурге, ну, например, в Петербурге, хотя это касается всех городов, о которых я сейчас вам сказал. И эта беда – она есть беда всей России. Вот эти странные люди, которых у нас называют архитекторами, это люди, у которых нет никакой – ни гуманитарной, ни прочей программы и задачи, и самочувствования никакого. Они превратились в официантов. Я не знаю, есть ли у нас архитектура или нет, и что у этих людей в душах.

ВП

Официанты, как известно, обслуживают.

АС

Они обслуживают. Они, конечно, обслуживают власть, обслуживают строительный комплекс и, в общем, находятся в полном подчинении, являются частью вот этой системы разрушения. Как можно в Петербурге строить высотные дома? Вот как это можно делать? Город очень маленький.

ВП

Если я не ошибаюсь, было правило, что нельзя строить выше Зимнего дворца.

АС

Выше Зимнего дворца, да.

ВП

И Зингеровская компания поставила чуть выше, кажется, вот этот глобус над книжным магазином, который был Зингеровским магазином, – и это единственное нарушение, которое было, кажется?

АС

Ну, это художественное нарушение. Это архитектура.

ВП

И вы бы хотели, чтобы это так осталось?

АС

И я хочу, чтобы это так осталось. Я хочу, чтобы так осталось, потому что город Петербург – он не только уникален для России, но и для всего мира – второго такого города в мире нет. Он очень маленький, это вот одна префектура Москвы, весь центр Петербурга – он очень маленький: там чуть что-то сдвинешь, он просто перестанет существовать. Это на самом деле очень непростая ситуация. Это абсолютно искусственное явление – Петербург. Он привнес нам вот этим опытом Европы, нашей европейской традицией, европейскими архитекторами. Что делать с этим чудом, которое подарено нам вот этой нашей старшей сестрой Европой, так в России и не поняли. Архитекторы наши не создавали этого города, не придумывали его, и теперь они не знают, что с ним делать. Они просто не знают, что с ним делать.

ВП

А с ним что-то надо делать?

АС

Его надо оставить в покое. Как и Дворцовую площадь, как и Невский проспект. Дворцовая площадь в Петербурге работает Дворцовой площадью, у нее есть работа. Не надо там ничего строить, не надо там ничего проводить – она есть сама по себе памятник архитектуры.

Это памятник архитектуры, это исторический памятник – сама по себе площадь. И сам по себе дом – это памятник архитектуры, это памятник времени. В течение блокады люди боялись дверные и оконные проемы вытащить и сжечь в печи и согреть себя. Вот цена этого города настолько велика. Она настолько неадекватна вообще никаким прочим оценкам – это миллионы жизней человеческих, миллионы.

ВП

Вы знаете, по противной журналистской привычке, я не могу не спросить вас. Значит, есть у вас противники?

АС

Конечно.

ВП

Кто? Вы можете назвать фамилии какие-то или вы будете воздерживаться вновь?

АС

Нет, ну кто? Я думаю, что это подавляющее большинство архитекторов. Я думаю, что это руководство города, мне так кажется. Потому что, например, вот только что произошла замена: одного главного архитектора сняли, назначили другого человека. Этот человек, в общем, идеолог высотного строительства, он сам когда-то строил в городе высотные дома и поддерживает это. Кроме того, общество охраны, вернее, вот есть такая организация КГИОП, охрана памятников культуры – она находится в полном распоряжении у губернатора, эта организация. То есть у тех людей, которые принимают...

ВП

Не является независимой?

АС

Она не является независимой. Она должна быть независимой, она независимой

не является. А губернатор, конечно, находится в зависимости от всей структуры, от всего вот этого бизнес-муравейника колоссального. Конечно, испытывает огромное давление. Я уж не говорю о газпромовском 400-метровом сооружении.

ВП

Но это же не в центре же города, Александр Николаевич?

АС

Это из любой части города практически видно.

ВП

Видно, ну да, конечно.

А. ВЕНЕДИКТОВ

Но дело даже не в этом.

Стоит... Это же как грибница: вот стоит одному грибу вырасти, весь город уже заполняют. Уже сейчас! Уже сейчас на Васильевском острове необратимая ситуация сложилась.

ВП

А если я сыграю роль адвоката дьявола? Вспомните Эйфелеву башню в Париже. Что ни говорили: как можно, это высотное, там 330 метров, это же невозможно, это портит Париж! А теперь это гордость Парижа.

АС

Я еще раз хочу сказать вам, что башня эта страшна не только своей высотой, не только этим. А тем, что это провокация на полное изменение сути этого города. Вот полное изменение сути этого города. Суть этого города есть цивилизационное достижение, ценность цивилизационная. Это ценность цивилизации.

ВП

Вы имеете в виду Санкт-Петербург?

АС

Я имею в виду Санкт-Петербург. Это ценность

цивилизации. Вот, понятно, что я говорю или нет?

ВП

Мне?

АС

Это ценность цивилизации.

ВП

Как Венеция, например.

АС

Ну, даже в большей степени.

ВП

Почему?

АС

Потому что это самый тяжело построенный город на самой северной окраине. Нет ничего подобного больше в мире – нигде. На этих широтах в таких условиях поставить такой город и содержать его, защищать его.

ВП

Завтра Александра Николаевича Сокурова назначают главным человеком и говорят: «Делайте в этом городе то, что вы считаете нужным. Какие ваши первые действия?»

АС

Первые действия – я запрашиваю у правительства средства, а если нет – нахожу их на то, чтобы все вот те здания, которые сейчас построены и которые уже эти первые шаги, уже они уродуют, уже они унижают город, – я сношу все верхние этажи.

ВП

Вы сносите?

АС

Я сношу все верхние этажи. Я сношу все верхние этажи. Все верхние этажи. Первое. Второе, я объявляю мораторий приблизительно на два года на всякое строительство в историческом центре города. На всякое строительство. Я собираю международную конференцию архитекторов и начинаю с

ними советовать, что делать. Я собираю международную конференцию специалистов, что делать с транспортным движением в городе. И я собираю третью конференцию, международную, по исследованию всей геологии города.

ВП

Геологии?

АС

Геологии города. Все, что под городом. Пока я не получу абсолютно четких конкретных рекомендаций специалистов, я никаких решений принимать не буду. Решение мое должно быть не результатом подковерной или какой-то конкурентной борьбы, которая наверняка в городе существует, а на основании выводов специалистов, эти вещи должны решать специалисты. Не я – как вот вы говорите, мне дали власть – не я, как власть имеющий человек, а люди, которые знают, умеют и думают об этом. И! Обязательно ставлю вопрос о новых выборах Законодательного собрания в городе. Потому что Законодательное собрание в городе, по сути, поддерживает эту тенденцию, очень вяло сопротивляется этим тенденциям, и наши депутаты никаким образом не поддерживают настроения населения. Не поддерживают. Это очень и очень неприятный аспект, потому что он окрашивается уже в политическую краску, поскольку большая часть людей, которые там, это люди из «Единой России». Это для меня очень неприятно.

Использованы материалы официального сайта Первого канала www.1tv.ru/pozner и www.classicalforum.ru (Тема: «Пространство культуры. Кто есть кто?»)

Генеральный план развития Петербурга

Интервью, которое мы публикуем, исполнилось уже почти пять лет. Однако актуальность этого текста несколько не уменьшилась с годами (что особенно заметно при сопоставлении его с последующим интервью с Владимиром Познером).

На вопросы корреспондента радио «Свобода» Татьяны Валович отвечает архитектор Владимир Павлов, хорошо знакомый иркутянам. Владимир Азарьевич Павлов был одним из тех молодых, энергичных архитекторов, которые «десантировались» в Иркутск в начале шестидесятых. Именно эти люди создали иркутскую школу архитектуры и воспитали первое поколение профессионалов на иркутской земле. Павлов, наверное, был самым ярким, самым деятельным и самым смелым из них. По крайней мере, след его деятельности в облике Иркутска нельзя не заметить. Сейчас Владимир Павлов живет и работает в родном Санкт-Петербурге и болеет душой уже не за наш город, а за северную столицу. Однако мысли, которые он высказывает, вполне можно отнести и к нам.

ТАТЬЯНА ВАЛОВИЧ

Сегодня у нас в гостях член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, архитектор Владимир Павлов.

Владимир Азарьевич, я знаю, что ваши ученики в Иркутске – достаточно успешные архитекторы и получили даже Государственную премию за воплощение очень интересных проектов школ. А вот каково ваше творчество в Петербурге?

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ
Мною разработан один комплекс, построен он уже достаточно давно во Фрунзенском районе. Но, к сожалению, в Питере работать мне лично очень сложно по той простой причине, что я человек крайне дисциплинированный, привык работать по федеральному законодательству, а в Санкт-Петербурге существует какая-то странная неприемлемость федерального законодательства.

ТВ
Как будто мы живем сами по себе...

ВП
Да-да, на таком глобусе – Санкт-Петербург.

ТВ
Скажите, пожалуйста, как бы вы оценили работу за прошедшие годы? Сейчас можно слышать, что тот Генеральный план, который был утвержден в 1986 году и заканчивается в 2005 году, он уже давным-давно не исполнялся. Так вот, какова была градостроительная политика в Петербурге за последние, скажем, 5 лет?

ВП
Разрешите, я доложу не свою позицию, а дам немножко информации?

ТВ
Безусловно.

ВП

Петербургское недовольство в свое время было организовано, и за 17 тысячами подписей было отправлено письмо президенту – разобраться в этом вопросе. Это еще было при господине Яковлеве, накануне празднования 300-летия. В Санкт-Петербург была направлена по приказу Госстроя, по указанию администрации президента комиссия, крайне полномочная, из лучших представителей Госстроя (20 человек), которая работала под руководством одного из зампредов Госстроя.

ТВ
К каким выводам она пришла?
ВП
Крайне сложно судить официально, перед микрофоном о выводах, потому что...

ТВ
Все было опять обтекаемо?
ВП
Нет. Я в курсе работы комиссии, так как меня пригласили участвовать в ней. Выводы этой комиссии были крайне жесткие. Более того, они имели значение не только для Санкт-Петербурга, но и вообще для всей России. Они типичны сегодня для градостроительства России. Но возникает вопрос: куда исчезли эти материалы?

ТВ
То есть они так и остались выводами? Это, может быть, как раз то, что сейчас разрабатывается новый Генеральный план, новый главный архитектор города с таким энтузиазмом говорит об изменениях, которые идут?

ВП
Я лично предложил главному архитектору, чтобы он сегодня реанимировал совместно с Госстроем всю эту работу, все эти выводы,

материалы (а это очень большой пакет документов).

ТВ
И реакция какая-то была?
ВП
Реакция: «Да, нам надо познакомиться, обязательно на эту тему встретимся».

ТВ
Мне бы хотелось обратить ваше внимание вот на какое высказывание. На пресс-конференции новый главный архитектор Викторов сказал о том, что нужно пересмотреть прежде всего высотное строительство, в том числе в центре города. Ваше мнение?
ВП
Надеюсь, вы меня пригласили сюда не заниматься проектированием?

ТВ
Безусловно, нет, но мнение архитектора интересно.
ВП
Мое мнение в данном случае будет следующее. Во-первых, давайте будем доверять профессионалам, прежде всего.

ТВ
А они есть в Петербурге? И прислушиваются ли к их мнению?

ВП
Безусловно, есть. А вот по поводу того, насколько их слушают, давайте разберемся с простым вопросом. Ведь проектирование складывается из двух основных положений: проектирование самого здания должно соответствовать градостроительной процедуре, то есть градостроительной документации. Вот градостроительная документация, которая определяет некие параметры зданий, этажность, о чем мы только что слышали дискусию питерцев, – это процесс, который у нас фактически был остановлен по той причине, что решается

все, к сожалению, сверху в структуре административно-командных наших традиций. А, к сожалению, профессионализм в данном случае, изложенный достаточно подробно, достаточно жестко в Градостроительном кодексе, у нас просто не учитывается.

ТВ
У нас есть звонок слушателя. Здравствуйте.
СЛУШАТЕЛЬ
Меня зовут Наталья Эдуардовна, я коренная москвичка. Естественно, отклик во мне вызывает вот это желание «утопить» Петербург вот этих новоявленных. Мне интересно, кто заказчик всего этого? Очевидно, тот же, кто в Москве устраивает все эти поджоги, – в Сталинград превратили Манежную площадь.

ТВ
Спасибо. Кому же это выгодно? Понятно, что город не мертвое, а живое существо, он должен развиваться, но вот как развиваться?

ВП
Я могу ответить только на один вопрос. Люди, в том числе и в Москве, сопротивляются новому строительству, – может быть, даже более активно, чем в Питере. Суть вопроса заключается в следующем: существует градостроительная стадия проектирования, когда решается, что на этом месте строить, какой этажности, какой протяженности по фасаду, что будем на этом месте делать. И в этой процедуре участвуют, в том числе, и жители, собственники территории, то есть это правовой вопрос.

ТВ
А вот депутат Законодательного собрания Игорь Риммер даже предлагает по некоторым важнейшим градостроительным вопросам проводить референдумы,

ссылаясь, например, на решение о строительстве сцены Мариинского театра в Петербурге, которая у нас сейчас будет возводиться, но не всех специалистов и жителей устраивает. Как вы считаете, референдумы нужны?

ВП

Безусловно, для тех людей, которые имеют к этому вопросу то или иное отношение. Только надо в этом случае очень четко сформулировать вопросы референдума.

ТВ

А тогда не получится так: люди, в общем-то, консервативны, и особенно надо думать о тех петербуржцах, которые заботятся именно о сохранении исторического вида, — что вообще произойдет консервация какая-то?

ВП

Тогда я вам отвечу на этот вопрос так. Все-таки мы забываем, что мы живем при новой Конституции, и чем консервативнее человек, тем больше он будет получать отрицательной реакции. Ведь он распоряжается, надеюсь, своей собственностью, а вот губернатор, сомневаюсь, что распоряжается своей собственностью. Собственности Санкт-Петербурга давно уже нет, нет теперь, по нашей Конституции, так называемой общенародной собственности. Каждый из нас является или частным, или долевым (то есть тоже частным) собственником определенной территории, которая находится при наших домах. Если я хочу, чтобы развивалось хозяйство вокруг моего дома, я и буду распоряжаться. А если распоряжается какой-то там Пупкин, тогда, я прошу прощения, у нас ровным счетом ничего не будет.

ТВ

Новый главный архитектор Александр Викторов сказал, что термина «уплотнительная застройка» вообще не должно существовать: «Уплотнение — значит увеличение плотности относительно какого-то норматива, а в центре города нет понятия плотности. Поэтому такой проблемы не может возникнуть».

ВП

Я могу дать следующий комментарий: «уплотнитель-

ная застройка» — это действительно термин скорее социальный, чем архитектурный. Архитектурного, градостроительного такого термина нет и быть не может. Но если в вашу собственную квартиру вам насильно подселили кого-либо — это и есть уплотнение. Поэтому это очень точный термин, и делается это именно на уровне распоряжения вашим имуществом, то есть это, безусловно, социальный вопрос. Градостроительство и социальные вопросы объединены давно известным понятием — это урбанистика. Так вот, у нас урбанистики в стране нет, и нет по вполне конкретным причинам: чиновничество воюет с народом и не желает прихода новых форм управления, если хотите, народным хозяйством, национальным хозяйством.

ТВ

И в то же время все-таки город — развивающийся организм. Понятно, что уже сейчас центр города, можно сказать, встал — и не только из-за пробок, из-за того, что не организовано движение, нет нормальных коммуникаций. Город развивается, приходит бизнес, строятся новые компании...

ВП

Я дам сразу информацию по этому вопросу. На обсуждении Генерального плана было выявлено грубейшее нарушение действующей инструкции о порядке разработки, федеральной инструкции номер 150. Не концепция должна была делаться, а консолидированный план Ленинградской области и Санкт-Петербурга, тогда бы мы получили значительную пригородную зону. И приходя каждый вечер домой, мы смотрим, в каких прекрасных домах живут американцы.

ТВ

Да, а сейчас получается, что, так как два хозяйствующих субъекта — это Петербург и область, то вообще весь этот план, вся эта концепция могут остаться только на бумаге.

ВП

Я готов поддержать президента, который объединяет нас, буквально толкает нас в создание вот этого самого, нового Балтийского края.

ТВ

У нас есть звонок слушателя. Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬ

Здравствуйте. Георгий, Санкт-Петербург. Ну что насчет уплотнительной застройки, если выразаться философски, то это еще один пример, как зло безнадёжно побеждает добро. Это озверевшие чиновники, у них свои, конечно, специальные интересы. И мы ничего не можем сделать, — похоже, никто не может заставить их изменить свою точку зрения. Спасибо.

ВП

Я согласен. Более того, я скажу, что сегодняшняя уплотнительная застройка делается не потому, что людям негде жить, а для того, чтобы было куда деньги вкладывать. Вы только что сами дали информацию, что в банках ненадёжно хранить, а это способ не только хранить, но и приумножить свои деньги. То есть это совершенно извращенная функция городского строительства сегодня в Санкт-Петербурге. Это не просто тенденция, — стоимость строительства за последний год выросла почти в два раза, а сегодня строится больше трети объемов именно как вложение средств. Представьте себе, вдруг мы получили бы гигантские земельные ресурсы для пригородного строительства и могли бы строить дома, которые в 3-4 раза дешевле этих громадных уплотнительных, наглых домов, которыми так все недовольны, — тогда бы все эти деньги рухнули. Вот о чем речь идет. А это совершенно не совпадает с интересами нашей элиты нынешней.

ТВ

На ваш взгляд, что ни при каких обстоятельствах нельзя делать в центре города?

ВП

Что можно и что нельзя в центре города — решает градостроительная документация, которую никто не делает. Поэтому вопрос... Ну, пишите президенту, в конце концов, пора заняться этим вопросом. Пора навести элементарный порядок! Вот разработка нового

Градостроительного кодекса, который напрямую делает ответственными губернатора, мэров и так далее, — вот это и есть слабое движение вперед. Почему слабое? Потому что мы имеем страшное, не советское, а российское наследство — вот эту вот озлобленную бюрократию, которая не хочет сдавать своих позиций и не желает перевода нашей формы хозяйствования на современные позиции, позиции цивилизованных стран.

ТВ

Владимир Азаревич, как вы считаете, все-таки тот Генеральный план, о котором столько говорится и который уже осенью будет внесен на рассмотрение депутатов, причем говорится, что к декабрю он должен быть принят, с тем, чтобы с января он уже начал действовать...

ВП

Валентина Ивановна выступала по новому Генеральному плану, и она очень четко и как-то точно определила проблемы. Она предложила обратить наше внимание на пригородные зоны, то есть на резкое увеличение территориальных ресурсов, а значит это приведет к тому, что у нас повысится конкуренция и понизится стоимость квадратного метра. Второе, она напрямую обратила наше внимание: а кто будет платить за вынос предприятий туда, куда предлагает новый Генеральный план? Лично я нахожу, что концепция Генерального плана, которая сегодня предложена, еще очень и очень несовершенна.

ТВ

Будут ли дальше продолжаться какие-то разработки или это единичное решение нового главного архитектора города, что мы должны принять — и все?

ВП

Сегодня крайне сложно обвинять и было бы несправедливо обвинять Викторову в том, что он желает так. Дайте человеку разобраться в этом вопросе. Дело в том, что сегодня так много начальников, и каждый отстаивает свою позицию, а за начальниками стоят крайне агрессивно настроенные предприниматели.

Поэтому сегодня самое главное – отряхнуть с себя вот это лоббистское давление мощных строительных корпораций на руководство Санкт-Петербурга.

ТВ

А как вы оцениваете вообще состояние российской архитектуры, архитекторов? Есть ли школа какая-то? Почему, например, приглашаются в основном западные архитекторы, даже для строительства Мариинского театра? Это что, с петровских времен повелось – приглашать иностранцев, или своих нет?

ВП

Бюрократическая система родила принцип: в своем отечестве пророков нет. Это все – ясное выражение чисто бюрократического подхода. Мы продолжаем оставаться в командно-административной системе тоталитарного государства.

ТВ

А что делать молодым архитекторам? В Петербурге не один институт выпускает их, как им воплощать свои идеи?

ВП

Ну, про наши институты я вам скажу абсолютно ясно. Это не я сказал, а сказал один из ведущих, наиболее уважаемых специалистов в области градостроительства академик Владимиров, к сожалению, ныне покойный. Он сказал так: «К сожалению, мы сегодня так далеки от изучения специальности урбанистики!» К сожалению, последние урбанисты были расстреляны в 1934 году, и мы не смогли это восстановить. Потому что вся урбанистическая наука свелась к градостроительным указаниям указательным пальцем – где что строить – со стороны людей, заинтересованных отнюдь не в градостроительных усовершенствованиях.

ТВ

Эта беда может как-то быть исправлена в нашем образовании?

ВП

Санкт-Петербург – это, в конце концов, образец градостроительных ансамблей. Почему вдруг пропала эта практика, куда она исчезла?..

ТВ

Вот сейчас как раз предполагается, даже такой интересный термин введен – «лакуны», весь город будет разделен...

ВП

Извините, это ругательское слово. Лакун никаких в федеральном законодательстве нет, это такая провинциальная жесткая выдумка местного нашего, питерского начальства. Можно гордиться, бить себя кулаками в грудь, заявляя... А вообще, что такое лакуны? Почему вдруг в охранных зонах, которые являются производ-

ной от памятника, появилась лакуна? Что, памятник допускает вокруг себя какие-то дырки, что ли?

ТВ

Спасибо. И я хочу еще напомнить, что Петербург занесен в список четырех городов-памятников мирового наследия, охраняемых ЮНЕСКО. Наш город стоит в одном ряду с Римом, Парижем и Венецией. И очень хочется надеяться, что кардинально меняться ему не позволят те силы, которые понимают задачу сохранить красоту и неповторимость Санкт-Петербурга.

ВП

И занесен именно как объект градостроительного искусства.

По материалам сайта
www.svoboda.org

«Пожар способствовал ей много к украшенью»

Мировой финансовый и экономический кризис мало у кого вызывает радужные надежды. Исключением, как говорит обозреватель газеты «Observer» Стивен Бэйли, могут стать архитекторы и дизайнеры.

В качестве обоснования своего проектного оптимизма он приводит воздействие экономического кризиса 30-х годов на американскую автопромышленность. Именно тогда в промышленность пришли дизайнеры Раймонд Лоуи, Норман Бел Джекес, Генри и Дрейфус. Они успокоили нервных бизнесменов и отчаявшихся домовладельцев стремительными аэродинамическими линиями лимузинов и громкими футуристическими названиями автострад. Стоит вспомнить и Микки Мауса, вдохнувшего веру в завтрашний день американцев руками Уолта Диснея.

«Вот и теперь, – пишет Стивен Бэйли, – мы стоим на пороге новой востребованности дизайна». В качестве примера он приводит интерьеры двух лондонских ресторанов.

Правда, новый интерес к дизайну, по мнению авто-

ра, выглядит контрастно: спрос пойдет и на китч и на изысканность одновременно, – как говаривал повар Ноздрева, «было бы горячо, а вкус какой-нибудь, верно, уж будет».

Да, вероятно, кризис поднимет престиж не только дизайна. Возвратится интерес к литературе фэн-тези, удвоится (хотя уж дальше, кажется, некуда) тяга российского телевидения к веселящему газу и ужасикам. Жить в эту пору прекрасную нам, безусловно, придется.

Что же может дать российской архитектуре дизайнерский бум?

Возможно, что сокращение объемов строительства придаст сил «бумажной архитектуре». В понятие последней я теперь бы включил не только концептуальные фантазии молодежи, но и гламурные журналы для солидных господ, и интерес к книжкам, к чтению. «Хорошо при свете лампы / книжки милые читать». Эту песенку архитекторы, кажется, позабыли. Многие выдающиеся зодчие наших дней даже в заслугу себе ставили, что

никогда ничего не читают, а уж в особенности про родное дело – архитектуру. Ведь читать про архитектуру, по их мнению, все равно что вместо поглощения жаркого читать вырезку из продовольственной программы. А вот, говорят, в тюрьмах и лагерях заключенные, сидевшие на баланде, баловались рассказами о гастрономических раритетах, от которых могли бы слюнки потечь, если бы слюнки не были уже растрачены на тюрю.

Я, как и Стивен Бэйли, верю в богатые плоды, которые обещает нам кризис. Давно, как говорится, пора бы. Конечно, многое вымрет – самое нежизнеспособное, хилое. Кризис сохранит только героев, спартанцев, неггибаемых в коленах. Эти герои предадутся радужным фантазиям и смешным историям из прошлой жизни. Но ведь не исключено, что кое-кто от скуки и нечего делать начнет понемногу задумываться, как случилось, что творческая самобытность рождалась в России в годы разлуки, когда на столе было пусто, но создавались проекты фабрик-кухонь,

жить было негде – и проектировались дома-коммуны. Когда, взорвав храм Христа Спасителя, выстроенного на народные копейки, стали было сооружать на его месте Вавилонскую башню уже на казенные средства.

Но средств не хватало. Башня рухнула в бассейн, храм восстановлен на деньги олигархов. Интересная история.

Что же будет с небоскребами Газпрома в Питере или с самой высокой в Европе башней «Россия»?

Не знаю. Вероятно, сохранится неповторимый ландшафт Невы и сказочный город на ней, воздвигнутый руками крепостных по чертежам самого Палладио. А может быть, и Москва вновь запестрит несметными куполами?

Не исключено, что, передохнув от великихстроек капитализма, архитекторы вновь изобретут что-нибудь такое, от чего застывшая было кровь забьет ключом и «хорошее настроение не покинет больше нас».

Александр Раппапорт

Без барьеров

Тема, которой был посвящен организованный Иркутским отделением Всероссийского общества инвалидов и проведенный 23 декабря 2008 года круглый стол, должна быть близка каждому архитектору. Деятельность по проектированию зданий и сооружений предполагает выполнение норм и правил, способствующих полноценному вхождению инвалидов в социальную деятельность. Носят СНиПы обязательный характер или нет, необходимо, чтобы архитектор, как социально ответственное лицо, содействовал их осуществлению и настаивал на их введении в проект. Конечно, это означает некоторое удорожание и проекта, и строительства, но оно не столь существенно, чтобы пренебрегать социально значимой задачей адаптации инвалидов ради мизерной экономии. Архитектору в таких случаях необходимо также осуществлять авторский надзор за строительством, что в сегодняшней практике строительства встречается отнюдь не всегда. Речь идет о соблюдении правил, которым следуют во всем мире: проектирование пандусов, лифтов, достаточной ширины дверных проемов, оборудование специальных санузлов для инвалидов-колясочников; для слепых и слабовидящих при проектировании и мощении тротуаров должна быть предусмотрена специальная рифленая полоса. Эти меры кроме всего прочего показывают культуру проектировщика и заказчика. В задачу главного архитектора города при согласовании проекта входит надзор за исполнением этих требований.

В Иркутске пандусы по-прежнему – большая редкость, и делают их только на центральных улицах. Сравнительно недавно построили несколько подземных переходов, но и в них пандусы оборудованы лишь формально: их уклон в несколько раз превышает нормативы и составляет около 45 градусов вместо 10, что представляет прямую угрозу как для самого инвалида, так и для его сопровождающих.

Эти люди редко выходят из дома. Трудности для них начинаются сразу за порогом квартиры – ступеньки, бордюры, оживленные магистрали. В Иркутской области проживает около 20 тысяч инвалидов-колясочников. Цифра эта неофициальная, потому что ни в нашем регионе, ни на территории России невозможно определить точно их количество. Но можете ли вы припомнить хоть одного человека в коляске рядом – в кафе или кинотеатре, в институтской аудитории или за рабочим столом? Вряд ли. Если город и не вычеркнул их из жизни полностью, однако и обеспечить инвалидам полноценное существование не готов. Как основные транспортные

узлы Иркутска, так и его инфраструктура не приспособлены для инвалидов-колясочников: нет тротуаров со скошенными бордюрами, звуковых светофоров на улицах, транспорта с подъемниками, специальных лифтов, дорожек для въезда в супермаркеты. А установленные по городу пандусы и вовсе насмешка. Они напоминают новогодние крутовиражные горки: чтобы воспользоваться ими, нужно вывернуться наизнанку. Но лучше не рисковать.

Наличие в Иркутске автобусов с пандусами также не решает проблемы: городские остановки и тротуары «оборудованы» высокими бордюрами без съездов, и о том, чтобы инвалиду-

колясочнику передвигаться по ним самостоятельно, не может быть и речи.

23 декабря 2008 года по инициативе Иркутской областной организации Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (ИОО ООБ ВОИ) в Иркутске состоялся круглый стол «Формирование доступной среды жизнедеятельности маломобильных групп населения; безбарьерная среда». На него были приглашены представители Минсоцразвития опеки и попечительства, Иркутского регионального отделения Фонда социального страхования, медико-социальной экспертизы, депутаты Законодательного собрания

Иркутской области. В работе круглого стола приняли участие члены президиума Иркутской областной организации ВОИ, он не был закрыт для представителей общественности и прессы.

Но самыми желанными гостями были представители Департамента архитектуры и градостроительства администрации г. Иркутска и Иркутской области. Одной из главных задач мероприятия было убедить чиновников создать условия для интеграции инвалидов в активную жизнь посредством обеспечения доступности в социально значимые объекты. А заодно и выработать необходимую программу действий по устранению барьеров для колясочников.

Пандус в никуда.
Поленова, 33

Крутой наклон пандуса поликлиники №17

Пандус без поручня в аэропорту

Пандус подземного перехода на Цимлянской

Пандус супермаркета «Слата»

Накануне его проведения состоялось заседание Совета по делам инвалидов при губернаторе Иркутской области, на котором обсуждались проблемы, внесенные в программу круглого стола. Была заслушана информация управляющего делами администрации г. Ангарска П.В. Циголина и заместителя мэра г. Братска по вопросам промышленности и благоустройства С.Г. Московских об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры на территории Иркутской области. Заместитель мэра г. Иркутска В.Ф. Вобликова рассказала о ситуации по формированию безбарьерной среды в областном центре и доложила результаты прокурорской проверки.

Об этом и о фотографических исследованиях объектов социальной и инженерной инфраструктуры, проведенных Иркутской областной организацией ВОИ рассказал ведущий круглого стола председатель Иркутской областной организации ВОИ Константин

Михайлович Шумков. Как упоминалось ранее, ситуация в городе остается сложной. Но пути разрешения уже намечились. Как упоминалось ранее, ситуация в городе остается сложной. Но пути разрешения уже намечились. Так, представители ВОИ осуществляли методико-техническую консультацию во время строительства нового стадиона Иркутского государственного технического университета с июня по август 2008 года. Шумков отмечает, что она содействовала широкому доступу на стадион ИрГТУ инвалидов-колясочников. И было очевидно, что спортсменам-инвалидам, готовившимся к параолимпийским играм в Пекине, доставляют удовольствие тренировки на стадионе. Но неподготовленным оказался подход к нему от остановки транспорта «ИрГТУ»: экстремальный пандус не позволяет самостоятельно воспользоваться им инвалиду-колясочнику. Такая же ситуация в остальных иркутских переходах. Угол наклона 45 градусов вместо десяти нормативных

не стал помехой при сдаче объектов в эксплуатацию и был одобрен чиновниками!

И. о. главного архитектора г. Иркутска А.Г. Красильников, внимательно наблюдавший за презентацией и конспектировавший выступление ведущего, отметил положительное и отрицательное в состоянии объектов городской инфраструктуры. Удивило лишь молчание службы по контролю и надзору в сфере строительства Иркутской области. Как выяснилось, ее представители о надзоре в сфере обеспечения беспрепятственного доступа для инвалидов и маломобильных групп населения вообще не слышали и, как следствие, данной темой не занимались.

Почему же чиновникам самостоятельно, без напоминания, не заняться проблемой? Необходимо отметить, что в Российской Федерации принят ряд важных законодательных актов, направленных на решение этого вопроса, в частности СНиП 35-01-2001. Но на местном уровне реализация данных законов упирается

в отсутствие реального, действующего механизма их выполнения. Мешает также недостаточность финансирования; непонимание общества, выражающееся в обилии негативных стереотипов по отношению к инвалидам; трудность в согласовании действий множества заинтересованных структур.

Вот потому-то инвалиды до сих пор остаются запертыми в четырех стенах своей квартиры. И дома советского строительства Иркутской области, и современные здания не оборудованы для доступа инвалидов-колясочников. Вследствие отсутствия пандусов в школах и образовательных учреждениях инвалиды и дети-инвалиды зачастую лишены конституционного права на образование, на интегрированное обучение.

Как отмечает вице-президент Союза архитекторов России Е.И. Григорьева, обеспечение доступа для инвалидов в здание обязательно, оно заложено в российские нормы проектирования, однако не лишне напоминать об этом, внося данный пункт в проектиро-

вочное задание еще на стадии заказа.

Когда общественная организация инвалидов сталкивается с необъятным валом работы и множеством препятствий, лучше всего придерживаться принципа (тактики) «мелких шагов». Самое главное – не ждать, пока государство начнет проводить цивилизованную политику в отношении инвалидов. Люди с инвалидностью должны сами принимать активное участие в решении социальных вопросов по принципу: «Ничего для нас без нашего участия». Возможно, в регионах с лучшим социально-экономическим положением подходы иные (хотя это достаточно спорный вопрос).

Главный эксперт ФГУ Главного бюро медико-социальной экспертизы по Иркутской области Л.Г. Гаркуша отмечает, что основным направлением социальной политики по отношению к инвалидам является реабилитационная форма социальной защиты. Ее целью является активное восстановление утраченных возможностей инвалида для социального функционирования, нормальной социальной жизнедеятельности, его трудоспособности и интеграции в общество.

Для эффективного проведения процесса реабилитации необходимо формировать у больных и инвалидов навыки самосохранительного (самогенетического) поведения, установки на полную (социальную, профессиональную, психологическую) интеграцию их в общество. Это возможно только при желании и участии самих больных и инвалидов. Чтобы сформировать у больных и инвалидов стремление к активному участию в процессе их реабилитации, необходима максимально полная информация по вопросам реабилитации. Этому содействует проект комплексной, многоэтапной, постоянно действующей Программы информирования инвалидов по вопросам реабилитации (Проинфор).

«Проинфор» – это цикл видеоматериалов о государственных службах, на которые возложены функции МСЭ и реабилитации; о ТСР; о

вакансиях рабочих мест для инвалидов; о культурно-развлекательных мероприятиях (в том числе для инвалидов); о местах и условиях профессионального обучения для инвалидов. В содержание включаются также позитивные примеры раскрытых возможностей инвалидов в различных сферах жизнедеятельности (конкретные примеры под рабочим названием: «Смог я – сможешь и ты!»).

Могут ли инвалиды преодолеть барьеры социального отчуждения? Смогут, если будут требовать для себя усовершенствованные технические средства реабилитации. К техническим средствам реабилитации, облегчающим труд и быт инвалидов, относятся устройства, инструменты, оборудование или техническая система, которые, благодаря специальным свойствам, облегчают компенсацию или устранение ограничений способностей в бытовой, общественной и профессиональной деятельности инвалидов, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функции организма.

По данным Иркутского регионального отделения Фонда социального страхования на 22 декабря 2008 года, за техническими средствами реабилитации обратились 19 948 человек. Впервые в 2008 году для реабилитации инвалидов молодого возраста, ведущих активный повседневный образ жизни, для самостоятельного, а также с помощью сопровождающих лиц перемещения в жилом помещении, на улице, в магазине, на работе и др. инвалидов обеспечивали креслами-колясками активного типа. Технические характеристики кресел-колясок могут

Спуск на стадионе ИрГТУ

Раздевалка спортсменов стадиона ИрГТУ

меняться при исполнении колясок по индивидуальным параметрам инвалида. Ширина сиденья варьируется от 32 см до 50 см, грузоподъемность коляски – до 120 кг, ее масса не должна превышать 13 кг. Имеется дополнительное устройство против опрокидывания.

Проблема заключается в том, чтобы воспользоваться ими на улицах населенных пунктов Иркутской области... Так, председатель Тулунской городской организации ВОИ Б.В. Смирнов отмечает, что в Тулуне инвалиду невозможно попасть в отделение Пенсионного фонда.

Председатель организации ВОИ Центрального округа г. Братска Р.Г. Полякова рассказала, что им затруднен доступ в санатории. Председатели Куйбышевской и Кировской районных организаций ВОИ г. Иркутска Т.М. Русина и Л.В. Лупекина предъявляют претензии на отсутствие для инвалидов доступа в аптеки и поликлиники. Владельцы зданий или руководители учреждений должны позаботиться и о необходимой навигации: размещении указателей и контрастных табличек с номерами и наименованиями кабинетов.

При разработке генерального плана Иркутска до 2020 года Иркутская областная организация ВОИ внесла более 20 предложений в пользу улучшения жизни инвалидов-колясочников. Новые предложения, отработанные ИОО ООО ВОИ и сформулированные участниками круглого стола, были включены в проект резолюции. Жаль, что в ней, по просьбе чиновников, необходимо отражать только рекомендации, а не требования.

Антон Ставров

Мы продолжаем публиковать интервью с юбилярами из числа ведущих мастеров архитектуры нашего региона. В этом номере представлены трое архитекторов. Все они ровесники. Творческая судьба двоих выделила схожий прием – работу с объемами. Третий юбиляр (и единственная из троих женщина) посвятила всю свою профессиональную жизнь градостроительству. Но и двое наших юбиляров-мужчин тоже теперь связаны с проблемами градостроительного комплекса, в качестве администраторов, чиновников городского и областного правительства. Итак, наши интервью с начальником отдела Генерального плана института Иркутскгражданпроект, с главным архитектором города Иркутска и главным архитектором Иркутской области – с тремя мастерами архитектуры, которым в этом году исполняется пятьдесят.

Успешен только счастливый

В процессе подготовки к этому разговору с Екатериной Васильевной Протасовой я выслал ей вопросы обычного «юбилейного набора». Затем получилась пауза: Екатерина Васильевна уезжала в командировку, потом долго мешала текучка, и, наконец, мы встретились. Однако интервью не получилось. Получился скорее развернутый монолог, в котором вопросы как-то не понадобились. Просто она рассказывала, а я записывал. Итак, интервью-монолог.

КЛ

Слово «юбилей» для меня лишено смысла. Своего возраста я не чувствую, а юбилей коллег – это, как правило, достаточно формальное мероприятие.

Перекрестки моей судьбы я никогда не ощущала. Они ста-

новятся видны только позже, если оглянуться. Конечно, были ключевые моменты и в выборе профессии, но не замечались тогда, а понимались позже. В средней школе у меня была явная склонность к точным наукам. Участвовала в олимпиадах разного уровня. Потом однажды съездила на день открытых дверей на архитектурном факультете, и мне страшно все понравилось! Пошла поступать в художественную школу, хотя мне было уже совсем не по возрасту. Но закончила, на вступительных экзаменах успешно сдала профилирующие предметы. Как золотой медалистке мне этого было достаточно.

Тому делу, которым я занимаюсь уже больше двадцати пяти лет, градостроительству, тогда на факультете не учили. На распределении мне предложили место в Иркутскгражданпроекте. Это было очень престиж-

ное место, таких мест было всего пять на весь курс. А я вдруг поехала в Улан-Уде, в Бурятгражданпроект и попала там в комплексную мастерскую. Начальник меня спросил: «Чем ты хочешь заниматься?» В каких-то расстроенных чувствах я ответила в смысле: ах, мне все равно! И пошла на планировку.

Через два года оказалась в Иркутске и продолжила работать по этой специальности. На этом начальном этапе мне встретились замечательные люди – и в профессиональном, и в человеческом смысле, это преподаватели Наталья Николаевна Долина, Клавдия Ивановна Бойко, Мира Яковлевна Ашихмина, Виктор Ефимович Суханов. Наталья Ивановна Грязнова была моим первым ГАПом в начале трудового пути, теперь она директор Бурятгражданпроекта. Так оно и дальше катилось довольно гладко. Нить моей судьбы вплеталась в ткань жизни достаточно гармонично.

Если бы теперь всё повторить, то я всё бы сделала так же.

Хотя иногда, если уж мечтать, то хочется побыть зрителем острова в Австралии. Чтобы жить на коралловом острове, кормить черепах и получать сто тысяч долларов за полгода...

Еще очень хочется дожить до таких времен, когда увижу нормальное отношение к теме города и человека в нем. Цивилизованное отношение. Мы занимаемся планированием территорий в разных масштабах – от отдельных фрагментов городской среды до городов и территорий целых районов области. Наш заказчик – администрации разного уровня. И зачастую они воспринимают проектировщика как досадную помеху. Сегодня закон заставляет органы местного самоуправления заниматься планированием, они заказывают нам эти документы, а «внутри» часто даже не

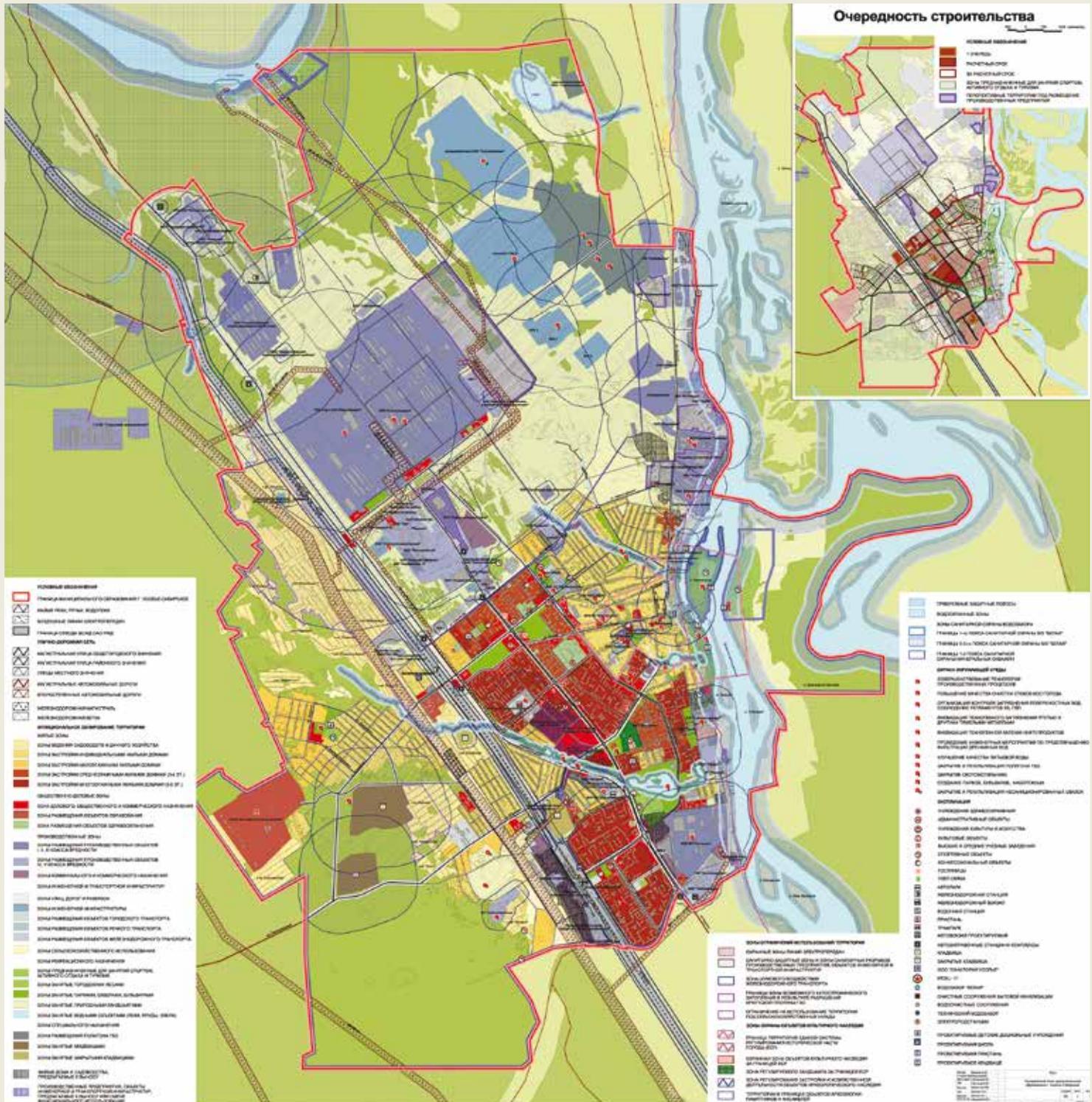

Родилась в 1959 г. Окончила архитектурный факультет Иркутского политехнического института в 1981 г. С 1984 г. работает в институте Иркутскгражданпроект. С 2000 г. – начальник отдела генеральных планов и территориальной деятельности ОАО «Иркутскгражданпроект». Член правления Иркутской организации Союза архитекторов России, советник РААСН (Российская академия архитектуры и строительных наук).

Основные работы

Генеральный план г. Иркутска, 2006 г.
 Генеральный план г. Ангарска, 2005 г.
 Генеральный план г. Тайшета, 2006 г.
 Генеральный план г. Усолье-Сибирского, 2007 г.
 Проект планировки Академгородка в г. Иркутске, 2005 г.
 Проект планировки Октябрьского округа г. Иркутска, 2007 г.
 Схема территориального планирования Иркутского района, 2008 г.
 Руководитель проектов планировок по районам города, 2007–2009 гг.

Генеральный план г. Ангарска

заглядывают. План им нужен только «для галочки».

Вот на Западе – все по-другому. Мне всегда было трудно выехать, потому что мы работаем с секретными материалами, под контролем. Так что опыт заграничных поездок у меня маленький. Но из книг, из Интернета, по рассказам я знаю, что «там» есть правила игры, и главное – что они действительно соблюдаются.

В конце восьмидесятых годов я побывала в Польше. Город Щецин. Он некото-

рое время был в составе Германии, а теперь польский город. Застройка в основном коттеджная, малоэтажная. Заборов в нашем понимании нет – низенькие оградки, узорный металл. Травка, фонарики, молсики по травке бегают. Все регламентировано: этажность, ширина улиц, расстояния от въезда... Правила вполне понятные и разумные, и люди им действительно следуют.

У нас таких правил никогда и не было. В девяностых

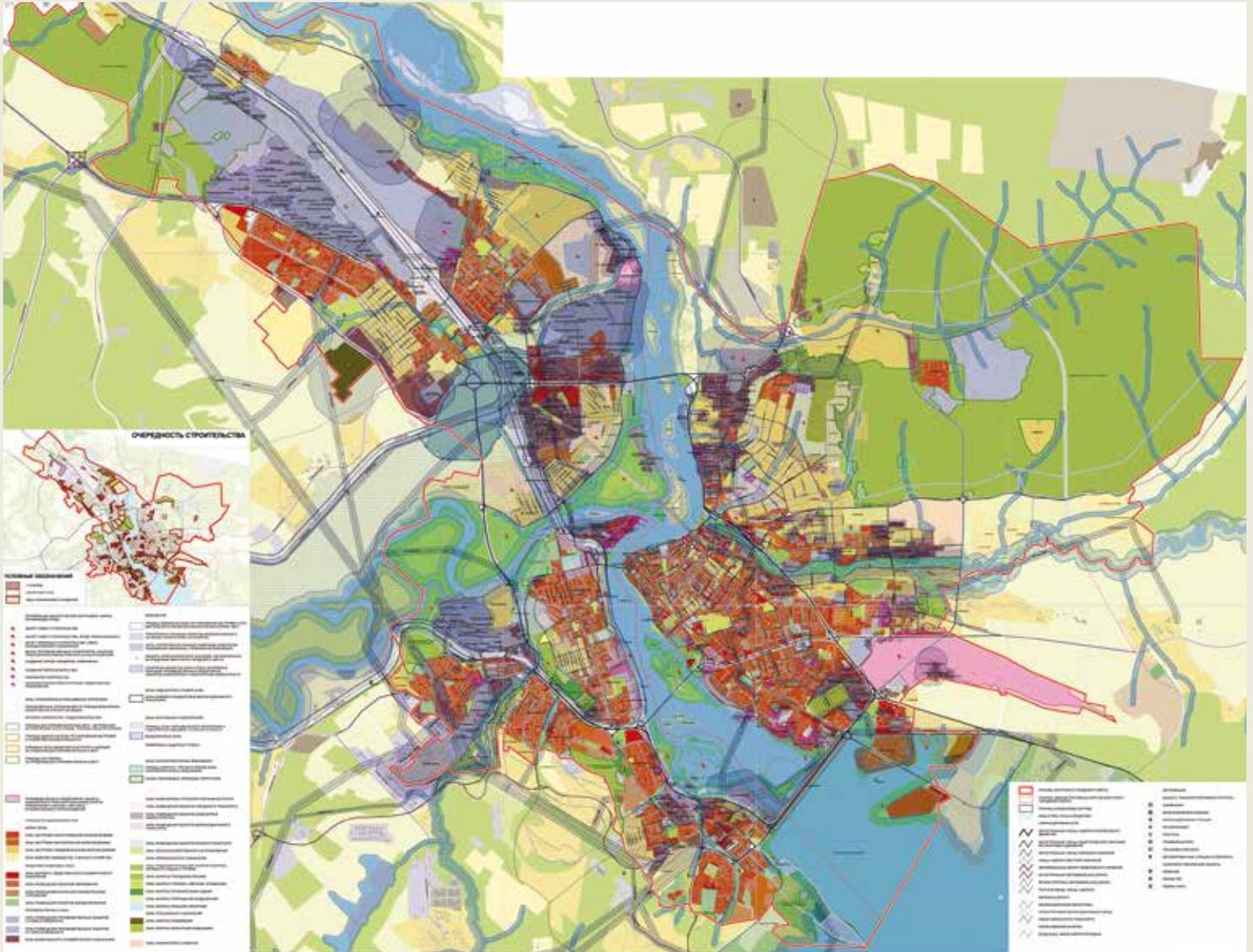
годах что-то разработали по американским образцам, но ничего не работает. Уж и не знаю почему. Сегодня правила землепользования опять разрабатывают – какой-то омский институт. Не думаю, что будет как-то по-другому.

Но есть и положительные примеры, в 2005 году мы разрабатывали генеральный план г. Ангарска. Хорошие впечатления остались от работы с грамотной, слаженной командой администрации, с которой нам удалось очень

результативно поработать. У нас вообще все упирается в конкретных людей, в личные контакты. Говорят, каждый народ имеет тех правителей, которых заслуживает. А про город можно сказать, что он находится в таком состоянии, каковы управляющие им люди. К сожалению, архитекторы-градостроители к управляющим не относятся.

Очень хочу дожить до такого момента, когда все городское сообщество: и жители города, и люди, которые

Генеральный план г. Усолье-Сибирского

Генеральный план г. Иркутска

планируют «будущее города», и люди, которые это будущее реализуют, начнут работать вместе, одной командой в интересах процветания этого города, этой территории.

Градостроительная тема – особенная. Она требует разнообразных знаний, она в себе аккумулирует и архитектуру, и транспорт, и инженерию, и экономику, и экологию... Даже локальный объект, если в нем присутствует градостроительная тема, требует к себе отношения, как у врача. Главная заповедь врача – «не навреди». Так и тут, каждое решение надо принимать взвешенно, чтобы не сделать хуже. У нас коллектив многоплановый, и каждый вносит свою лепту в работу. Рутинные, конечно, тоже хватает, как и в работе доктора. А ведь по закону генеральный план даже не

является объектом авторского права. И это, наверное, правильно, потому что он должен все время подвергаться мониторингу, анализироваться, корректироваться.

В нашей работе большую ценность имеет перспектива, взгляд в будущее. Сейчас много пессимистических прогнозов появляется в связи с кризисом. А мы считаем, что в Иркутске кризис приведет к позитивным результатам. Иркутск во многом похож на Москву. Сибирские города строились как промышленные центры. Иркутск в шестидесятых – восьмидесятых годах тоже пытались сделать промышленным городом. Кризисы девяностых эту тенденцию переломили. Иркутск вернулся на свои исторические рельсы как город купеческий и административный. В Иркутск возвращаются управленческие

функции банковского, торгового, административного и транспортного центра.

Нынешний кризис – это пауза, когда можно остановиться и пересмотреть свое отношение к городу. К тому, что на его улицах происходит. Придут новые люди со свежим взглядом, с новым пониманием проблем города и с новыми подходами к решению этих проблем.

Когда я думаю о своих работах, то главным моим личностным достижением мне кажется мой коллектив. Он образовался в такой период, когда градостроительства и вовсе как бы не было. Но коллектив очень работоспособный, у нас много молодежи. К нам приходят студенты, буквально «с улицы» и просятся – я всех принимаю. Они начинают работать и влюбляются в эту тему, и работают уже не за деньги. Или уходят.

Так и воспитываем молодежь прямо «у станка».

В качестве юбиляра я хочу пожелать нашей молодежи, чтобы каждый сам формировал свои ценности и приоритеты. Еще желаю познать все радости жизни и творчества, пройти с этой ложкой масла и не пролить, как в той старой притче о юноше, который пришел к мудрецу искать смысл жизни.

У меня в коллективе работают люди пенсионного возраста, им тоже мои добрые пожелания. Они пережили много лишений. Это кладезь опыта, я хочу поклониться им и поблагодарить.

А сверстникам пожелаю главного: не потерять ощущения счастья. Только так можно реализоваться в любой сфере. Только счастливый может быть по-настоящему профессионален и успешен.

Архитектура – это судьба

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Какие моменты вашей жизни стали для вас этапными, решающими?

АНДРЕЙ КРАСИЛЬНИКОВ

Во-первых, конечно, дата моего рождения – второе июня 1959 года, город Улан-Удэ. Следующий этапный момент в моем профессиональном росте – учеба в Иркутском политехническом институте в 1976-1981 годах. Архитектурный факультет образовался всего за два года до моего получения аттестата зрелости. Я как раз окончил художественную школу, и мой педагог сказал: «Тебе надо попробовать поступить на архитектора». А мне тогда даже спросить было не у кого, что такое архитектор, каково это...

После окончания вуза я работал в Иркутскгражданпроекте. С большой благодарностью вспоминаю своего учителя Станислава Михайловича Григорьева. Это был настоящий практик, он очень помог в моем становлении как профессионала. В ИГП он руководил Третьей мастерской в то время, когда Павлов был главным архитектором института. Коллектив был очень яркий: Елена Григорьева, Евгений Третьяков... Позже довелось поработать в одной бригаде с Александром Колесниковым, Александром Саволоповичем Яковлевым.

Очень запомнился конкурс на проект музея Арктики и Лапландии в Рованиеми (Финляндия). Серьезный международный конкурс, но в нем допустили участвовать всю молодежь института. Самые молодые были я и Владимир Распутин. Позже в ИГП реализовались мои крупные проекты, которыми я горжусь – объекты культуры (пристрой к Драмтеатру), объекты здравоохранения (больница в Ново-Ленино на тысячу коек, хирургический корпус в Иркутске II), жилые дома... Там же, в Третьей мастерской ИГП, и семья моя образовалась. Моя жена – тоже архитектор и в прошлом сотрудник АПМ-3.

С 2000 года я работал главным архитектором института Иркутскжелездорпроект. Тогда институт возглавил замечательный человек и администратор – Николай Александрович Кузаков. Я от него получил своеобразный «карт бланш» и стал набирать молодежь. В институт тогда пришли Михаил Григорьев, Степан Беляков, Елена Ашихмина, Ирина Сивушкова – дети и даже внуки архитекторов, наследственные, потомственные профессионалы. В результате стиль работы всего института кардинально поменялся, из маленькой конторки он быстро стал крупным проектным подразделением, способным на самые ответственные работы.

И конечно, этапная для меня дата – 19 ноября 2007 года. Переход в администрацию города, на должность главного архитектора. На самом деле эта должность называется более сложно: исполняющий обязанности начальника департамента архитектуры и строительства комитета по градостроительной политике.

ПБ

Что изменилось для вас с переходом на административную работу?

АК

Переход в администрацию – это был очень серьезный шаг. Должность такая, что все время на виду. Любое решение накладывает большую ответственность.

Вообще-то год и три месяца – стаж небольшой, но мировоззрение сильно поменялось. Эта работа меняет сознание. Начинаешь мыслить другими категориями – не деталями, а цельным организмом города, в постоянном его развитии. И конечно, будучи главным архитектором института, я такими пластами информации и не владел, и не управлял.

Очень не хочется бросать архитектурную практику. Творческое начало покоя не дает. По букве закона я сейчас не имею права заниматься проектированием, но консультировать – могу. Могу преподавать. Я и сейчас, уже не первый год являюсь

Основные работы

1. Центр управления перевозками ВСЖД, Иркутск. Авторы А. Красильников, О. Старовойтов.
2. Православный храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, Иркутск. Авторы А. Красильников, В. Горбенко.
3. Гостиница «Золотая Сова», падь Крестовая, Листвянка, Байкал. Авторы А. Красильников, В. Горбенко.
4. Дом-музей В.С. Роголя, Иркутск. Автор А. Красильников.
5. Жилые дома «На Высоте» по ул. 1-й Советской, Иркутск. Авторы А. Красильников, С. Беляков.
6. Группа жилых домов «Маршал» в микрорайоне Солнечный, Иркутск. Авторы А. Красильников, С. Григорьев, Н. Беляков, М. Григорьев, С. Беляков, И. Сивушкова.
7. Проект застройки микрорайона Парковый в Иркутске. Авторы А. Красильников и другие.
8. Реконструкция спортивного комплекса «Изумруд», Иркутск. Авторы А. Красильников, М. Шукина, О. Медведева.
9. Блокированные жилые дома в микрорайоне «Ерши», Иркутск. Авторы А. Красильников, Ю. Краковцева.

Православный храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии

членом Государственной комиссии по дипломному проектированию, вхожу в жюри Зимнего градостроительного университета. Марк Меерович меня активно привлекает, как практика с опытом. Общение с молодежью – это замечательный процесс двусторонней энергетической подпитки. И мне есть что сказать молодым архитектором, и они мне интересны.

Я вообще не чувствую себя юбиляром. Не ощущаю возраст. Занимаюсь спортом, как всю жизнь занимался, – играю в баскетбол. И сын у меня баскетболист, кандидат в сборную России. Горными лыжами мы тоже занимаемся всей семьей. Надеюсь, что и в архитектуре мой сын пойдет по моим стопам.

ПБ

Ваш индивидуальный стиль проектирования опирается в основном на работу с объемами. Объем важнее, чем конструкция, цвет, материал. Что привело вас к такому выбору?

АК

Во-первых, нас так учили. Наш общий учитель – Владимир Павлов, от него я воспринял мысль, что архитектуру надо строить на объемах. Во-вторых, я и сам глубоко убежден, что главное в архитектурном языке – светотеневая пластика. Сам всегда пытаюсь так делать и соратников убеждаю: архитектурный объект надо лепить, как скульптуру. Образ лепится объемами.

Два моих последних объекта – очень разные. Это Центр управления перевозками на улице 2-й Железнодорожной – большой, ответственный, видный в городе объект. Современные технологии строительства – металлический каркас, стеклянный фасад. И второй объект – храм Святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (в Лисихе) – камерный, компактный. Но оба объекта решены на объемном принципе. Цвет для меня менее важен, чем светотень.

Как материал я очень люблю дерево. Мне не раз встречались объекты из дерева, в основном – индивидуальные жилые дома. Очень интересный для меня проект – гостиница «Золотая сова» в пади Крестовой, в Листвянке. Она построена

из круглого леса, на основе традиционных приемов.

Иркутск – город деревянный. Все, кто сюда приезжают, особенно иностранцы, запоминают наш город именно за деревянную застройку в центре. И самая любимая гостиница для них – деревянная, в комплексе Кружевного дома (Дома Европы).

ПБ

Вы учились и работали с многими интересными, яркими людьми, настоящими профессионалами. А каковы сейчас тенденции развития нашего города? Куда движется иркутская школа архитектуры?

АК

Кризисная ситуация, конечно, повлияла и на наш город. Вовлекла в эту воронку тяжелых будней и строительный комплекс, и проектировщиков. Но градус творчества не падает.

Например, конкурс «Золотая капитель». У него высокий статус, в нем охотно участвуют и Москва, и Санкт-Петербург. И традиционно работы иркутян получали на нем призы, дипломы и даже Гран-При. В этом году окончательные итоги еще не подводились, но промежуточные цифры таковы: во второй тур из 160 конкурсных работ вышли 63 проекта. Из них 23,

то есть больше одной трети – проекты иркутян.

Еще один пример. Только что закончилась юбилейная, 10-я сессия Зимнего градостроительного университета. Для участия в ней молодым архитекторам из-за рубежа пришлось пройти через серьезный конкурсный отбор. Во Франции, насколько я знаю, он достигал десяти человек на место. Так что для международной архитектурной молодежи Иркутск – город очень интересный и привлекательный в профессиональном плане.

ПБ

Нам приходится поздравлять вас в не самое простое и легкое время. Что бы вы хотели пожелать коллегам «на фоне кризиса»?

АК

Во-первых, хочу поблагодарить всех, с кем довелось работать, и тех, с кем сейчас светла жизнь.

А пожелать хочу, чтобы это время не смогло повлиять на нашу приверженность профессии. Каждый наш объект строится для людей, в каждом оставляешь частичку своего сердца, и когда видишь человеческую благодарность, то понимаешь – профессия архитектора особенная.

Я однажды прочитал такую

историю: архитектор случайно встретил на улице своего бывшего заказчика. И он пригласил архитектора к себе в дом, который тот спроектировал. По-дружески, в гости позвал. Уходя, архитектор щелкнул пальцами и сказал себе: «Вот ради этого и стоит жить!»

В 1999 году главный архитектор города Куликов мне предложил сделать проект Дома-музея Рогалея. Он честно сказал, что денег за эту работу много не будет. Но зато этот дом войдет в историю города. Объект состоялся.

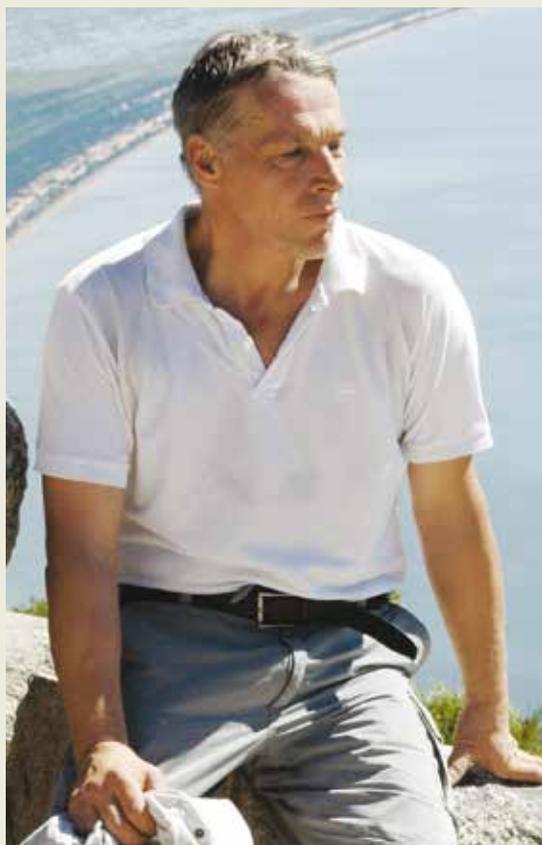
Работа была очень интересная, в постоянном контакте с замечательным художником Виталием Сергеевичем Рогалем. Заведующая домом-музеем до сих пор при встречах мне улыбается, и это – главное, вот такой отклик людей на нашу работу.

Так что всем желаю выстоять, не сломаться. Пройти через это тяжелое время, может быть, через боль. Это все – испытание на преданность своему делу. Потому что архитектура не только профессия. Это судьба.

Центр управления перевозками ВСЖД

Нам нужна честная архитектура

Распутин Владимир Викторович, родился в 1959 году в г. Шелехове Иркутской области. После окончания в 1976 году средней школы поступил в Иркутский политехнический институт, специальность архитектура. В 1981 году по распределению был принят в институт Иркутскгражданпроект, где проработал до февраля 2009-го. В феврале 2009 года с должности главного архитектора института перешел в службу архитектуры Иркутской области. С 2004 года – член правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов Российской Федерации.

Основные работы

1. Проект застройки микрорайона Радужный в г. Иркутске. Реализация с 1987 года, автор В. Распутин.
2. Магазин «Товары для детей» в г. Усолье-Сибирском. Автор В. Распутин, при участии Е. Бажиной.
3. Вокзал детской железной дороги на о. Юность в г. Иркутске. Авторы В. Распутин, М. Распутина.
4. Физкультурно-оздоровительный комплекс в микрорайоне Радужный. Авторы В. Распутин, В. Бызов, В. Коваленко.
5. Проект застройки жилого комплекса на полуострове Иркутского водохранилища. Авторы Е. Григорьева, В. Распутин, Н. Шерстова, В. Бызов, С. Ставцев и др.
6. Аэропорт «Иркутск-Новый», авторы А. Макаров, В. Распутин, В. Бызов, А. Сергеев, С. Александров, Е. Сушкова.
7. Жилой дом по ул. Марата в Иркутске. Авторы: концепция – В. Распутин, архитекторы В. Бызов, Е. Сушкова, при участии А. Сергеева, С. Александрова.

Жилой дом по ул. Марата в Иркутске

ПРОЕКТ БАЙКАЛ
 Как начинался ваш творческий путь? Какие чувства вызывают у вас воспоминания об этих, ранних этапах вашего профессионального становления?

ВЛАДИМИР РАСПУТИН
 Профессиональная жизнь и то, что принято называть карьерой, у меня как-то не делится на этапы. Она скорее похожа на непрерывный поток. Мы постоянно ставим себе какие-то цели, строим планы. Они реализуются или не реализуются, зачастую трудно отличить одно от другого... Получаются какие-то результаты, но бывает трудно определить, где именно, в какой момент был заложен фундамент этих результатов.

Я с удовольствием вспоминаю самое начало своей работы в Иркутскгражданпроекте. Мои учителя – в первую очередь хочу назвать Станислава Михайловича Григорьева и Владимира Азарьевича Павлова. У них многому можно было научиться в профессиональном плане. Но они еще и люди были замечательные: яркие, увлеченные, полные энтузиазма. С благодарностью вспоминаю Александра Альбертовича Колесникова – он уже тогда был опытным мастером нашей профессии.

Когда я пришел в Гражданпроект, жизнь

там просто кипела. Мы очень часто участвовали в конкурсах. Проводились областные, городские конкурсы по любому поводу, серьезному и несерьезному. Старшие товарищи – Владимир Федорович Бух, Виктор Петрович Шматов, Владимир Васильевич Исаков – много сил вкладывали в организацию таких конкурсов и в поиски их финансирования. Они стремились увлечь, заинтересовать молодых архитекторов да и проектировщиков среднего возраста.

Сейчас нам тоже нужно проводить такие мероприятия. Конкурс – это совершенно особая форма архитектурного творчества, это ответ на творческий вызов, реакция на интересную задачу. Нужны именно творческие конкурсы, а не только тендерные мероприятия. Ведь результаты тендеров чаще всего основываются не на профессиональных архитектурных критериях, а на экономических факторах.

Первые шаги я делал в мастерской Люциана Федоровича Антипина. Редкой доброты человек, но и умеющий внушить глубокое уважение. Я и сейчас с удовольствием вспоминаю ту увлеченность, эмоциональность с которой Люциан Федорович меня наставлял в реальном проектном деле. С огромным интересом, с

достоинством, но безо всякого высокомерия.

Вот так годы и бежали, и я вырос до должности главного архитектора проектов. Это был период непростой, время становления, понимания своих возможностей и их границ. Пришлось глубоко и честно искать формулировки своего жизненного и профессионального кредо, выводить из него свой язык в проектировании. В нашем деле нельзя разделить жизненные установки от профессиональных подходов к различным видам архитектурного творчества. Как живешь, так и проектируешь.

Новая ступень сложности – это столкновение непосредственно с градостроительной деятельностью. Тут уже пришлось далеко выходить за рамки собственно архитектуры. Связи на уровне таких объектов, как район – город, требуют понимания и социальных, и экономических процессов. И формы, и пространства строятся как выражение множества разнородных структур, состоящих из людей, транспортных потоков, социальных групп в их динамике, в движении различных ресурсов... Все они должны находиться в гармонии, а архитектурный образ становится конечным выражением этой гармонии.

На этом этапе осмысление своей профессио-

нальной позиции требует особого понимания своей ответственности в принятии решений, требует понимания себя как гражданина. Так что, хотя сейчас я больше занят администрированием, работа продолжает оставаться интересной, и не назвать её творческой я тоже не могу.

ПБ

И все-таки какие-то объекты, наверное, вспоминаются с особенно теплым чувством?

ВР

Вообще-то я могу смело сказать, что судьба была ко мне благосклонна. За двадцать семь лет проектной деятельности собрался доста-

точно большой список проектов. Конечно, как у каждого практикующего архитектора, некоторые объекты остались на бумаге. Хотя очень бы хотелось увидеть их реализованными. Вообще часто возникает такое ощущение, что реализуется не самое лучшее, что самые интересные идеи не воплощаются в материале. Это редкое везение, если какая-то восхитительная идея реализуется на все сто процентов.

Многие объекты или даже целые периоды в своей практике я вспоминаю с улыбкой. Например, проектирование объектов для детей. Сначала я больше занимался жилыми домами, причем типовое

проектирование меня почти не задело. Мы занимались в основном индивидуальными проектами.

Моя серия «детских проектов» начиналась совершенно бесплатно, на одном энтузиазме. Это был 1983 год. Мы с Андреем Красильниковым сделали проекты двух детских площадок в Ново-Ленино. Это была настоящая творческая задача. Мы тщательно разрабатывали и замысел, и чертежи площадок. Воплощали эти проекты в жизнь студенты архитектурного факультета, а мы вели авторский надзор. Эти площадки живы до сих пор, и недавно управляющая жильем компания отремонтировала одну из них.

Потом пошла целая серия детских садов. Детский сад на улице Боткина в Свердловском районе Иркутска на 280 мест. Затем проект детского сада для карьера «Перевал» в Слюдянке, на 330 мест, который, к сожалению, остался нереализованным из-за начавшихся в государстве реформ.

После этого у меня был проект магазина «Детский мир» в Усолье-Сибирском. Этот проект реализован. Я работал там как главный архитектор проекта, а Евгения Юрьевна Бажина делала дизайн интерьеров. Место оказалось очень ответственное, в центре города, на перекрестке

Вокзал детской железной дороги на о. Юность в г. Иркутске

Аэропорт «Иркутск-Новый»

улицы, ведущей от вокзала. Большой магазин, 1500 квадратных метров площади. Двухэтажный объём, частично с третьим этажом, мы туда поместили кабинеты администрации и детскую игровую комнату. Архитектурный образ строился на энергичных, брутальных формах. Когда мы принесли первые эскизы, нам сказали: так магазины не проектируют. И нам пришлось доказывать правоту своего подхода. И доказали! Проект состоялся, и я до сих пор с гордостью вспоминаю о нем.

Потом был следующий проект – «Детская железная дорога». У этого объекта долгая проектная судьба. Первые эскизы по

нему мы начали в конце 1980-х, сам проект был завершен в 1990-е, а строительство его закончилось только к 2005 году. Сейчас я вижу, что этот объект во многом принадлежит еще архитектуре 1980-х. Остался отпечаток времени, какой-то независимости мышления нам не хватило.

После того, как я сделал проект детской поликлиники, начался новый цикл моей работы – проектирование больниц. Детская больница, Центральная районная больница, психиатрическая больница в Сосновом Бору и наиболее сложный и интересный объект – Центр хирургии в Свердловском округе. Этот объект мы опре-

деляли и концептуально рассматривали как медицинский Академгородок. Территория большая – более 25 гектаров, но и включает проект всё: жилье, науку, практику, поликлиническую деятельность. В составе коллектива над этим проектом со мной работали Татьяна Шипунова, Марина Захарчук, Вячеслав Бызов, затем Женя Сушкова. Мы запроектировали очень крупный медицинский комплекс, до 90 тысяч квадратных метров общей площади, который включал в себя все важнейшие отделения и был дополнен инфраструктурой. Здесь мы спланировали стационар на 400 коек, научно-исследовательскую часть, хирургические корпуса, пансионат для восстановления в послеоперационный период. Очень крупный центр – более 10 отделений разных медицинских направлений. Я надеюсь, что эта работа все-таки состоится.

ПБ

Масштабный объект, даже по международным меркам. А что вы думаете о взаимодействии российской и зарубежной архитектуры?

ВР

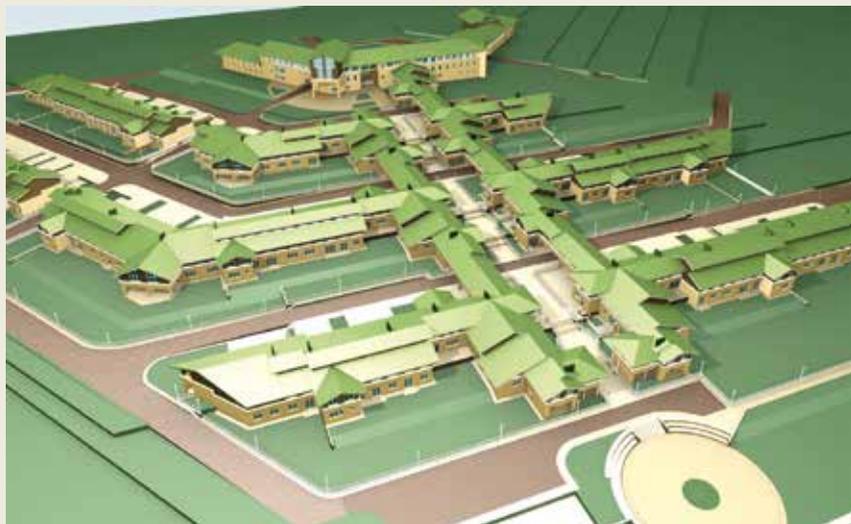
Обобщать легко.

Взаимоотношением с зарубежными тенденциями в нашем регионе могут похвастаться только единичные постройки

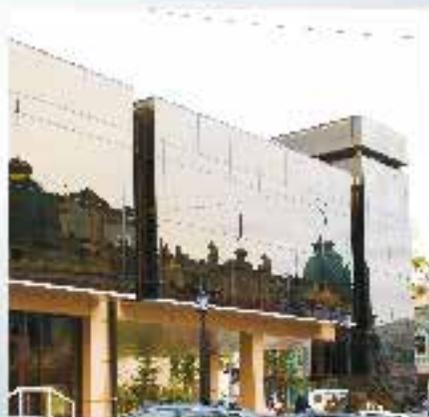
Нам нужно методологическое взаимодействие с мировой архитектурой. Нужно понимание современных подходов к решению архитектурных и градостроительных проблем. Я думаю, что особенности нашего национального мышления кроются в некотором декоративизме, в усложненности, в вычурности. Если мы от этого избавимся, то новой архитектуре это добавит внутреннего соответствия, логики, тактичности. Это будет более честная архитектура.

Конечно же, корень проблемы – то, как поставлено у нас профессиональное образование. Если там не закладывается концептуальное мышление, понимание города и жизни людей как живого процесса, архитектору трудно ориентироваться. Наш молодой архитектор владеет, может быть, атрибутами профессии – формотворчеством, ритмом, динамикой композиции. Но еще важнее понимание сути архитектурной проблемы. Важна взаимосвязь нового объекта с окружением. Какое значение получит объект в живой ткани города, в регламенте площади, улицы. Мы рисуем красивые дома, но этого мало. Для меня важнее стремление создать качественную архитектурную среду.

Проект застройки жилого комплекса на полуострове Иркутского водохранилища

**Комплексные
инновационные
решения**

**Архитектурные
конструкции
из алюминия**

**Вентилируемые
фасады**

г. Иркутск
К. Маркса, 55,
т.: [3952] 710-453,
710-395

www.demetra.ru

В недрах архива Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области уже десять лет хранится один очень полезный и любопытный документ. Его официальное название: «Список вновь выявленных памятников истории и культуры: садов, парков, ландшафтов и иной древесно-кустарниковой растительности исторического значения г. Иркутска». Список был разработан в 1997 году на 7 страницах в табличной форме специалистами Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) – организации-предшественницы Службы.

Утвержден Список, как и положено, печатью того государственного органа охраны памятников, заверенной руководителем, на то время исполняющим обязанности генерального директора ЦСН М.Я. Скляревским. Подписан документ директором Службы недвижимых памятников ЦСН А.К. Чертиловым, заведующим научно-исследовательским сектором ЦСН А.Н. Гарашенко и непосредственно составителем, автором Списка Е.В. Титаевой (ботаник, ландшафтовед), являвшейся тогда штатным сотрудником Центра.

Список согласован (в листе согласований): председателем Иркутского территориального комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов И.И. Ильяшевичем, начальником отдела охраны окружающей среды администрации г. Иркутска Е.В. Бояркиной, председателем Областного совета Всероссийского общества охраны природы В.М. Шленовой. Учитывая такие согласования, можно сказать, что получился солидный, ответственный документ.

«Послужной список» Списка: а) по каким-то причинам он не публиковался; б) его никто не отменял; в) почему-то про него мало кто знает, даже специалисты; г) им очень редко пользуются. По какой причине? На этот вопрос нетрудно найти ответ, зная, что творится сегодня вокруг и на территориях некоторых этих «охраняемых государством» садов, парков, исторических ландшафтов, какими лакомыми кусочками они являются для отдельных акул и осьминогов строительного бизнеса.

Мы решили исправить эту «оплошность» и опубликовать такой важный для города и горожан документ, коль государственный орган до сих пор этого не сделал.

Алексей Чертилов

Список состоящих на государственной охране и выявленных объектов культурного наследия г. Иркутска: сады, парки, ландшафты, участки озеленения, древесно-кустарниковая растительность, представляющие историческую ценность и интерес

1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ и НАГОРНАЯ ЧАСТИ ГОРОДА (Кировский, Куйбышевский и Октябрьский районы)

№	Наименование	Датировка, автор	Заключение экспертизы		Техническое состояние	Принадлежность, пользователь	Месторасположение
			Характеристика объекта	Тип растительности			
01	Александровский сад, бульвар Гагарина	1908 г., арх. И.Ф. Тамулевич; 1935-1936 гг.; 1960-1970 гг., дендролог Л. Гольцова, арх. В.П. Шматов	Ландшафтно-исторический памятник. В 1900-х был намечен и разбит сад вокруг памятника Александру III. В 1935-1936 гг. формируется сквер вдоль Ангары. В 1960-70-х бульвар, протяженностью около 3 км, объединил разновременную и разномасштабную застройку набережной в ансамбль, определивший лицо города	Искусственные насаждения в виде аллей, бордюров, групп и куртин деревьев и кустарников. Видовой состав разнообразен: 10 видов деревьев: береза, ель, лиственница, сосна, кедр, тополь, вяз, яблоня, рябина, клен, ива. Кустарник – 13 видов. Газоны засеяны в основном злаками с небольшой примесью разнотравья, сорных видов	Состояние растительности удовлетворительное и хорошее	Администрация г. Иркутска	Кировский р-н, набережная реки Ангары, бульвар Гагарина от старого Ангарского моста до ул. Красного Восстания
02	Сукачевский (Спасский, Публичный, Городской) сад в комплексе со Спасской церковью и мемориалом «Вечный огонь»	XIX в.; 1894-1897 гг.; 1975-1976 гг.	Ландшафтно-исторический памятник. На плане города 1768 г. перед Спасской церковью обозначена небольшая площадь. В XIX в. сложился храмовый ансамбль, рядом был организован городской сад. В 1975-1976 гг. дополнен мемориалом «Вечный огонь»	Искусственные насаждения в виде бордюров, аллей, групп и куртин деревьев и кустарников. Удачное сочетание и компоновка лиственных и хвойных пород. Деревьев 10 видов: кедр, ель, лиственница, сосна, береза, тополь, яблоня, рябина, клен. Кустарник – 4 вида	Состояние насаждений удовлетворительное и хорошее	Администрация г. Иркутска	Кировский р-н, улицы Ленина, Сухэ-Батора, здание областной администрации
03	Комплекс островов Юность, Конный	Естественное происхождение; освоение – XVIII–XX вв.	Ландшафтно-исторический комплекс. Место массового отдыха, важная, мало освоенная рекреационная зона с широким спектром использования	Естественная вторичная растительность, сформировавшаяся под влиянием антропогенного влияния. В основном – открытые пространства, покрытые луговой и рудеральной растительностью с небольшими, редкими куртинами и группами деревьев и кустарников. Интересен и достаточно разнообразен животный мир	Состояние ландшафта критическое: малоценная, скудная растительность, нарушенный рельеф, зоны отдыха не организованы	Администрация г. Иркутска, управление ВСЖД	Кировский, Октябрьский р-ны, акватория реки Ангары

04	Сквер им. Кирова (Тихвинская площадь)	1960-е гг., арх. В.П. Шматков	Ландшафтно-исторический элемент. В 1700-х здесь размещались Гостиный двор и Мещанские торговые ряды с площадью. С 1890-х – площадь им. графа Сперанского, в 1920-е – площадь 3-го Интернационала со сквером в южной части. В 1960-х по проекту разбит сквер, в центре находится самый большой в Сибири фонтан	Искусственные насаждения. Компонировка растений достаточно живописна. Удачно расположенные лиственные – клен, тополь, вяз, яблоня и хвойные породы – ель, лиственница, хорошо сочетаются с куртинами сирени, черемухи, рябины. Обрамляет сквер бордюр из спиреи, лоха, акации, боярышника	Состояние растительности удовлетворительное	Администрация г. Иркутска	Кировский р-н, улицы Ленина, Желябова, Сухэ-Батора, площадь перед зданием областной администрации
05	Иерусалимское кладбище (ЦПКиО)	Конец XVIII в. – 1929 г.; 1956 г. – разбит парк	Ландшафтно-исторический памятник. Комплекс православных, старообрядческого, католического, протестантского и еврейского кладбищ. Начало формироваться в 1772 г., является продолжением в северо-восточном направлении кладбища при Крестовоздвиженской церкви, стало главным, самым большим кладбищем города. Еще будучи действующим, уже использовалось для гуляний. В 1929 г. было закрыто. В 1956-м на его месте разбит увеселительный Центральный парк культуры и отдыха	Искусственные насаждения на месте коронного хвойного леса. Встречаются реликты – сосна, кедр, лиственница, майник, седмичник. Формируется парк стихийно, запущен. Деревьев 10, кустарников 18 видов, преобладают травянистые растения. Интродуцентов немного	Состояние ландшафта неудовлетворительное, растительности – удовлетворительное и неудовлетворительное	Администрация г. Иркутска	Октябрьский р-н, склон Иерусалимской горы, улицы Парковая, Коммунарв, Байкальская, 1-я Советская
06	Парк Сукачева (ранее – часть Кукуевской рощи)	1883-1888 гг.; 1953 г.	Ландшафтно-исторический памятник. Элемент комплексного памятника федерального значения «Усадьба и парк В.П. Сукачева». Участок естественной, т.н. Кукуевской, рощи, куплен Сукачевым в 1883-1884 гг. В 1888 г. на этой территории был спланирован парк, заложено несколько аллей, грот, арки, беседки, горки и пр. Организовывались различные мероприятия, праздники для горожан	Искусственные насаждения на месте естественного лесного массива. Высаживались интродуценты. Было 33 вида древесных пород. Почти все сохранились. Травяной покров однообразен, неоднороден, низких декоративных качеств, много рудеральных и сорных видов	Состояние ландшафта неудовлетворительное. Территория исхожена, много выбитых участков, захлампена (свалки мусора). Деревья – состояние плохое и аварийное, усыхают, больные, подроста нет.	Иркутский областной художественный музей	Октябрьский р-н, территория общежития ИИНХ, здание Дворца профсоюзв, улицы Декабрьских Событий, 1-я Советская
07	Парк Иркутской геофизической обсерватории	Конец XIX в., проф. А.В. Вознесенский и др.	Ландшафтно-исторический памятник, ценный элемент озеленения. Благоустройство и общая планировка отсутствуют	Естественные насаждения, березово-лиственничные, сильно измененные антропогенным воздействием и посадками интродуцентов (12 видов). Деревья – 16, кустарник – 17 видов. Всего 140 видов растений	Состояние древостоя удовлетворительное и плохое	Иркутское управление гидрометслужбы	Октябрьский р-н, улицы Байкальская, Трилиссера, Партизанская, 4-я Советская
08	«Тополиная аллея»	1941 г.; выпускники школы № 21	Историко-природный памятник. Аллея высажена выпускниками школы № 21 (а также учениками двух девятых, трех восьмых классов) в июне 1941-го, перед уходом на фронт. Аллея стала памятником выпускникам, погибшим в Великой Отечественной войне	Искусственные насаждения – рядовые посадки тополя бальзамического образуют небольшой сквер в виде аллеи перед зданием бывшей школы (ныне туберкулезной больницы), со стороны улицы	Состояние насаждений удовлетворительное, некоторые деревья болеют, имеют механические повреждения	Администрация г. Иркутска	Октябрьский р-н, ул. Байкальская, 121
09	Татарское кладбище	Перв. половина XX в.	Ландшафтно-исторический памятник. Захоронения жителей мусульманского вероисповедания. Сохранилась часть оград, надгробий. Просматривается центральная аллея. Ориентировочно в 1960 г. было закрыто	Искусственные насаждения. Выражен верхний и второй ярус древесной растительности. Высокое проективное покрытие крон, подлесок хорошо развит, густой. Кустарники местами образуют заросли. Травостой высокий, густой, представлен луговыми видами, покрытие 70-90%	Ландшафт эстетически привлекателен. Территория заброшена, стихийно зарастает. Состояние растительности хорошее	Администрация г. Иркутска	Октябрьский р-н, ул. Цимлянская, территория школы № 39, гаражный кооператив № 9, кирпичный завод

10	Амурское (Лисихинское) кладбище	1902 – конец 1950-х; начало 1960-х	Ландшафтно-исторический памятник. Комплекс православного, еврейского, воинского (1941-1945 гг.) кладбищ. Место захоронения выдающихся деятелей Иркутска: декабристов А.З. Муравьева, А.П. Юшневского, поэта Ольхона (А.С. Пестюхина), писателя С.Д. Мстиславского, летописца и краеведа Н.С. Романова и многих других	Естественные вторичные насаждения. Древостой представлен в основном березой, яблоней, топодем, кленом, ясенем с включением хвойных пород. Разрозненные и рядовые посадки. Кустарники: сирень, черемуха, карагана и др.	Состояние растительности удовлетворительное и хорошее	Администрация г. Иркутска	Октябрьский р-н, улицы Байкальская, Станиславского, Депутатская, м/район Байкальский
11	Острова Любви (Любавы?), Комсомольский (Генеральский, 1829 г.)	Естественное происхождение; освоение – XVII–XX вв.	Ландшафтно-исторический элемент. Расположен в акватории Ангары, в месте впадения рек Иркут и Ушаковка. Осваивался с момента появления острога, через него проходил Московский тракт. В прошлом излюбленное место гуляний иркутян. Перспективная рекреационная зона, Большая часть территории занята садоводами	Естественная вторичная растительность, в основном кустарниковая. Несколько видов ив. Посадки на садовых участках	Ландшафт однообразен, эстетически неинтересен. Растительность скудная, фрагментарная	Администрация г. Иркутска, садоводства	Куйбышевский, Кировский р-ны, акватория реки Ангары, напротив устьев рек Иркут и Ушаковка
12	Интендантский (Городской) сад	Естественное происхождение; открыт 1 августа 1871 г.	Располагался между рекой Ушаковкой и ул. Шелашниковской, рядом с интендантским и губернским управлениями. В саду было 2 пруда, 3 канала с мостиками, беседки, буфет, павильон, качели и т.п. С 1871 г. городское управление арендовало сад у военного ведомства, а в 1876-м приобрело в собственность. Сад сдавался городом в аренду частным лицам. Действовал театр, проводились концерты, лотереи. Зимой устраивали каток и саночные горы	Основу насаждений составляли остатки естественной растительности сложной елью, лиственницей, березой с участием сосны и менее ценных пород деревьев. Хвойные имели значительный возраст – 100-150 лет, хорошо был выражен подлесок и кустарниковый ярус. В начале 1930-х еще сохранялись заросшие аллеи, обветшалые беседки, павильоны	С 1929 г. территория застраивается производственными зданиями. В настоящее время посадки полностью(?) уничтожены	ИЗТМ им. Куйбышева, администрация г. Иркутска	Куйбышевский р-н, ул. Октябрьской Революции, берег реки Ушаковки, территория ИЗТМ им. Куйбышева

2. ЗНАМЕНСКОЕ и РАБОЧЕЕ ПРЕДМЕСТЬЯ (Куйбышевский район)

№№	Наименование	Датировка, автор	Заключение экспертизы		Техническое состояние	Принадлежность, пользователь	Месторасположение
			Характеристика объекта	Тип растительности			
13	Радищевское кладбище	Открыто в конце XIX в.	Ландшафтно-исторический памятник. Место захоронения иркутян, среди которых Герой Советского Союза генерал И.С. Бескин, драматург А.В. Вампилов и др. Включает кладбище японских военнопленных.	Естественный лесной массив, сильно измененный антропогенным влиянием. Сохранились фрагменты соснового леса. Хорошее возобновление хвойных пород. Участки вторичного осинового и березового древостоя	Состояние растительности хорошее. Единого ландшафтного облика нет	Администрация г. Иркутска	Куйбышевский р-н, падь Пшеничная, склон Топкинской горы, с восточной стороны – садоводства
14	Маратовский лесной массив	Естественное происхождение	Ландшафтно-исторический элемент. Часть большого естественного лесного массива, расположенного по правому борту долины реки Ушаковки, на ее надпойменных террасах. Важный планировочный, рекреационный и зеленый объект, прилегающий к городу. Включает областную станцию юннат. Популярное место отдыха	Естественный лесной массив. Благодаря разнообразным природным условиям сформировались различные растительные сообщества: сосняк разнотравный, озерно-болотный комплекс, пойменные заросли кустарников, луговая растительность, вырубки, опушки. Достаточно разнообразен животный мир	Состояние растительности удовлетворительное и неудовлетворительное. Возобновление плохое	Лесничество, Областная станция юннат	Куйбышевский р-н, улицы Карпинского, Лесная, станция юннат и территории за ней в северном и северо-восточном направлениях

15	Парк бывшей детской железной дороги (сквер у спорткомплекса «Динамо»)	Естественное происхождение; освоение – XVIII–XX вв.	Ландшафтно-исторический элемент. Важный компонент в предполагаемой заповедной зоне «Ремесленная слобода». На территории находятся памятники архитектуры. В конце XIX – нач. XX в. здесь располагались дачи жителей города. Просматриваются остатки парковой планировки, ложе пруда и т.п.	Естественные насаждения, сильно измененные антропогенным воздействием. Пойменные заросли кустарников (несколько видов ив, черемуха, бузина др.). Травянистые растения представлены обычными видами для зарастающих речных галечников. Перспективная, интересная рекреационная зона	Пойменный ландшафт, привлекателен. Территория захлавлена. Состояние растительности удовлетворительное	Администрация г. Иркутска, управление ВСЖД	Куйбышевский р-н, улицы Декабристов, Черского, Баррикад, берег реки Ушаковки
16	Госпитальный парк	Естественное происхождение; освоение – XVIII–XX вв.	Ландшафтно-исторический элемент. Расположен на надпойменной террасе правого берега реки Ангары. Важный планировочный и зеленый объект района. Возможно связан с памятником истории «Военный госпиталь»	Естественные насаждения – вторичная растительность, сформировавшаяся на месте коренного сосново-лиственничного леса с большим включением интродуцентов, сильно измененная антропогенным влиянием. Высокое продуктивное покрытие древесного и кустарникового ярусов. Травяной покров представлен разнотравьем, злаками и сорными видами	Ландшафт интересен и привлекателен. Состояние растительности удовлетворительное. Территория захламляется	Администрация г. Иркутска	Куйбышевский р-н, улицы Шапова, Петрова, Николаева, Киренская
17	Знаменское кладбище	Конец XVIII в.	Ландшафтно-исторический памятник. Место захоронения иркутян, надгробия утрачены, кроме одного – на могиле А.П. Шапова	Естественное насаждение – вторичная березовая роща, сильно трансформировавшаяся под влиянием антропогенного вмешательства	Территория захлавлена, стихийно зарастает в основном сорными видами	Администрация г. Иркутска	Куйбышевский р-н, склон Знаменской горы, улицы Шапова, Войкова
18	Ремесленно-слободское кладбище (Борисо-Глебское, Рабочедомское)	Конец XVIII – начало XIX в.	Историко-ландшафтный памятник. Возникло после открытия Ремесленного дома, Тюремного острога (замка), суконной фабрики и образования Ремесленной слободы. Находилась недалеко от Знаменского кладбища. С 1940-х застроено домами, школой. Захоронено 10-12 тыс. человек, в т.ч. известные иркутяне	Искусственные посадки на улицах и в оградах. Растительность фрагментарна, скудна, не является единым комплексом. Деревья: тополь, яблоня, клен, вяз, береза, рябина, черемуха. Кустарники: сирень, бузина, карагана и др. Травяной покров представлен в основном сорными и рудеральными видами	Могильные знаки, ограды утрачены. Состояние растительности и ландшафта большей частью неудовлетворительно	Администрация г. Иркутска, частный сектор	Куйбышевский р-н, бровка, склон и выложенная вершина Знаменской горы
19	Фрагмент Каштаковской рощи	Естественное происхождение; освоение – XIX–XX вв.	Ландшафтно-исторический элемент. Входит в историко-культурный ландшафтный комплекс Князе-Владимирского монастыря и учительской семинарии	Естественные насаждения, сформировавшиеся на месте коренного соснового древостоя, сильно измененные антропогенным влиянием и искусственными посадками. Красивая лиственная аллея. Наблюдается возобновление хвойных пород. Травяной покров плохо развит, местами сильно выбит. Кустарниковый ярус слабо выражен	Состояние растительности удовлетворительное и неудовлетворительное Ландшафт эстетически привлекателен	Администрация г. Иркутска	Куйбышевский р-н, улицы Каштаковская, Лесная, Карпинского, Ушаковская

3. ГЛАЗКОВСКОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ И ИРКУТСКАЯ ГЭС (Свердловский район)

№№	Наименование	Датировка, автор	Заключение экспертизы		Техническое состояние	Принадлежность, польза	Месторасположение
			Характеристика объекта	Тип растительности			
20	Парк Парижской коммуны (Циклодром, Локомотив, Железнодорожников)	Естественное происхождение. Могильник эпохи неолита; освоение – XIX в.; с начала XX в. формируется парк	Ландшафтно-исторический, археологический памятник «Глазковский некрополь». Важный планировочный, рекреационный элемент исторической территории Глазковского предместья. Расположен на выположенном террасовидном участке Глазковской горы. Сильно пересечен глубокими лощинами, буграми. Рельеф разнообразный, эстетически привлекателен	Естественные насаждения. Преобладают вторичные сообщества (80%) – березняки с участием лиственницы, сосны с включением интродуцентов: тополь – 3 вида, вяз, клен и др. Фрагмент березового леса Глазковской горы. Эстетически ценный и разнообразный ландшафт. Травянистая растительность неоднородна, местами сильно выбита, представлена луговыми, лесными, лесостепными и сорными видами	Состояние растительности аварийное, возобновление отсутствует. Деревья старые, большие, усыхают	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, улицы Спортивная, 2-я Железнодорожная, Боткина, Маяковского

21	Остров Дьячий	Естественное происхождение; освоение – XVII–XX вв.	Ландшафтно-исторический памятник. Остров в устье реки Иркут, осваивался русскими с сер. XVII в., связан с первым (?) Иркутским острогом. Останец террасы. Интересное, привлекательное местоположение. Перспективная рекреационно-туристическая зона	Естественная вторичная растительность, представлена в основном кустарниками – по периметру острова (ивы), и луговым высокотравьем на поляне в центре. На галечнике сформировался сосняк (возраст около 50 лет)	Ландшафт нарушенный, уменьшен в размерах в XX в связи с изъятием грунта для отсыпки полотна дорог. Состояние растительности удовлетворительное	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, акватория реки Иркут, устье
22	Фрагмент березовой рощи Глазковской горы	Естественное происхождение; освоение – XIX–XX вв.	Ландшафтно-исторический элемент. Важный планировочный, рекреационный элемент исторической территории Глазковского предместья. Рельеф бугристо-западинный, склоновый	Естественные вторичные березняки с элементами реликтового хвойного леса и включением интродуцентов. Древоустой высокий, фаутовый, неравно стоящий. Возраст более 100 лет. 19 видов деревьев и кустарников. Много голых выбитых участков	Растительность сильно нарушена. 23% травяных растений – сорные. Естественного возобновления нет	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, улицы Терешковой, Пушкина, Профсоюзная, К. Цеткин
23	Роща «Звездочка»	Естественное происхождение; освоение – XIX–XX вв.	Ландшафтно-исторический, археологический памятник. Реликтовая сосновая роща. С XVIII в. принадлежала городу и сдавалась под дачи. Популярное место отдыха, ходил паром. Часть территории рощи осталась нетронутой. Место нелегальных собраний рабочих в 1908-1915 гг.	Естественные насаждения – реликтовые сосняки с включением лиственницы, березы, интродуцентов, сильно измененные антропогенным фактором. Возобновление редкое и часто угнетенное. Деревьев 13, кустарников 12 видов; 125 видов травяных растений, из них луговых 36, сорных 34	Состояние растительности хорошее. Идет интенсивная почвенная эрозия, вызванная хозяйственной деятельностью	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, улицы Звездинская, Чернышевского, Гоголя, ж/д пути
24	Реликтовая Кайская роща, включает территории курорта «Ангара», Ботанического сада, нового (второго) Глазковского кладбища	Естественное происхождение; освоение – XIX–XX вв.	Ландшафтно-исторический, археологический и архитектурный памятник. Комплекс построек Медведниковской больницы. Реликтовая роща – ценный планировочный и рекреационный объект. Кладбище – место захоронения известных иркутян. Северо-западный и южный склоны Кайской горы. Рельеф неоднороден. Склоны крутизной до 60°	Естественные насаждения. Коренные сосновые леса хорошо сохранились: полнодревесные, высокобонитетны. Возраст 120-150 лет. Подлесок плохо выражен. Вторичных насаждений и интродуцентов мало. Выявлено 260 видов растений, 15 подлежат охране. Деревьев 13, кустарников 27 видов. Фрагментарно развиваются луговые ценозы	Коренные насаждения деградируют. Подраста почти нет. Сорных видов 16,5%. Высокие антропогенные нагрузки	Администрация г. Иркутска, курорт «Ангара», Ботанический сад, садоводства	Свердловский р-н, улицы 2-я и 4-я Железнодорожные, Маяковского, Чайковского, Кайская, Кольцова, Миронова, ж/д пути, жилая застройка, берега рек Иркут и Кая
25	Фрагмент березовой рощи Глазковского училища	Естественное происхождение; освоение – конец XIX – XX в.	Ландшафтно-исторический элемент. Составной элемент в комплексе бывшего Городского (Глазковского) начального училища (ныне музыкальная школа № 3). Сохранившийся фрагмент березовой рощи Глазковской горы	Естественная вторичная растительность, производная от реликтового соснового леса. Древоустой высокий, неравномерно размещенный. Березам более 100, соснам более 150 лет. Возобновление отсутствует. Травостой неоднороден. Продуктивное покрытие 60-80%	Древоустой фаутовый, частично усыхает. Подраста нет. Состояние угнетенное, есть выбитые участки. Высокие антропогенные нагрузки	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, угол улиц Пушкина и Кайской
26	Старое (первое) Глазковское кладбище	Перв. половина XIX в. – 1930-е гг.	Ландшафтно-исторический памятник. Место захоронения горожан и больных, умерших в Медведниковской больнице (конец XIX в.). Захоронено до 10 тыс., в 1918 г. захоронены чехословаки, павшие в боях с большевиками. В 1970-е разбит сквер, детский городок	Естественные вторичные насаждения – березовая роща. Древоустой низкобонитетный, отмирает, высота 18-20 м. Посадки вдоль дорожек погибают. Напочвенный покров сильно нарушен, много выбитых участков. Преобладают сорные и луговые травы	Растительность сильно нарушена. Состояние древостоя аварийное. Возобновления нет. Надгробия, ограды утрачены	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, улицы 4-я Железнодорожная, К. Цеткин, Шмидта, Грибоедова
27	Комплекс Иркутской ГЭС	1950-1956 гг.; 1958-1961 гг.	Ландшафтно-исторический, архитектурно-инженерный и археологический комплекс. Сформировывался во время строительства Иркутской ГЭС и после его окончания на месте вторичного и естественного ландшафта. Важная рекреационная зона, интенсивно используется, но не приспособлена для этого	Естественные вторичные березняки и посадки интродуцентов – деревья, кустарников (рядовые, куртинами). Травяной покров разнородный с большим количеством сорных, рудеральных видов. Много голых, выбитых участков. Высокое продуктивное покрытие видов устойчивых к вытаптыванию.	Состояние ландшафта выше бьефа – неудовлетворительное. Ниже бьефа посадки в хорошем состоянии. Высокие антропогенные нагрузки	Управление Иркутской ГЭС; администрация г. Иркутска	Свердловский, Октябрьский р-ны, улицы Приморская, Якоби, залив Иркутского водохранилища, склон горы Межовка, поселки и плотина ГЭС
28	Загородный сад «Царь-Девица»	Открыт в мае 1908 г.	Ландшафтно-исторический памятник. Место загородного гулянья иркутян возле деревни Титово. Отдыхающих в выходные дни возили паромом. Действовали ресторан, фотопавильон	Искусственные посадки с фрагментами вторичных мелколиственных насаждений, по всей видимости, постепенно замещаемыми вырубаемые коренные породы	Сохранились отдельные фрагменты растительности	Администрация г. Иркутска	Свердловский р-н, местность Титово

4. ИННОКЕНТЬЕВСКОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ и ПОСЕЛОК АВИАСТРОИТЕЛЕЙ (Ленинский район)

№№	Наименование	Датировка, автор	Заключение экспертизы		Техническое состояние	Принадлежность, пользователь	Месторасположение
			Характеристика объекта	Тип растительности			
29	Роща скита Вознесенского мужского монастыря (Михайло-Архангельской церкви)	Естественное происхождение; освоение – XVIII–XX вв.	Ландшафтный элемент историко-культурного комплекса «Скит Вознесенского монастыря». Сохранились надгробия на могилах лиц духовного сана	Естественные насаждения, в основном вторичные березняки, интродуценты, покрывают большую часть территории. Сохранились фрагменты реликтового кедрча. Участки вторичной степной растительности антропогенного происхождения. Травостой неоднороден. Общее продуктивное покрытие 80%	Состояние растительности неудовлетворительное. Кедром грозит гибель	Община верующих Михайло-Архангельской церкви	Ленинский р-н, пер. Восточный, ж/д пути, полотно путепровода через ж/д пути, склон правого берега речки Сарафановка
30	Сад Томсона	1914–1930 гг. Садовод-любитель А.К. Томсон	Памятник истории сибирского садоводства. Создан в 1914 г. Представлял уникальный ботанический и селекционный центр. Была создана большая коллекция плодовых растений: 230 сортов яблонь, 77 видов других плодовых растений, 47 видов декоративных деревьев и кустарников. В 1938 г. передан Томсоном в дар городу	Искусственные насаждения. Более-менее сохранился дендрарий: 23 вида деревьев, 43 вида кустарников, среди которых много интродуцентов, редких растений. В травянистом покрове 50% сорняка	Сад заброшен, погибает. Растения вымерли или уничтожены, сохранившиеся – одичали	ВООП; ТОО «Сад»	Ленинский р-н, улицы Р. Люксембург, Томсона, территория завода керамических изделий, гаражные кооперативы
31	Роща железнодорожной больницы	Естественное происхождение; освоение – конец XIX – XX вв.	Ландшафтно-исторический элемент. Часть комплекса железнодорожной больницы при станции Иннокентьевская (Иркутск-Сортировочный). Разделена на две части: одна (≈70%) – в ограде больницы-комплекса, вторая – общий парк с детской площадкой	Естественные лесные фитоценозы занимают 60% территории (реликтовые сосняки, вторичные березняки, осинники) с участием интродуцентов. Всего 158 видов растений. Деревьев 11, кустарников 10 видов. Травостой неоднороден, разнообразен, 113 видов, из них 5 охраняемых, 26 сорных	Состояние растительности удовлетворительное. Интродуценты хорошо возобновляются	Иркутское отделение ВСЖД (больница)	Ленинский р-н, улицы Р. Люксембург, Академика Образцова, Норильская, пер. Девовский
32	Озерно-болотный комплекс «Птичья гавань»	Естественное происхождение; освоение – конец XIX – XX в.	Ландшафтно-исторический памятник. Низовья поймы реки Иркут. Освоение шло с момента строительства Транссиба. Имеет большое санитарно-гигиеническое значение для города: очистка сточных вод, поглощение пыли и углекислого газа, выделение кислорода, научное и учебно-познавательное значение. Выгодно расположено	Естественная растительность сильно измененная интенсивным хозяйственным использованием, подвергается сильнейшему техногенному воздействию. Торфяные болота разделены дорогами на участки. Растительность: болотные и луговые формации. Встречаются редкие виды растений и птиц. Обитают 28 видов птиц	Ландшафт деградирует. Очень высокие техногенные нагрузки.	Администрация г. Иркутска	Ленинский р-н, автодорога в Иркутск-2, завод ЖБИ, база управления торговли, роща скита Вознесенского монастыря
33	Татарское кладбище	Конец XIX – начало XX в.	Памятник истории. Захоронения жителей мусульманского вероисповедания. Сохранились отдельные надгробия. Имеет ценность как территория мемориального значения вблизи скита Вознесенского монастыря	Рудеральная и сорная растительность. Часть территории превращена в картофельное поле, остальная заросла травянистой растительностью, по части проложена автодорога. Одиночные экземпляры сосны, тополя, березы	Рудеральный ландшафт. Состояние неудовлетворительное	Администрация г. Иркутска	Ленинский р-н, между путепроводом через ж/д пути и озерно-болотным комплексом, устье р. Сарафановки
34	Парк Авиастроителей	Середина XX в.	Ландшафтно-исторический памятник, имеет важное планировочное и рекреационное значение. Сформировался стихийно, потом благоустроен, обнесен оградой. После ВОВ здесь размещался лагерь военнопленных (японцы, немцы)	Естественные вторичные насаждения, сформировавшиеся стихийно на месте бывшего пруда (озера) и вокруг него. Искусственные посадки	Состояние растительности удовлетворительное	АО ИАПО, администрация г. Иркутска	Ленинский р-н, Иркутск-2, пос. Авиастроителей, улицы Авиастроителей, Макаренко (здание ДК), Сибирских Партизан, пер. Пулковский
35	Ново-Ленинское кладбище	Открыто 1 января 1937 г.	Ландшафтно-исторический памятник, похоронены известные жители Иркутска: А.К. Томпсон, летчики– испытатели, погибшие при исполнении служебного долга и др. Действующее	Естественная вторичная разнородная растительность, сформировавшаяся стихийно из посадок на могилах, самосева, остатков естественного лесного массива	Состояние растительности удовлетворительное	Администрация г. Иркутска, еврейская община, частные предприниматели	Ленинский р-н, Ново-Ленино, за объездной дорогой

Современное состояние озеленения города Иркутска

Город Иркутск включает в себя четыре городских района: Кировский, Октябрьский – на правом берегу Ангары, Свердловский и Ленинский – на левом, разобщенные поймой Ангары и Иркутта. Основу структуры зеленых насаждений общественного пользования города составляют несколько городских парков: рекреационные зоны островов Юность и Конный, Центральный парк, сад им. Парижской Коммуны, роща «Звездочка», зеленая зона Академгородка, Кайская роща, парки в районе Сибэкспоцентра, при железнодорожной станции Иркутск-Сортировочный и в Иркутске-II («Авиаторов»). На них приходится около 170 га территории, что составляет 44% всех внемикрорайонных озелененных территорий общего пользования. Данная система должна обеспечивать кроме высоких художественно-архитектурных качеств городской среды, еще и высокий комфорт для жителей города. Но сохранившиеся зеленые территории не формируют эко-

логического каркаса, так как экологическая инфраструктура ландшафта разорвана. Для того чтобы зеленые «пятна» полностью обеспечивали комфортную среду обитания горожан, необходимо осуществить соединение «разрывов» зеленого каркаса и реабилитацию нарушенных территорий. Это возможно при восстановлении существующих зеленых зон и ландшафтов и создании новых, выполняющих функции связующих звеньев, экологических коридоров и буферных зон.

Но прежде чем приступать к решению проблемы озеленения Иркутска необходимо сделать оценку его существующих зеленых насаждений. В 2006 году сотрудниками группы «Оранжерея» Сибирского института физиологии и биохимии растений Сибирского отделения Российской академии наук были начаты работы по мониторингу состояния городских посадок путем закладки пробных площадей наблюдения (ПП) в разных частях города. Площади охватили различные типы категорий озелененных территорий: зеленые насаж-

дения общего пользования (парки, скверы, бульвары), ограниченного пользования (внутриквартальное озеленение) и специального назначения (уличное озеленение). На ПП изучалось состояние древесно-кустарниковых растений визуальным методом.

В результате исследований можно сделать выводы, что современному озеленению Иркутска недостает разнообразия и индивидуальности. Причина этого кроется в небольшом ассортименте видов, используемых в озеленении. В основном из древесных растений это гибриды тополя бальзамического и душистого, клен ясенелистный, яблоня ягодная, груша уссурийская, вяз гладкий, вяз приземистый, лиственница.

В сегодняшнем озеленении Иркутска насчитывают около 20 основных видов деревьев и кустарников, из них деревьев свыше 14 видов, кустарников – около 10-12 видов. Но городские зеленые композиции, несмотря на вроде бы большой ассортимент, выглядят однообразно. Сокращается

использование широкого числа дальневосточных видов деревьев и декоративных кустарников. Натурные обследования насаждений показали, что в зеленом наряде города доминирует тополь (около 47% всей городской древесной фитомассы). Это приводит к образованию большого количества пуха и росту аллергических заболеваний, так как в половой структуре городских популяций тополя доминируют женские особи (например, территория городской глазной клиники почти вся засажена тополями, что не позволяет пациентам после операций прогуливаться в период пухообразования.) Основные посадки, проведенные в 1960-е годы, в настоящее время подходят к своему критическому возрасту, многие деревья сухостойны, поражены гнилью и опасны для жизни горожан.

На остальные виды древесных пород приходится 53% фитомассы. Наиболее распространены среди них являются клен ясенелистный (12%), яблоня ягодная, груша уссурийская (26%), береза (4%).

Почти полное отсутствие приствольного круга вокруг дерева на ул. Канадзавы

Отсутствие приствольного круга вокруг дерева на ул. Сухэ-Батора. Только близость грунтовых вод спасает этот тополь от гибели

Клены, растущие из мощения на ул. Горького

Вывранный саженец тополя на ул. Лермонтова

Категории земельных насаждений	Правобережный район	Свердловский район	Октябрьский район	Ленинский район	Всего по городу
1. Площадь зеленых общего насаждений, га	48,3	67,8	165,7	78,6	360,4
2. Городские леса, га	4993,9	529,6	–	1102,2	6625,7

Таблица
Обеспеченность зелеными насаждениями общего пользования по административным округам согласно генеральному плану¹

Одним из критериев при отборе видов базового ассортимента для создания эффективно функционирующей системы зеленых насаждений города должна стать способность пород являться индикатором состояния окружающей среды. В озеленении города должны использоваться породы древесных растений, представляющие наибольшую санитарную и декоративную ценность.

В защитном озеленении Иркутска недостаточно кустарников (они практически отсутствуют), в результате чего пешеходы оказываются незащищенными от неблагоприятных воздействий автотранспорта. Гибель кустарников на улицах гораздо выше, чем деревьев. Причины различны: например, зимой, когда снег с тротуаров и улиц складывают на разделительные и придомовые полосы, или в результате наезда на них автотранспорта.

Недостаточно разработан ассортимент газонных трав. А также в цветочном оформлении Иркутска преобладают однолетники, которые массово зацветают лишь со второй половины июля. Практически отсутствуют ранневесенние и многолетние дикорастущие цветущие растения. Из всего этого можно сделать вывод об ограниченном количестве ухоженных газонов в городе.

Точечное строительство гаражей и автостоянок почти полностью «окупиравало» запроектированные под скверы, сады, садики и роши свободные внутриквартальные и внутримикрорайонные пространства. Таким образом, рекреационная нагрузка на дворы возросла. На сегодняшний день практика показывает, что дворы не выполняют рекреационных функций, возложенных на них. Исследования зеленых насаждений ограниченного пользования показывают, что при реконструкции дворов не проводится дендрологического анализа посадок, вследствие чего довольно часто вырубают здоровые особи, а старые и больные деревья не трогают. При проектировании новых объектов не ведётся разработка

проектов озеленения, дендрологических планов с учётом выполнения растениями средозащитных функций.

И все же, по сравнению с уличными посадками, зеленые насаждения во дворах находятся в лучшем состоянии. Это связано с большей закрытостью дворов и меньшим поступлением атмосферного воздуха, идущего со стороны городских магистралей.

В настоящее время в зеленом строительстве Иркутска отсутствует стройная и логичная система озеленения специального назначения.

У большинства центральных улиц Иркутска не остается места для защитных озеленительных полос, так как ширина проезжей части практически попадает в красные линии застройки, а под газонами защитного озеленения расположены инженерные коммуникации.

Новые посадки деревьев вдоль городских дорог подвергаются актам вандализма со стороны населения (улицы Карла Маркса, Лермонтова, Байкальская, сквер у Знамен-

деревьев. В результате чего существенно снижаются средозащитные функции зеленых насаждений.

На сегодняшний момент, по материалам Генерального плана г. Иркутска³ (см. таблицу), общая площадь зеленых насаждений в пределах селитебной зоны Иркутска занимает территорию 360,4 га. В среднем на одного жителя приходится 6,2 кв. м озелененной территории, что составляет 38,8% уровня, предусмотренного СНиП 2.07.01-89* для крупных городов (6 кв. м/чел. – общегородского значения и 10 кв. м/чел. – в жилых районах). Таким образом, удельный вес озелененных пространств в общей площади селитебной зоны гораздо ниже, чем рекомендовано нормативными документами.

Существует резерв в виде городских лесов, площадь которых составляет 6625,7 га. Из них ориентировочно 500 га может быть включено в состав озелененной территории общего пользования для приведения обеспеченности населения рекреационными территориями до нормативного уровня, что предусмотрено новым генеральным планом города.

Насаждения общего пользования размещены на территории города неравномерно.

Из пяти административных районов в наилучшем положении находятся жители Правобережного района (нет ни одного парка, кроме реакционной территории на

1. В задачи генерального плана не входила внутренняя планировка жилых кварталов и микрорайонов.
2. Шергина О.В., Михайлова Т.А. Состояние древесных растений и почвенного покрова парковых и лесопарковых зон г. Иркутска / отв. ред. Ю.М. Семенов. Иркутск : Изд-во Института географии СО РАН, 2007. 200 с.
3. Генеральный план г. Иркутска до 2025 г. ОАО «Иркутскгражданпроект», 2007.

Сломанный ясень на ул. Карла Маркса

Благоустройство двора на ул. Марата

4. Виньковская О.П. Анализ изменения биологической структуры флоры Иркутской городской агломерации за последние 125 лет // Биоразнообразие экосистем Внутренней Азии : тезисы Всероссийской конференции с международным участием Улан-Удэ (Россия). 5-10 сентября 2006 г. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН 2006 : в 2 т. Т. 1. 208 с.

о. Конный) и Октябрьского районов (Центральный парк культуры и отдыха, городской Лисихинский парк, парк при усадьбе Сукачева условно пригодны для прогулочного и частично – для активного видов отдыха).

От Нижней набережной до ул. Дзержинского находится территория с практически уничтоженной растительностью. Из исследований О.П. Виньковской⁴ видны недостатки в благоустройстве этих территорий: растения в центре города расположены пристенно, в щелях асфальта, на крышах. Это объясняется почти полным отсутствием мест обитания, пригодных для существования растительности.

Современный опыт зеленого строительства Иркутска не учитывает в полной мере особенностей экологических условий различных районов города и уровень их техногенного загрязнения. Остаются недостаточно изученными

вопросы состояния насаждений жилых и промышленных районов и устойчивости древесных растений к воздействию городской среды.

На территориях существующих парков и скверов отсутствует систематический уход за посадками. Вследствие чего запущенное состояние парков и других мест отдыха лишает горожан полноценного отдыха, эстетических впечатлений, душевного и физического благополучия – всего того, что составляет здоровую среду проживания. Нехватку этого горожане восполняют, посещая сохранившиеся в пригороде естественные зеленые массивы. Последние не приспособлены для массовых посещений, их эксплуатация приводит к быстрой деградации, ухудшению состояния зеленых насаждений и потере продуктивного почвенного слоя.

В периферийных частях города (верхний бьеф плотины, набережная р. Иркуты)

Отсутствие кустарниковых насаждений на ул. 1-й Советской

Тополя вдоль ограждения территории глазной больницы

сформировались стихийные зоны отдыха, удовлетворяющие потребность населения в отдыхе в выходные и праздничные дни. Уровень благоустройства этих территорий минимален. Длина набережных города составляет не менее пятидесяти километров, но только два из них (бульвар Гагарина, часть ЦЭСовской набережной) благоустроены.

Одной из серьезнейших проблем городской территории является наличие заброшенных земель и пустырей, превращенных в стихийные свалки.

С каждым годом нарастает проблема объемов ассортимента и качества посадочного материала. Речь идет о создании сети городских питомников, либо поддержки частных зеленых хозяйств, которые были бы в состоянии обеспечить создающуюся Иркутскую агломерацию качественным посадочным материалом. Питомники «Городского зеленого хозяйства», являющиеся единственной организацией, относящиеся к муниципальному хозяйству, находятся в удручающем состоянии. Большая часть питомников уже давно превратилась в так называемый «дикий лес». Ассортимент представленных растений не разнообразен, насаждения загущены, для них не производится регулярное перешколение.

Подводя итоги, можно отметить, что количество зеленых насаждений в Иркутске неуклонно сокращается, а их качество ухудшается. Очевидно, что ситуация должна быть изменена в самое ближайшее время, ведь уже сейчас озелененным территориям города наносится непоправимый урон, а в ближайшем будущем Иркутск может лишиться известных городских рекреаций, в некоторых из которых уже начата или планируется застройка.

Вразрез с общими положениями Градостроительного кодекса об устойчивом развитии городских территорий сегодняшняя градостроительная политика (или отсутствие таковой) приводит к тому, что открытые озелененные пространства города исчезают. Устойчивое развитие городских территорий подразумевает осуществление такой градостроительной деятельности, в результате которой развиваются благоприятные условия для жизнедеятельности человека, идет ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечивается охрана и рациональное использование природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений.

Александра Соколова

Японский сад в Сан-Франциско

Сан-Франциско по праву считается одним из самых колоритных городов в Америке. Город широко раскинулся на склонах полуострова, одну сторону которого омывает обширный залив Сан-Франциско, а другую – Тихий океан.

Определенно можно сказать, что это один из главных финансовых, экономических и культурных центров не только американского Запада, но также всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Несмотря на то что Сан-Франциско основали испанцы, издавна этот город был связан с Азией. Гавань Сан-Франциско стала стремительно развиваться во времена Калифорнийской Золотой лихорадки 1848 года. В этот год был найден первый золотой самородок в горах Калифорнии. Огибающая мыс Горн, сюда потянулись сотни кораблей с Атлантического побережья США. Золотая лихорадка закончилась через

3 года, но экономическое развитие Калифорнии только началось. К 1880-м годам Сан-Франциско стал главным портом на Тихоокеанском побережье США, через который шла основная масса грузов и прибывало большинство иммигрантов и путешественников в Калифорнию.

Уже в это время город имел постоянные и устойчивые связи с Японией, Китаем, Россией, Филиппинами, со всем Тихоокеанским миром.

Экономические связи с Азией не могли не отразиться на культуре и облике Сан-Франциско. Китайский город здесь граничит с маленькой Италией. Неподалеку от Русского холма тянутся японские кварталы. Вьетнамские закуские соседствуют с ирландскими пабами и французскими ресторанами.

И потому вполне закономерно, что в Сан-Франциско существует старейший и первый в Америке классический

японский чайный сад, созданный более ста лет назад.

Сегодня Японский сад – одна из интереснейших достопримечательностей города. Тысячи людей посещают этот уголок цветов, гармонии и покоя, знакомясь с традицией японского ландшафтного искусства.

Сад расположен в глубине самой большой парковой зоны Сан-Франциско – Голден Гейт парка. Этот поистине огромный парк начинается в центре города. Широкой зеленой полосой длиной 5 километров парк тянется на запад и выходит к живописному океанскому пляжу. Где-то в середине Голден Гейт парка располагается Японский чайный сад. Издалека и не видно, что это Японский сад. Деревья, кусты, неприметный взгляду деревянный забор – все сливается с буйной зеленью большого парка. И только подойдя ближе и увидев

входные ворота Японского чайного сада, выполненные в традиционном японском стиле, понимаешь, что именно здесь находится знаменитая «японская» достопримечательность Сан-Франциско.

Площадь чайного сада невелика – около полутора гектаров. Однако разнообразие ландшафтных композиций и искусная организация пространства создают впечатление настоящего царства гармонии. Ты оказываешься в мире, где каждый шаг приближает встречу с совершенным произведением садового искусства – прекрасным кустом жасмина, старой сосной, яркими своенравными ирисами.

С приходом весны в саду становится очень много посетителей. Особенно популярен он в выходные дни, когда не только туристы, но и жители всей огромной агломерации Сан-Франциско приходят сюда полюбовать-

Деловой центр Сан-Франциско. Автобус из центральной части города идет 20-25 минут по длинной и прямой улице Гэри-Стрит до большого парка Голден Гейт, в глубине которого размещается Японский сад

ся красотой японского садового искусства.

Уже более ста лет Японский сад радует людей своей красотой. А создан он был для вполне конкретного случая. В 1894 году в Сан-Франциско проводилась зимняя Тихоокеанская выставка. Предприниматели, торгующие японскими товарами, совместно с японцами, проживающими в городе, выступили инициаторами создания традиционного японского чайного сада для экспозиции выставки. Эту идею энергично поддержали городские власти и Джон МакЛарен, управляющий городским парком Голден Гейт, а также организаторы выставки. Ландшафтным дизайнером чайного сада и душой его создания стал преуспевающий японский садовник из Сан-Франциско Макото Хагивара.

Тихоокеанская выставка прошла с большим успехом, а после её закрытия, летом 1894 года, основные соору-

жения чайного сада были выкуплены у организаторов выставки муниципалитетом Сан-Франциско. Создатель сада Макото Хагивара был приглашен на должность управляющего Японским садом и оставался на этой должности следующие 30 лет.

Хагивара умер в 1925 году, передав уход за Японским садом и должность управляющего своему зятю Горо Тозава Хагивара. За семнадцать лет управления Горо Хагивара полностью изменил внешний облик сада. Он преобразовал выставочную экспозицию, которую получил от тестя, в классический чайный сад. Теперь образ сада создавался не столько постройками, сколько природными элементами – большими и малыми прудами, деревьями, красивоцветущими кустарниками и камнями.

Усовершенствование сада, добавление новых элементов и деталей было продолжено после Второй

мировой войны. В 1949 году сад получил в подарок от компании Гамп большую бронзовую статую Будды, отлитую в XVII веке.

В 1953 году японский консул в Сан-Франциско в знак дружбы между двумя народами передал городу большой Фонарь Мира весом более 2 тонн. Этот памятник, приобретенный с участием японских детей, установили в Японском саду как символ дружбы между будущими поколениями Японии и США.

Город был выбран для установки памятника потому, что двумя годами раньше здесь, в Сан-Франциско, был подписан Американско-японский мирный договор.

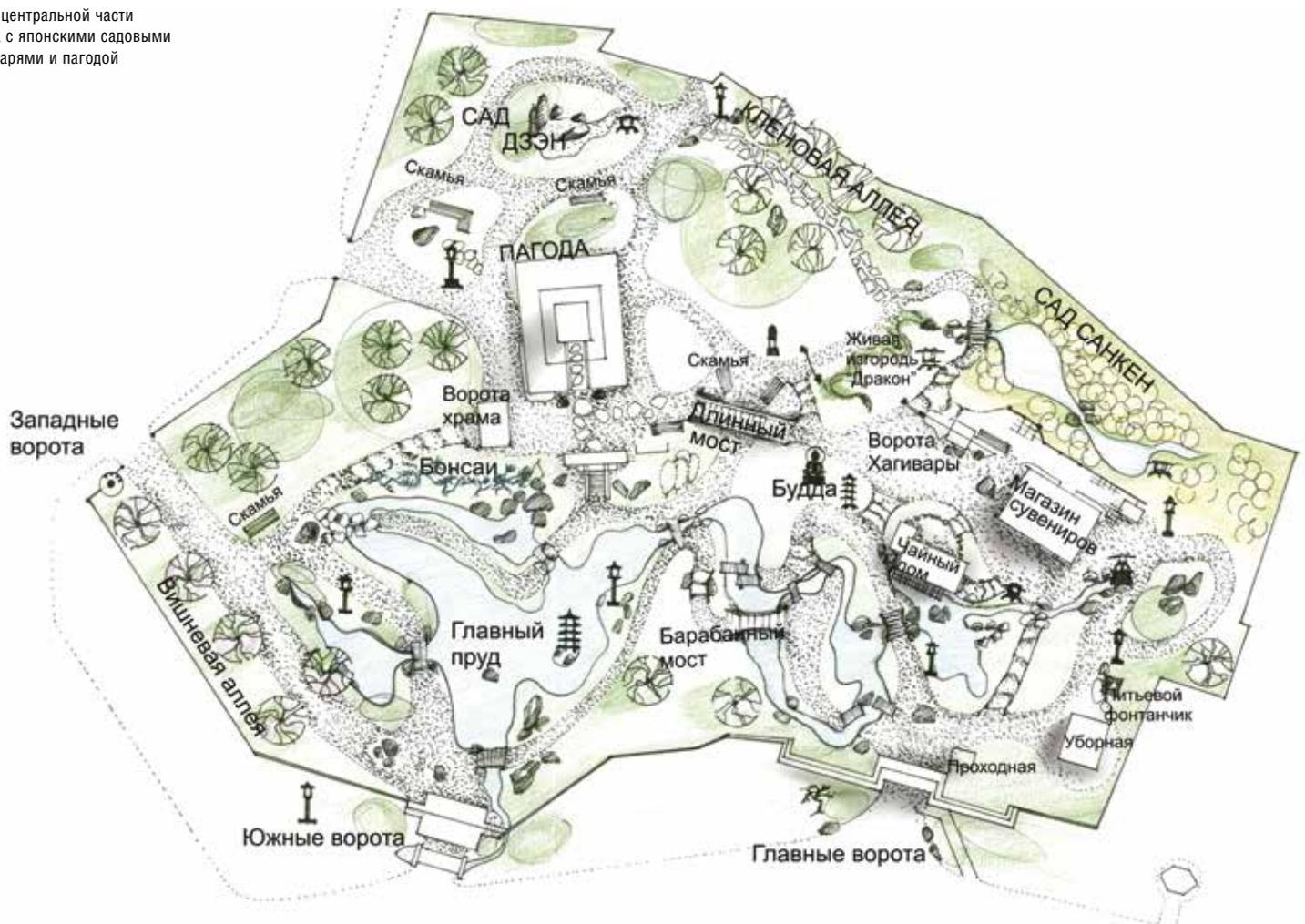
В те же годы сад пополнился еще одним элементом традиционного садового искусства – рядом с пагодой и Фонарем Мира был создан «сухой» японский ландшафт в стиле «дзен». Выполненный в традициях периода Муромати, «сухой» ландшафт символизировал

в миниатюре горные хребты, каменный водопад, реку из гравия и остров. Проект сада в стиле «дзен» выполнил ландшафтный дизайнер Нагао Сакурай.

В 1960 году Нагао Сакурай заново перепланирует важнейший элемент сада – пруд перед Чайным домом и весь ландшафт на его берегах. Архитектор Р. Ватанабе разрабатывает проект и проводит перепланировку Чайного дома и магазина сувениров. В начале 1960-х Японский сад получает в подарок коллекцию древних каменных садовых фонарей. Их разместили на южном берегу Главного пруда.

На протяжении 60-х годов сотрудники сада проводят реконструкцию самого высокого места Японского сада – холма на северо-западной стороне, прямо перед Главным прудом. Здесь заново перепланируются дорожки, сажаются новые деревья и размещается большая коллекция древних дере-

Вид центральной части сада с японскими садовыми фонарями и пагодой

Расположение растений тщательно продумано и согласовано с сетью прогулочных дорожек. Цветущая глициния становится центром ландшафтной композиции в одной из частей сада с середины весны и до начала лета

вьев и кустарников бонсай, полученная в дар от Хьюго Фрейзера в 1966 году.

В середине 1970-х новый управляющий Японским садом Е. Шустер создал аллею Клёнов возле северной ограды сада, а в 1979-м – ландшафтную композицию, посвященную горе Фуджи. Его же заслугой стала полная реконструкция ворот Японского сада. В 1985 году Главные и Южные ворота получили новый, более торжественный облик.

Сегодня Японский сад занимает площадь около 1,5 гектаров. За 100 лет с начала своего основания, когда его площадь составляла 0,4 га, сад увеличился больше чем в 3 раза.

В планировочном отношении сад разделен на несколько частей. В восточном углу сада расположены ворота Главного входа. Сразу за ними находится билетный киоск и небольшая площадка, играющая распределительную роль, на ней посетители могут выбрать дальнейшее направление для осмотра и прогулок. Направо дорожка ведет к туалетам, питьевому фонтану и сувенирному магазину, а левая дорожка, следуя вдоль системы небольших прудов и южной ограды, приводит вас к Главному пруду. Это самая низкая часть Японского сада. Здесь множество переходов, мостиков, поворотов, кустов, образующих кули-

сы. Обратив внимание на какой-нибудь красивый вид, человек любуется совершенным ландшафтом, который, кажется, создала сама природа. Повернув голову или сделав шаг вперед, он вновь замирает в восхищении: группа цветущих у воды ирисов или азалия, пламенеющая алыми цветами, не позволяют ему оторвать глаз. Каждый шаг здесь просчитан и подготовлен умелыми руками и мастерством садовников.

У западной ограды дорожка поворачивает на север и подводит посетителя к небольшому храмовым воротам и Пагоде. Благодаря тому, что Пагода стоит на холме в самой высокой точке сада, она является доминирующим ориентиром почти на половине территории сада. Но японские садовники не могли допустить простого доминирования над пространством: достойным сопровождением вертикали Пагоды являются старые сосны, почти достигающие её по высоте. В японском садоводстве сосна, символизирующая выносливость и жизненную силу, является одним из важнейших элементов ландшафта. Между Пагодой и северной стеной сада расположены Фонарь Мира, сад в стиле «дзен», аллея Клёнов, сад «Санкен».

Каждый из этих элементов расположен и устроен так, чтобы продемонстрировать свои лучшие особенности,

и одновременно так, чтобы быть частью единого целого.

Посетители повсюду встречают древние садовые фонари, охотно фотографируются рядом с бронзовой статуей Будды, явно попадая в ауру его доброжелательности, проходят по Длинному мосту и переходят по камням узкие протоки прудов. Достопримечательность Японского сада – колоритная игрушка, существующая с момента основания сада, – Барабанный мост. Мало кто из посетителей откажет себе в удовольствии забраться на крутой и необычный деревянный мост.

Пройдя в Чайный домик, можно получить чашку приятного зеленого чая, небольшие солёные крендельки и записку с наилучшими пожеланиями на сегодняшний день и всю твою жизнь. Время летит незаметно. Тихий ветерок колыхает циновки и надписи с пожеланиями на стенах Чайного дома, спокойно шелестят заросли изящного рогоза в пруду, вода играет солнечными бликами. Уходить не хочется.

Посетителей много, и удивительным образом каждый находит место для покоя и отдыха.

Уже более ста лет существует в Сан-Франциско Японский чайный сад. Более ста лет любители садоводства и поколения умелых ландшафтных дизайнеров передают друг другу мечту о самом прекрасном япон-

ском саду в Америке. Время, прошедшее с тех пор, и сам Японский сад убеждают сегодня в том, что многое из этой мечты стало реальностью. Шаг за шагом, камень к камню уже десять десятилетий энтузиасты улучшают, совершенствуют, украшают мечту о Японском саду в их городе. Сад принят и любим жителями Сан-Франциско, посещаем туристами и известен специалистам. Он стал достопримечательностью не только города, но всего Тихоокеанского побережья Калифорнии.

Андрей Ляпин

Переход через узкий, извилистый пруд выполнен с помощью приемов традиционного японского ландшафтного дизайна

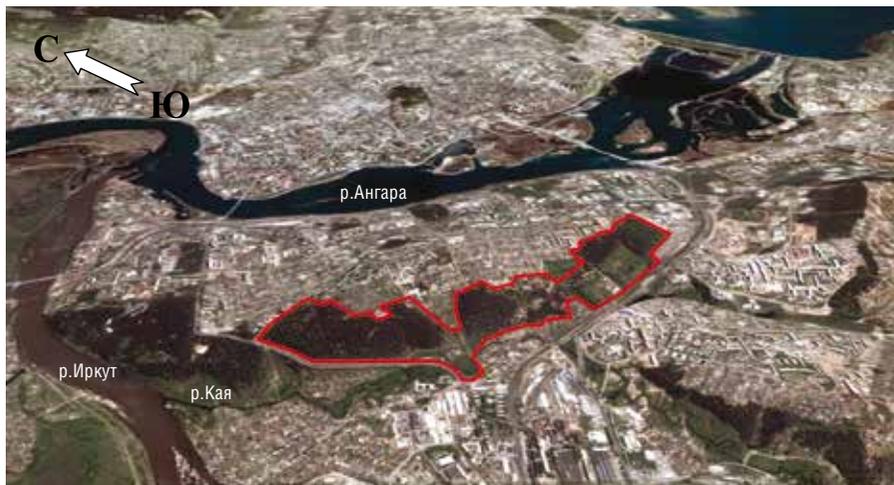
КАЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ

О будущем Кайской рощи и Иркутского ботанического сада

Этот крупнейший массив городского леса между тремя реками Иркутска (Ангарой, Иркутом и Каей) нужно сохранить и обустроить для настоящего и будущих поколений иркутян. Так считают сотни окрестных жителей, экологи и ученые крупнейших университетов, которые стараются восстановить реликтовую сосновую рощу и защитить леса города. Градостроительный совет мэрии города Иркутска на заседании 9 декабря 2008 года поддержал идею сохранения и обустройства Кайской рощи путем образования на ее основе публичного Иркутского ботанического сада как парка экологических технологий (технопарка) и туристско-рекреационного комплекса международного уровня. На Байкальском экономическом форуме в сентябре 2008 года этот проект был также представлен Иркутской областной администрацией в числе приоритетных для развития туристско-рекреационного потенциала региона и в связи с предстоящим празднованием юбилея 350-летия города Иркутска. Иркутские ученые с участием иностранных экспертов планируют до 2020 года реализовать проект экологического технопарка и туристско-рекреационного комплекса на базе ресурсов Кайской рощи и Ботанического сада Иркутского госуниверситета.

Панорама города Иркутска с обозначением границ памятника природы «Кайская роща», являющегося самой крупной частью общего массива Кайского леса, протянувшегося от Студгородка до санатория «Ангара»

Нужно людям Кайская роща для Иркутска имеет особую природоохранную, историко-культурную и рекреационную ценность, тесно связана с рождением и развитием Иркутска. Именно на этой горе между тремя реками – Ангарой, Иркутом и Каей – были обнаружены следы первых поселенцев, которые тысячелетия назад нашли здесь наиболее благоприятные условия для жизни среди великой сибирской тайги. Археологи обнаружили здесь стоянки древнего человека, среди них такие известные,

Естественные участки в пределах памятника природы «Кайская роща»

1. Река Кая
2. Водоем и болото
3. Заливной луг
4. Травянистый склон и подножие Кайской горы
5. Кайская роща (заповедная часть)
6. Северная часть срединной зоны
7. Южная часть срединной зоны
8. Агробиостанция ИГПУ
9. Ботанический сад ИГУ (северо-восточная часть)
10. Ботанический сад ИГУ (юго-западная часть)
11. Сосновая роща в Ботаническом саду ИГУ
12. Сосновая роща Ботанического сада ИГУ
13. Глазковское кладбище

как «Царь-девица», «Титово». По крутому юго-западному склону рощи проходил легендарный Байкальский тракт – единственный наземный торговый путь, десятилетиями соединявший Москву с Дальним Востоком. Кайская роща до сих пор служит центром притяжения. В ходе промышленного освоения, когда экспансия Иркутска постепенно привела к вырубке большей части окрестных лесов, Кайская роща оказалась самым крупным лесным массивом, окруженным малозатяжными жилыми постройками и огородами. А возведение микрорайонов из «бетонных джунглей» многоэтажек (Глазково, Студгородок, Первомайский, Университетский) довершило полную изоляцию рощи и поставило ее существование под угрозу. Вокруг Кайской рощи в Свердловском районе сейчас проживает треть населения Иркутска, или почти каждый десятый житель Иркутской области.

Место это уникальное – в черте города сохранился фрагмент сосновых лесов Приангарья в том виде, каки-

ми они были столетия назад. Здесь растут около 260 видов сосудистых растений, часть из которых находится под государственной охраной. Весной и осенью, во время перелёта, здесь останавливаются самые разные птицы. Антропогенный пресс, неконтролируемая рубка вековых сосен, ежегодные пожары, свалка мусора и стихийная прокладка троп и грунтовых дорог, вытаптывание травяного покрова и уничтожение подлеска привело к тому, что примерно в 50-60-е годы Кайская роща прошла «точку невозврата» и ее деградация достигла недопустимого уровня. Поэтому более 20 лет назад решением Иркутского облисполкома от 25.02.1985 № 101 весь массив Кайского леса от «Санатория Ангара» до Глазковского кладбища был обозначен как памятник природы местного значения. Сей шаг стал результатом исследований и рекомендаций Иркутского центра по сохранению историко-культурного наследия и Общества охраны природы, ученых, архитекторов и экологических организации, движимых призывами горожан

защитить рощу. Это административное действие, не будучи подкреплено механизмом соблюдения статуса, смогло лишь чуть притормозить строительную вторжение, антропогенную деградацию. Место это продолжало обрастать самовольными застройками и огородами по границам и внутри. Потребовалось очередное решение депутатов Иркутской думы и постановление мэра Иркутска от 22 сентября 2006 года для подтверждения природоохранного статуса ценного фонда городских лесов и для закрепления границ большой южной части Кайского леса как памятника природы «Кайская роща». В июне 2007 года депутаты Городской думы также приняли «Генеральный план развития Иркутска», где Кайской роще и прилегающим землям присвоен статус рекреационных зон, в которых разрешена только деятельность, способствующая оздоровлению и отдыху людей, улучшению среды обитания.

Все понимают, что роща нужна людям, но целесообразно превращать ее в новый коттеджный микрорайон или в развлекательный центр напо-

добие Диснейленда. Нужно использовать эту территорию, не нарушая уникальный ландшафт. Ее новый статус особо охраняемой природной территории должен установить более жесткие правила и пути сохранения природы и развития этой территории в новых рыночных условиях. Иначе, если эта ситуация традиционного отношения и использования ресурсов рощи сохранится и дальше, то через несколько лет город может ее потерять. Поэтому мэрия вышла с предложением к Иркутскому государственному университету (ИГУ) о начале разработки идеи большого публичного «Иркутского ботанического сада» на основе ресурсов университетского Ботанического сада ИГУ и Кайской рощи как единого комплекса. Такое решение «расширить» сферу влияния ИГУ на эту территорию связано с надеждами на то, что научные инновации и университетские разработки, вероятно, смогут помочь найти рациональные решения достойного выхода из тупиковой ситуации. В 2006 году при университете создан научно-образовательный центр «Байкал», в рамках которого группа ученых-энтузиастов из ИГУ начала разработку крупного инновационного проекта преобразования Ботанического сада ИГУ и Кайской реликтовой рощи к 2018-2020 годам в единый экологически и социально полезный объект для иркутян, а также для туристов и гостей города.

Более 75% жителей Иркутской области проживает в городах, то есть в условиях особого стиля жизни, для которого характерны большая плотность населения, сильная загрязненность среды и множество стрессовых факторов. 39% из 1 633 иркутян, принявших участие в анкетировании весной 2008 года, на вопрос «Что нужно построить в Иркутске для более комфортного существования горожан» ответили, что, в первую очередь, нужны парки, скверы, аллеи и другие озелененные территории. Следующими по важности, как оказалось, нужны парковки и кооперативные гаражи (32%), стадионы и дворцы спорта (16%), развлекательные центры (7%), дома быта (4%) (см.

www.irk.ru/vote/2008/233). А в другом опросе на тему «В чем вы видите будущее Иркутской области?» 56% людей посчитали самым важным развитие туризма и наукоемких технологий (www.irk.ru/vote/2004/25). Это отражает растущее понимание нашими людьми, что превращение вредной «городской среды выживания» в здоровую «среду обитания» возможно на пути использования лучших технологий градостроительства и научных инноваций во имя улучшения качества и продолжительности жизни населения и привлекательности города. Интуитивно людей всегда привлекает возможность проживания рядом с лесом или парком. Например, по данным врачей, в районах, расположенных возле лесных участков, люди живут в среднем на 8-9 лет дольше тех, кто заселяет многоквартирные дома в промышленных районах города. Эти факты были получены и обнаружены за рубежом, а также подтверждены недавними российскими исследованиями в Екатеринбурге, в городе во многом аналогичном Иркутску. Поэтому нет сомнения, что такая же статистика о благотворном влиянии проживания около крупных зеленых массивов может быть характерна и для Иркутска.

Продолжающаяся ускоренными темпами внутригородская уплотненная и точечная застройка, сопровождающаяся также массовым сносом зеленых насаждений, никак не улучшает имидж Иркутска. В результате существующее состояние зеленого фонда сегодня в областной столице не отвечает современным градостроительным нормам и требованиям туристско-рекреационной индустрии, создающейся в Байкальской Сибири. Необходимо также исправить негативную репутацию Иркутска как одного из самых экологически неблагополучных городов России, где сильное загрязнение воздуха, недопустимо низок уровень озеленения (менее 40% от нормы).

Традиционно ботанические сады – это «ландшафтные оазисы» культурного, научно-образовательного и оздоровительного значения, места частого посещения и знаковые

Зонирование Кайской рощи (длина около 3 км, ширина около 450 м) на три участка, отличающихся по функциональному назначению:

1. Южная зона – Ботанический сад ИГУ и коллекции растений. Используется для учебно-научной работы студентов. Не открыт для публики, проводятся групповые экскурсии по предварительным заявкам.
2. Срединная зона – сочетание открытых и лесных участков с вторжением нелегальных застроек, огородов, стихийных мусорных свалок и грунтовых дорог. Свободный доступ для населения.
3. Северная зона – сосновый лес на вершине горы и оспенные участки у подножия на склоне, переходящем в заболоченные участки у р. Кая. Есть нелегальные застройки, стихийные мусорные свалки и грунтовые дороги. Свободный доступ для населения

Проект реконструкции генерального плана существующей территории Ботанического сада ИГУ. Магистерская работа А. Паршина (МГУ). Руководитель архитектор Саймон Белл, Эдинбургский университет и колледж искусств, Великобритания

Экодукты в Голландии (экологические «зеленые» мосты), соединяющие лесные экосистемы, разделенные дорогами

объекты, которыми обычно горожане гордятся. Например, наличие ботанического сада всегда является элементом солидности любого города. В больших городах мира, как правило, создаются крупные лесопарки и публичные ботанические сады, которые вместе с историческими объектами и образуют притягательные центры туризма и отдыха. В них в обязательном порядке создаются также все условия для безбарьерного доступа людей с ограниченными возможностями (инвалидам и т.п.). Ботанические сады расцениваются как природное и культурное богатство, наследие нации, поскольку они содержат ценнейшие для человечества возобновляемые ресурсы – генетические ресурсы экономически ценных и редких растений, а также сохраняют и распространяют культурные традиции и знания, связанные с использованием растений во благо людей. Например, поэтому ЮНЕСКО в 2000 году провозгласило Королевский ботанический сад Кью площадью около 120 га в пригороде Лондона участком мирового культурного и природного наследия. Вообще после 1992 года наметилась тенденция, когда в городах Азии, Африки и Южной Америки ботанические сады начали перерастать традиционные рамки узко направленных организаций, стали выполнять функции научно-образовательных и туристических центров, экологических комплексов и экологических технопарков для промышленных задач «зеленой революции» и биотехнологии. Они становятся элементами производительных

сил общества. Ботанические сады востребованы не столько в сельских местностях или в бедных странах, а именно в городах высокоразвитых и развивающихся стран как улучшатели окружающей среды на урбанизированных территориях, как возобновляемые экологические ресурсы, способствующие развитию цивилизации. Именно поэтому существует очень высокий спрос и социальный заказ на организацию такого крупного паркового объекта, как публичный Иркутский ботанический сад, основанный на современных наукоемких технологиях и экологических инновациях. Проект отвечает главным приоритетам устойчивого развития Байкальского региона, а именно:

- 1) развитию туристско-рекреационного комплекса международного значения,
- 2) развитию инновационной экономики,
- 3) рациональному освоению природно-ресурсного потенциала,
- 4) внедрению наукоемких технологий для улучшения качества жизни людей,
- 5) сохранению биоразнообразия и восстановлению природных ландшафтов в урбанизированной среде,
- 6) развитию взаимовыгодной международной кооперации.

О проекте Проект предполагает сохранение и развитие памятника природы «Кайская роща» именно в качестве природного и культурного наследия региона путем реконструкции ландшафтов и инфраструктуры 3 объ-

единенных частей:

- 1) существующего университета Ботанического сада ИГУ (единственный ботанический сад в Байкальской Сибири с крупнейшей в регионе коллекцией из 3 тыс. видов растений),
- 2) памятника природы «Кайская реликтовая сосновая роща»,
- 3) мемориала Глазковского кладбища, где погребены знатные деятели Иркутской губернии и Иркутска (писатели Молчанов-Сибирский И.И., Малиновский П.Г., П.И. Малиновский, Е.Г. Городецкая, М.А. Гудошников, В.Н. Данилович, М.П. Михайлов, почвовед И.В. Николаев, В.Д. Принада, математик И.Н. Рукавицин, И.С. Сумбаев и другие, ветераны мировых войн).

Они расположены недалеко от центра города Иркутска на расстоянии 11 км от Шелехова и 34 км от Ангарска. Территория охватывает самый большой реликтовый сосновый лес в черте Иркутска вдоль Транссибирской железно-

ройной магистрали рядом с рекой Иркут и крупнейшим транспортным узлом города. Задуманная реконструкция должна не ухудшить, а улучшить экологическую обстановку, оздоровить «дух места». Открытые пространства в сочетании с озелененными террасами и открывающимися видами на ландшафты лесопарка и коллекции ботанического сада призваны создать особую приятную атмосферу гармонии и единения с живой природой.

Принципы проектирования ландшафта Кайской рощи:

1. Сохранение очертания и формы ключевых элементов ландшафта.
2. Масштабность и пропорции ландшафта.
3. Разнообразие элементов ландшафта.
4. Визуальное воздействие ключевых элементов ландшафта.
5. Целостность ландшафта.
6. Атмосфера места («дух места»).

Они расположены недалеко от центра города Иркутска на расстоянии 11 км от Шелехова и 34 км от Ангарска. Территория охватывает самый большой реликтовый сосновый лес в черте Иркутска вдоль Транссибирской железно-

Пока нет проекта детальной планировки, есть лишь эскизы. На площади в 100 га, расположенной возле городского транспортного узла и железной дороги, находящейся между тремя реками – Ангарой, Иркутом и Каей, можно обустроить уникальные коллекции живых растений, лесопарк, тропические оранжереи и природные ландшафты. От коллег из разных стран есть предложения по созданию этноботанических садов. Использоваться будут только открытые пространства. Также будет произведено зонирование территории по функциональному назначению.

Пока же сделано экологическое зонирование территории и оценена экологическая нагрузка. Планируется сохранить участки, которые нельзя трогать ни при каких условиях. Реликтовый лес Кайской роши должен остаться нетронутым. Это зона табу – там будет проводиться лесовосстановление и выращивание растений редких видов. Две другие зоны, одна из которых некогда была трансформирована человеком, а другая активно используется населением, в разной мере будут подвергаться вмешательству.

Территория будет поделена на несколько функциональных частей: зона публичная (южная часть), зона с ограниченным доступом (средняя часть) и заповедная зона (северная часть), а также периферийная буферная зона. В тех местах, где существуют разрывы между отдельными участками, предполагается устройство экологических мостиков или «экодуктов», по аналогии с лучшей европейской практикой создания природного зеленого континуума.

В заповедной зоне (или зоне экологического покоя) будет сохранен нетронутым реликтовый сосновый лес. Здесь будут следить за сохранностью леса, приниматься меры по восстановлению лесной экосистемы, будут вестись исследования и разработки по технологиям экологического мониторинга и экологического восстановления, включая репатриацию (возвращение утраченных видов) и сохранение редких видов флоры и фауны. Экологическое восстановление нарушенных популяций и мест обитания,

наряду с сохранением и восстановлением краснокнижных видов растений и даже животных, будет важной частью всего проекта. В качестве одного из способов сохранения экосистемы при одновременной возможности наблюдать за интересными объектами живой природы, включая птиц, не беспокоя их, здесь предполагается сооружение экологической тропы «в кронах деревьев» на высоте около 12-18 м над землей. Такие экологически безопасные тропы дают возможность ученым и любителям природы открывать для себя богатое биоразнообразие в кронах деревьев, а также обозревать всю рошу и окрестности с высоты птичьего полета.

В зоне с ограниченным доступом также предполагается сохранить практически нетронутой естественную природу и организовать восстановительные посадки. В саду байкальской флоры будут воссозданы фрагменты степи, болота, леса из самых разных мест Прибайкальской зоны. Однако здесь будут и «публичные» участки – сеть специальных пешеходных дорожек, открытые пространства. В этой зоне предполагается использовать ограждения из природных материалов, зеленые ограды и специальные настилы-дорожки, чтобы уменьшить нагрузку на почву и растительный покров. Также планируется устройство «экологической тропы» в кронах деревьев, в том числе над крутыми склонами. С крутых склонов Кайской горы открывается захватывающий вид на пойму реки Иркут и реки Кая, что несомненно

будет также привлекать посетителей.

Защищать от негативного влияния транспорта этот кусочек сибирской тайги планируется с помощью шумозащитных щитов и барьеров. Вдоль троп и дорожек будут произведены специальные посадки в ландшафтных группах для демонстрации различных садоводческих и ландшафтных технологий.

В публичной зоне планируется устроить небольшие дисплейные сады этноботанического стиля: японский, китайский, корейский, французский, итальянский, английский (стеновой), библейский и т.п. Будет создан и бонсай-парк, где местные растения высадят в грунт, после чего деревья сформируют по правилам техники «бонсай». А те, что не приспособлены к сибирским условиям, будут украшать парк летом в контейнерах и горшках, а также выращиваться в демон-

страционных, фондовых и технологических оранжереях. Для моделирования водных экосистем для публичного посещения следует восстановить и обустроить прибрежную территорию Кай и заболоченного участка с водоемом. Также планируется соорудить искусственные ручьи, водопады и водоемы в нескольких местах.

Здесь появятся новый дендропарк, участки садовой терапии, возможно – планетарий на базе научного планетария ИГУ. Проект предусматривает и создание живого музея природы. Под публичной оранжереей целесообразно соорудить достаточно большое помещение, где можно разместить аквариумы для водных организмов и водорослей, где будет поддерживаться круглый год стабильное освещение и температура, по аналогии с при-

Экосистемы Кайской роши – сосновый лес, оstepненный участок, водоем и болото

Ботанический сад «Аптекарский огород» Московского государственного университета

мером большой Пальмовой оранжереи в Королевском ботаническом саду Кью. Это соединение двух крупных объектов (над землей и под землей) позволит рационально использовать и экономить тепловую и электрическую энергию.

На базе учебно-научных зданий, коллекционных участков и оранжерей откроется школа садоводства и ландшафтного дизайна. По периферии и на границе территории будет юридически закреплена буферная зона, в которой будут определены разрешенные виды использования, служащие целям администрирования, сохранения и развития всего природного комплекса. Здесь, благодаря близости к городской транспортной инфраструктуре и коммунальным сетям, предстоит организовать целую сервисную систему для встречи и обслуживания посетителей, включая сувенирные и цветочные магазины, кафе, рестораны, гостиницы и гостевые домики, конференц-зал, визит-центр, развлекательные комплексы для детей. Публичная зона должна быть выстроена на границе с зоной ограниченного доступа. Здесь будут проводиться небольшие праздники, обучение. В Ботаническом саду будут открыты площадки вне оранжерей представлено богатство разнообразия растений нашей страны, Европы, Азии, Северной и Южной Америки, устойчивых для культивирования в сибирских условиях.

На стенах и крышах большинства сооружений как внутри территории, так и в буферной зоне планируется организовать озелененные террасы, спускающиеся в парковую зону и ориентированные на юго-запад, где открывается захватывающий вид на долину реки Иркут и пойму реки Кая. Кажется совершенно естественной необходимостью максимально обустроить и озеленить эти террасы, сделав их продолжением лесопарка. При этом озеленение стен и крыш должно быть соразмерно площади застройки. В качестве успешного примера можно использовать идеи проекта озелененных крыш и террас Ботанического сада «Аптекарского огорода» МГУ.

В связи с тем что земля в городе дорогая и будет

дорожать, технологии озеленения крыш и стен зданий, внедренные в Ботаническом саду, при переносе, где возможно, на остальные здания во всем городе, несомненно, внесут вклад в улучшение окружающей среды и в экономичное природопользование в условиях существующей плотной застройки, что может быть способом увеличения общей площади озеленения на одного человека до градостроительных нормативов. Известно, что кровли, укрытые газонами, более долговечны и дешевле в эксплуатации, чем битумные. Эти эко-архитектурные технологии и подобранные подходящие устойчивые виды растений для озеленения крыш зданий могут быть полезными примерами для распространения на другие государственные и частные постройки в городе. Для этого можно использовать устойчивые формы травянистых и древесных растений, отобранные Ботаническим садом в коллекциях и успешно прошедшие испытания в течение десятилетий.

Климатические условия позволяют эффективно использовать открытую часть территории преимущественно с мая по сентябрь, поэтому британские эксперты предложили создать сеть оранжерей, которые будут доступны людям зимой и в дождливое время. Также в закрытых помещениях, по примеру Королевского ботанического сада в Лондоне, можно будет организовать учебные классы, лаборатории, обустроить места для конференций, собраний, отдыха, организовывать выставки цветов, фестивали и другие публичные мероприятия. В проекте будут предусмотрены иные защищенные от непогоды объекты.

В настоящее время идет проработка эскизных проектов, бизнес-планов, общей планировочной структуры и отдельных архитектурных объектов, генплана, схем ограживания территории, планирование ее инфраструктуры с привлечением молодых специалистов иркутских университетов, архитекторов Иркутска, экспертов РАН, международных и местных общественных организаций, депутатов, зарубежных специалистов и консультантов.

Этот инновационный

научно-образовательный и производственный ресурс регионального масштаба будет привлекать многочисленных посетителей, а также использоваться для нужд ИГУ и других вузов, колледжей, школ и детских учреждений. Планируемая посещаемость – около 600 тыс. посетителей в год. Целевые группы посетителей – жители города и области, других регионов России, зарубежные туристы, ученые, экологи, любители природы, а также бизнесмены и представители отечественных и зарубежных компаний.

Коммерческое наполнение проекта – туристические услуги. В буферных зонах возможно строительство кафе и отдельных развлекательных объектов, на основной территории – этно-ботанические парки, научно-образовательные центры и конференц-залы, элементы инфраструктуры и сервиса, которые могут обеспечить создание десятков и даже сотен новых рабочих мест.

Планируемые объекты: Публичные тропические оранжереи, визитный и информационный центр, главный вход, дендропарк, Немецкий экологический дом, Центр домашнего садоводства, Международная школа садоводства и ландшафтного дизайна, специализированные сады (альпийский сад, сад байкальской флоры, заповедный участок) и различные этноботанические сады (в частности, японский сад, китайский сад, французский сад, библейский сад, сад природного наследия и т.п.), парк карликовых растений (сад бонсай), публичный и научный гербарий, учебно-научная лаборатория, генный (семенной) банк растений, аквариум, зоопарк, планета-

рий. Будут расширены участки садовой терапии для социальной адаптации граждан с особыми нуждами (пожилых, детей-сирот, инвалидов и т.д.), музеи, площадки наблюдения за птицами, детские познавательные площадки, экскурсионный мини-поезд, парковочные площадки и др. Будут устроены водоемы, фонтаны, водопады, увлажненные и болотистые участки, организованы места для публичных мероприятий и концертов, выставок цветов и садовых ярмарок. Будут расширены учебные, демонстрационные и коммерческие питомники древесных и травянистых растений, в том числе в специальных оранжереях. Будет модернизирована университетская учебно-научная инфраструктура существующего Ботанического сада ИГУ как база практики для студентов ИГУ и других региональных вузов, колледжей, лицеев и школ. По периферии и в буферной зоне Ботанического сада для привлечения местных и зарубежных инвесторов будут предусмотрены дополнительные площадки для устройства таких приносящих доход сервисов, как сувенирные магазины, недорогие гостиницы и гостевые домики (2* -3*), кафе, рестораны (с национальной русской кухней, а также популярной кухней азиатских стран: китайской, японской, корейской и т.п.), деловые и туристические бюро, магазины и др. Около территории кладбища возможно возведение часовни и мемориального сада.

Для публичной зоны предложен эскизный проект, большой демонстрационной оранжереи (длиной около 300 м, шириной до 20 м и высотой до 16 м) с экзотическими растениями. С северо-восточной стороны вплотную к этой

Экологическая «тропа в кроне деревьев» в Королевском ботаническом саду Кью, Великобритания

оранжерее предполагается построить двухэтажное здание с коридором и рядом помещений, которые будут использоваться как учебные классы и лаборатории для учебно-научных целей, а также для обслуживания посетителей. Это здание будет также служить естественным аккумулятором тепла и буферной защитой от холода. Общая площадь оранжереи и здания около 6 000 кв. м. Размещение технологических и демонстрационных оранжерей планируется осуществлять в контексте общей ландшафтной композиции публичной зоны.

Этапы реализации
В связи с высокой комплексностью проекта по совету зарубежных и российских экспертов решено разделить его реализацию на три основных этапа, включая ряд приоритетных пусковых комплексов.

Первый этап – подготовительный. Организация конкурса идей и замыслов. Это разработка общего планировочного решения и зонирования территории, создание генплана, подготовка инфраструктуры и проработка отдельных архитектурных объектов и их размещение в саду. Он займет примерно 1-1,5 года.

Второй этап предполагает создание и реконструкцию

знаковых ландшафтных объектов, которые будут социально и экономически значимыми для Иркутска, станут приносить доходы и помогут возвращать инвестиции с самого начала проекта. Это обширный лесопарк площадью не менее 20 га, оранжерейный комплекс около 6 000 кв. м с экзотическими растениями, с аквариумами и зоологической коллекцией. Это и такие объекты, как дендропарк, Школа садоводства и ландшафтного дизайна, специализированные сады различных этнических культур (в частности, японский сад, библейский сад и т.п.), сад байкальской флоры с отдельными участками различных биоценозов Прибайкалья, а также участки «садовой терапии» для социальной адаптации и реабилитации людей с особыми нуждами (инвалидов, пожилых, сирот и др.). В буферной зоне инвесторами будут постепенно создаваться пункты для обслуживания посетителей (сувенирные магазины, цветочные и садоводческие магазины, кафе, рестораны и т.п.). На это потребуется около 4-5 лет. В этот период будет в основном создана необходимая инженерная инфраструктура. Некоторые сооруженные публичные объекты могут быть подарком горожанам к

Эскиз большой тропической оранжереи.
Магистерская работа А. Паршина (МГУ).
Руководитель архитектор Саймон Белл, Эдинбургский университет и колледж искусств, Великобритания

350-летию города Иркутска в 2011 году.

Третий завершающий этап займет еще около 3-5 лет и должен быть в основном завершен к 2018-2020 году. Будут заложены натуралистические ландшафтные комплексы, английский стеновой сад, французский сад, водопады и водоемы, несколько филиалов университетских музеев, зоопарк сибирских животных, планетарий, экскурсионный мини-поезд, детские познавательные площадки, Центр домашнего садоводства с лекционными залами, гостиницы и гостевые домики, другие публичные объекты для круглогодичного посещения. Будут расширяться площади публичных тропических оранжерей и технологических оранжерей.

Ожидаемые социальные и экологические эффекты: сохранение крупнейшего социокультурного ландшафта

Иркутска – Кайской реликтовой рощи с поймами рек; создание качественно нового университетского научно-образовательного комплекса в регионе для широкого спектра дисциплин (биология, экология, садоводство, психология, архитектура и строительство, социология и т.п.); решение проблем культурного досуга для всех возрастных групп горожан (в том числе, семейного), экологического просвещения населения, садовой терапии и реабилитации для лиц с особыми нуждами (инвалидов, пожилых и т.д.); создание в областном центре инфраструктуры нового типа для крупных публичных мероприятий местного, федерального и международного уровней, в том числе форумов, выставок, семинаров. Будет обеспечено развитие зеленой зоны и парков города, улучшение

экологической обстановки и повышение привлекательности Иркутска как международного туристического и культурного центра. Будет развит коммерческий питомник растений как ресурс для крупномасштабного размножения новых видов экономически значимых древесных растений для озеленения городских регионов и для нужд садоводов и дачников (владельцев 200 тысяч индивидуальных садовых участков в регионе). Предусматривается проведение регулярных садовых фестивалей и международных выставок-ярмарок типа Chelsea Flower Show, а также конференций, семинаров. Будут организованы специальные экскурсии по экзотическим объектам. На базе Ботанического сада ИГУ и ресурсов Иркутского государственного университета и при участии иностранных партнеров предполагается организовать профессиональное обучение и консультации в области садоводства и экологии. Будут введены новые для России и региона специальности ландшафтного дизайнера и садового терапевта, а также улучшена университетская подготовка бакалавров и магистров в области биологии, экологии, социологии, садоводства, зеленого строительства, географии, менеджмента и туризма, востребованных на рынке в соответствии с международными стандартами. Будет обеспечена подготовка высококлассных специалистов для работы как в структуре комплекса, так и в других туристско-рекреационных зонах региона. Внедрение новых подходов садовой терапии будет содействовать реабилитации и социальной адаптации людей с особыми нуждами. Перенос новых «зеленых» европейских и азиатских технологий будет способствовать улучшению качества жизни людей в регионе. Могут быть организованы представительства иностранных компаний, работающих в сфере современных технологий садоводства, зеленого строительства, защиты окружающей среды и т.п. Реализация проекта окажет положительное прямое и косвенное влияние практически на всех жителей города Иркутска (около 600 тыс.

человек) и других населенных пунктов Иркутской области (около 2,8 млн человек), большинство туристов и гостей города (число которых предположительно возрастет до 1,5 млн к 2015 году).

Проект содействует осуществлению долгосрочных планов социально-экономического развития региона, повышению человеческого потенциала, улучшению качества жизни людей, удовлетворению запросов туристов с разным уровнем доходов, созданию новых рабочих мест, помощи малому предпринимательству, поступлению дополнительных средств в бюджеты всех уровней, развитию международного сотрудничества в широком спектре областей.

Функциональные цели объекта включают:

- 1) обслуживание всех возрастных групп населения (публичный парк и публичные сервисы рекреационной направленности),
- 2) образование и просвещение на базе ресурсов госуниверситета,
- 3) крупномасштабное размножение саженцев и цветов в питомниках – для населения (около 0,5 млн шт. в год),
- 4) прикладные научные разработки для экологического озеленения городов, промышленных предприятий и восстановления нарушенных экосистем,
- 5) экологическое восстановление крупнейшего внутригородского лесного массива Кайской реликтовой рощи и его благоустройство для безопасного и устойчивого использования,
- 6) повышение культуры градостроительной среды и экологически устойчивой инфраструктуры в городах региона,
- 7) содействие международному сотрудничеству и переносу лучших экологических и ландшафтных технологий.

Региональное и международное позиционирование проекта

Проект позиционируется как приоритетный, имеющий международное значение в связи с развитием особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в регионе озера Байкал. В марте 2007 года в числе приоритетных инвестиционных проектов от Иркутской области

Японский сад в Хантингтонском ботаническом саду, Сан Марино, США

был представлен губернатором Иркутской области на международной выставке проектов МIPIM-2007 (Канны, Франция), а в октябре 2007 года – в числе приоритетных социально-экономических проектов Иркутской области на презентации в Королевстве Нидерланды. В 2007-2009 годы этот проект был представлен на трех выставках инновационных проектов в Иркутской области. В его разработке уже в течение одного года участвуют иностранные эксперты по их собственной инициативе и на свои средства (факультет ландшафтной архитектуры Эдинбургского университета искусств, Великобритания; Эрфуртский ландшафтный университет, Эрфурта, консультационная фирма «Иллиг-ин-Панков – международные обмены» в Берлине, Германия), а также ведущие специалисты крупнейших университетов Иркутской области (ИГУ, ИргТУ) и Москвы (МГУ). Научную разработку природоохранной части проекта в 2008 году уже начало финансировать Германское научное общество DAAD при поддержке Министерства образования и науки РФ. На базе проекта идет производственное обучение студентов из России, Германии, Великобритании и США.

Этот объект должен открыть новый этап в экологической истории Иркутска. Предстоит найти еще новые архитектурные формы и приемы технопарка как «экологического офиса».

Сад из прошлого – в будущее
Идее устройства публичного ботанического сада уже 190 лет. Эта идея родилась в кругах иркутских купцов и промышленников в 1819-1820 годы, когда при поддержке генерал-губернатора Михаила Сперанского, известного просветителя и реформатора, начались реформы в разных сферах Иркутской губернии, которые должны

были привести в соответствие или, по крайней мере, приблизить организацию управления к насущным потребностям жизни». В 1821 году Ф.Б. Фишер, директор Императорского ботанического сада в Санкт-Петербурге, опубликовал в «Земледельческом журнале» Проект образования экономического-ботанического сада в Сибири, где констатировал: «Положение Иркутска, его климат менее суровый и разнообразны местоположения доставляют саду особые удобства». Это предложение немецкого ботаника на службе у российского императора было частью намерения сделать Сибирь «страною вполне счастливой». И первый народный «ботанический сад» в Восточной Сибири в середине XIX века был создан в Иркутске на свои личные средства купцом и городским головой Василием Николаевичем Басниным при поддержке известного ботаника-классика Николая Степановича Турчанинова (Кузеванов, 2008). В.Н. Баснин на свои средства обустроил публичный сад на площади более 5 000 кв. м между Малой Трапезниковской и Баснинской улицами (сейчас пер. Богданова и ул. Свердлова) на том месте, где сейчас располагается иркутская средняя школа №11. Он организовал посадки деревьев, кустарников и цветов на открытых участках, построил большие оранжереи и теплицы, собрав коллекцию более чем из 120 видов экзотических видов растений со всего мира. Здесь были также места для гимнастики, разных игр, минеральной воды и др. Сад содержался в идеальном порядке и был открытым для всех желающих любимым уголком, где собиралось много гуляющих, особенно няни с детьми. Этот сад стал знаковым объектом, гордостью иркутян, который демонстрировали всем гостям города. Его история неожиданно закончилась, когда гигантский пожар уничтожил

большую центральную часть Иркутска в 1879 году. К сожалению, огонь спалил все оранжереи и безвозвратно погубил самую крупную в Сибири коллекцию экзотических растений. От сада ничего не осталось. Это был уникальный опыт, который логикой всего своего развития должен был привести к образованию самого первого ботанического сада в Сибири (Кузеванов, 2008).

С тех пор город несколько раз пытался основать публичный ботанический сад в разных местах. И каждый раз неудачно. В 1880 году, сразу после пожара, была предпринята неудачная попытка воссоздать публичный Иркутский ботанический сад уже как филиал Петровской земледельческой и лесной академии. Затем его вознамерились создать в 1913 году, но помешала Первая мировая война. В 1923-1929 годы, почти сразу после образования госуниверситета, была предпринята очередная попытка по инициативе университетского профессора Кузнецова. Сад должен был появиться на месте Иерусалимского кладбища, но затея оказалась тщетной, и вместо него создали Центральный парк культуры и отдыха. В 1937-1939 годы к этой идее снова вернулись садоводы-энтузиасты и ученые госуниверситета, сельскохозяйственного института, областного краеведческого музея и станции защиты растений, которые при поддержке городских властей начали в 1940 году закладку университетского ботанического сада на окраине Иркутска между реками Ангара, Иркут и Кая, на юго-западном склоне Кайской горы. По старому генплану сад должен был развернуться на почти весь нынешний микрорайон Университетский, половину Первомайского, весь Студгородок.

Сегодня ботанический сад ИГУ, занимающий площадь около 27 га, вышел на уровень, когда он может обеспечить практически все научные и учебные потребности университета, а вот запросы жителей

города – нет. А ведь в свое время он создавался именно для горожан. Для того чтобы сад могли посещать горожане, необходима современная инфраструктура отдыха: публичная оранжерея, зоопарк, мини-сады, визитный центр. Плюс штат специально обученных сотрудников. А такой проект возможен только с привлечением средств муниципалитета

Публичный ботанический сад – это своеобразный аналог зоопарка, но только растительного. Его задача – не только развлекать, но и давать человеку знания о природе, совершенствовать духовно. Опыт показывает, что такие сады – одни из самых популярных мест в городе. Они дают покой, возможность насладиться красотой. Люди приходят в ботанические сады семьями, потому что чувствуют себя там как дома. Люди, чувствующие себя одиноко, могут приходить в сад и выполнять простую работу – высаживать цветы, ухаживать за растениями, работать с гербарием. Сад лечит от стрессов.

Иркутский ботанический сад будет стимулировать внутраспортные передвижения жителей, создаст условия для физкультурно-оздоровительной деятельности и отдыха в природной среде и будет способствовать не только восстановлению экологического равновесия городской среды, но повышению ее архитектурно-художественных качеств и, соответственно, привлекательности как для жителей города, так и гостей и туристов.

Возможно включение этого объекта в общероссийскую сеть экологического и гидрометеорологического мониторинга, основанного на всем комплексе природных показателей, начиная от почвы и обитателей лесопарка и рек до гидрометеорологических данных, по аналогии с ботаническими садами Америки, Европы и Австралии, где определенные природные участки (зоны покоя) выделены и служат именно для этих целей.

Панорама Кайской рощи со стороны микрорайона Университетский

Автор благодарит Е. Григорьеву за идею подготовки этой статьи, а также благодарит С. Сизых, А. Большакова, А. Паршина, С. Белла, А. Ляпина, Я. Иллига и других своих коллег за вклад в проект и за творческие дискуссии

Цена свободы

...Я уже объехал всю Северную Европу, а нашел себе друга родного, сочувствующего мне с точки зрения понимания и критики искусства именно в тебе, в лице художника из Азии. Ни в Финляндии, ни в Швеции, ни в Германии, ни в Дании не встретился с человеком, показывающим подобную любовь и восхищение искусству, как ты. Именно поэтому осмеливаюсь предсказать тебе будущее необыкновенно великое. Поэтому и рад нашей дружбе...

Белла Цвуй, доктор искусствоведения (Венгрия).
Из письма В. Кузнецову 17.VIII.1965

Время неумолимо. Все больше близких людей за границей бытия. С ними уходит и какая-то часть нас. Вместе с тем они остаются с нами и живут в нас. Так преодолевается смерть, обретается вполне реальный вариант вечности. Есть люди, с которыми идет непрерывающаяся беседа, диалог, длящийся всю нашу жизнь. Даже отсутствуя в этом мире физически, они занимают значительное пространство в нашем сознании.

Уже двадцать лет прошло с тех пор, как не стало

Владислава Кузнецова; тем виднее масштаб его индивидуальности. Более того, с годами все отчетливее и объемнее прорисовывается суть этого человека, так сказать, само основание его личности.

Иногда кажется, что в его судьбе проявилась какая-то фатальная, неумолимая предопределенность. Невольно вспоминается мистическое учение о душе, согласно которому каждому человеку предшествует его бессмертное идеальное начало. Я знал Владислава с детства и,

Автопортрет, 1982

Сатир, 1970

Федчин, 1973

Раввин, 1968

думаю, уже тогда в его жизни обнаружила себя некая сверхзадача, понять и объяснить которую, скорее всего, не мог ни он сам, ни окружающие его люди. Сейчас, по прошествии многих лет, я бы определил эту сверхзадачу как стремление к абсолютной свободе. Вначале это была инстинктивная, но твердая защита своего внутреннего мира, затем, в зрелом возрасте, — осознанная жизненная позиция.

Истинная свобода у нас по-прежнему редкая гостья, хотя сказано и написано в последнее время по этому поводу очень много. Как и прежде, она занимает весьма ограниченное пространство между свободой как «познанной необходимостью» (что, по сути, — конформизм и безответственность) и произволом, который ведет к еще худшей несвободе криминального сообщества. Истинно же свободный человек не лицемерен, но он знает и уважает свободу других людей.

Хорошо помню Владислава, независимо спящегося по коридорам школы, в которой нам довелось учиться. Учителя не жаловали его, потому что он не выказывал им достаточного почтения; ситуация была критическая и грозила исключением. В то же самое время он

находился в состоянии тяжелой изнурительной войны с неформальным подростковым сообществом, которое было и есть в любой школе и которое поставляло и поставляет человеческий материал криминальному миру. Именно тогда он начал заниматься боксом и научился один противостоять в драке озлобленной подростковой стае, именно тогда он начал думать о профессии художника, об индивидуальном и независимом способе деятельности и существования.

Тогда же в его глазах появилось нечто, говорящее о затаенной боли, как будто бы он знал о безнадежности своих усилий и о своей обреченности идти именно этой дорогой. Это состояние можно найти на всех его автопортретах, и оно только усиливалось год от года.

Свобода неизбежно связана с болью. Мир человеческого сообщества прямо или косвенно посягает на суверенность нашего «Я». Ограждая свой суверенитет, мы причиняем и сами испытываем боль нравственного характера. Результатом же, как правило, оказывается одиночество. Высшая степень обретения свободы очень близко соседствует со смертью.

Это открытие экзистенциальной философии для Владислава было единственно возможным способом существования.

Помню, как я с удивлением обнаружил в ряду книг, которые он читал в школьные годы «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо и «Эстетику» Гегеля. Вообще Владислав был заинтересованным и понимающим читателем. Он читал с убежденностью в подлинности мира книги и часто делал попытки воплотить прочитанное в жизнь, как бы проверяя прочность и подлинность этих вымышленных миров.

Автором, оказавшим на него очень сильное влияние, был Э. Хемингуэй, выразивший мироощущение мужественного индивидуалиста-одиночки. Позднее его симпатии перешли к У. Фолкнеру, и он остался верен идеалу этого автора, герой которого ведет непрерывную битву за заведомо проигранное дело и погибает, не отступая и не изменяя своему предназначению. Абсолютное дело, абсолютная задача – вот на что употребил свою жизнь Владислав Кузнецов.

У Владислава было несколько попыток построить свою судьбу и профессиональную деятельность в системе общественных реалий, в которые он попал по воле судьбы.

Одна из самых плодотворных – это двухлетнее обучение в Ленинграде в Художественном училище им. В. Серова. Там он нашел понимание и близких по духу людей: учитель Раппопорт, близкий друг курганский художник Виктор Сафронов

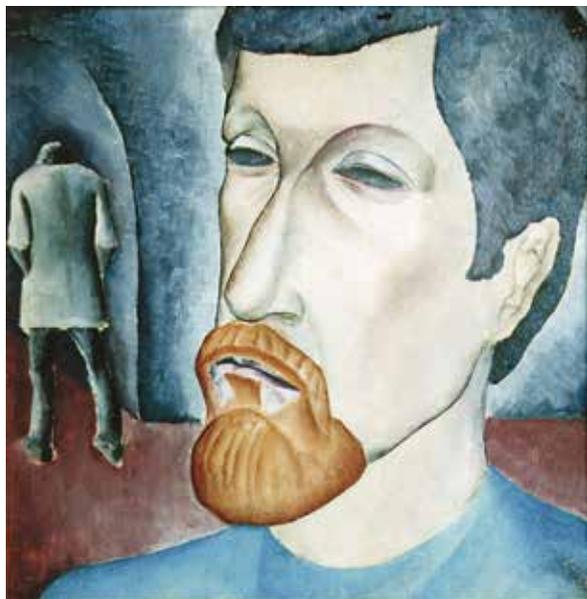
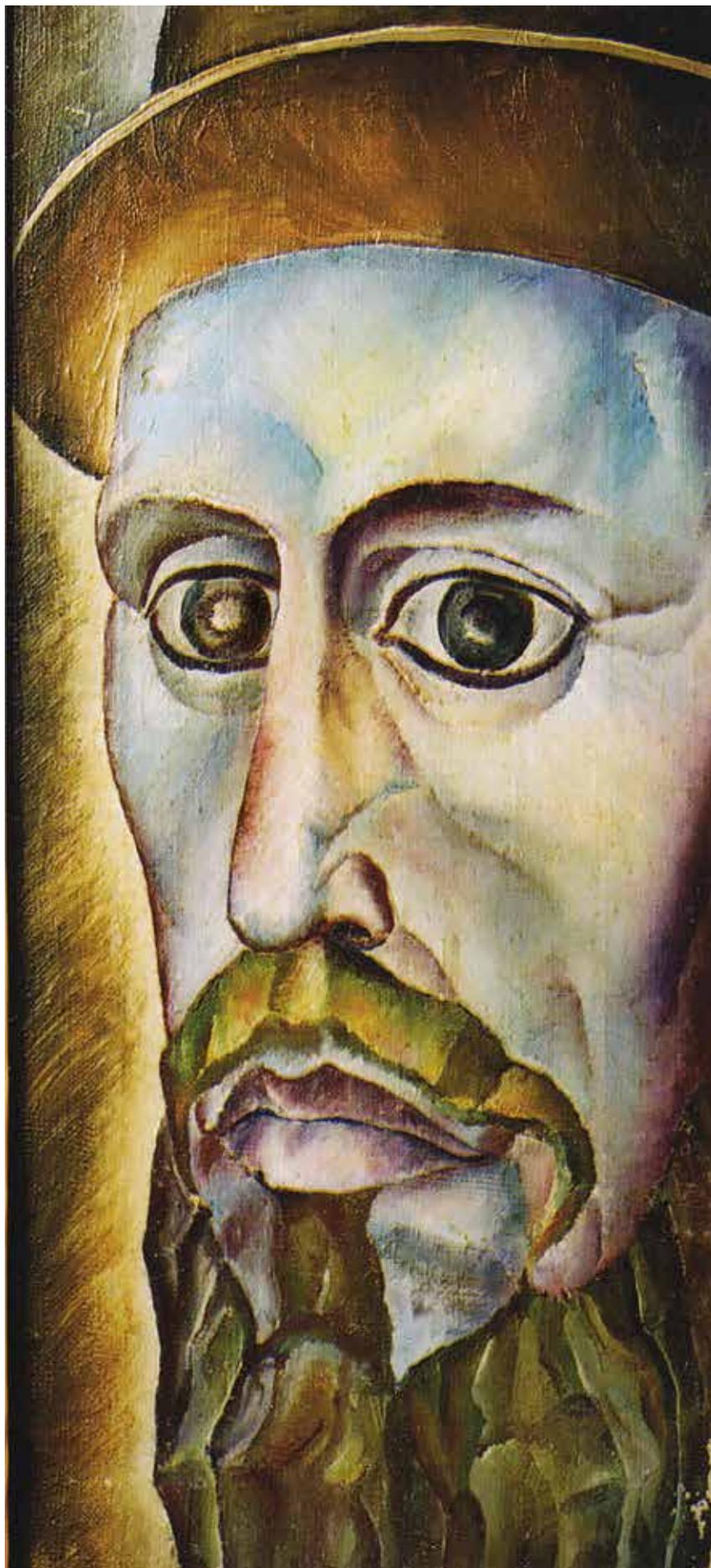
и искусствовед из Будапешта Белла Цвэй. В Ленинграде он погрузился в мир разнообразных художественных стилей и направлений, в основном – западноевропейской ориентации. Здесь произошло его профессиональное самоопределение. Но при всем обилии полученных им в этом городе общекультурных и профессиональных сведений, Владислав всегда оставался верен себе и своей основной теме. Он внимательно вслушивался и вглядывался в себя, оставаясь предельно искренним в передаче своего мироощущения.

Творчество Владислава отличает напряженная и оригинальная поэтика, противоречивое сочетание изысканного романтического аскетизма и мощного архаичного мужественного начала, некой вопиющей немоты, которая, казалось, была готова разрешиться оглушительным ревом боли какой-то древней страдающей твари.

При этом его работы по-настоящему красивы. Помню, как я часами не уставал их разглядывать, буквально погружался в этот захватывающий и гармоничный мир.

Из внешних художественных влияний можно выделить несколько главных.

Во-первых, конечно, Амадео Модильяни. Однако, при очевидных заимствованиях, живопись Владислава была совершенно иной. В отличие от Модильяни с его мягким, женственным образным строем, картины Владислава отличало мощное мужественное начало, неизбывное противо-

Защита, 1972

Биография

1945 – 29 марта родился в Ленинграде (по записи в паспорте), по другой версии – в Чите. Возможно, одна из безобидных мистификаций. Отец – ленинградец, родился в области, которая до 1939 года принадлежала Финляндии. Летчик, во время войны летал на северных трассах бортмехаником, мама – бортрадист в том же авиаотряде.

1950 – переезд семьи в Иркутск. В 1953 году отец погиб в авиакатастрофе. 1952-1962 годы – средняя школа № 32, последние классы совмещались попеременно с занятиями боксом и спортивной борьбой, рисованием, участием в войнах городских кварталов, попытками освоения философских систем, работой в геологических партиях.

1964 – поступил в Ленинградское художественное училище им. В. Серова.

Активно работает творчески, складывается основа собственных иконо-графических, содержательных и образных представлений. Знакомство и многолетняя дружба с однокурсником В. Сафроновым. Отношения имели очень сильное позитивное взаимовлияние в жизненных и творческих делах.

1966 – оставляет учебу в Ленинграде из-за усилившегося рутинно-академического и идеологического давления со стороны руководства училища и репрессий против любимого педагога Раппопорта по тем же причинам. Субъективное ощущение невозможности найти компромисс. Оттепель сменяется оторопью. В. Сафронов уезжает в родной Курган, Кузнецов – в Иркутск.

1967 – первые публичные выставки живописных полотен. Импровизированный показ возле стен кинотеатра «Гигант» заканчивается скандалом и вызовом милиции. Протест вызван не содержанием картин, а формой не виданного тогда в Иркутске несанкционированного и непосредственного уличного обращения к зрителю. Элементы провокации были, и скандал почти запланирован. Более серьезная выставка в Энергетическом институте Академгородка разделила зрителей на полярные группы. Искусствоведы и авторитетные художники демонстративно покинули зал, где проходило обсуждение.

1972 – периодически меняет место жительства: Курган, Красноярск, Ленинград.

1977 – в результате несчастного случая с тяжелыми травмами многих органов находился в больнице около трех месяцев. Множество осложнений останется до конца жизни.

1979 – продолжают ежегодные сезонные выезды на турбазы Прибайкалья для работы инструктором по туризму. Часто госпитализируется для лечения последствий несчастного случая. Картины пишет все меньше; они несут в себе отпечаток мрачных настроений, вызванных и трудноразрешимыми семейными проблемами, и отъездом из Иркутска многих друзей. Профессиональная организация художников Иркутска отрицает художественную ценность работ Кузнецова.

1983 – желание добиться материальной независимости и стабильности заставляют уехать на алмазные копи в якутское Заполярье. Через полгода вернулся в Иркутск с еще более расстроенным здоровьем. Работал егерем в Тофаларском лесничестве на озере Агул. Столь сложная траектория жизненного пути была отчасти жестикуляцией, но жестикуляцией искренней (из какой бы мифологии ни черпалась), поскольку в основе имела собственные и очень сильные установки о смысле человеческих обязанностей.

1984 – попытки работать в системе реалистической тональной живописи, способной передать новую тему – страдание человека. В цикле голов-автопортретов не ставится целью демонстрация самоощущений; главное в них – страдание, переданное с чистотой и ясностью и принадлежащее к своеобразному проявлению человеческой красоты.

1985 – работает в спасательном отряде (КСС, сейчас МЧС), регулярно выезжает на горные туристические маршруты: южные Саяны, Хамар-Дабан, Северобайкальск. Контролирует работу туристических баз, организует систему безопасных маршрутов.

1988 – 31 января скончался в одиночестве у себя дома в результате инсульта внутренних органов.

стояние миру и драматическое напряжение, о которых говорилось выше. В некоторых работах, привезенных из Ленинграда, были заметны восходящие к иконописи изобразительные приемы.

К концу шестидесятих годов он сделал несколько очень красивых натюрмортов. Сам художник утверждал, что в них много от эстетики итальянского живописца Джорджо Моранди. Несколько позже мне довелось познакомиться с альбомом репродукций этого мастера. Параллели если и есть, то, скорее, концептуального свойства. Владислав Кузнецов создавал самостоятельные, высококлассные живописные произведения, большая часть которых, к сожалению, была уничтожена самим художником.

Пожалуй, наиболее сильное влияние на Владислава оказало творчество Павла Филонова. Он терпеливо собирал информацию об этом художнике, что в то время было делом весьма нелегким. Филонов оказался близок Кузнецову прежде всего своей духовной мощью, своеобразной позитивной разнovidностью эстетического фанатизма, если так можно выразиться. Но и в этом случае об эпигонстве не может быть и речи. Если Филонов работает, как правило, в небольших форматах, глубоко проникая в ограниченное пространство своих «картинок» и концентрируя в них мощную энергию, то в живописи Кузнецова преобладают более внятные, крупные, лапидарные формы. Колорит у него не напряженно агрессивный, с преобладанием красного, как у Филонова, а скорее «подмороженный», «северный», в большей степени гармонически сбалансированный.

Помню сильное впечатление от графики Владислава этого периода. Среднего размера листы ватмана, и на них – тщательно проработанные остро отточенным твердым карандашом, голубоватые фигуры каких-то могучих мужиков, образы которых удивительным образом сочлели невероятную силу с детской беспомощностью и брошенностью.

Годы, следовавшие за возвращением из Ленинграда, были для художника самыми плодотворными и, по-видимому, самыми счастливыми

(насколько было возможно): широкий и интересный круг общения, интенсивная, приносящая удовлетворение творческая работа. Его живопись свободна, разнообразна, содержательна и высокопрофессиональна. Однако тогда официальное признание этих достоинств было, разумеется, невозможно. Произведения художника находились далеко от руслу, в котором развивалась советская живописная традиция. К сожалению, очень многие работы почти невозможно увидеть: они находятся в других городах России, за границей, частью уничтожены самим художником в периоды тяжелых депрессивных состояний.

Обозначенная выше дилемма – свобода или конформизм – по-прежнему разрешалась им в пользу свободы. И, как следствие, безденежье, отсутствие определенного общественного статуса, невозможность того, что принято считать нормальной семейной жизнью. Филонов оказался близок Кузнецову прежде всего своей духовной мощью, своеобразной позитивной разнovidностью эстетического фанатизма, если так можно выразиться. Но и в этом случае об эпигонстве не может быть и речи. Если Филонов работает, как правило, в небольших форматах, глубоко проникая в ограниченное пространство своих «картинок» и концентрируя в них мощную энергию, то в живописи Кузнецова преобладают более внятные, крупные, лапидарные формы. Колорит у него не напряженно агрессивный, с преобладанием красного, как у Филонова, а скорее «подмороженный», «северный», в большей степени гармонически сбалансированный.

Мне бы не хотелось, чтобы небольшой очерк о Владиславе Кузнецове был понят как традиционная жалоба на невозможно плохие условия, в которых ему довелось жить и работать. Ждать хороших условий – дело, думается, совершенно бесполезное. С моей точки зрения, жизнь Владислава – тяжелый, но плодотворный опыт мужественной борьбы за свое человеческое достоинство, за право самостоятельно решать, что и как делать в этой жизни, за суверенность личности, которой так нам не достает. За это благодарная ему память.

Владимир Федчин

ЖИВУЩИЙ ВСЕГДА

Архетипы и символы Даши Намдакова

Чем различаются мастерство и талант? Первое приобретается долгими трудами, второй дается божьим поцелуем. Первое вызывает уважение, второй – целый клубок противоречивых чувств от восхищения и восторга до зависти и ненависти. Мастерство движется поступательно и последовательно; талант хватает звезду с неба – вдруг, неожиданно для всех и для себя тоже.

Природа мастерства и пути его достижения, в общем-то, вполне понятны. Опыт, «сын ошибок трудных», знания, память о множестве пережитых неудач и горьких провалов – вот составляющие той мудрости мастерства, в которой так много печали. Мастер находит верное решение потому, что уже не раз бывал в подобных ситуациях и перепробовал множество неверных решений, и теперь он точно знает, как не надо делать. Устойчивые, надежные, повторяющиеся плоды приносит мастерство.

Талант блестящ и сверкающ, парадоксален и таинственен, природа его непостижима. Зачастую талантливый человек воспринимается как бы и вовсе не человеком – посланцем из будущего, из сказки, с Луны, невесть откуда. Он говорит на птичьих языках, он хочет странного, он экзотичен, у него все по-другому. Все, что рождает талант, существует в единичном экземпляре. Талант не может повторить свой успех – все его плоды получают лишь однажды.

История человеческой культуры, как и во многих других областях, демонстрирует колебания между предпочтениями мастерства и таланта. В одних культурах выше ценится талант. Уникальность, оригинальность и неповторимость объявляются высшими ценностями. Талантливых людей ищут, наделяют множеством привилегий, их капризами восхищаются. Взамен от них требуют жреческого самоотречения и служения тем Высшим силам, которые

даруют талант его носителю. Амарнский период Древнего Египта, классическая Древняя Греция, Высокий Ренессанс, японский Хэйан и китайская эпоха Мин – все эти хронотопы остались в памяти человечества как блестящие, утонченные, полные неподражаемых творческих взлетов, но краткие моменты.

Совсем иначе воспринимаются культурные «эпохи мастерства». Древнее царство Египта, Минойская и Микенская культуры, императорский Рим, китайская эпоха Тан и японская Нара прославлены трудами многочисленных мастеров, зачастую безымянных. Они создают свой вклад в общечеловеческую культуру – не блистательные инсайты, а надежные методики, не уникальные шедевры, а устойчивый поток добротных произведений. В их труде много ремесленного

и обыденного, они меняют уклад жизни народов не стремительными взрывами революций, а плавным эволюционным давлением.

Впрочем, любое деление культур на типы и классы условно. Рядом с «гениями таланта» Микельанджело и Леонардо работали «гении мастерства» Рафаэль, Тициан и Дюрер, а разобрат, чего больше – таланта или мастерства – в скульптурах Фидия, наверное, не возьмется ни один эксперт.

Сравнивать Даши Намдакова с Фидием, пожалуй, несколько преждевременно. Однако не подлежит никакому сомнению: перед нами – яркий талант. В мастерстве Даши Намдакову тоже не откажешь, с металлами – такими разными, как бронза, серебро и золото, он работает филигранно и дерзко. Уровень артистического владения технологиями такой, что влору вспомнить

Бенвенуто Челлини. Но, как и у этого ренессансного гения, талант по своим масштабам намного перекрывает мастерство.

Рубеж второго и третьего тысячелетий нашей эры, скорее всего, будет вспоминаться как «время талантов». Даши Намдаков появился вовремя. Постмодернизм уже подвел теоретическую базу под такой творческий метод, когда фрагменты различных культурных эпох соединяются в единое целое, наподобие чудовища Франкенштейна, и оживляются ударом молнии – озарением таланта. В работах Даши можно опознать находки импрессионистов и элементы традиционной китайской скульптуры, фрагменты каменных идолов Шумера и Вавилона, незаметно переходящие в пластику «Чужих» Ганса Рудольфа Гигера, и африканские мотивы государства

1. Сабрина Тавернай. Сибирь на Гудзоне: не пропустите выставку скульптуры // New York Times, 26 апр. 2004. www.dashi-art.com

Бенин. Цитирование иногда буквально, иногда – лишь едва заметным намеком. Диапазон предельно широк – от палеолитических бизонов до гротесков XXI века.

Бурятский этнос формировался относительно недавно на пересечении укладов жизни степных и лесных кочевников. Может быть, национальный характер помогает Даши Намдакову так естественно соединять скифо-сарматский «звериный стиль» с грациозными капризами ар-нуво?

Религия бурят – странный сплав тибетского буддизма (черная вера) и шаманизма (желтая вера), да еще с явственной примесью несторианского христианства (белая вера). Не отсюда ли черная патинированная бронза, золото и серебро скульптур Даши Намдакова, дерево, и мамонтовая кость, и черный конский волос?

Даши Намдаков происходит из рода кузнецов-дарханов, дархатэ. Металл, одна из пяти первичных стихий, посвящен Тэнгри – духам Неба. Поэтому кузнецы у бурят всегда были людьми очень уважаемыми, в каком-то смысле стояли даже выше шаманов. Защитники и представители человека перед лицом Неба. По этой же причине традиционный костюм бурята (а тем более, бурятки) изобилует металлическими украшениями – иногда их общий вес доходит до пятнадцати килограммов! В то же время,

металлы редки и дороги в сибирской лесостепи. Не отсюда ли – бережное, скрупулезное отношение к каждому кусочку металла, стремление нагрузить его множеством объемных и фактурных «событий», множественностью смыслов, зарядить творческой энергией?

Можно долго доискиваться корней и источников индивидуального творческого стиля Даши Намдакова – и все время находить еще какие-то прототипы и аналоги. Да что там говорить, если во время первой выставки Намдакова в Нью-Йорке критики «узнали» в его скульптурах персонажей из киноэпопеи «Звездные войны»?¹

Нескончаемая череда способов прочесть и понять скульптуры Даши Намдакова – тоже признак таланта. В старинных церквях встречается акустика, выстроенная столь искусно, что каждое слово, сказанное у алтаря,

каждый молящийся слышит как бы сказанным только ему, доверительным шепотом. Так и талантливое произведение говорит каждому что-то очень личное, что-то только про него.

Поэтому нет смысла выкапывать корни. Скульптуры Даши Намдакова вырастают из всего массива общечеловеческой культуры, в котором всё связано со всем, всё – причина и всё – следствие. В этом странном пространстве мировой культуры бесполезно спрашивать, что было раньше, а что – позже, потому что Палладио порождает римскую античность в той же мере, как античность – Палладио. Скульптуры Бранкузи и Липшица тут являются причиной культурного феномена кикладских примитивов, так что XX век нашей эры предшествует третьему тысячелетию до нашей эры, а приближение постимпрессионизма поворачивает иконы из плоскости религии

в плоскость изобразительных искусств, «из ничего» рождая древнерусскую живопись. Тут всё происходит сейчас, и само время в «пространстве культуры» не течет, а причудливо вихрится, образуя густую сеть связей, но оставаясь на месте.

Непривычное для Запада восприятие времени как цельного массива, неподвижного, хотя и сложно структурированного, характерно для кочевых культур. Странствующий по монгольской степи или по бескрайней тайге кочевник наблюдает бесконечное круговращение сезонов, не ведущее никуда. Зима и лето, жизнь и смерть чередуются в сложных ритмах, но у них, как у орнамента, нет начала и окончания. Телеологические идеи направленного движения истории – от сотворения до гибели – чужды кочевнику. Его Вселенная никогда не начиналась и никогда не кончится.

Где живет кочевник? Везде.

Когда он живет? Всегда. Каждый талантливый человек – кочевник, странник, пришелец в той мере, в какой он талантлив. Своим парадоксальным архетипическим, символическим языком он говорит с каждым из нас – доверительно, интимно – о самом важном. О Жизни и Смерти, о Мужском и Женском, о Молодости и Старости... О таком, для чего нет слов в нашем диалогическом словесном языке, привязанном к образам текущего времени. О чем только и имеет смысл говорить – нам, живущим во времени, с ним, живущим всегда.

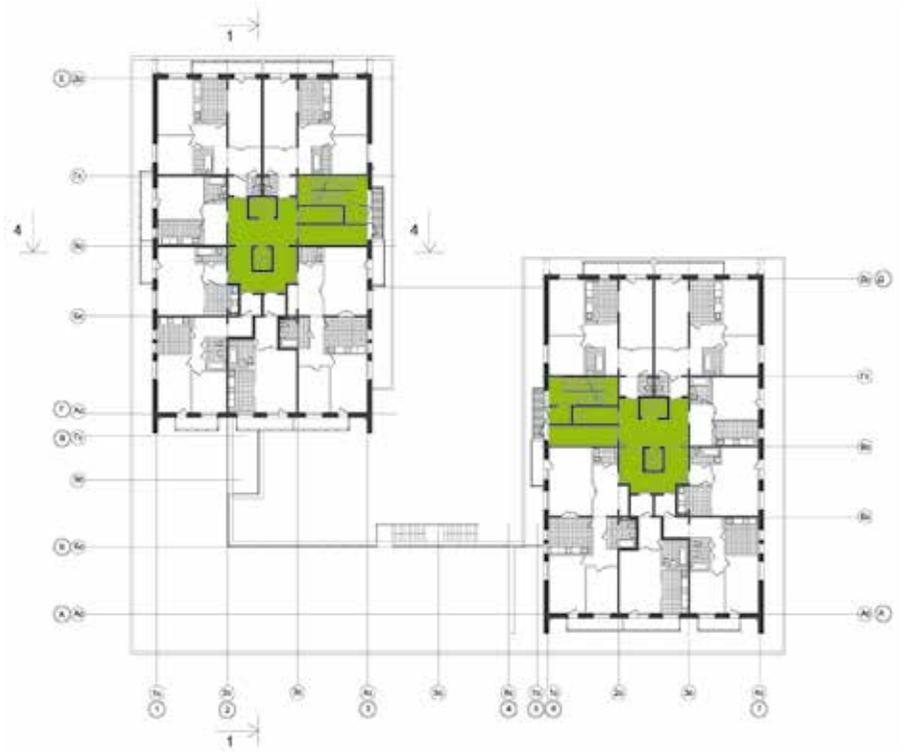
Константин Лидин

Жилые блок-секции в 32-м микрорайоне г. Ангарска

Авторский коллектив:
Олег Бадула,
Ксения Зимина,
Юрий Петрук,
Фируза Бадула

У авторов проекта примерно одновременно появились два заказчика на два разрозненных участка земли, разорванных в рамках одного квартала. Попытка предложить городу оформить заказ на проектирование всего квартала целиком успеха не имела. Тем не менее от градостроительного подхода авторы не отказались. Им удалось заполнить разрыв, объединив интересы смежных заказчиков и убедив их в необходимости комплексного подхода к данной территории. Так родилась идея активного использования внутривдворового пространства для будущих жителей проектируемой застройки за счет размещения подземной

автостоянки на 100 машиномест и целой системы малых форм. Эти приемы позволили создать пространственный каркас, объединяющий жилые блок-секции разной этажности и соединяющий будущий пешеходный бульвар с магистралью городского значения.

Две 16-этажные жилые блок-секции расположены на главной композиционной оси 32-го микрорайона. Высотные блок-секции являются мощным градостроительным ориентиром, фиксирующим диагональные и ортодоксальные проекции осей нескольких улиц и микрорайона в целом. Стилобат вмещает в себя традиционную начинку – офисы, магазины, бар и ориентирован непосредственно на проектируемый пешеходный бульвар. Таким образом, он играет роль своеобразного буфера, который, с одной стороны,

участвует в формировании общественных пространств микрорайона, с другой – отгораживает от них внутреннюю дворовую территорию жилых зданий.

Авторской разработкой ГАБРа является планировочное решение зданий – прямоугольник площадью 500 квадратных метров, в который вписано 8 квартир – две трехкомнатные, две двухкомнатные, четыре однокомнатные. Такой набор продиктован современной ситуацией на рынке жилья и ее адекватной оценкой, поскольку время больших и очень больших квартир прошло (или, по крайней мере, надолго отступило) в результате насыщения рынка.

Проектом предусмотрена плоская кровля с возможностью эксплуатации и открытый пешеходный мостик длиной 13 м, соединяющий выходы на кровлю, что

является еще одним аргументом в пользу пентхаусов.

Цветовое решение в пике времени – витражи с тонированным стеклом и детали фасадов цвета «актуальный

зеленый», который призван играть роль визуального продолжения пешеходного бульвара.

Ирина Теплякова

РОДНИК СПРАВЕДЛИВОСТИ

Философия стоицизма в интерьер-дизайне туалета

Сайт Всемирной туалетной организации. Одна из основных задач ВТО – просвещение граждан, особенно молодых, в области правильного туалетного поведения

19 ноября 2002 года человечество впервые отмечало Международный день туалета. Такое решение приняла Всемирная туалетная организация (ВТО), созданная в 2001 году на 1-й Международной конференции в Сингапуре, посвященной проблемам туалетов. Около 200 делегатов из Азии, Европы и Северной Америки собрались в Сингапуре в рамках Всемирного туалетного саммита, чтобы обсудить тему «Наши туалеты: прошлое, настоящее, будущее». На церемонии открытия саммита выступили актеры пантомимы, изобразившие все то, что надо и не надо делать в туалете. Место для проведения форума было выбрано не случайно: Сингапур славится «клинической» чистотой отхожих мест. На конференции были приведены данные о том, что более 40 процентов населения планеты (2,6 миллиарда человек) не имеет доступа к элементарным санитарным удобствам. Отсюда распространение инфекционных заболеваний и возрастающие медицин-

ские расходы. Делегаты обсудили концепцию развития туалетного дела применительно к задачам охраны окружающей среды.

Отец-основатель ВТО Джек Сим уверен, что новый международный праздник окажется не только веселым, но и полезным: накануне 19 ноября во всем мире будет проводиться своеобразный субботник по уборке и украшению отхожих мест. Надежды отца-основателя ВТО сбылись. В 2008 году День туалетов отмечался во многих странах мира. В Сингапуре и Китае впервые был опробован рейтинг

общественных туалетов и появились первые «пятизвездочные» заведения. Дорогу к ним показывают специальные указатели. А известнейшая британская газета «Таймс» опубликовала большую подборку материалов, в частности письма читателей газеты с жалобами на плохое состояние туалетов за последние сто двадцать лет, которые демонстрируют некоторое отставание Европы от Азии в деле государственного подхода к сортирам.

Пафос борьбы за туалетное равноправие в масштабах всего человечества

может показаться чем-то юмористическим. Однако после первого приступа веселья начинаешь задумываться: а действительно, есть ли еще функциональная зона в жилом интерьере, где с такой же силой проявляется бы принцип всеобщего равенства?

Но принцип принципом, а конкретные примеры равноправия всех перед лицом туалета всегда грешат неоднозначностью. Вот, скажем, английский туалет, где даже кабинка исключена как необязательный элемент. Казалось бы, предел возможного в равномерном подходе к каждому нуждающемуся. Ан нет, такое решение возможно лишь для мужской части населения. Гендерная дискриминация!

На улицах Парижа встречаются аккуратные кабинки, очень гигиеничные и удобные, но платные. Сперва опустить монетку, а потом войти. После посещения прикроешь дверь – она и захлопнется. А если нету монетки, то терпи.

Стремление к равенству возможностей богатых и

Туалет, решенный с чисто английским минимализмом

Парижский туалет-автомат. Безупречен с точки зрения гигиены, экономики и здравого смысла, но как насчет справедливости?..

бедных иногда побуждает следующего посетителя (особенно часто этим грешат молодые люди) проскочить внутрь, пока дверь еще не захлопнулась. Однако такой поступок чреват сюрпризом: после каждого посещения кабинка изнутри промывается антисептической жидкостью из специальной дождевальной установки. Если же при этом внутри оказался «бесплатный» посетитель – его тоже продезинфицирует, независимо от желания.

В эпоху Людовика Четырнадцатого, Короля-Солнце, французские аристократы заводили специальных слуг, которые держали наготове ночной горшок и полотенце, на случай, если вельможе приспичит. Тогда же возникла поговорка: «Мы носим за ними их горшок, пока они фавориты, чтобы позже, когда счастье отвернется от них, вылить все это им на голову». По-русски звучит несколько неуклюже, но демократический смысл вполне понятен.

Древние корейские правители также пользовались горшком, но этот королевский сосуд был из чистого золота. В наши дни в Гонконге появилась своеобразная достопримечательность: две туалетные комнаты общей стоимостью 38 гонконгских долларов (\$4,8), в оформлении которых преобладает золото. Золотые туалеты были установлены в ювелирном магазине 3D Gold в 2001 году и довольно быстро стали популярными среди туристов. Около пяти тысяч человек в год посе-

щали магазин только ради золотого туалета. Однако через несколько лет власти Гонконга официально предупредили хозяев магазина, что посетители жалуются на грубость и вымогательство со стороны продавцов. Туристическое бюро города пригрозило исключить золотой туалет из списка достопримечательностей, если не будет восстановлена справедливость. Владельцы магазина обвиняют бюро в предвзятости и обещают улучшить качество обслуживания посетителей.

Идея возмездия за неправедное высокомерие в туалете нет-нет да и проступит в истории архитектуры и дизайна. Одна из малоизвестных достопримечательностей Минска – старейший общественный туалет, расположенный в Центральном скве-

ре возле театра имени Янки Купалы. Зданию больше ста лет, и архитектура его вполне дворцовая. Легенда гласит, что сортир представляет собой точную копию дома графа Чапского. Архитектор Стенкевич, построивший графский дом, так и не смог добиться от графа оплаты за свой проект, и в отместку выстроил туалет – копию неоплаченного дворца.

Впрочем, бытует и другая легенда, по которой здание выстроили соседи, недолюбливавшие графа.

Итак, поставим целью отнестись к туалету максимально справедливо. Какие формы принимает принцип долга, чести и совести в интерьере этой важнейшей функциональной зоны?

Конечно же, посетителю туалета должно быть удобно. Этот самоочевидный тезис

тоже не так прост, как может показаться. Особенно заметна его непростота в случае, когда посетитель туалета – инвалид. Элементарное действие – пересаживание с инвалидного кресла на унитаз – может превратиться в непреодолимую проблему, если дизайнер заранее не побеспокоился о поручнях. То же самое относится к подходам к раковине, к наклону зеркала и прочим составляющим правильного туалета.

В итоге честное, справедливое решение интерьера туалета для инвалида вырастает в специфическую эргономическую задачу, для многих дизайнеров незнакомую.

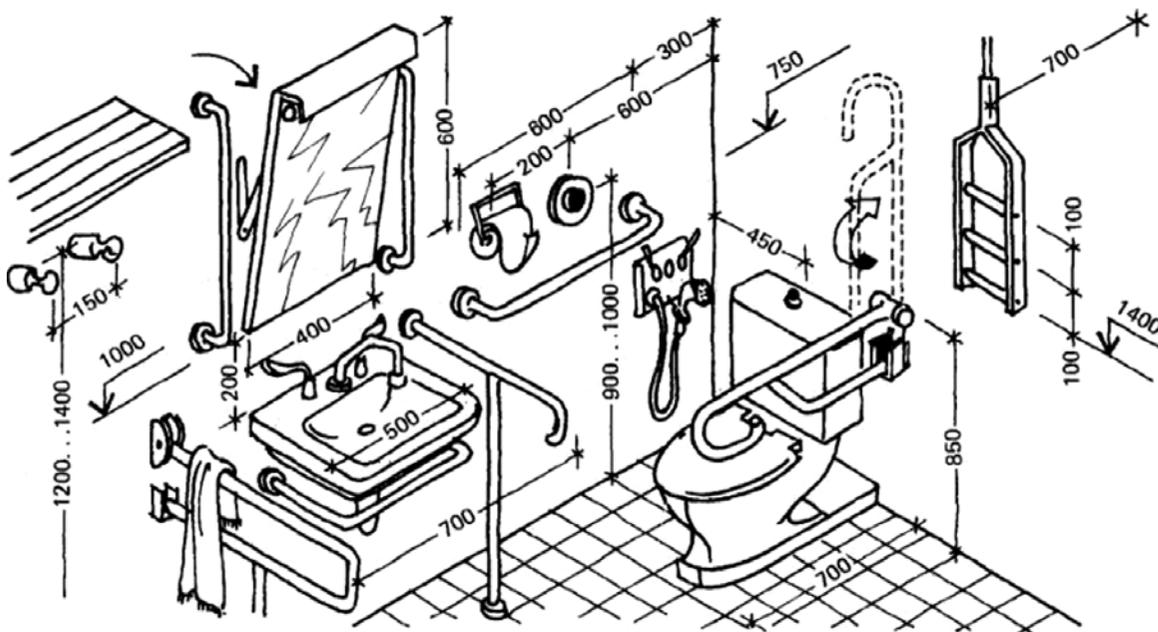
Примерно те же проблемы возникают, когда мы обсудим дизайн туалета для ребенка или пожилого человека. Правда, современная промышленность предлагает большое количество специальных приспособлений и гаджетов – вроде сидений для унитаза с регулировкой высоты, прокладками против скольжения и анатомически выверенной формой. Но ведь все эти шедевры эргономики еще надо соединить в общий ансамбль. Тут не обойтись без философии.

Древнеиндийская философия повседневного быта выражена в ведических текстах – шастрах. Организации жилища посвящена Вастушастра, которая, как и китайский фэн-шуй, связывает устройство жилища с движениями космических энергий. Точная ориентация

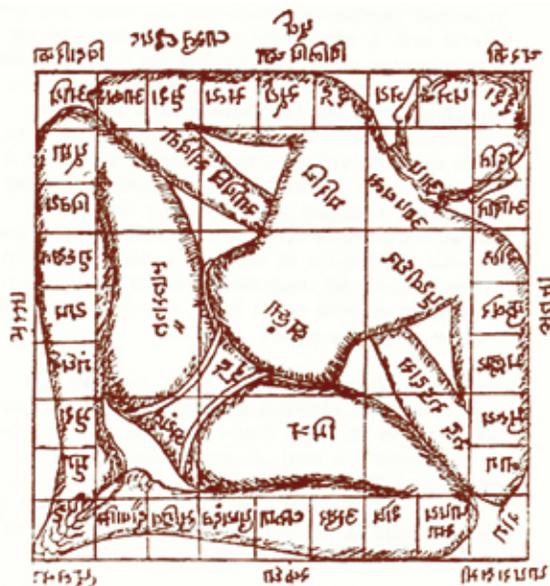
Господин Лам Сай-вин, дизайнер золотого туалета (по заказу компании Хан Фан, владельца магазина 3D Gold)

Изысканное здание общественного туалета – напоминание о том, чем может обернуться недостаток совести по отношению к творческому человеку

Пример продуманного дизайна туалета для инвалида-колясочника. Подробнее можно ознакомиться по адресу: www.anissn.ru/relax/wc/wc_inva.doc

Васту Пуруша мандала из древнего санскритского трактата. Демон-хранитель жилища лежит вниз лицом в ритуальной позе, головой на северо-восток. Место туалета – возле левого локтя и колена

здания и его функциональных зон по сторонам света помогает достичь гармонии и процветания, здоровья и богатства.

Принципы доверительного и уважительного отношения между жилищем и его обитателем выражены в древней легенде о демоне Васту Пуруша.

Когда Брами получил от Верховного Божества силы творить, он сотворил вначале множество благоприятных и неблагоприятных существ. Совершив это, Брама и другие боги попытались создать ауру, но вместо этого появился бесформенный демон Васту Пуруша. Он был воплощением необузданной

хаотической энергии. Его нужно было обуздать, так как он угрожал всей Вселенной. Брама и другие боги бросили его на землю и сели на него верхом. Будучи прижатым таким образом Брамой в середине и многими просветленными богами и мудрецами по бокам, Васту Пуруш немедленно полностью очистился и поэтому был провозглашен махабхагаватой, т.е. Великим ревнителем Бога.

Очистившийся Васту Пуруша предал себя всего Брамe и сказал: «Господин, как я могу служить тебе?» И Брама ответил: «Я хочу, чтоб ты остался на Земле и стал господином всех зданий и строений».

После того как Васту Пуруша согласился служить Брахме, он спросил: «В Золотой (Сатья), Серебряный (Грета) и Бронзовый (Дварпара) века люди будут строить свои жилища по законам Васту и будут преданно служить Богу, и мне тоже будет перепадать от их даров, но в Кали-Юга (в наши дни) люди будут строить дома, в которых я буду мучиться, и они не будут приносить даров ни Великому Господу Вишну, ни мне! Что же я буду есть?» И Брама ответил: «Если люди Кали-Юги втиснут тебя в неудобные помещения и не будут делать тебе подношений по твоему вкусу – ты сможешь съесть их самих».

На рисунке видно, как Васту Пуруша располагается в пространстве дома. Все его основные чакры находятся на линии северо-восток – юго-запад. И это еще одна причина всегда оставлять центральную часть дома свободной и открытой – ведь иначе будет повреждена самая главная чakra Васту Пуруша – анахата (сердечная чakra). Из этого же рисунка видно, что и северо-восточная часть дома должна быть чистой, свободной и открытой – это местоположение сахасрарачакры, чакры, связующей между материальным и тонким миром.

Согласно рекомендациям васту-шастра, для туалета наиболее благоприятен северо-западный угол дома.

Этот угол находится под покровительством бога Вайю – персонафикации стихии Воздуха (Ветра).

Совсем плохо, если туалет помещается на северо-востоке или юго-западе. Остальные варианты промежуточные.

Васту-шастра предлагает четкие правила ориентации туалета относительно сторон света. Регламентируется расположение туалетных дверей (на север или восток), окон (большое – на север, маленькое – на восток или запад), зеркал (на северной или восточной стене), кранов (должны располагаться на юго-востоке, юго-западе). Пол хорошо сделать слегка покатым к востоку или северу. В облицовке стен и пола следует избегать камня и керамики, лучше использовать дерево светлых тонов.

Впрочем, как и в случае фэн-шуй, указания васту-шастра только выглядят подробными и однозначными. На самом деле мастер восточного дизайна учитывает невообразимое количество конкретных факторов: рельеф местности, близость рек, розу ветров, дороги, жилые и офисные массивы поблизости от дома, состав семьи жильцов и состояние их здоровья, экономическую и экологическую ситуацию и многое, многое другое. Для того чтобы Васту Пуруша был сыт и доволен, надо много и внимательно размышлять в диалоге с ним и другими богами – стихийными силами.

Рекомендации, которые можно получить рассудочным путем из правил гигиены, эргономики, восточной или западной философии, конечно же, помогают в дизайне туалета. Однако всегда остается еще что-то такое, что не вписывается в логические схемы и нормы. Это – чутье, чувство равновесия, справедливости по отношению ко всем, участвующим в процессе функционирования туалета.

Туалет – зона, в которой человек в наибольшей степени незащищен и беспомощен. Защита ему – совесть дизайнера.

Константин Лидин,
Марк Меерович

Университет как градообразующий фактор

Противостояние и войны "town contra town" («город против мантии») закончились еще в эпоху Просвещения, и только университетские кампусы Оксфорда, Кембриджа и университетов Новой Англии, так похожие на крепости, напоминают те старые и недобрые времена.

Университеты прочно стали не только градо-, но и странобразующей силой: 300 университетов позволили Южной Корее ворваться в число высокоразвитых стран мира.

Мировой опыт показывает: университет может стать поводом к возникновению города (Беркли в Калифорнии, США), может стать ведущей градообразующей отраслью (Томск и Новочеркасск), может сильно перерасти «материнский» город (Стенфорд и Пало-Альто в Калифорнии, США) и стать центром развития целой агломерации городов Силиконовой долины.

Город и университет могут по-разному функционализироваться относительно друг друга. Вот несколько типичных сочетаний.

Портландский университет (штат Орегон, США), объявив свою градообразующую миссию, не только принципиально открыт для города (нет университетской стены или ограды, по территории университета проходят маршруты городских автобусов) – основная масса исследований и проектов, разрабатываемых здесь, связаны с развитием города.

Тольяттинский государственный университет иначе видит свою градообразующую функцию: здесь, в связи с затяжным кризисом АвтоВАЗа, обеспокоены не только подготовкой кадров для имеющихся в городе рабочих мест, но и созданием новых рабочих мест. Кроме того, ТГУ становится культурным, интеллектуальным и моральным лидером города, где раньше эту позицию удерживал АвтоВАЗ.

Новосибирский государственный университет возник в 50-е годы в Академгородке одновременно с научными институтами и центрами Сибирского отделения АН СССР. Основное градообразу-

ющее назначение университета – обеспечение процесса воспроизводства научных кадров Академгородка.

По образцу Новосибирска сформировались Академгородки, включающие университеты, в Иркутске и Владивостоке.

Любопытно, что университеты могут способствовать перефункционализации города: так, например, Томск, став университетским городом, «притянул» в город машиностроение, приборостроение, науку и атомные исследования.

Один из старейших в Европе Кенигсбергский (ныне Калининградский) университет дважды сыграл роль «консерванта» этого немецкого города в чуждой ему российской среде (И. Кант имел российское подданство).

Многие известные германские и голландские университеты, расположенные в относительно небольших городах (Ульм, Геттинген, Лейден, Марбург и многие другие), на протяжении веков сохраняют свою ведущую градообразующую роль, городскую доминанту: собственную, кроме университетов, в этих городах ничего существенного или заметного нет.

Московский университет до революции играл заметную градообразующую роль: как и другие тогдашние университеты, он возглавлял огромный учебный округ (Россия была разделена на 17 учебных округов, по числу университетов, – таким образом, каждый округ был больше губернии), был, в результате этого, образовательным фокусом власти. Кроме того, университетская типография печатала самую большую и популярную городскую газету «Московские ведомости», а сам университет был, несомненно, более значимым очагом культуры, чем Большой или Третьяковка: здесь постоянно читались публичные лекции; музеи, театр и библиотека университета были общедоступны. При этом устав Московского университета не подпадал под юрисдикцию города: известен случай из 90-х годов XIX века, когда полицейский чин, преследуя

студентов-бомбометателей, нарушил университетский устав и пересек порог университета, – обер-полицеймейстеру Москвы пришлось уходить в отставку.

Известна роль Сорбонны как очага всех французских революций, вплоть до контркультурной революции 1968 года. Надо заметить также, что городские коммуны Франции считали для себя обязательным иметь собственный университет – и как фактор культурного самосознания города, и как атрибут интеллектуальной независимости города.

Вильнюсский университет возник после письменного прошения литовского иезуита польскому королю во второй половине XVI века одновременно и как центр теологии ордена иезуитов, и как центр возрождения литовского языка и литовской культуры. Когда в 1832 году Николай I за участие в польском восстании расформировал вильнюсский (Виленский) университет, в упадок пришел не только город, но и вся Литва.

Какую бы роль ни играл тот или иной университет, каких бы размеров ни были университет и город, во всех случаях наблюдается эффект реципрокности перспектив (взаимопорождения и взаимоподталкивания и взаимоподдержки) города и университета.

Другой неизменной функцией университета в городе является социальный лифтинг – перемещение людей на социальный верх благодаря полученному в университете образованию.

В наше беспокойное и небеспечальное время возникло несколько тенденций в развитии университетов и городов:

– началось формирование мощных федеральных университетов путем слияния крупных вузов одного города (Красноярск, Екатеринбург, Владивосток, например); во многом это будет фиктивная (на уровне ректоратов) консолидация и неизбежная потеря управляемости;

– создается попытка формирования исследовательских университетов

(комбинация из высшего образования и науки), попытка, строящаяся не на истории отечественной науки и образования, а в подражание США;

– инновационность образования стала лозунгом дня, при этом под инноватикой понимается то, что пройдено на Западе 30-50 лет тому назад;

– города продолжают нуждаться в промышленных кадрах, при этом потребность в этих кадрах, особенно в рабочих, покрывается в значительной мере за счет гастарбайтеров из соседних стран, которые, в отличие от России, не разрушили систему начального профобразования (ПТУ, техникумы).

Эти разнонаправленные тенденции губительны каждая сама по себе. Действуя же одновременно, они могут привести к образовательному месиву из никому не нужных специалистов, имеющих невнятное коммерческое значение исследований и зияющих кадровых дыр на рынке труда. Всего два «спасительных» соображения внушают некоторый «оптимизм»: во-первых, на реализацию этих «инициатив» нет достаточных средств (дай бог, чтобы их хватило на борьбу с коррупцией!); во-вторых, руководство страны взяло жесткий курс на сворачивание какого бы то ни было развития.

Александр Левинтов

Дом №1 на станции Маритуй Кругобайкальской железной дороги

С момента, когда Кругобайкальская железная дорога была взята под охрану государства как памятник истории и культуры федерального значения, прошло больше четверти века. В 1982 году, когда было принято решение о постановке Кругобайкальской дороги и всех архитектурных памятников на ней под государственную охрану, на своих местах оставалось около 50% всех исторических построек.

За прошедшие годы Кругобайкалка потеряла более двадцати построек, и, таким образом, сегодня осталось меньше четверти всех зданий.

Каждый исторический дом на Кругобайкальской дороге является составной частью архитектурного комплекса и одновременно охраняется как самостоятельный архитектурный памятник.

Из всех зданий станции Маритуй дом №1 располагается ближе всего к берегу Байкала. Дом построили около 1905 года на берегу озера, недалеко от места впадения в Байкал реки Маритуй.

Архитектура здания полностью соответствует стилю Кругобайкальской дороги и отличается добротностью и основательностью, характерной для начала XX века.

Объём здания образован протяженным прямоугольным срубом, который с трёх сторон дополнен пристроями входных тамбуров. Вальмовая железная крыша перекрывает всё здание. Главным южным фасадом в семь окон дом обращен в сторону озера.

Декоративное оформление дома выполнено в едином стиле с другими

постройками железной дороги и содержит характерные детали архитектуры Кругобайкальской железной дороги. Это и дощатые пилястры, фланкирующие фасада здания, и окна с характерными «железнодорожными» наличниками, и пропиленная резьба с типичным для Кругобайкалки рисунком.

Сто лет дом исправно служил людям. Сначала как служебное железнодорожное здание, затем как больница поселка Маритуй. Дом находится на балансе Восточно-Сибирской железной дороги и принадлежит ей.

Сейчас здание гибнет. Опустевший несколько лет назад архитектурный памятник разрушается: выломаны двери, разобраны печи. Проходящие туристы выбивают короткие брёвна про-

стенков для своих костров. Брошенный дом опустошен и разграблен.

Нельзя согласиться с логикой бывших хозяев дома: раз им дом больше не нужен, ну и пусть гибнет. Крепкое, прочное здание могло бы и дальше служить людям, радовать глаз туристам и напоминать новым поколениям о славной истории страны и свершениях отцов. Но для этого необходимо подумать, решить, как дом может быть сохранен, как он может встроиться в новую туристическую деятельность на Кругобайкальской дороге. Необходимо сохранить исторический архитектурный памятник и передать его детям и внукам. Дом не должен погибнуть.

Андрей Ляпин

СОХРАНИТЬ НЕВИДИМОЕ? Дух места и архитектурная этика (Случай Ичери Шехер, Баку)*

Апелляции к духу места: опыт автора
В странах – наследницах СССР – хартии номинально признаны, но реально не исполняются даже в их «материальной» части. Например, в Венецианской хартии утверждается:

«Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза; что же касается предположительного восстановления, то любая работа по дополнению, сочтенная необходимой по эстетическим или техническим причинам, должна зависеть от архитектурной композиции и нести на себе печать нашего времени. <...> Наслоения разных эпох, привнесённые в архитектуру памятника, должны быть сохранены...»¹

Теперь возьмём свежий пример – недавнюю реконструкцию Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. В ходе её не следовали требованиям Венецианской хартии, а лишь имитировали такое следование путём «углубления» материальных слоёв при воссоздании древнего храма, полностью разрушенного в советское время. Реставрация дворцово-паркового ансамбля Царицыно в Москве – ещё один недавний пример столь же свободного отношения к повсеместно признанным принципам. В действительности это дорогостоящая реконструкция никогда не существовавшей реальности. Ведь основой для проектного решения послужил один из первоначальных, не пошедших в дело, эскизов архитектора М. Казакова², а дворцы, увенчанные сегодня помпезными псевдоготическими кровлями, никогда не были завершены, но именно как руины на протяжении двух столетий являлись для многих москвичей символическим фокусом этого прежде романтического места.

Несогласие с практикой сохранения наследия, полной подобных примеров, побудило меня предпринять несколько попыток определения, «фиксации» и акцентирования нематериальных компонентов градостроительного наследия

Киев. Михайловский собор Михайловского Златоверхого монастыря (справа). 1108-1935-2000

тех объектов, с которыми мне доводилось работать.

Попытка первая: предложения по символическому воссозданию исторического центра Чебоксар. В конце 1970 – начале 1980-х годов в связи с предполагаемым затоплением части территории этого города водами Чебоксарского водохранилища было полностью снесено ядро исторического центра – с храмами, площадями, парками, ценной гражданской застройкой. Всего было «зачищено» более 60 га, или почти половина освоенной к началу XX века городской территории. Однако из-за понижения проектных отметок водохранилища затопление так и не состоялось. Пятнадцать лет на месте старого центра зияло полуоболото-полукотлован. Так называемый Чебоксарский залив был оконтурен дамбой и заполнен водой только в июне 1996 года в канун сдвоенного праздника – Дня Чувашской государственности и 60-летия местной епархии. К тому же празднику было приурочено завершение «Концепции возрождения исторической части г. Чебоксары»³, в подготовке которой я участвовал. На берегу залива, на краю Красной площади, то есть на границе сохранившейся части

центра (с застройкой в основном 1950-х и последующих лет) и снесённой и затопленной его части, было предложено создать музейный комплекс «Старые Чебоксары». Комплекс воспроизводил бы – в масштабе 1:10, но по возможности точно – историческую застройку и планировку затопленной части города по состоянию на начало XX века. Будь такой музей построен, возможным стало бы исторически достоверное восприятие родного города его жителями. Пожилые люди могли бы находить в нём любимые места, вплоть до собственных домов, молодёжь знакомились бы с городом предков, с былыми традициями организации городской жизни. В конечном счёте результатом строительства музея могло бы стать создание метафоры утраченного, отчасти компенсирующей средовые потери на ментальном уровне, – символическое воссоздание духа места⁴. Однако за 12 лет, прошедших со времени разработки этого предложения, в Чебоксарах так ничего и не сделано для воссоздания памяти об уничтоженном городе. «Ядром исторического центра»⁵ теперь уверенно называют его периферию – так называемый западный косогор или самую древнюю часть города, ока-

завшуюся к началу XX века на окраине центра.

Попытка вторая: включение в Муниципальный атлас города Пушкина специальной главы, посвящённой духу Царского Села. В целом атлас выполнен в рамках рациональной позитивистской идеологии градостроительного анализа и картирования (датская система SAVE⁶). Причины же включения в атлас «поэтики Царского Села – Пушкина» в число выделяемых в атласе «доминирующих свойств территории» очевидны. Невозможно не учитывать особую роль Царского Села в русской культуре как «города муз», парковые царскосельские ландшафты вдохновляли многих знаменитых русских поэтов. Не менее важно и качество недооцениваемой обычно «повседневной» среды исторической части города: она обладает собственной поэтикой и символически взаимодействует с парками. Однако поэтика города – качество трудноуловимое; ещё труднее отразить её в тексте или графически; поэтому было решено попытаться её передать в серии визуальных образов городской среды:

«Игра света и тени, смена времен года, сезонной палитры и настроения... Сочетание, переплетение, столкновение архитектуры и природы в парковых и городских ландшафтах»

* Продолжение. Начало см.: Проект Байкал. 2008. № 18. С. 60-63. (Статья впервые опубликована в журнале «Вестник Евразии», 2008. №1 (39). С. 203-241.)

1. Венецианская хартия... Ст. 9, 11.
2. См., напр.: Ревзин Г. Пустое вместо. Что построили в Царицыне под видом памятника XVIII века // Коммерсантъ, 2007. № 158 (3734). 1 сент. Доступно на: www.kommersant.ru
3. Работа выполнена объединённым авторским коллективом институтов ИНРЕКОН (арх. В.Р. Крогус, А.В. Иванов и др.) и «Гипрогор» (арх. К.П. Матвеев, О.В. Шарпова и др.).
4. Подробнее см.: Иванов А. Чебоксары: город – котлован – залив? Проект как фактор культуры // Архитектурный вестник. 1997. № 1. С. 57-60.
5. См.: Из выступления министра строительства, архитектуры и дорожного хозяйства Чувашской Республики В.Н. Филатова на совещании по теме «Развитие архитектуры и градостроительства в Чувашской Республике», 25-26 августа 2003 года. Доступно на: gov.csp.ru/home/21/docklad.htm
6. См.: Иванов А.В. Международный пилотный проект по оценке и картографированию культурного наследия и застройки муниципалитета «InterSAVE Россия – Пушкин»: реализация и перспективы // Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах: материалы конф. «EVA'2001, Москва», 3-8 декабря 2001 г. М., Центр ПИК Минкультуры РФ; ГТГ, 2001. С. 8-2-1–8-2-3.

7. Горбатенко С., Иванов А. Пушкинский район Санкт-Петербурга. Муниципальный атлас. Исследование и оценка градостроительных структур и застройки в целях сохранения архитектурного наследия. Пушкин, 2002. С. 25.
8. Там же, С. 58-59.
9. Иванов А. Учет особенностей социального восприятия городского центра при разработке Федеральной целевой программы «Возрождение и развитие Ростова Великого» // Социальное участие при разработке и реализации региональных программ развития (теоретические и практические подходы) : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 7-9 октября 1999 г. Москва, 2000. С. 74-87.
10. Подробнее см.: Иванов А. Некоторые черты субъективного «исторического образа» Ростова второй половины XX века // Городское управление. 2003. № 9. С. 80-83.
11. Это прежде всего проявления «средовых правил» исторического Каракола: правила кварталов, правила частновладельческой застройки, правила подчиненности ландшафту, правила тополей. См.: Иванов А. Средовая норма: триумф и энтропия в российском – советском – кыргызском Караколе // Вестник Евразии. 2004. № 2 (25). С. 6-41; он же. Каракол-Пржевальск: архитектурное и градостроительное наследие русского колониального города в современном Киргизстане // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. С. 74-95.
12. Ivanov A. To conserve a unique town-planning heritage example of Kyrgyzstan by legal zoning means (from old rules to new ones) // Proceedings of the 11th Conference of the International Planning History Society. Barcelona, 14-17 July 2004. Planning Models and the Culture of Cities. Available at: www.etsav.upc.es/personals/iphs2004/pdf/094_p.pdf.
13. См.: Иванов А. Каракол. Архитектурное и градостроительное наследие. Бишкек, Ега-Басма, 2004.
14. Van Oers R. Report on the HUL Planning Meeting, 25 September 2006 // www.icomos.fi/VanOers_Report.pdf
15. Баку, губернский город // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890-1907. Доступно на: www.vehi.net. По другим данным, в 1913 году в Баку проживало 215 тыс. человек (en.wikipedia.org/wiki/Baku).
16. Включая городские поселения, подчиненные городу (в т.ч. на территории Бакинского горсовета – 1150 тыс.). Данные всесоюзной переписи населения 1989 г. Расчет автора по: demoscopie.ru.
17. См.: Иванов А. Феномен Баку // Архитектурный вестник. 2006. № 6. С. 64-65.
18. В соответствии с государственным реестром памятников Азербайджана (2001) на небольшой территории Ичери Шехер (всего 21,5 га) расположены три памятника международного значения (Девичья башня, мечеть Мухаммеда и дворец Ширваншахов), 28 памятников национального значения и 569 – местного.

дшафтах... Таинственность руин, подлинных и мнимых... Пустота и завершенность городских пространств людьми и знаками прошлого и настоящего...»⁷

Соответственно была выбрана форма фотоколлажа как наиболее подходящая для достижения цели – воспроизведения поэтического содержания городской среды. Той же цели служит глава атласа, посвящённая «городским деталям»⁸; одни из них живут очень долго, другие сменяются по несколько раз на протяжении жизни одного поколения и поэтому очень уязвимы; но все они: фрагменты зданий, элементы городского благоустройства и оформления, информационные знаки, редкие природные объекты и др. – придают среде неповторимое обаяние. В целом же «царскосельские» страницы атласа вдохновлены романтической надеждой на то, что читатели почувствуют поэтику места и будут руководствоваться ею не только в восприятии города, но и в связанной с ним деятельности. По сути, это та же надежда, что питала и авторов цитированных выше хартий недавнего времени. Вот только поверить в её осуществление на практике чрезвычайно трудно...

Попытка третья: почтовый опрос в ходе разработки Федеральной целевой программы «Возрождение Ростова Великого».

Программа была нацелена на комплексную ревитализацию исторической среды и сконцентрирована на её материальных компонентах. Предполагались реставрация ансамблей и отдельных памятников, модернизация исторической застройки, реабилитация природных ландшафтов и т.д. Для выявления особенностей реального использования жителями публичных пространств, их отношения к памятникам архитектуры и истории был проведён социологический опрос⁹. Но всё равно было ощущение, что нечто важное для понимания ростовского средового феномена остаётся нераскрытым. Оно и побудило меня просить жителей принять участие в почтовом опросе, посвящённом недавнему прошлому города – 1950–1980-м годам, времени их детства и юности. Полученные тогда письма-воспоминания содержали описания повседневной городской жизни, детских игр в городском пространстве, рассказывали об изменениях городских традиций, поведения горожан. Фактически они передавали весьма тонкие, интимные отношения между людьми и их окружением, учёт которых, по моему мнению, не менее существен при разработке стратегии ревитализации, чем реставрация признанных памятников¹⁰. Но это «местное знание» так и не попало в официальные документы, да и сама Федеральная программа не была доведена до стадии утверждения.

Попытка четвёртая: разработка Правил землепользования и застройки для города Каракола (бывшего Пржевальска). В 2003–2004 годах в рамках поддержанного Агентством США по международному развитию (USAID) проекта «Земельная реформа Кыргызстана» удалось осуществить углублённый анализ исторической части этого бывшего колониального форпоста Российской империи на её центрально-азиатской границе с Китаем, ныне – административного центра удалённой Иссык-Кульской области Кыргызстана. Визуальное наблюдение, изучение музейных и библиографических источников, вовлечённость в социальную жизнь города в ходе полевых визитов – всё это позволило мне выявить

некоторые важные черты местного наследия, быстро исчезающие в новых условиях¹¹, и определить городские ареалы, где такие черты сконцентрированы. Затем эти ареалы были включены в Правила землепользования со статусом особых правовых зон, на которые распространяются чётко прописанные функциональные и пространственные ограничения строительной деятельности. В свою очередь, Правила, после их утверждения городским советом (кенешем), получили статус местного нормативно-законодательного акта¹². Помогла акцентировать исчезающий дух этого места и книга, во многом напоминающая упомянутый выше атлас. В ней рассказывается о градостроительном и архитектурном наследии Каракола, о социальных основаниях формирования уникальной среды этого города¹³.

Я далек от переоценки этих скромных попыток. Но я надеюсь, что все они отвечают основной тенденции современного консервационизма – «движения от визуально воспринимаемых объектов и языка визуальной грамотности (объемы, формы, масштаб и т.д.) через экологический подход, который сочетает физические и ассоциативные ценности, <...> к исторической среде, понимаемой как место для ритуального и гуманистического опыта»¹⁴.

Случай Ичери Шехер
Пока консервационисты уточняют дефиниции и подходы, дух места уходит из многих исторически ценных урбанистических объектов.

Рассмотрим эту ситуацию подробнее на примере Ичери Шехер – Старого города Баку. Этот средневековый город, построенный на холме близ береговой линии Каспийского моря и окружённый толстыми крепостными стенами, играл множество ролей на протяжении его долгой истории. Столица Российской империи на её центрально-азиатской границе с Китаем, ныне – административного центра удалённой Иссык-Кульской области Кыргызстана. Визуальное наблюдение, изучение музейных и библиографических источников, вовлечённость в социальную жизнь города в ходе полевых визитов – всё это позволило мне выявить

Рассмотрим эту ситуацию подробнее на примере Ичери Шехер – Старого города Баку. Этот средневековый город, построенный на холме близ береговой линии Каспийского моря и окружённый толстыми крепостными стенами, играл множество ролей на протяжении его долгой истории. Столица Российской империи на её центрально-азиатской границе с Китаем, ныне – административного центра удалённой Иссык-Кульской области Кыргызстана. Визуальное наблюдение, изучение музейных и библиографических источников, вовлечённость в социальную жизнь города в ходе полевых визитов – всё это позволило мне выявить

В 1806 году Баку был присо-

Ичери Шехер на генеральном плане Баку. 1918 г.

единён к России, в 1859-м стал центром губернии, а затем, благодаря открытию месторождений нефти и нефтяному буму, начавшемуся в 1870-х, — преуспевающим экономическим центром. Население его выросло с 13,8 тыс. человек в 1860 году до 208 тыс. в 1903 году¹⁵ и 1750 тыс. — в 1989-м, когда Баку был пятым по численности городом СССР¹⁶.

Из-за выхода города по мере его разрастания за старые крепостные стены традиционную роль Ичери Шехер значительно изменилась. Коммерческие функции отошли к новому городскому центру, построенному в европейской манере, крепость же сделалась небольшим традиционным жилым районом, окруженным современными оживлёнными кварталами¹⁷.

Градостроительное наследие учреждённого ещё в совет-

ское время историко-культурного заповедника «Ичери Шехер» является важнейшим компонентом азербайджанской истории и культурной идентичности¹⁸. В 2000 году по предложению Министерства культуры Азербайджана Ичери Шехер, номинированный как «Крепостной (старый) город с дворцом Ширваншахов и Девичьей Башней», был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако в постсоветские, особенно в 2000-е годы, Баку в целом и Ичери Шехер в частности претерпели драматические изменения. Город, ещё недавно интернациональный и мультикультурный, становится моноэтническим и теряет, говоря словами Б. Рубла¹⁹, свой «социальный капитал разнообразия». Сотни тысяч коренных горожан разных национальностей — носителей уникальной

бакинской городской культуры — разъехались по миру, город наводнили карабахские беженцы, переселенцы из Армении и выходцы из азербайджанских сел. Вообще-то процесс урбанизации/провинциализации распространился на большинство столиц новых независимых государств Закавказья и Центральной Азии. Но в Баку он ещё совпал со строительным бумом, вызванным второй нефтяной лихорадкой: десятки высоток дырявят историческую ткань городского центра в непосредственной близости от Старого города, а в нём самом происходят многочисленные разрушения и появляются постройки, по формам и стилю часто с ним несовместимые. В конце концов из-за серьёзных угроз, вызванных несоответствующими изменениями среды и недостатками государственной

политики сохранения наследия, Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО на его 27-й сессии в Париже в 2003 году включил Ичери Шехер в «чёрный» Список всемирного наследия, находящегося под угрозой.

В целях исправления ситуации азербайджанские власти решили разработать план управления Ичери Шехер как часть уже реализовывавшегося по кредиту Всемирного банка Проекта по сохранению культурного наследия Азербайджана. Ответственное за выполнение этого проекта подразделение Министерства культуры и туризма провело в начале 2006 года международный тендер на подготовку плана управления Старого города. Победителем стал консорциум, образованный Институтом международного городского развития (Institute

Общий вид Ичери Шехер в начале XX в. и в 2006 г.

19. Рубл Б. Социальный капитал разнообразия: к вопросу о креативности разделенных городов // Вестник Института Кеннана в России. 2006. Вып. 9. С. 7-19.

Новые здания посольства Польши и British Council, появившиеся в Ичери Шехер в 2000-е гг.

Ичери Шехер. Вид с улицы Кичик Гала в сторону Каспийского моря

20. См.: IAMAP. Integrated Area Management Action Plan of Icheri Sheher, Baku, Azerbaijan. Institute for International Urban Development (USA) in association with Alstrup & Avnby Architects ApS (Denmark). 2007. Vol. I-IV (manuscript).

21. Walled City of Baku with the Shirvanshah's Palace and Maiden Tower (Azerbaijan) (958). Joint UNESCO-ICOMOS mission, 4-10 March 2007. P. 16, 17. Available at: whc.unesco.org/p_dynamic/sites/passfile.cfm

22. Рискну предположить, что, независимо от конкретного поля деятельности, то же самое чувствуют многие эксперты, занятые в программах международной помощи развивающимся странам. См. в этой связи работу, вызвавшую в свое время большой резонанс в экспертном сообществе: Chambers R. Rural Development: Putting the Last First. Harlow, Longman, 1983.

23. «Стархитекторы» (starchitects) – наиболее известные архитекторы современности, ставшие популярными фигурами («звездами») мировых масс-медиа. Французский архитектор Жан Нувель (Jean Nouvel, автор Института арабского мира и Музея на набережной Бранли в Париже, Оперного театра в Лионе, Концертного зала в Люцерне, небоскреба Торре Агбар в Барселоне и многих других ярких построек) стал в 2008 году лауреатом самой престижной международной архитектурной награды – Притцкеровской премии.

24. Нувель Ж. Лиузианский манифест // Проект international, 2007. № 15. С. 159-160.

for International Urban Development) в г. Кембридже (США, штат Массачусетс) и датской фирмой «Alstrup and Avnby Architects ApS». С августа 2006-го по апрель 2007 года творческий коллектив, состоявший из экспертов из США (руководитель проекта проф. Ф. Вижье и др.), Дании (Ф. Авнбу и др.), Литвы (П. Куликаускас) и России (автор статьи) подготовил для Ичери Шехер как объекта Всемирного наследия Интегрированный план по управлению территориями (IAMAP).

IAMAP. План содержит предложения по институциональной структуре вновь созданной администрации Государственного исторического и архитектурного заповедника Ичери Шехер и определяет технические обязанности этой организации. Он устанавливает руководящие принципы стратегии сохранения и развития Старого города, систему необходимых ключевых стратегических вмешательств и принципы контроля за строительными процессами, которые должны обеспечить сохранение исторически сложившейся целостности места. Предложены финансо-

вая структура деятельности новой администрации Ичери Шехер и механизмы участия граждан в процессе принятия решений, сформулирована долгосрочная стратегия сохранения Ичери Шехер вместе с его окружением (расширяемой буферной зоной объекта Всемирного наследия), которая должна защитить Старый город от давления внешнего развития, поддерживать его целостность как комплексной интегрированной единицы городской ткани. В IAMAP также включены многочисленные аналитические материалы, результаты интервьюирования представителей ключевых субъектов развития территории (stakeholders), предложения по техническим регламентам реконструкции и реставрации, которые, с точки зрения авторов, целесообразно принять для упорядочения процессов сохранения и развития Ичери Шехер²⁰.

План был высоко оценен совместной миссией ЮНЕСКО и ИКОМОС в Баку в марте 2007 года как «стратегическое руководство по управлению процессами сохранения не только для Старого города, но и для буферной зоны и более

широкого пояса застройки конца XIX – начала XX в.» и как документ, который «нуждается в осуществлении»²¹. В сентябре 2007 года он был представлен руководителям Баку и Азербайджана, и те обещали оказывать плану полную поддержку при его реализации. Но почему-то тревожит ощущение, что в самую суть, в сердцевину Ичери Шехер мы так и не проникли. И если у этого ощущения есть хоть какие-то реальные основания, значит, возможен был иной проект? «Иной проект»?

Переосмысливая IAMAP, понимаешь: он был создан в рамках рационального, материалистического, позитивистского, нормативного, ориентированного на точное следование законам подхода. Иными словами, в соответствии с «западным образом мыслей». Подсознательное восприятие ситуации было примерно таким: «Мы пришли в довольно странное место, с серьезными недостатками в управлении, неким сумбуром в головах обитателей, недоцивилизованностью... Но мы-то умны, мы знаем, как и что надо делать, ибо нам известны

примеры успешного решения проблем, подобных бакинским. Кроме того, по контракту мы просто должны предложить что-то позитивное»²².

Возможно, выполненная нами работа и заслуживает достаточно высокой оценки по международным критериям (4+?). Но сейчас мне кажется, что стоило стремиться к чему-то большему, скажем, к «шестерке» по 5-балльной шкале. По крайней мере, мечтать об этом. Стараться выйти за пределы рационального, преодолеть границы общепринятого, апробированного. И, вероятно, этого можно было бы достичь, если бы мы с самого начала рассматривали и обдумывали не только техническую и политическую ситуацию, но и метафизическую природу Старого города.

Цитата из «Лиузианского манифеста» – неожиданно тонкого документа, написанного одним из так называемых «стархитекторов» Жаном Нувелем²³ – послужит дополнительным мостиком к послепроектной рефлексии по поводу IAMAP²⁴:

«Архитектор не может быть уверен в том, что его работа окончена, до тех пор, пока не поскользнется и не покатится

от созидания к модификации, от утверждения к намеку, от нагромождения к встраиванию, от строительства к просачиванию, от навязывания к наслаиванию, от четкости к неопределенности, от добавления к отклонению, от каллиграфии к гравировке, стиранию...»

Мы сделали IAMAP, но я не уверен, что эта работа закончена... по крайней мере, в моих мыслях.

Что есть всемирное наследие, World Heritage? Или, менее пафосно, просто наследие – то, что мы хотели бы сохранить для себя и передать потомкам? Что именно – предмет сохранения? Камни? Башня, дворец, стена? Оболочки, формы, материальные следы прошедшего? Или (а может быть – и?): свет в окнах, отблески мозаик в парадных, бормотание фонтанчиков в тесных двориках, создающие ауру Старого Баку, к которой, если пове-зет, можно «прикоснуться», которую можно почувствовать однажды вечером, на закате в последних косых лучах солнышка на стенах домов улицы Кичик Гала (Малой Крепостной), оживляющих их неказистую, простую раскраску: грязно-розовый – серо-жёлтый – серый... Взгляд из Крепости, от крепостной стены с той же Кичик Гала, на море, связывающий две мета-

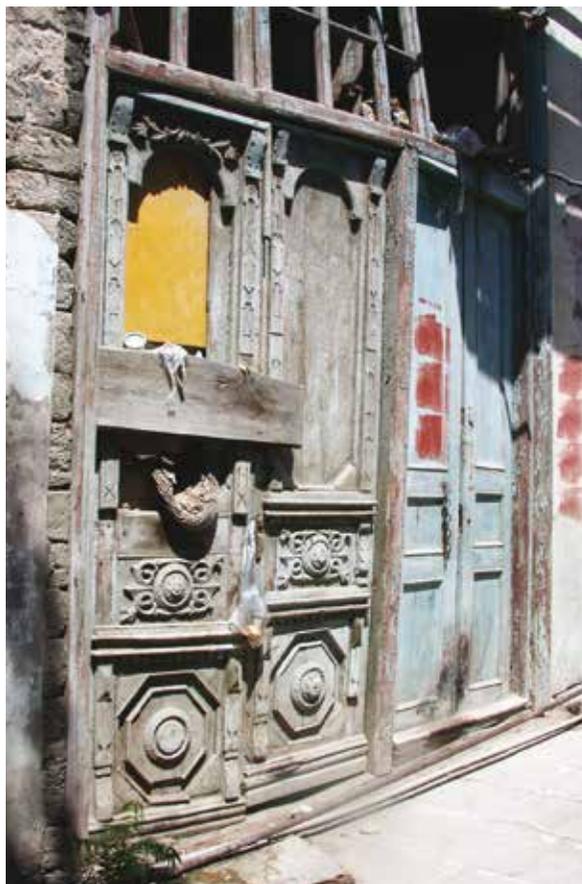
физические субстанции: Море и Город... Отношение между стихиями, уловленное этим твоим случайным взглядом (ведь ты – чужак здесь), но подспудно пронизывающее, вероятно, всю жизнь обитателей Ичери Шехер... И что-то ещё, не ухваченное, таинственное, то, что есть только здесь, только в этом – единственном в мире – месте?.

А что, если именно эти и им подобные плохо поддающиеся описанию нематериальные черты места и есть квинтэссенция его ценности? Надо ли их «сохранять», «спасать»? Или – просто позволить жить, а может быть, умирать тому, что неизбежно умрёт? Позволить, приемимая реальность: если что-то и выживет здесь, то вовсе не благодаря «менеджерским» усилиям «чужих», а лишь благодаря «генетическому коду» места и «своим» людям – старым и новым обитателям Ичери Шехер.

Здесь ещё одно высказывание кажется уместным²⁵:

«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит...»

Жизнь и смерть – такой могла быть одна из главных тем «иног проекта». А мы исходили из рационального западного представления о том, что жизнь априори лучше смерти, что смерть или ее симптомы преодолели в результате мыслительных усилий и затем в практическом следовании полученным выводам... А будь мы более чувствительны, мы, быть может, услышали

Ичери Шехер. Старые двери

25. Евангелие от Иоанна, 3:8.

26. Подобное ощущение возникало не только у меня и не только в Баку. Ср.: «Старинные стены с башнями говорят прохожему: “Я старина; не ряди и не бей меня; я летопись народа, беседа, повесть, жизнь духа его... я воздаю честь каждому; урок мой и тебе назидание”» См.: Путеводитель по Ревелю и его окрестностям. СПб, 1839. Цит. по: Лившиц Л. Распродажа памяти // Молодежь Эстонии. 2003. 8 июля. Доступно на www.moles.ee/03/Jul/08/10-1.php

бы голоса этого места. «Не надо нас оживлять», «оставьте в покое» и даже «идите прочь!» – зывают застенная тишина, шершавые базальтовые тротуары, облупленные двери, рыжие помойные кошки...²⁶.

Кичик Гала подобна «Набережной Неисцелимых» Бродского, Ичери Шехер – «городу воспомина-

ний» Орхана Памука... Непознанный, таинственный Старый город – мы только начали постигать его алфавит. И как далеки ещё от возможности читать его книгу!

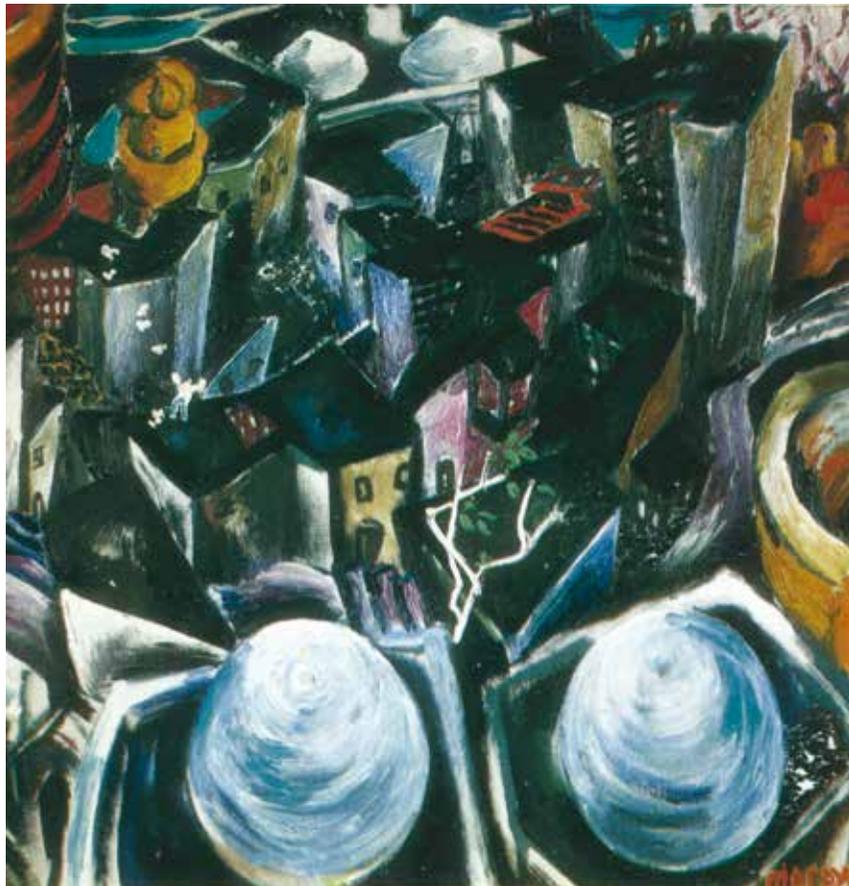
Максимально учитывая и используя сложившиеся непростые условия, мы сделали логичные, абстрактно правильные предложения, как «улучшить ситуацию», «вклю-

Неформальный центр общения жителей и «мертвая» офисная зона в центре Ичери Шехер

27. К сожалению, на прилегающих к Ичери Шехер участках центра Баку сегодня бросаются в глаза, прежде всего, такие виды социальной активности, как гонки на электромашинках перевозбужденных детей на Фонтанной площади, сувенирная торговля, бойко ведущаяся нагловатыми юнцами в Пассаже, посещения пабов и дорогих ресторанов равнодушными самодовольными иностранцами, прогулки по главной улице Низами (бывшей Торговой) деревенских мужиков в чёрных костюмах. Вот и получается, что именно эту «активность» – другой-то нет – мы предлагали запустить в Крепость...
28. Курбан Саид. Али и Нино. Баку, Нурлан, 2004. С. 19. Автор повести «Али и Нино» (впервые опубликована в 1937 году) Курбан Саид (настоящее имя – Лев Абрамович Нусенбаум, родился в 1905 году в Киеве, детские и ранние юношеские годы провел в Баку, умер в 1942 году в Позитано, Италия) сегодня считается классиком азербайджанской литературы. В 1920-30 годы был популярен в Европе и США. Автор свыше 20 книг. Писал на немецком языке.
29. В 1990-е годы Ичери Шехер стал одним из приоритетных мест расселения наводнивших Баку настоящих и мнимых беженцев.
30. Дохма – вернакулярная постройка «дульного типа», жилой домик в 1-2 этажа. Из таких строений состояла и до сих пор во многом состоит ткань ковровой застройки, окружавшей буржуазный центр Баку периода первого нефтяного бума.
31. Ср.: «Печаль уходящего стала сопутствовать полноте пребывания. Открыв смерть, человек заново открыл красоту жизни. Вся культура человека с этих пор стала, с одной стороны, «поиском утраченного времени», а с другой – попыткой научиться жить в этом вечно уходящем, убегающем времени. <...> «Захолустное время» оказалось более живучим, чем могло показаться... Мы так и не научились практиковать сложность жизни, так и не научились публичной свободе, так и не научились рациональным процедурам по поводу общественного договора. <...> Во многом мы остались в «захолустном времени», но теперь уже растревоженном, лишенном спасительной инерции захолустья» (Бадалов Р. Время, застрявшее в углу, где скапливается пыль. Доступно на: www.realazer.com/mag/_m3/m8.htm).
32. Вагиф Мустафа-заде (1940-1979) – выдающийся джазовый композитор и пианист, первым использовал в джазе элементы традиционного жанра азербайджанской музыки – мугама – и стал основоположником азербайджанского джаза. Жил в Ичери Шехер.

Т. Нариманбеков. Баку. Старый город. 1964 г.

чить Ичери Шехер в функционирование городского центра», «оживить» его, «поднять статус»²⁷... Но не оказываются ли относительно настоящего Старого города эти предложения в какой-то посторонней ему, параллельной плоскости и не станут ли они, именно поэтому, смертоносными для остатков духа Ичери Шехер (в гипотетическом случае их воплощения в жизнь, конечно)? Приходится говорить метафорами, прибегать к парадоксам: в Ичери Шехер действительно перепутаны жизнь и смерть. Активные новые вторжения в его ткань, все эти офисы зарубежных фирм, посольства и т.д. привели к омертвлению целых её кусков. А те забытые, нетронутые пока участки, что могут показаться почти заброшенными, – они-то как раз и живут: там дети играют в мяч на асфальте, мужчины беседуют у овощной лавчонки.

Приведу слова нашего бакинского друга таксиста Тофика:

«Раньше наш город был другим. А сейчас, когда показывают по ТВ города Пакистана, Индии, я всё больше узнаю в них нынешний Баку. Возможно, мы возвращаемся к себе? К нашей вос-

точной природе? Кто знает, может, это и хорошо?»

Наверное, так думает не он один. Страна ищет себя, возможно, впервые в своей истории. Но тогда, если где-то и есть «азербайджанский город», то это полуживой Ичери Шехер, не настолько пока измененный новым азиатским урбанизмом, как другие части Баку.

Напомню, что уже в начале XX века Баку был городом с двухполюсной структурой:

«Передо мной лежали, по сути дела, не один, а два города, сросшиеся, как орех.

Скорлупой был внешний город, лежащий по другую сторону внешней крепостной стены. Улицы в том городе были широкие, дома – высокие, а люди – алчные и суетливые. Главным в жизни того города была нефть, добываемая в нашей степи. Именно она приносила основной доход. Во внешнем городе были театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские, красивые женщины с обнаженными плечами. Если там стреляли, то только из-за денег. Граница между Европой и Азией тоже проходила по внешнему городу. <...> А по эту сторону крепостных стен улицы были узкими и кривыми, как восточный кинжал. Если там, за крепостной стеной, в небо вонзались вышки нефтяных промыслов Нобеля, то здесь – в пушистые облака возносились минареты мечетей»²⁸.

При этом, если судить по динамике изменений, полюс прошлого представлялся обречённым на исчезновение. Но старая Азия каким-то странным образом устояла в стенах Ичери Шехер, несмотря на все перипетии советского периода. И сейчас, может быть, борьба в Баку идет уже не только между «Азией» и «Европой», но и между «старой» и «новой» Азиями?

Из-за своей пространственной обособленности (и соблюдения!) заповедного статуса в советский период Ичери Шехер был, можно сказать, обречён на жизнь «в другом времени», – не в том, в котором жил остальной город. Баку называют «городом ветров – Крепость оставалась в нём своего рода островком тишины и неподвижности. Но непривычка к переменам ослабила иммунитет исторической среды к нововведениям, её сопротивляе-

мость болезненным для неё вторжениям. Поэтому такой большой урон Старому городу был нанесен в постсоветское время, когда динамика городских процессов резко возросла, «статусы» рухнули, те, кто за ними следил, уехали или потеряли влияние, а местное, топографически привязанное, сообщество коренных городских тюркоязычных бакинцев потеряло свою устойчивость»²⁹

А ведь особенность Ичери Шехер в городе видна сразу же, стоит только взглянуть на план Баку. Уже сам планировочный паттерн Старого города таинствен, запутан, резко отличается и от окружающих его кварталов, и от более отдалённой периферии «капиталистического» центра, где сегодня так неорганично смешались почти необитаемые высотки и все еще полные жизни старобакинские дохмы³⁰. Да и внутри крепостных стен, несмотря на все перемены, живёт ощущение за-граничности, защищенности, отдельности, ухода из суеты центра в некое иное пространство. Но не только другое – так называемое захолустное время, описанное Р. Бадаловым³¹. В ИМАРе же – ничего нет об этих тайнах... Как и об отражениях Ичери Шехер в горячем мугам-джазе его обитателя Вагифа Мустафа-Заде³² или в экспрессивной шестидесятилетней живописи Тогрула Нариманбекова³³...

На советских туристических картах Старый город Баку изображали предельно упрощённо: крепостная стена и на условном пустом пространстве внутри – два главных памятника: Девичья башня и дворец Ширваншахов. Но вот на некоторых позднесоветских планах реконструкции центра Баку³⁴ такая белая дыра на месте Ичери Шехер, возможно, была действительно оправданной – как спокойное признание «непроницаемости» этого места, невозможности предлагать для него нечто столь же рационально градостроительное, что допустимо было предлагать для его окружения? Однако и в новое время предлагаемые массам образы Ичери Шехер остаются всё же «пустыми», оторванными от средовой реальности. Это касается и идеального «восточного города» на

азербайджанской денежной купюре или на рекламе бара «Старый город», соседствующего с реальным Старым городом (вновь стена, башня, дворец, мечети), и уже предельно примитивной модели «башня – стена» на сувенирной ручке, только что выпущенной новой дирекцией Заповедника³⁵.

И что именно «под угрозой»? Конечно, не стоит ломать без нужды старые здания и строить дрянь на их месте... Ну а люди? Что мы знаем о них? О чем думают, мечтают, тревожатся, к чему стремятся те, кто живёт или только начинает жить здесь? Может быть, в нашем международном англоязычном коллективе именно мне, как самому русскоговорящему, стоило взять на себя роль посредника между нами и местными жителями, многие из которых всё ещё говорят по-русски, стоило расспрашивать людей об их детстве в Ичери Шехер, о любимых местах, планах на жизнь – как делал когда-то в Ростове Великом... И подпитывать этими, пусть бледными и неполными, отражениями духа Ичери Шехер остальных членов нашей команды. Думаю, что все они, специалисты высокой квалификации и огромного опыта, восприняли бы подобную инспирацию и учли её в прудумованной заказом строгой форме рационального «Менеджмент-плана»³⁶.

Помимо понимания недостаточности материально-ориентированных, архитектурно-центрических подходов для проникновения в суть живого градостроительного памятника, по завершении IAMAP стало очевидно и то, что Ичери Шехер невозможно понять при одностороннем взгляде на него с Запада, используя только универсальные европоцентристские представления о городской среде и методиках ее сохранения. Поэтому полезным могло бы оказаться построение своего рода модели понимания объекта на стыке категорий западной и восточной (азербайджанской) культур³⁷, имеющих отношение к духу места³⁸.

Категории Запада
--> Ичери Шехер<--
Категории Востока
(Азербайджана)

Среди уже разработанных «западных» категорий, применяемых для описания подобных средовых и

культурно-исторических феноменов, можно назвать следующие:

1. Патина города (the patina of the city)³⁹.
2. Внутренняя / сокровенная анонимность (intimate anonymity)⁴⁰.
3. Ассоциативный ландшафт⁴¹.
4. Вдохновляющая / воодушевляющая ценность (inspirational value)⁴².
5. Атмосфера, основное настроение места (Stimmung), и согласие, согласованность со средой (Übereinstimmung)⁴³.

Этот ряд, разумеется, неполон и должен быть продолжен и структурирован.

Гораздо сложнее с категориями восточной (азербайджанской) культуры, важными для понимания духа Ичери Шехер. Их мы представляем куда хуже. Однако и здесь можно было бы начать выстраивание ряда понятий, без учета которых сложно понять природу этого объекта и, соответственно, сформулировать такие предложения по его сохранению, которые могли бы стать реализуемыми в данных конкретных условиях. В самом первом приближении можно предположить следующие концепты.

1. Любовь к орнаментализму и в искусстве, и в жизни.
2. Представления о циклическом времени, которое как бы закручивается в воронку в крепостном круге Ичери Шехер.
3. Сочетание – в отношении личности к внешнему миру – медитативности/ созерцательности и страсти к наслаждению с экспрессивностью/предприимчивостью.
4. Принципиальная закрытость/непроницаемость внутреннего мира любого субъекта – от индивидуума до институции.

В дополнение можно использовать некоторые суждения русских авторов, посвящённые миру Востока⁴⁴, и тексты азербайджанских литераторов, написанные на русском языке или переведенные на русский.

Например, о бакинских улицах и пешеходах:

«В Баку (по сравнению с Москвой. – А. И.) дело другое: пешеходы тут онтологичней; они выходят на улицы еще и ради того, чтобы при случае (случай этот непременно приобретает черты чуда) под-

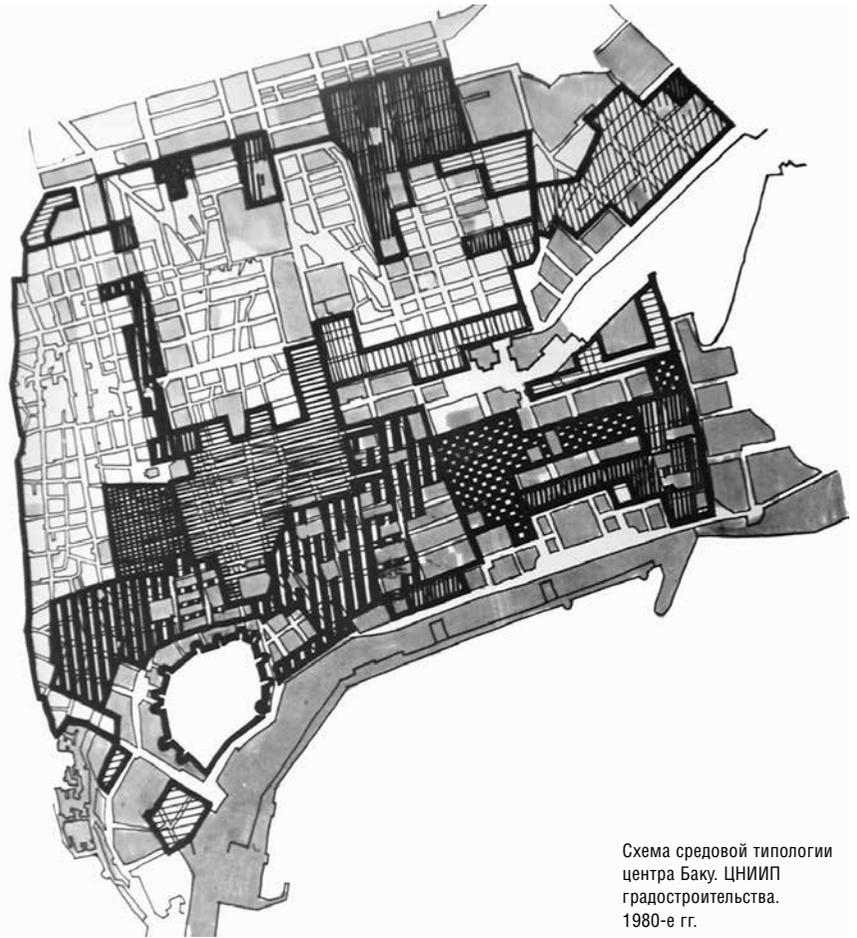

Схема средовой типологии центра Баку. ЦНИИП градостроительства. 1980-е гг.

33. Тогул Нариманбеков (родился в 1930 г. в Баку) – народный художник Азербайджанской ССР. Городские пейзажи 1960-х годов, многие из которых посвящены Ичери Шехер («Старый Баку», 1963 год, «Старый город», 1964 год, «Баку», 1965 г. и др.), характерны особой поэтикой в передаче genius loci. «Ханский дворец, мечеть, новые строения, чаша Каспийского моря в пейзаже “Баку” скорее обозначены художником, чем конкретно изображены. В совокупности они представляют собой красочную романтическую легенду, в которой сплелись древность и современность, топографические черты города и мечтательные размышления о нем, полные любви и восторга», – пишет азербайджанский искусствовед Ф. Мир-Багирзаде (см.: www.zhurnal.lib.ru/m/mirbagirzade_f_a/philosophyinat.shtml)
34. Многолетняя комплексная работа по анализу градостроительных условий реконструкции центра Баку выполнялась в 1970-80-х годах в Москве, в ЦНИИП градостроительства междисциплинарным авторским коллективом под руководством известного специалиста по сохранению градостроительного наследия С.К. Регаме. По её словам, московские авторы согласились с условием местных реставраторов: «Крепостью должны заниматься только мы».
35. Визуальные образы города сегодня очень важны: с их помощью создается тот фантом-сити, в котором нормой является уничтожение аутентичной среды и «глобализованная» или псевдо-историческая застройка на её месте.
36. В ходе разработки IAMAP датские коллеги даже взяли несколько интервью у «стейкхолдеров» (см.: IAMAP. Vol. III. P. 58-76). Однако из-за неизбежного посредничества переводчика результаты оказались, на мой взгляд, весьма поверхностными.
37. Я не имею здесь в виду различие христианского и мусульманского миропонимания – останемся в рамках средовых представлений, которые, конечно, отражают доминирующие религиозные дискурсы, но весьма косвенно и отвлечённо.
38. Разумеется, такая дихотомия весьма условна. Не исключены взаимное переплетение и взаимопроникновение категорий: порой то, что придумано на Западе, замечательно подходит для постижения «восточных» феноменов, и наоборот. Пример – разработанная европейским ученым А. Пятигорским на материале буддийской философии категория «чужести» (см.: Пятигорский А. Методологическое предисловие: маленький разговор о чужести в связи с изучением буддийской философии // Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). М.: Новое литературное обозрение, 2007. Постоянный адрес: www.polit.ru/research/2007/10/03/pyatigorsky.html).
39. Zancheti S. The patina of the city // City & Time, 2006. Vol. 2, № 2. Available at: www.ct.ceci-br.org
40. Schocken H. Intimate Anonymity. Breaking the Code of the Urban Genome. 2003. Available at: www.intbau.org/essay5.htm
41. См.: Веденин Ю., Кулешова М. Культурные ландшафты как категория наследия. 2001. Доступно на: www.heritage.unesco.ru
42. См.: Johnston Ch., Ramsay J. Dramatic, mysterious, contemplative and scary: seeking an understanding of the inspirational value of our mountain landscapes // 'Mountains of Meaning' Historic Environment, 2005. Vol. 18. No. 2.

хватить чей-то кайф, чей-то миф, чей-то взгляд, чью-то руку и сойти с пути, как сходят с ума (наконец сойти!). Хотя прекрасно ведь знают, как часто бакинские улицы – как любое сумасшествие – заканчиваются тупиками. Вместе с тем все так неспешны (в особенности женщины), так сонны и так квёлы, что сонность и квёлость их, кажется, походит на зеркальное отражение какого-то основного душевного состояния — умонастроения, которым окутан город в этот час дня»⁴⁵.

Или о «глобальной» промежуточности Баку:

«Мосты и дороги пронизывают эту культуру, они идут с Востока на Запад и с Запада на Восток, с Севера на Юг и с Юга на Север, из Азии в Европу и из Европы в Азию, оставляя свои следы, своих приверженцев, оставляя атмосферу вечной неуверенности, вечного “между”»⁴⁶.

Или о запахах города – важном атрибуте среды: «...Запах гнилых овощей и прошлогодних фруктов, самоварного дыма <...>, сыра, свежей зелени, мяса, мочи и

пота, запах французских духов и кислого молока, животной крови, правильно заваренной анаши, керосина, горячего тэндир-чурека, американского табака, женских эссенций и еще бог знает чего... Острые запахи эти, соединяясь в незримое, густое, весь город обволакивающее облако, насаженное на минареты, нефтяные и телевизионные вышки, – щедро, без обмана подогревались лучами весеннего солнца и рождали во мне <...> неизбытную тоску по прошлому...»⁴⁷

Или, наконец, о собственной идентичности, найденной главным героем повести «Али и Нино», уроженцем бакинской Крепости:

«Что мне до мира, лежащего по ту сторону горной цепи? Какое мне дело до тамошних войн, городов, царей, людей, их радостей, их грязи и чистоты? В нас иная чистота и иная грязь, иной ритм и иной облик. Поезд может увозить меня на Запад, но мыслями и душой я принадлежу Востоку»⁴⁸.

Всё это – не более чем отдалённые подступы к духу Ичери Шехер, к тем его родовым особенностям, которые, на мой взгляд, обязательно должны быть учтены при формировании стратегии его сохранения⁴⁹. Но, не делая подобных попыток, мы так и останемся вне нашего объекта. И тогда наши бумажные советы будут существовать сами по себе, а город, место наследия, продолжит жить – и умирать – по своим законам. Независимо от наших честных и вполне квалифицированных менеджерских усилий.

Закключение: возможные пути «сохранения невидимого»

Что же конструктивного можно предложить после моих неокончательных и весьма противоречивых рассуждений? Да, планы типа IАМАР разрабатывать необходимо, но относиться к ним надо как к всего лишь одному из шагов, необходимых для сохранения объекта наследия. Мы должны иметь в виду заведомую неполноту, ограниченность таких «внешних» управленческих предложений, равно как и их потенциальную опасность для объекта. Ведь при их – маловероятном, конечно, – буквальном выполнении дисбалансы «материального» и непознан-

ного «духовного» могут усиливаться и закрепляться.

С одной стороны, необходимо создавать на месте реальные условия реализации и дальнейшего развития таких планов, преодолевая обычный подход международных экспертов: «проконсультировал и ушел». Нужно готовить посредников из числа местных специалистов, способных адаптировать к локальным условиям «внешние» предложения без выхолощивания их сути и адекватно интерпретировать «внутренние» смыслы места для внешнего исследователя. С другой – продолжать поиски иного типа проектной культуры, отличной от универсальной менеджерской культуры международного консалтинга. Культуры, адекватной реальным средовым ситуациям и направленной на более полное постижение объекта наследия, в том числе на изучение и поддержание его скрытых, неочевидных, даже невятных, но очень важных духовных сторон и качеств.

И эта «иная» культура по мере своего становления потребует составления собственных хартий. Возможно, то будут этические хартии – кодексы профессиональной ответственности, отнюдь не универсальные, но принимаемые на местном уровне, для конкретных объектов градостроительного наследия. Такие документы «непрямого действия» будут нацелены не столько на непосредственные меры по сохранению наследия, сколько на расширение и углубление его понимания, на осознание профессиональной ответственности за сохранение и тех его сторон, которые недоступны пока нашему взгляду, нашей несовершенной оптике.

Один из возможных путей для экспертов, имеющих дело с «чужим» наследием, был предложен австралийской исследовательницей Изабель Макбрайд (как реакция на трудности понимания наследия аборигенов)⁵⁰:

«Встречаются ситуации, когда ценности, составляющие глубинную специфику определённых культурных традиций, оказываются не разделяемыми для исследователя. Но тогда он, вероятно, должен разделять другое – интеркультурное (то есть преодолевающее культурную границу. – А. И.) понимание силы этих ценностей, уважение к самому этому пони-

манию и готовность применить его при оценке мест наследия и при управлении ими».

Нашей задачей является создание этических документов, помимо прочего вызывающих к нашей обязанности сохранить дух места для каждого места или объекта, с каким мы имеем дело⁵¹. И пока мы не знаем точно, что важнее – камни или дух, давайте, по крайней мере, помнить о наличии последнего.

Конфуций говорил: «Учить стоит только того, кто способен, узнав про один угол квадрата, представить себе остальные три». Возвращаясь к «ментальному четырехугольнику» сохранения градостроительного наследия, упомянутому в начале статьи, я спрашиваю: почему бы не пересмотреть порядок действий, не начинать работу с наследием с того самого «дальнего», забытого угла, с изучения и принятия во внимание духа данного места? И, приняв для себя *genius loci* – дух места, его душу, в качестве (ментального) краеугольного камня чувствующей место стратегии сохранения градостроительного наследия – того самого единственного «угла Конфуция», я закончу статью ещё одной цитатой из «Луизианского манифеста» Нувеля. Только подставляю вместо его терминов «архитектура» и «луизианская архитектура» свои, выделив их курсивом⁵²:

«Сохранение ситуаций, сохранение особенностей, сохранение духа места сплетает связующую нить между прошлым и будущим, органическим и неорганическим, между мгновением и вечностью, между видимым и невидимым.

Такое сохранение – это локус, в котором что-то появляется и исчезает.

Такое сохранение выделяет эссенцию своего собственного медленного и горького распада.

Это осознание времени наслаивается на сюрпризы новых жизней, проживаемых в данном месте, великий ритм рассветов и закатов, равнодушие неизбежных часов простоя и обветшания...

Сохранение духа места – сохранение из сна, исполненное тишины, – это пространство забвения, но также и археологии».

Андрей Иванов,
фото автора

43. «...В “Риме” Гоголю удалось одновременно уловить отдельные черты, характерные для римского гения места, и римское Stimmung – настроение, обобщающее свойство этой местности, этого пространства. Пространства как явления “тотального”, качественного, не сводимого к сумме отдельных свойств. Сущность пространства заключается в характере его среды, иначе говоря, в его “атмосфере”... В Вечном городе Гоголь обрел *Ubereinstimmung*, идеальное созвучие между человеком и окружающей его средой». (Джулиани Р. «Рим» Н.В. Гоголя и душа Рима // Toronto Slavic Quarterly, Fall 2005, No. 14. Available at: www.utoronto.ca/tsq/14/juliani14.shtml)

44. Например: «Благоприятность почвы для Ислама, которую я имел в виду, объяснялась в Византии скорее всего её этническим составом, т.е. смешением рас и национальностей, ни врозь, ни тем более совместно не обладавших памятью о какой-либо внятной традиции индивидуализма. Не хочется обобщать, но Восток есть прежде всего традиция подчинения, иерархии, выгоды, торговли, приспособления – т.е. традиция, в значительной степени чуждая принципам нравственного абсолюта, чью роль – я имею в виду интенсивность ощущения – выполняет здесь идея рода, семьи». См.: Бродский И. Путешествие в Стамбул. Доступно на lib.ru:/BRODSKIJ/br_istambul.txt

45. См.: Мамедов А. Фрау Шрам // Дружба Народов. 2002. № 8-9. Доступно на magazines.russ.ru/druzha/2002/8/mam-pr.html

46. Бадалов Р. Указ. соч.

47. Мамедов А. Указ. соч.

48. Курбан Саид. Указ. соч. С. 60.

49. Следующим шагом могло бы стать «эскизное проектирование» методологического моста между системой метафизических понятий и принципами конкретной сохраняющей среду деятельности.

50. McBryde I. Dream the Impossible Dream? Shared Heritage, Shared Values or Shared Understanding of Disparate Values? // ‘Managing a Shared Heritage’ Historic Environment, 1995. Vol. 11. No. 1-2. P. 8.

51. Примером подобного документа можно считать «Кодекс по этике сосуществования в процессе сохранении ценных мест». Это один из документов ИКОМОСа Австралии, посвящённый разнообразным культурам и культурным группам, сосуществующим в австралийском ландшафте наследия (Code of Ethics of Co-existence in Conserving Significant Places, s. a. Available at: www.icomos.org/australia/code2.html).

52. Нувель Ж. Указ. соч. С. 160.

Ашихмина Мира Яковлевна (09.03.1930 – 04.01.2009)

Мира Яковлевна Заполянская родилась 9 марта 1930 года за пределами Советского Союза – на территории бывшей Австро-Венгерской республики, в г. Черновцы. В середине 1930-х годов ее отец, инженер-электрик, перебрался на работу на ламповый завод в Бухарест, где маленькая Мира и начала учиться в румынской школе, поневоле овладевая, помимо родного немецкого языка, вторым – румынским.

Когда ей было 10 лет (в 1940 году) советские войска победоносно присоединили к Украине значительный фрагмент западных земель Румынии – Бессарабию вместе в северной частью Буковины. На семейном совете было принято решение вернуться на ставшую советской территорию, и семья переехала обратно в Черновцы, к проживавшим там родственникам. Здесь Мира проучилась почти год уже в русской школе, но перед самой войной, 13 июня 1941 года, всю семью репрессировали. Хорошо еще, что репрессировали по одной из наиболее «мягких» форм – посадили в товарный вагон и отправили «спецпереселенцами» на север Томской губернии на новое место жительства в деревню Львовка.

Поскольку ее отец был хорошим инженером-электриком, а специалисты в то время, да и потом тоже, были в дефиците, семья в 1944 году перебралась в Томск. Стараниями родителей и благодаря обычной для страны бюрократической путанице и неразберихе (о подробностях история умалчивает) отцу, матери и обеим дочерям удалось получить «чистые» паспорта (официально

семья была реабилитирована только в 1966 году). Это позволяет восемнадцатилетней Мире поступить в 1948 году в Новосибирский инженерно-строительный институт. Умение питаться картофельными очистками и ходить босиком по снегу (из-за отсутствия обуви), а также хроническая болезнь почек в результате переохлаждения (в конце концов и приведшая к смерти), обретенные в первые годы спецпоселения, мало помогли ей в развитии собственных художественных способностей. Этому помогли уроки, полученные дома от отца, и страстная любовь к рисованию, переросшая в привычку. Рисовала Мира с детства, рисовала по репродукциям и по воображению (в румынской школе практиковалось сопровождение надиктованных учителем текстов собственными рисунками-иллюстрациями) на обрывках газет, на суррогатной бумаге. В детстве они с сестренкой рисовали самодельные открытки и обменивали на рынке на продукты и игрушки. Специального образования ни у Миры, ни у сестры, которая потом тоже поступила в НИСИ, не было. Рисованию, как и многому другому в жизни, Мира научила себя сама. Мягкая, но прочная сила уверенности в правоте избранного пути и неразрывно связанная с ней непоколебимая воля были неотъемлемыми качествами ее творческой личности. И они проявили себя, в частности в овладении классической школой рисунка в стенах института. Она не была самонадеянной. Долго и трудно принимала решения, потому что взвешивала все нюансы и тонкости, обду-

мывала все детали и обстоятельства. Но когда что-либо решала – шла до конца.

Во сне Мира Яковлевна разговаривала. Причем на родном с детства немецком языке. В те годы подобная способность, проявленная в комнате студенческого общежития, могла стоить не только учебы, но и свободы. Поэтому язык она забыла – психика сработала, и память вытеснила опасное знание. Как ей казалось, навсегда. Но впоследствии, через многие годы, обнаружилось, что память совершенно неожиданно просыпается, и она вдруг как будто бы «проваливалась в язык» – обрела способность свободно общаться на конференциях с немецкими архитекторами.

А вот с другим качеством она так и не смогла расстаться, несмотря на связанные с ним неудобства: Миру Яковлевну отличала чрезмерно развитая, какая-то гипертрофированная честность. Она сохранила ее до конца своей жизни, несмотря на то что ее наличие сильно мешало карьере. А в те далекие годы окончания образования ни у Миры, ни у сестры, которая потом тоже поступила в НИСИ, не было. Рисованию, как и многому другому в жизни, Мира научила себя сама. Мягкая, но прочная сила уверенности в правоте избранного пути и неразрывно связанная с ней непоколебимая воля были неотъемлемыми качествами ее творческой личности. И они проявили себя, в частности в овладении классической школой рисунка в стенах института. Она не была самонадеянной. Долго и трудно принимала решения, потому что взвешивала все нюансы и тонкости, обду-

мывала все детали и обстоятельства. Но когда что-либо решала – шла до конца. Во сне Мира Яковлевна разговаривала. Причем на родном с детства немецком языке. В те годы подобная способность, проявленная в комнате студенческого общежития, могла стоить не только учебы, но и свободы. Поэтому язык она забыла – психика сработала, и память вытеснила опасное знание. Как ей казалось, навсегда. Но впоследствии, через многие годы, обнаружилось, что память совершенно неожиданно просыпается, и она вдруг как будто бы «проваливалась в язык» – обрела способность свободно общаться на конференциях с немецкими архитекторами. А вот с другим качеством она так и не смогла расстаться, несмотря на связанные с ним неудобства: Миру Яковлевну отличала чрезмерно развитая, какая-то гипертрофированная честность. Она сохранила ее до конца своей жизни, несмотря на то что ее наличие сильно мешало карьере. А в те далекие годы окончания образования ни у Миры, ни у сестры, которая потом тоже поступила в НИСИ, не было. Рисованию, как и многому другому в жизни, Мира научила себя сама. Мягкая, но прочная сила уверенности в правоте избранного пути и неразрывно связанная с ней непоколебимая воля были неотъемлемыми качествами ее творческой личности. И они проявили себя, в частности в овладении классической школой рисунка в стенах института. Она не была самонадеянной. Долго и трудно принимала решения, потому что взвешивала все нюансы и тонкости, обду-

– будущим мужем Виктором Никифоровичем Ашихминым, завершившим службу в звании полковника и, после переезда в Иркутск, многие годы служившим заведующим автомобильным циклом (кафедрой) ИВАТУ-ИВВАИУ. Деля радости и трудности, они прожили с ним долгие годы, воспитали двоих сыновей, нянчили внуков.

За 24 года деятельности в проектных организациях Читы и Иркутска она выполняет более 35 архитектурных проектов. Причем 30 из них реализовываются! Одних только генеральных планов городов и поселков, утвержденных Госстроем СССР и облисполкомом, – 7, в том числе проекты планировки Шелехова, Рудногорска, Бохана, детальной планировки Привокзального района г. Усолье-Сибирского и Восточно-Сибирского завода огнеупоров, проекты

застройки микрорайонов № 3 и № 7 в Усолье-Сибирском, микрорайона Приморский в Иркутске и др.

С 1973 года, с момента открытия в Иркутском политехническом институте новой специальности «Архитектура», Мира Яковлевна, как практик с огромным стажем и опытом практической работы, активно включается в решение вопросов организации учебного процесса. За последующие 35 лет непрерывной педагогической деятельности, архитектурная специализация, из трех учебных групп и одной кафедры, вырастает отдельный факультет с тремя направлениями профессиональной подготовки: «Архитектура», «Дизайн архитектурной среды», «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия», с четырьмя кафедрами, со студенческим конструкторским бюро (в последние годы возродившимся в форме проектного подразделения), с компьютерными лабораториями, мастерскими и даже иностранными студентами – он превращается, фактически, в главную кузницу кадров для всей Восточной Сибири.

Несколько лет Мира Яковлевна работает в долж-

ности заведующей кафедрой архитектуры, прилагая огромные усилия к тому, чтобы выпускники Иркутского политехнического института имели возможность доучиться в столице, у мастеров советской архитектуры, преподающих в Московском архитектурном институте. Понимая, как сложно поступить в аспирантуру выпускнику провинциального вуза, она в течение ряда лет добивается в министерстве выделения мест для прохождения годичной стажировки в стенах МАРХИ и решает вопросы выделения целевых мест в очную аспирантуру. Она руководит подготовкой 12 ассистентов-стажеров, 5 из которых оканчивают аспирантуру МАРХИ и ЛИСИ и успешно защищают кандидатские диссертации. В числе ее учеников: два доктора наук; один академик Международной академии наук по отделению «Художественный и индустриальный дизайн»; два профессора Международной академии архитектуры; один член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук. В основном благодаря усилиям, сформирован тот научный потенциал, которым сегодня обладает архитектурный факультет.

Мира Яковлевна всегда стремилась выявлять оригинальность и поощрять самостоятельность студентов. Она старалась оформить их смутные стремления и плохо аргументированные убеждения в твердую творческую позицию. Она делала это за счет культурно значимых образцов, которые подбирала индивидуально для каждого из студентов – приносила фотографии дипломных проектов прежних лет, показывала пояснительные записки, советовала почитать конкретную литературу. Она делала это и благодаря примерам из собственной практики и истории советской архитектуры, которыми щедро делилась на лекциях. Сентиментальность была ей внутренне присуща – она жила воспоминаниями о выполненных проектах, и история профессии, тем самым, воочию оживала в ней. Трудно сосчитать, сколько не слишком успешных студентов, ставших потом весьма неплохими архитекторами, завершили учебу только благодаря ее усилиям, ее доброте и настойчивости, ее материнской заботе.

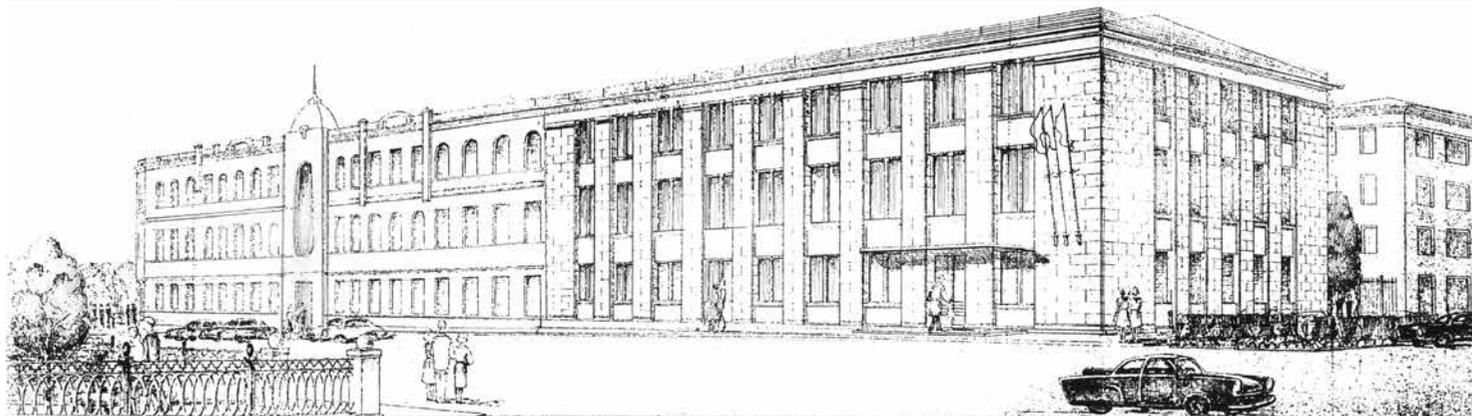
Она не была чрезмерно требовательной, пребывая в уверенности, что те, кто пришел учиться Архитектуре, должны самостоятельно искать и находить себя в безграничном мире профессионального знания. В подобном поиске своего творческого подхода, своей концептуальной убежденности, внешняя требовательность, скорее, вредна. Здесь нужно совсем другое – поддержка, взаимопонимание и участие. И в этом ей не было равных – она пестовала и опекала студентов, наставляла и попечительствовала. У нее не было любимчиков: она одинаково тепло и сердечно относилась ко всем без исключения. При этом она не прощала откровенного равнодушия к изучаемому делу. Не скандалила, а как-то очень трогательно и по-детски обижалась. Как будто бы оскорбление нанесли ей самой.

Имя, а может быть, непростое детство в тисках сталинской эпохи наложили свой отпечаток на ее характер: Мира Яковлевна была миротворцем. Она и себя, и окружающих уберегала от

конфликтов, снимала трения, периодически возникавшие между коллегами, сглаживала остроту споров. Они никого не стремились подчинить своей воле. Но была далека от равнодушия – горячо и твердо отстаивала на заседаниях кафедры свое мнение, убеждала, доказывала. Она несла на своих плечах огромный груз очень нелегкой, но внешне совсем незаметной методической работы: отвечала за дипломное проектирование, за обеспечение исходными материалами отдельных курсовых проектов.

«Творческих, научных и методических трудов – 97; в том числе учебных пособий и методических изданий – 16, монографий – 3, научных отчетов кафедр (в качестве научного руководителя и ответственного исполнителя) – 3». Этот отрывок из отчета вызывает уважение и даже, немного, зависть. Она долгие годы писала учебник «Региональное градостроительство», систематизировала материалы по истории развития архитектурного образования в Восточной Сибири.

Мира Яковлевна награждена орденом «Знак Почета», медалями «Ветеран труда», «За добросовестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Звание «Заслуженный архитектор России» она действительно заслужила и своими проектами, и постройками, и преподавательской деятельностью: за треть столетия ее работы в стенах Иркутского политехнического института (преобразованного в 1993 году в Иркутский государственный технический университет) под ее непосредственным руководством выполнены 135 дипломных проектов; 20 студентов получили награды на всероссийских, всесоюзных смотрах-конкурсах, 7 – на международных смотрах-конкурсах лучших дипломных проектов специальностей «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды». Среди ее учеников 20 членов Союза архитекторов России; 5 членов Союза дизайнеров России, 2 советника Российской академии архитектуры и строительных наук, 5 главных архитекторов городов, 1 главный архитектор области, действующий проректор Московского архитектурного института.

Вся семья Миры Яковлевны – родовая архитектурная династия, начало которой положил сначала ее выбор этой благородной специальности, а потом – ее же пример: младшая сестра, практик с многолетним стажем, также закончила в середине 1950-х годов Новосибирский инженерно-строительный институт; архитекторами стали племянник и оба сына – Александр и Константин, внучка Елена, внук Иван.

В 1965 году Мира Яковлевна избирается членом Союза архитекторов СССР и затем долгие годы отдает общественной работе в правлении его Иркутской организации. До самых последних дней она была частым гостем мероприятий Дома архитектора, принимала участие в заседаниях Иркутской организации Союза архитекторов России, в течение многих лет руководила жюри номинации фестиваля «Зодчество Восточной Сибири».

Профессору М. Я. Ашихминой было 78 лет, почти 79. Возраст для современного человека более чем солидный. А тем более – для человека, пережившего ссылку и долгие годы носившего на себе клеймо «лишенца», прожившего тяжкие военные годы и не менее тяжелые – послевоенные, непрерывно отработавшего в сфере проектирования и архитектурного образования 55 лет (!), прошедшего за первые трудовые шесть лет путь от рядового архитектора до начальника отдела генпланов и планировки Читинского облпроекта. Не просто трудолюбие, а высокая внутренняя ответственность за качество любой работы, которую делают свои руки, отличали Миру Яковлевну. С ответственностью и самозабвением в стенах Востсибгипрошахта, а затем Иркутского Горстройпроекта

(с 1964 года преобразованного в Иркутскгражданпроект и превратившегося в ведущую региональную проектно-организационную организацию гражданского профиля) она выполняла такие крупные проекты, как Дом политпросвещения, кооперативный техникум и пригородный павильон вокзала в Чите, клуб-столовая на 700 мест в училище гражданской авиации, индустриальный техникум в Иркутске и др. От должности руководителя сектора и главного архитектора проектов она стремительно и заслуженно поднялась до поста начальника архитектурно-планировочной мастерской. А потом ту же ответственность и самоотдачу приложила к формированию региональной архитектурной школы.

78 лет! Многие в таком возрасте уже давно лишены способности не только вести активную деятельность, но и просто соображать что-либо связное. Мира Яковлевна поражала тем, что не только сохраняла острый и цепкий ум, но и была наполнена непонятно откуда берущейся энергией. «От архитектурной атмосферы подзаряжаюсь», – шутила она. Уникальная память до самых последних дней ее жизни позволяла Мире Яковлевне помнить всех студентов. Причем не только по фамилиям и именам, но и по содержанию их курсовых и дипломных проектов. Она помнила, чему были посвящены студенческие рефераты 30-летней давности и какие идеи развивали в них студенты. Это удивительный феномен – она переживала содержание работ своих учеников более глубоко и осознанно, нежели они сами.

Благодаря именно ее усилиям в 1982 году в Иркутске прошел Всесоюзный смотр-конкурс дипломных проектов,

когда в столицу Восточной Сибири съехались представители всех архитектурных школ страны, привезя свои работы и свои идеи об организации архитектурного образования. Она была активным участником обсуждений этих идей и потом долгие годы воплощала тот инновационный потенциал, который сформировала в себе в ходе разговоров и дискуссий.

Мира Яковлевна олицетворяет уходящее поколение наших учителей. Поколение, научившее нас личностному отношению к каждому студенту и к самому процессу обучения, превратившее архитектурный факультет Иркутского государственного

технического университета в один из немногих, где сохранено отношение к каждому как к индивидуальности, а не к безликой массе, наполняющей аудитории.

Тем из наших учителей, кто еще продолжает наставлять нас, – долгих и счастливых лет жизни, здоровья и умиротворенности! Тем, кто, как Мира Яковлевна, покинул этот мир, – память учеников, их учеников и учеников их учеников... И не просто на долгие годы, а навсегда, потому что их имена в историю сибирской архитектуры, в историю иркутской архитектурной школы вписаны навечно.

Марк Меерович

Терминал 4 аэропорта Барахас / Terminal 4 at Barajas Airport

Место: Мадрид, Испания
Архитектор: Richard Rogers
Тип: транспортный, аэропорт

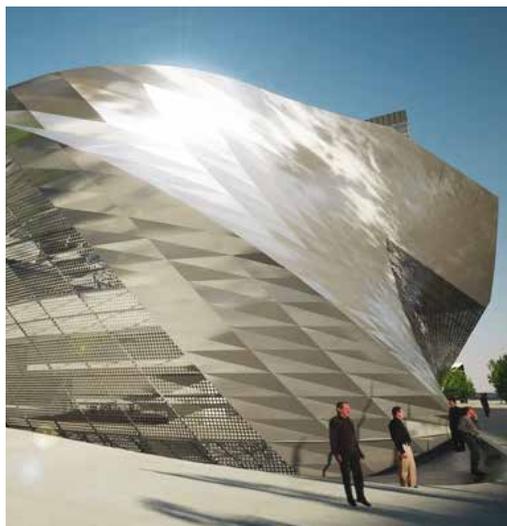
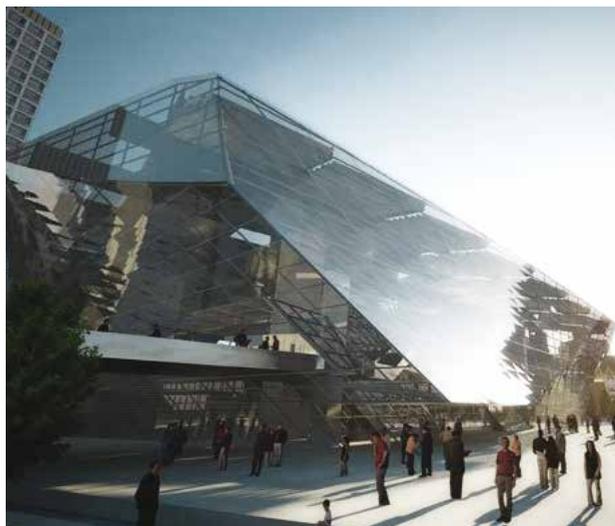
Терминал 4 – эффективная регулировка движения пассажиров и их багажа по огромному комплексу, и при этом – элегантность решения четкой последовательности внутренних пространств сооружения. Радужная палитра цветов, использованная для металлических опор, помогает пассажирам ориентироваться в аэропорту, а изящная крыша криволинейных очертаний зрительно объединяет постройку огромной протяженности.

84

Первая премия Стерлинга лорда Роджерса – www.archi.ru/foreign/news
Rogers Stirk Harbour + Partners – www.rsh-p.com

Использован материал сайтов: www.rsh-p.com, www.archi.ru

Выставочный комплекс MOCAPÉ / MOCAPÉ building

Место: Шеньжень, Китай
Архитектор: Coop Himmelb(l)au
Тип: культурный, музей

Сложное пространственное решение объема здания получено благодаря постепенному повороту отдельных ярусов здания относительно друг друга, начиная с уровня земли и кончая перекрытиями. Также такое решение позволило расположить главный вход MOCAPÉ непосредственно на основной оси генплана «квартала культуры» и на пути основных людских потоков. Получившаяся в результате форма названа архитекторами «активной волной». В качестве основных строительных материалов для фасада планируется использовать черный анодированный металл и черное стекло, чтобы подчеркнуть «застывшее» положение динамичного объема здания.

Черная волна – www.archi.ru/foreign/news
Coop-Himmelblau – www.coop-himmelblau.at

Использован материал сайта: www.coop-himmelblau.at, www.archi.ru

Елена Григорьева	От редактора	97
Константин Лидин	Поэты цвета.....	87
	Интервью с Александром Картопольцевым	91
	Вопросник ПБ	95
Константин Лидин	Десять задач академика Гинзбурга	98
Марк Меерович	Экономика наглого пинка	106
Константин Лидин	Цвет в городе	110
Ольга Железняк		
Ольга Железняк	Цветосветовая среда города	115
Елена Киселева	Формирование цветовой культуры	118
Ольга Железняк	интернет-дайджест	121
Инна Дружинина	Игра иллюзий.....	122
Марк Меерович	Современный интерьер и свет	124
Андрей Шолохов	Каждый охотник желает знать	129
	интернет-дайджест	133
Марина Ткачева	Семь чудес цвета. Синий	134
Лариса Крылова	Sony Center	136
Елена Григорьева	Красный город Марракеш	140
Елена Григорьева	Какого цвета ремесла	143
Тильман Принц	Сад Мажорель (Jardin Majorelle)	146
	Желтый–Белый дом, Серый город	148
Александр Яковлев	Колористика улиц Иркутска	155
Анна Григорьева	Summary	158

СВЕТ И ЦВЕТ /
light and color

Тема номера – свет и цвет. Эти два слова отличаются только одной буквой, а по звучанию их зачастую совсем не удается отличить друг от друга.

Свет и тень, светотень – признанный инструмент объемно-пространственного языка архитектуры. Свет выявляет форму и архитектонику. Великий строитель фараон Рамзес II прожил девяносто лет, из которых царствовал шестьдесят семь, и главным достижением своим считал световой колодец, создающий величественный эффект сияющего трона. Южное солнце Греции и Италии породило классический ордер, а съедающий тени свет белых ночей Петербурга превращает его в нарисованные декорации. Свидетели утверждают, что неземной свет полного солнечного затмения сплющивает фасады до полной графичности. Такова сила света.

В 1973 году В.Г. Макаревич и Н.Н. Гусев оптимистически предсказывали: «...разработка генеральных схем световой архитектуры городов и их реализация позволят в ближайшие годы создать новую область градостроительства – световую архитектуру». Пока о генеральных схемах световой архитектуры речи нет, как-то не до этого даже в энергетически благополучных регионах. Можно говорить о световой архитектуре лишь как о точечном явлении в ночной панораме сибирских городов. Здание «Иркутскэнерго» сияет подсветкой, а рядом стоящий объект истории и культуры старый костел, ныне органнй зал, греется в его лучах.

Цвету повезло еще меньше. Конструктивисты призывали лепить форму средствами цвета. Но призывы остались нереализованными. В XX веке цвет окончательно отошел на второй план. Разумеется, цвет не совсем чужд современным архитекторам. Кто-то мечтает построить абсолютно черный дом, вечно одетая в черное Одиль Декк предпочитает рисовать красные здания. Часто цвет становится народным названием: Белый дом в Вашингтоне и Москве, Синий дом и Зеленая школа в Иркутске. Однако роль цвета в серых сибирских и северных городах явно недооценена. Только некоторые из них – Анадырь, Якутск – приближаются к уровню цветовой насыщенности Европы, Америки и даже Северной Африки. Возможно, потому, что тяготы северной приполярной ночи в серой городской среде были бы совсем уж невыносимы.

Свет и цвет, цветной свет, светящийся цвет еще только начинают свое движение к полной реализации в архитектуре.

Елена Григорьева

The topic of the issue is color and light. In Russian these two words (svet and tsvet) differ just in one letter, and very often there is no distinction between them in pronunciation.

Light and shade, chiaroscuro – it is an accepted device of the volume and space architectural language. The form and architectonics are revealed by light. A great builder Pharaoh Ramses II, who died at the age of ninety, having reigned for sixty-seven years, considered a light well making his throne shine majestically to be his main achievement. The south sun in Greece and Italy gave birth to a classic order, and the light of midnight sun demolishing shadows in Petersburg turns it into painted scenery. The witnesses state that an ethereal light of full solar eclipse flattens facades to absolute graphics. Such is the power of light.

In 1973 V.G.Makarevich and N.N.Gusev made optimistic predictions: “... elaboration of master plans of urban light architecture and their realization allows a near-term creation of a new area of city planning – a light architecture”. For the time being master plans of light architecture are out of the question, even in energy-sufficient areas. One may refer to light architecture as a pinpoint appearance in a night panorama of Siberian cities. The Irkutskenergo building shines with illumination; and the nearby old Polish Church, a historical and cultural monument holding now an organ hall, basks in its glow.

Color is even less lucky. Constructivists urged to make a form by means of color. But their appeals remained unrealized. In the XXth century color finally paled into insignificance. Certainly, color is not completely alien to contemporary architects. Someone dreams of building an absolutely black house. Always dressed in black, Odile Decq prefers drawing red buildings. Color often becomes a part of a popular name: the White House in Washington and Moscow, the Blue House and the Green School in Irkutsk. However, the color’s role in grey towns of Siberia and the North is obviously undervalued. Only few of them – Anadyr, Yakutsk – approach the level of color saturation as in Europe, America and even North Africa. Probably, otherwise the distressing polar nights in the grey urban environment would be unbearable.

Light and color, colored light, lightful color are only on the threshold of their perfect realization in architecture.

Elena Grigorieva

Поэты цвета

Что, собственно говоря, означает слово «цвет»? На первый взгляд вопрос кажется нелепым. Ну кто же не знает, что такое цвет? Это... Э... Ну, красный там, синий...

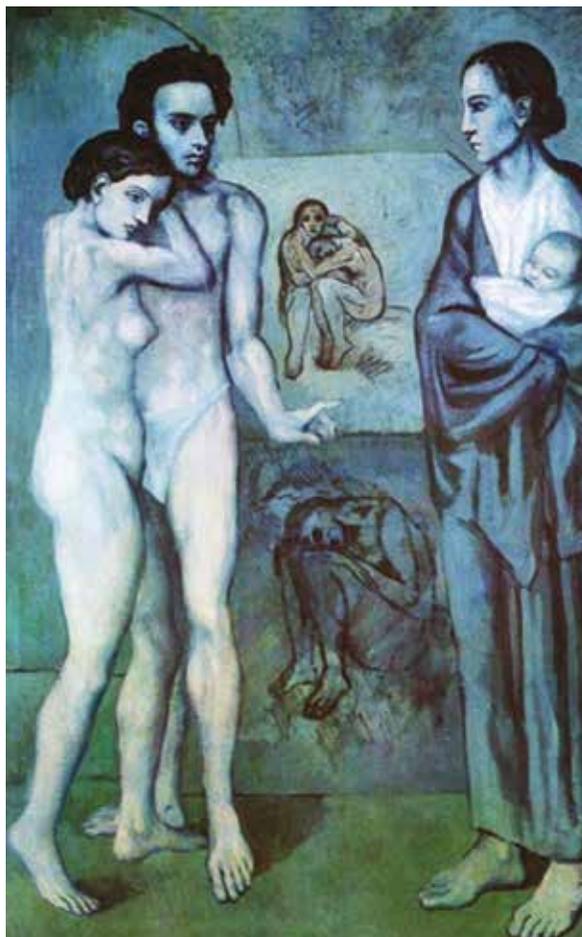
Уже на второй взгляд становится ясно, что дать определение понятию «цвет» совсем непросто. Анализ конкретных названий цветов и оттенков только затуманивает картину. Множество слов, означающих цвета, сложно переплетены с общим языковым полем. Чем, например, отличается карий цвет от каурого и от коричневого? Почему от серой жизни наваливается зеленая тоска, когда на душе темно и все вокруг фиолетово? Действительно ли в сумерках все кошки серые, или это только кажется? Непростое слово «цвет». У этого термина имеется, по крайней мере, четыре значения, по смыслу весьма далеких друг от друга.

Во-первых, цветом называется спектральный состав света. Белый свет – это смесь, в которой лучи всех видимых цветов присутствуют поровну, например дневной свет Солнца. Еще бывает псевдобелый свет – в этой смеси поровну представлены лучи дополнительных (комплементарных) тонов. Например, на экране цветного телевизора белый цвет имитируется смесью красного, зеленого и синего в равных пропорциях.

Если смесь лучей с разными длинами волн неравновесна, свет выглядит окрашенным, цветным. У лампочки накаливания баланс сдвинут в сторону желто-красной части спектра, а у обычной газосветной трубки – в сине-фиолетовую. Уличные «натриевые» фонари дают очень узкий спектр излучения в оранжевой области, поэтому их свет ложится на лица прохожих как краска. Самые узкие спектры излучения – у светодиодных и лазерных светильников. Их свет выглядит неестественно и потусторонне, потому что в живой природе такого цвета не бывает. Нечто похожее можно наблюдать разве что в закатном небе, когда атмосферные слои действуют как огромные призмы, и солнечный белый свет разлагается на чистые спектральные составляющие.

Во-вторых, цветом называется свойство предметов, жидкостей или газов избирательно поглощать падающий на них свет. Что означает выражение «ткань красного цвета»? Имеется в виду, что падающий на эту ткань белый свет частично поглощается, а частично – отражается. Отражаются в основном лучи красной части спектра, а все остальные – поглощаются. Или так: поглощается «зеленая» часть спектра, а все остальные части равномерно отражаются. Итог тот же, ткань выглядит красной, но во втором случае ее цвет более яркий и светлый. Большинство красок обладают цветом именно в этом, втором смысле слова «цвет». А еще бывают специальные красители, которые поглощают все падающие лучи, а поглощенную энергию излучают в одной узкой части спектра. Такие красители называются флуоресцентными и выглядят очень яркими, как бы светящимися.

Третье значение слова связано с физиологией зрения. В этом случае цветом называется реакция глаза на внешние и внутренние раздражители. Глаз – устройство сложное, он не просто фиксирует попадающий в него свет. Например, одно и то же цветное пятно на черном фоне мы видим более ярким и чистым, а на белом – более темным и землистым. Рядом с красным цветом серый кажется зеленоватым, а рядом с синим тот же серый приобретает желтоватый оттенок. Мало того, глаз реагирует и на общее состояние организма: когда человек голоден, устал или болен, он лучше видит сине-фиолетовые тона и хуже – красно-желтые. Напротив, в состоянии возбуждения, гнева или восторга усиливается чувствительность к красным и снижается – к синим. Некоторые наркотики (мескалин, псилоцибин и их искусственные аналоги) иногда вызывают общее «посинение» зрительного поля, а некоторые болезни сдвигают его в желто-красную область. В общем, то, что

текст
Константин Лидин

«Голубой период» Пабло Пикассо вызывает множество споров и догадок относительно того, почему молодой гений так настойчиво придерживается сине-белой гаммы. Одна из теорий считает, что вольные нравы парижского общежития Ле Рюш включали широкие возможности попробовать различные наркотики, в том числе – мексиканские грибы и кактус пейотль, источники псилоцибина и мескалина. Не была ли изысканная гамма «голубого периода» навеяна наркотическими галлюцинациями?

человек видит, во многом зависит от обстановки и от того, в каком состоянии этот смотрящий находится.

И, наконец, в-четвертых слово «цвет» означает психофизиологическое состояние, ассоциативно связанное со зрительным впечатлением. Это состояние души и тела, которые связаны внутренними переживаниями с той или иной картинкой, с чем-то, что мы видим. Например, зеленый, цвет листьев и травы, вызывает у большинства людей ощущение покоя, расслабленности, даже некоторой лени – этакое «растительное» переживание. Правда, среди растений попадаются и ядовитые, так что некоторые оттенки зеленого выглядят довольно-таки раздражающим образом.

В конце жизни тяжело больной Огюст Ренуар утрачивает способность различать синие и фиолетовые тона. Его палитра становится горячей, желто-красной. При всей жизнерадостности позднего Ренуара, жаркий колорит – это симптом

1. Хлебников В. Мы и дома // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. М. : Правда, 1991.
2. Цит. по: Жилинский Е.М. Это – архитектура? http://zhurnal.lib.ru/z/zhilinskij_e_m/bauhaus.shtml

Каждому значению слова «цвет» соответствует целая группа прикладных и фундаментальных наук. Первое значение используется в оптике, спектроскопии, теории и технологии производства телевизоров и мониторов, осветительной аппаратуры. Второе – в химии красителей, технологии производства и использования пигментов и красок. Третье – в физиологии и медицине. Четвертое – в искусствоведении, теории искусств, в специальных областях психологии и психиатрии.

В каждой области имеются свои научные авторитеты, когда-то заложившие основы именно такого понимания цвета. В оптике это, конечно же, сэр Айзек Ньютон. В химии красителей – немецкие и русские ученые первой половины XIX века (Зинин, Рунге, Унфердорбен, Натансон). Именно их трудами дорогие и редкие природные красители удалось заменить на синтетические анилиновые – и раскрасить в яркие цвета всю искусственную среду обитания человека. Физиологический аспект цвета исследовали Ломоносов и Гельмгольц, а в наши времена – Эвальд Геринг, Дэвид Хьюбл и Торстен Вайзел (Нобелевская премия 1981 года). Психология цвета, по-видимому, берет свое начало в работах универсального гения Иоганна-Вольфганга Гете.

Архитектура и дизайн, благодаря своей синтетической природе, вынуждены учитывать все четыре смысла слова «цвет» и все эффекты, которые возникают на пересечении областей трактовки этого многозначного слова. Именно в архитектуре и дизайне проявляется специфика переживания цвета, объединяющая мысли, телесные ощущения и эмоции. Требования разумности, удобства и красоты в архитектуре служат основой для комплексного использования цвета. Как и все прочие выразительные элементы архитектурного образа – пространство, объемы, массы, ритмы, цветосветовое решение должно быть рациональным, комфортным и красивым.

К сожалению, соблюсти этот баланс в плоскости цвета и света труднее, чем где-либо еще. И достижения физики света, химии красителей и психологии цветосприятия только усложняют задачи современного архитектора.

В отношениях человека с цветом XX век оказался совершенно уникальным. Технические успехи физики и химии открыли удивительные, небывалые возможности для работы с цветом в любых масштабах и в любом качестве. Впервые у людей появилась возможность придать чему угодно какой угодно цвет. Разнообразнейшая гамма пигментов и красителей, не уступающая ей по возможностям палитра источников света – спектр возможностей уже необозримо широк и непрерывно расширяется все дальше.

Подобная ситуация (когда технические возможности опережают творческую фантазию архитекторов) складывается не впервые. Нечто похожее происходило на рубеже XIX и XX веков, когда металлические (сначала чугунные, а позже стальные) несущие конструкции, сборный железобетон и стекло вызвали революцию в строительстве. Несколько десятилетий после изобретения металлический

каркас и стеклянное заполнение казались какой-то уникальной диковиной. Хрустальный дворец Пэкстона воспринимался современниками как нечто чудесное, невообразимое. Попад под его прозрачные своды, некоторые дамы падали в обморок.

Понадобилось пятьдесят лет, чтобы стекло и металл, а вместе с ними – новые возможности в области цвета и света начали осознаваться в качестве материалов для массового строительства. И первопроходцами в этом процессе выступили не архитекторы, а писатели и поэты, безответственные мечтатели и фантазеры.

В 1914-1915 годах, почти одновременно на русском языке вышло творение Велимира Хлебникова «Мы и дома» и на немецком – книга Пауля Шеербарта «Стеклянная архитектура» (Glasarchitektur).

Хлебников писал от имени евразийской кочевнической цивилизации: «Мы, сидящие в седле, зовем туда, где стеклянные подсолнечники в железных кустарниках, где города, стройные, как невод на морском берегу, стеклянные, как чернильница, ведут междуособную борьбу за солнце и кусок неба, будто они мир растений; «посолонь» – ужасно написано в них азбукой согласных из железа и гласных из стекла!»¹.

Представитель вполне оседлой культуры, баварец Шеербарт выражает схожие мысли: «Чтобы поднять культуру на более высокий уровень, мы вынуждены, хотим мы этого или нет, изменить нашу архитектуру. Это станет возможным лишь в том случае, если стены перестанут отражать нас от окружающего мира. Мы сможем добиться этого только с помощью стеклянной архитектуры, которая позволит свету солнца, луны и звезд проникать в комнаты не только через окна, но и через стены, состоящие целиком из стекла – из цветного стекла»².

Текст Шеербарта, гораздо более внятный и рассудочный, оказал большое влияние на развитие архитектурной теории. Тем более, что образы стеклянной архитектуры в нем опирались на реальное строение Бруно Таута – Стеклянный дом. Этот павильон был выстроен из цветных стеклоблоков на выставке Веркбунда в Кельне в 1914 году в чисто рекламных целях – для продвижения на рынок новых материалов и конструкций.

И Хлебников, и Шеербарт, и Таут полагали, что новые материалы и новая цветовая среда города окажут глубокое, мощное воздействие на людей. Проектируя берлинский «город-сад Фалькенберг» еще в 1913 году, Бруно Таут всерьез ожидал появления нового человека и нового типа отношений между людьми – открытых, доброжелательных, радостных. В какой-то мере так оно и вышло. Облик современного европейского города несравненно гуманнее, чем сто лет назад.

Революционеры и мечтатели начала XX века успешно освоили новые возможности строительных технологий. Им удалось разработать принципиально новые методы и стандарты в архитектурном проектировании, которые в полной мере соответствовали вызовам технологического скачка.

Клод Моне. Руанский собор, портал и башня Сен-Ромен, 1892-1893 гг. Различный по характеру свет, сложный собственный колорит древних камней, состояния души и тела художника в зависимости от времени года и суток – облик архитектурного шедевра выглядит как сумма всех аспектов и смыслов понятия «цвет».

Справа: а так Руанский собор выглядит на фотографии. Впрочем, даже «объективный» взгляд фотоаппарата тоже зависит от состояния фотографа

Однако если в области объемно-пространственных и ритмических построений революция произошла, то в области цвета она сменилась глухой реакцией.

Как случилось, что эстетика Баухауза и русских конструктивистов вошла в историю архитектуры в образах монохромных, черно-белых? На каком этапе развития космические идеи переустройства образа жизни человечества в ярких, сверкающих красках сменились серым бетоном и бесцветным стеклом функционализма? Это происходит в начале двадцатых годов, когда из палитры архитектора постепенно исчезают все цвета, кроме ахроматических и красного. Заметим, что сочетание тонов «черный – серый – белый – красный (желтый)» называется первобытным классическим аккордом.

Возвращение к первобытной гамме не случайно, и объяснить его можно только опираясь на психологическое понимание цвета.

Рассматривая появление цветовых тонов в палитре на протяжении тысячелетий, можно заметить некую закономерность. Первыми, как и следовало ожидать, появляются черный и белый – тьма и свет, простейшие и наиболее архетипичные зримые состояния души.

Из спектральных тонов первым в употребление входит красный. Около двадцати тысяч лет до н.э. в пещерах Центральной Европы палеолитические художники использовали охристые глины красного тона. Само слово «красный», как и названия этого цвета в большинстве европейских языков (red, rot, rote, rouge, rojo), содержит первозвук «р», означающий жизнь, силу, кровь, агрессию и сексуальность.

В ходе развития городской цивилизации эмоциональная жизнь людей становилась все более сложной и тонко дифференцированной. В соответствии с этими процессами, все новые и новые цветовые области осознавались в качестве отдельных, самостоятельных тонов. От белого «отслоился» желтый и получил самостоятельное название в античную эпоху. Уже в нашу эру происходит разделение синего и зеленого – в классическом древнегреческом языке (койне) для зеленого нет отдельного слова. Кстати, в современном китайском языке, наряду с современными названиями цвета, присутствуют архаические слова, которые одновременно означают и синий, и зеленый: 'qing' (синий, зеленый, черный), 'can' (синий, зеленый). «Синее» состояние души, состояние глубокого размышления, в этих

Бруно Таут. Стекланный дом на выставке в Кельне, 1914 год. Выстроенный из искрящегося цветного стекла, павильон производил сильное впечатление на современников. И реклама иногда служит продвижению утопических идей в теории и практике архитектуры

Фасады на улице Отто-Рихтер-Штрассе в Магдебурге, которые Бруно Таут «разукрасил» в 1921 году. С 1920 по 1931 год Таут возглавлял отдел городского строительства в Магдебурге. Перед крупной архитектурной выставкой в Магдебурге в 1922 году по планам Таута и его сподвижников в центре города были по-новому оформлены фасады 80 зданий. Это вызвало неоднозначную реакцию у жителей города, но в то же время положительные отклики в прессе

Индийский храм Шри Мармамман (г. Джорджтаун). Древние культуры используют в архитектуре множество ярких тонов и оттенков

Одноквартирные лофты в современном Токио. Азиатские традиции в окраске зданий на западный взгляд иногда выглядят как-то уж чересчур пестрыми

Охотник каменного века.
Неолит, 4-е тысячелетие
до н. э., север Европы

Казимир Малевич.
Супрематизм. 1921-1927.
Редукция эмоциональной
сферы вплоть до первобыт-
ного примитивизма входила
краеугольным камнем
в идеологию функцио-
налистов

3. Раппапорт А. Архитектуру
украшайте архитектурой.
<http://www.architektor.ru>

словах не отделяется от «зеленого» состояния – покоя, расслабленности, пассивного переваривания.

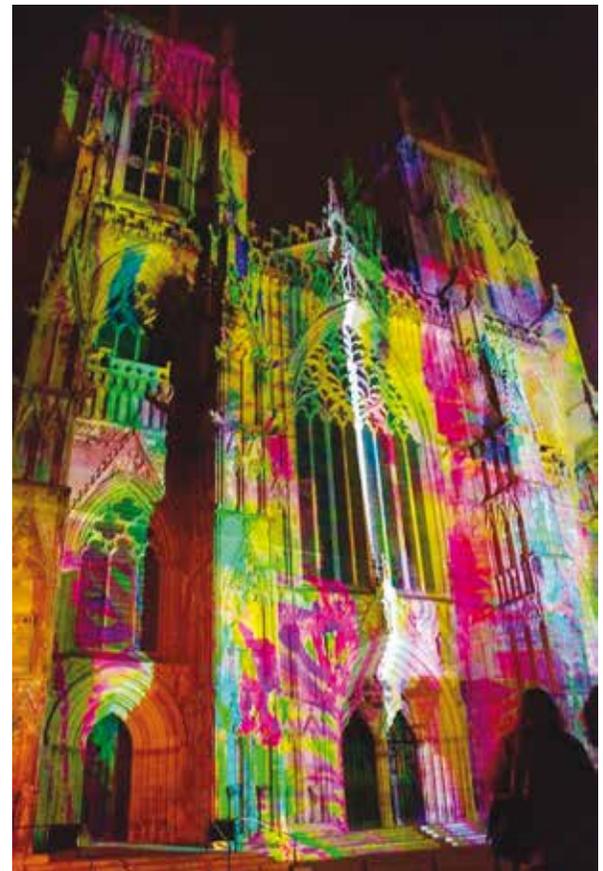
Совсем недавно, всего несколько веков назад начали осознаваться такие тона, как фиолетовый (цвет фиалки) или оранжевый. Слово «оранжевый» происходит от названия местности Оранж (Oranje) на юге Франции. Именно там впервые в Европе начали разводить фрукты, которые по-русски называются немецким словом «апельсин» (нем. «китайское яблоко»). Цвет кожуры фрукта дал название одному из самостоятельных цветовых тонов в тот момент, когда соответствующее оранжевому цвету состояние души было осознано как самостоятельное, не сводимое к смеси красного и желтого.

Так, постепенно, европейская культура приходит ко все более тонкой дифференциации, различению эмоциональных состояний. Однако этот процесс идет вовсе не гладко и не однозначно. Случаются периоды, когда на первый план выдвигается разум, и начинает властно подчинять себе культуру в целом. В такие периоды, по закону компенсации, поклонение логике приводит к отрицанию эмоций – эмоциональная сфера лишается внимания и заботы и, как следствие, быстро возвращается в свои первобытные формы.

Исключение многоцветья из архитектурно-дизайнерской практики, ограничение первичной гаммой на пути от Бруно Таута до Ле Корбюзье отражает сужение эмоциональной гаммы. Функционализм, поклоняясь рассудку и пытаясь подчинить весь строй архитектурного проектирования только логике, приходит к первобытному упрощению эмоциональной сферы. Красота, исключенная из рассмотрения функционалистами, унесла с собой и разнообразие цвета. Остались «ахроматические» удобство и прочность.

Почти сто лет прошло со времен, когда поэты и архитекторы собирались вырастить нового человека в новом обществе. Технологии снова делают рывок, бросают вызов архитектурной мысли. Но без участия поэтов и мечтателей архитектура XXI века остается бесцветной. Обилие стекла, теперь все чаще – зеркального, приводит лишь к маскировке зданий, растворению их в окружающем пространстве. Фасады прикидываются небом и облаками, скалами

и холмами. В ночном городе подсветка дробит здания на куски и придает им фантастический облик развешанных в пространстве фрагментов. Цвет и свет не сотрудничают с архитектурой и уж тем более – не становятся ее частью, но играют роль внешней оболочки, укрывающей, прячущей архитектуру от взгляда.

Инсталляция 2007 года британского архитектора Усмана Хаки (Usman Haque) под название Evoke. Это слово переводится как «вызывание» (восхищения, удивления, вызывание духов). Готический собор в Йорке был расцвечен при помощи светодиодных прожекторов общей мощностью 80 тысяч люмен. Прожекторами управляли прохожие: каждый желающий мог внести свой вклад в «расплавление» фасада

Замечательный культуролог и искусствовед А.Г. Раппапорт пишет о работах американского художника Ричарда Хааса (Haas), который акриловыми красками рисует гигантские мюралы на слепых стенах и брандмауэрах³. Эти «фотообои» городского масштаба шизофренически перепутывают интерьер с экстерьером, архитектуру с живописью, плотную материю здания с пустым пространством. Нечто подобное происходило на переходе от греческой к римской античности, когда расписной фронтон Парфенона сменялся иллюзорными колоннадами Виллы мистерий в Помпеях. Такая же смена функций цвета и света в архитектуре происходит на рубеже Средневековья и Ренессанса. Каждый раз, когда рассудочный, технологический подход делает блестящие успехи, строительные технологии совершают стремительный рывок в своем развитии, – тогда эмоциональный компонент архитектуры уходит в тень. Цвет и свет начинают играть подчиненную, внешнюю роль в архитектуре, роль декоративной оболочки, а не конструктивного элемента.

Многозначно слово «цвет» и многообразно воздействие цвета на человека.

Инженеры, творцы прочности и надежности, эргономики, жрецы удобства, поэты, влюбленные в красоту, – все они по-своему понимают цвет, и у каждого своя профессиональная правда о сущности цвета. И только архитектуру нельзя ограничивать одной правдой. Архитектору приходится быть и инженером, и поэтом – тогда и цвет, и свет ему послушны.

Американский художник Ричард Хаас рисует огромные фрески на брандмауэрах городских зданий (мюралы). Подобные фрески-обманки известны еще со времен римской античности и были очень популярны в эпоху Ренессанса и барокко, но сегодняшние технологии позволяют добиваться удивительных эффектов иллюзорности

Интервью с Александром Картопольцевым

Цвет и свет – первые информационные «сигналы», которые город посылает попавшему в него человеку. От этих впечатлений подчас зависит не только настроение, но и устойчивое отношение к городской среде, оценка горожанами ее притягательности. Неоднократно приходилось слышать, что от Иркутска остается «ощущение холодного цвета». Проектирование и практическое использование цвета и света в городе – результат совместной деятельности администрации, дизайнеров и архитекторов. На вопросы журнала «Проект Байкал» о значении цвета и света в городской среде Марина Ткачева попросила ответить главного дизайнера Иркутска в 2004-2006 годах Александра Петровича Картопольцева.

АЛЕКСАНДР КАРТОПОЛЬЦЕВ

Работая в администрации, мы ставили вопросы о цветовом решении улиц и декоративной подсветке. В 2004-2006 годах была более или менее налажена работа по цветовому решению. Компания «Традиция» (руководитель А. Яковлев), согласно подписанному с администрацией города договору, осуществляла комплексное цветовое решение улиц Карла Маркса и Урицкого. Такой подход я считаю правильным. Когда мы планировали бюджет следующего года, эта тема получала свое развитие: каждый год объявляется муниципальный конкурс на комплексное цветовое решение очередных улиц. Пока это касается только центра города, где много памятников, где настоящее лицо города. Эта работа идет, и если бы не кризис, урезавший бюджет, то она шла бы более быстрыми темпами.

С декоративной подсветкой, освещением зданий ситуация более сложная. Во-первых, это дорого. Фасад здания нужно сначала хотя бы покрасить, на что уходят немалые деньги, если делать все правильно. Нужно снять все слои, зашпаклевать, заново покрасить, а хорошие красители стоят недешево. Такая работа еще выполняется. Вопросы подсветки начали всплывать, когда наступил период относительной стабильности: здание областной администрации, но в первое время подсветка была только по праздникам, так как ее эксплуатация оказалась дорогостоящим удовольствием. Теперь здание подсвечивается постоянно. Также подсветили здания Иркутскэнерго, ИГЛУ, городскую администрацию, банк. Так сквер Кирова более-менее оформился.

Здание областной администрации очень сложное: серое, простое по партитуре, каких-то архитектурных деталей там не высветишь. Очень лаконичное здание. Тем не менее, какое-то решение в рамках выделенных средств мы нашли. У нас было несколько вариантов. Нужна была полная подсветка здания. Разработали вариант, когда прожекторы встраивались в тротуар, предусматривались отдельно поставленные прожекторы для подсветки герба и флага. Думали над тем, чтобы установить в откосы внутри здания люминесцентные светильники одной мощности и одного цвета. Ведь в каждом кабинете свой цвет обоев, краски. Как подсвечивать в то время, когда народ еще работает внутри здания? Зимой начинает темнеть в четыре, а летом еще светло. Нашли такое вечернее время, когда подсветка актуальна. Решили поставить лампы в откосы, высвечивая окна. Так появился рисунок из окон. Мы рассматривали варианты германской, китайской аппаратуры, обсуждали все их плюсы и минусы. «Первыми ласточками» в подсветке стали БГУЭП, Драмтеатр, после ремонта подсветили Музей города на ул. Франк-Каменецкого. Но сегодня здание подсвечено очень мало.

Правильно, что работа по цветовому решению планировалась комплексно: собственнику здания давалось поручение составить паспорт отделки, согласовать с архитекторами и выполнить ремонт за свой счет. Составлялся список зданий из федеральной, муниципальной и областной собственности, ремонт который выполнялся из средств бюджета. Эта работа велась параллельно, с двух сторон улицы. Если здание было

в негодном состоянии, то после согласования с нами точечный ремонт выполнялся архитектурными фирмами. В целом картину улицы представить было сложно. Более привычно, когда цвета зданий согласовываются с цветами стоящих рядом. Мы осуществляли другую стратегию: все фасады склеивались в развертку, проводился анализ сложности и значимости того или иного фасада в композиции всей улицы. Решение о том, сглаживать или акцентировать цвет тех или иных зданий для создания гармоничной перспективы всей улицы, принималось в централизованном порядке. Это правильный подход. Конечно, объем разверток комплексного решения с каждым годом увеличивается. Но скоро мы получим паспорта отделки всех зданий и будем иметь представление о комплексном цветовом решении улицы.

С подсветкой хуже, так как уже подсвеченные здания расположены дисперсно. Задача состоит в том, чтобы подвинуть на это дело собственника здания, чтобы интересные по архитектуре здания, принадлежащие небедным коммерческим компаниям, были подсвечены. Нужно разрабатывать проекты комплексной декоративной подсветки целых улиц, иначе может возникнуть несогласованность, хаотичность как в цветовом, так и в световом решении. Сейчас оценивается значимость того или иного компонента в композиции улицы, придается ему определенное цветовое решение, не диссонирующее с остальными. То же самое должно происходить с подсветкой. Простое, лапидарное с точки зрения композиции здание может быть очень выигршно освещено. Но подсвечивать каждое здание тоже бессмысленно. Приходит пора, когда нужно формировать паспорта светового решения декоративной архитектурной подсветки зданий в комплексной развертке улиц. Подсветку сквера Кирова нельзя воспроизводить, например, работая с жилыми домами: тут нужно работать осторожно, вывешивать элементы архитектурного декора, но не переусердствовать. Какие-то здания могут быть не подсвечены специально, а освещены за счет общего уличного освещения, чтобы был виден фасад. Но значимые здания обязательно должны быть правильно подсвечены в контексте улицы, где согласованы подсветка здания и уличное освещение. В спальных районах могут ставиться обычные уличные фонари, но в центре города – уже индивидуальные. И типы фонарей существуют разные: есть фонари направленного освещения, которые освещают пространство под собой, а есть фонари, которые бьют светом во все стороны. Там, где фасад не будет подсвечиваться, нужно ставить фонари, дающие свет во все стороны и освещающие фасад. Зданию с подсветкой такие фонари будут только вредить и давать излишнюю засветку фасада: там, где мы предполагали тень, она от такого освещения может исчезнуть. Все эти моменты должны разрабатываться комплексно.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Какой город с точки зрения цветовой и световой среды вам понравился?

АК

Лично я не посещал никакой зарубежный город, где мог бы оценить подсветку. По публикациям, фотографиям и информации Интернета можно судить, что неплохая подсветка в Париже.

Отдельный разговор – это вывески и реклама на зданиях. К сожалению, у нас еще нет культуры работы с рекламными вывесками. У нас стараются поставить всего побольше и крупных размеров, с огромными надписями. Реклама закрывает декор зданий, уродует его историческое лицо. В Париже и других европейских городах с вывесками работают более тактично, деликатно, грамотно. Там вывески делают таких размеров, чтобы можно было прочитать информацию. У нас же происходит что-то вроде «гонки вооружений», только сейчас – гонка рекламы. Скоро не останется ни одного свобод-

ного места. Мне это кажется ненужным и диким. Зачем тратить большие деньги, если можно сделать вывески и растяжки поменьше размерами, но действенные и в контексте. Такая культура, я думаю, должна привиться со временем. Но вывески и реклама тоже должны иметь определенное цветовое решение в контексте цвета здания. Например, мы делаем проект реконструкции здания «Эталон», по моему мнению, неправильно. Мы должны разрабатывать проект реставрации архитектуры здания, тут же – проект декоративной подсветки, места размещения вывесок, рекламы и их подсветку, а также уличное освещение. Так должно быть. Но об этом только недавно стали задумываться. До сих пор встречаются здания, в которых расположены торговые помещения или множество офисов, а архитектор не думает над тем, как разместить рекламные вывески. Обычно реклама и подсветка появляется потом, а не задумывается комплексно и изначально. В официальных подробных (вплоть до деталей интерьера) требованиях к проектировщикам тоже ни слова об этом нет. Ни слова о рекламе, вывесках и, тем более, декоративной подсветке. Я же считаю, что такие требования должны быть обязательно, чтобы потом здание не уродовалось. У нас была поездка в шведский город Вестерос в 2006 году. На обратном пути мы заезжали в Стокгольм, были в старой части города. Это потрясающе. Вот тот путь, по которому мы должны двигаться в плане цветовой отделки фасадов зданий, тем более что есть много сходных моментов в атмосфере городов. Город скандинавский, климат отчасти похожий на наш. По моей поверхностной оценке, 2/3 части исторической застройки города облицованы гранитом, камнем. Ему столетиями ничего не сделалось, он остался в первоначальном состоянии. А штукатурные поверхности в том же состоянии, что и у нас. Климат делает свое дело. Нам тоже можно сделать всю лепнину, весь декор из камня. Не из бетона, не из гипса, который еще быстрее осыпается и требует окраски. Надо делать из камня. Это очень дорого, но со временем такое нужно делать. И сейчас появляются здания с использованием натурального камня, гранита. Лет через 50 такие здания накопятся. Историческую часть города нужно потихоньку к этому двигать. Так вот, Стокгольм – потрясающе красивый город. Куда ни обернешься – яркий кадр. Вечером я отправился на прогулку еще раз, хотел пофотографировать, и был крайне удивлен тому, что город совсем не подсвечен. Только окошечки горят, никакой декоративной подсветки. Единственное, что было подсвечено – соборы и церкви. Подсветка банальная, с помощью прожекторов снизу. Светильников на фасаде здания, выделяющих отдельные элементы декора, не было. Так же банально подсвечена ратуша – четыре прожектора.

ПБ

Может, они экономят?

АК

Швеция – небедная страна. Экономический уровень России и Швеции на тот момент были несопоставимы.

Пути решения таких проблем – комплексный подход к цветовому и световому решению улиц. Паспорта отдельных зданий в контексте целых фрагментов – улиц, площадей, скверов, кварталов. Чтобы цвет и свет были согласованы между собой на определенных территориях и создавали целостную гармоничную картину. Такие же принципы должны быть применены в уличном освещении и рекламе. При разработке паспортов должна проходить апробация вывесок и рекламы на крышах; особенно это касается центральной и исторической части города.

ПБ

Я живу не в историческом, а в одном из последних советских «спальных» районов города – Университетском. И я понимаю, что где-то фонари еще горят. Но сама атмосфера микрорайона очень тяжелая,

потому что дома все серые и стоят очень близко друг от друга. Создается впечатление каменных джунглей, очень унылых и однообразных. Ни о какой подсветке здесь речи идти не может, разве что кое-где горят вывески. Есть ли какие-нибудь проекты, направленные на изменение световой атмосферы именно жилых районов? И если есть, то кто был инициатором этого проекта, на какой стадии осуществления они сейчас находятся, и возможно ли их осуществление в принципе?

АК

Насколько я знаю, таких проектов не было и нет. Для спальных микрорайонов города сейчас актуально получать паспорта отделки, потому что они все одинаковые. В 1986 году мы были на практике в Ленинграде, наблюдали за строительством новых домов. Они были панельными с банальным цветовым решением. Для того чтобы районы отличались, эти панели нужно перекрашивать, придавать районам различия: Университетский, Первомайский, Радужный, Синюшина гора... Им нужно придавать индивидуальные черты за счет суперграфических решений. Нужно добиться, чтобы было освещение улиц, дворов, а подсветку делать там бессмысленно. На торцах зданий, которые выходят на оживленную магистраль, появляется реклама больших размеров, которая подсвечивается. Для нашей ситуации это нормально. Такие же брендмауэры, торцы есть и в жилой застройке. Их можно отделать более доступно по деньгам в суперграфическом решении, которое было введено в 1985 году.

Студентами мы делали заезд по трем прибалтийским столицам. Меня потрясло обилие суперграфики на брендмауэрах в исторической части города. Такие смелые решения могли бы быть и у нас. Это недешево, но в сопоставлении с тем, что могло бы быть в дальнейшем, — не так уж и затратно. В. Смагин, Е. Ячменев и я разработывали концепцию размещения средств монументального искусства в городе, мы выявляли торцы зданий, где могли бы появиться предметы монументального искусства. Даже хорошая краска недолговечна, а если выложить мозаичные панно и т.п., то можно сделать узнаваемыми микрорайоны, согласуя цветовую атмосферу микрорайонов с их композиционным решением. Например, найти для Первомайского или Юбилейного микрорайонов фирменное решение с помощью монументального искусства, суперграфики фасадов. Тогда все это можно было бы декоративно подсветить, чтобы они работали в вечернее время. Эти фрагментарные пятна связать в некую цветовую, световую композицию и осветить всю территорию. На ближайшую перспективу 10-15 лет это было бы нормально. А с новым генпланом предполагается новая разработка концепции монументального искусства.

ПБ

Я много раз слышала от собеседников, что их раздражает присутствие ярких цветов на фасадах зданий исторической части города. Дескать, раньше фасады красились в естественные натуральные цвета, за счет этого у них был щадящий оттенок, близкий к акварельно-экологическому. Сейчас краски яркие, химические, разнообразны. От этого получается ошутимая дикость... Что вы можете об этом сказать?

АК

Я всегда ишу золотую середину. Мир меняется, мы движемся, и хочется верить, что не в худшую сторону. А в отношении консерватизма мы дадим фору всем. Что делается в Париже, несмотря на то что у них много памятников мирового значения, каких нет у нас? И они очень смело с ними действуют. Не нужно чрезмерно увлекаться ярким цветовым оформлением зданий эпохи классицизма и других классических стилей. Но не совсем правильно и отказываться от него совсем. Могут появляться какие-то необходимые сдержанные акценты более ярких пятен или отдельных построек, которые

Разработка проектов освещения

(концептуальный подход)

Работа без посредников (прямые поставки с фабрик)

Знания и опыт (12 лет просветления)

Антикризисная солидарность

(исключительные предложения сотрудничества)

Иркутск:
тел./факс (3952) 480-956
тел. (3952) 480-881

accentlighting@mail.ru
www.gotar-art.ru

являлись бы значимыми фрагментами общего композиционного цветового решения территории. Тотальное превращение всего в яркое тоже возможно, но не везде. Мне очень понравился олимпийский Таллин, где было построено много объектов. Средневековый город был очень ярко выкрашен. Мне на тот момент это понравилось. Рига и Вильнюс такими же и остались: серые, мрачноватые... Может, это национальный колорит? Но я с трудом себе представляю, чтобы выкрасить по-петушину классицистские здания. Образцы этого сдержанного стиля должны быть сдержанно выкрашены. А образцы модерна могут быть сделаны более жизнерадостно, ярко. Вкрапления современной архитектуры изначально должны быть яркими. Нужно экспериментировать, но это должен быть научный, системный подход. Когда зима, тоска, наш город находится в таком скучном состоянии. Над этим надо поработать. Но нужно это делать грамотно, это должно обсуждаться на градсовете. Разработка цветовых решений должна идти и в контексте сезонов: летнего, осеннего, зимнего, весеннего. Консерватизм тоже нужен, тотальные эксперименты вредны. Но вводить изменения следует постепенно. Сделать шаг – и посмотреть, как отреагирует общественность, что произойдет при смене сезонов. А уже потом превращать обновление в некую систему.

ПБ

Сегодня православная церковь достаточно часто ремонтирует и реставрирует здания по своему собственному произволу и на собственный лад. У нас в городе такая же ситуация, как по всей России?

АК

Это зависит от владыки, от его вкуса и предпочтений, но ведь не он один принимает решения. Есть определенное давление со стороны представителей церкви и его главы. Мне кажется, что общественность должна эти вещи обсуждать и церковные власти переубеждать. Это нужно делать не спонтанно, а выстраивать доказательную базу, что требует времени и усилий.

ПБ

А кто должен прилагать эти усилия? Кто может уравновесить ситуацию и привести ее к приемлемому решению?

АК

В любом случае, за город отвечает городская администрация. И это дело департамента по архитектуре и строительству. Другое дело, что должна быть проведена тонкая дипломатичная работа. Нужно находить подходы, аргументы, способы донесения своей мысли до человека, чтобы это не вызывало у него отторжения. Чтобы он хотя бы счел нужным придти на эти встречи. Нужно пробовать, подключать к этой работе мэра, губернатора. Нужно сводить людей за одним круглым столом, общаться без взаимных упреков, тактично.

ПБ

Какие примеры достойного и недостойного цветового решения в городе вы можете привести?

АК

На мой взгляд, неплохо получился отремонтированный Музей города. Из современной архитектуры хорошее цветовое решение у завода в Иркутске II, Зеон: его внешняя оболочка мне нравится.

ПБ

Кого из архитекторов вы могли бы назвать, кто при проектировании и застройке задумывается над этими аспектами?

АК

Наверное, задумывается большинство. Важно еще убедить заказчика, ведь «просто так» этим не будет заниматься ни один архитектор. Нужно закладывать это

в бюджет проектирования. Даже в лучшие времена, перед началом кризиса, заказчик при постройке объекта выдыхается, строит то, что возможно максимально по его деньгам. А если ему сказать, что и подсветку делать надо (а она стоит не три рубля), это сложно. Но пусть сначала хотя бы проект будет сделан; изначально в проект это надо закладывать. Пусть даже он будет реализован позже. Эта часть бюджета, в сравнении с масштабом затрат на строительство, не так велика. Фактически же у многих зданий, которые сейчас сдаются, эти моменты не предусмотрены.

Одна ангарская фирма показала свой опыт работы по подсветке в Ангарске. Там подсвечена центральная улица. В Москве и Питере проведена такая комплексная работа. В Москве подсвечены порядка 350 объектов с прилегающими территориями, которые значимы в композиционном и архитектурном плане. Есть высотки, которые венчают перспективу нескольких улиц. Их в первую очередь надо обрабатывать. В Иркутске такая работа будет. Сначала работу нужно разбить на этапы: ведь сразу все мы не нарядим и не сделаем. Нужно установить очередность выполнения, выявить организации, которым под силу это сделать, чтобы на каждом этапе план имел некую законченность. Пусть вначале небогатая подсветка будет иметь логическую завершенность, потом она насыщается, но на каждом этапе не должно быть ощущения, что все в разрухе. Важный момент: помимо рекламы, вывесок, уличного освещения, сразу нужно закладывать праздничную иллюминацию зданий. Повседневная подсветка для праздников не подходит, а флажки, гирлянды – не совсем правильный ход. В период подготовки к БЭФу в 2006 году мы ездили в апреле в Швецию, в период празднования дня рождения короля. Город находится в той же климатической ситуации, что и мы, там еще нет листвы. Город красивый, но летней живости нет. Меня поразило количество стоящих деревянных и металлических флажштоков. Они достаточно высокие, а когда стоят без флага, их не особо и замечаешь. А 30 апреля, когда на этих флажштоках появился шведский флаг, я был ошарашен в хорошем смысле! Некоторые флажштоки сначала не замечаешь, они стоят на улицах, на королевских объектах, на куполах зданий. Нет ни флажков, ни других элементов украшения, которые мы до сих пор применяем. Но появление больших флагов дает почувствовать национальную мощь, создает настроение праздника. Эти флаги на каждом углу, из них выстроены целые аллеи. К королевскому балкону подводят двухсторонние пандусы, там мощная гранитная балюстрада, парапет. Там желтыми цветами все выложено. Это потрясающе. Я решил в Иркутске сделать что-то с флажштоками. Сделали адресную программу, агитировали областную администрацию за установку флажштоков. Предлагали им поставить флажштоки на подходе к администрации, с газоном и кустарниками. К нам приезжают иностранные делегации, а у нас висит один флажок. Это несерьезно. Должны быть и флажштоки для флагов государств, делегации которых к нам приезжают. В Новый год, БЭФ, 9 Мая на этих же флажштоках можно другие полотнища поднимать, мощно, монументально. Сначала в администрации соглашались, но потом всю инициативу спустили на тормозах. Рассматривался проект установок флажштоков в сквере, у городской администрации. Но там и места немного, и в итоге у городской администрации тоже ничего не появилось. Но было определено несколько площадок по городу, где идут потоки массового движения: въезд в город со старого моста, все гостиницы тоже должны иметь флажштоки. Например, во время БЭФа город необходимо украшать. В итоге четыре флажштока было поставлено у Дворца спорта и у Музыкального театра им. Загурского. И у них подсветка должна быть, чтобы в темное время суток это полотнище освещалось. А идея с флажштоками хорошая, интересная. Будем надеяться, что эту идею не забудут.

Вопросник ПБ

Главная тема очередного номера журнала «Проект Байкал» посвящена теме «Цвет и свет». Редакция журнала сформулировала ряд вопросов, касающихся темы номера, и задала их архитекторам, дизайнерам и художникам, работающим в разных городах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Публикуем ответы и благодарим всех, кто откликнулся.

1. Как вы оцениваете сегодняшнее состояние цветовой среды вашего города?
2. Какой город мира удивил и порадовал вас своим цветовым решением?
3. Как выглядел бы ваш город, если бы его цветовое решение было идеальным?
4. Какие пути и способы движения к идеалу вы видите?

Н. Самсонов, директор регионального фестиваля «FREШЬ» (Братск), руководитель региональных проектов Центра рекламных исследований Grand Prix, эксперт Центра рекламных исследований Grand Prix (Москва)

1. Прежде всего, в городе нет исторических памятников архитектуры, которые могли бы задать цвет определенным районам города; цветовая среда сформирована застройкой 1950–1990 годов. В основном это белый цвет с красно-коричневыми, охристыми элементами декоративного решения. Выбирая новые цвета для окрашивания домов в 2007 году, мы руководствовались сложившимися цветовыми решениями и применили несколько новых колеров желтого, зеленого, бежевого пастельного оттенка – цветов, олицетворяющих природную среду Братска: тайгу, солнце, дерево, воду.

2. Я человек, которого может радовать как пестрота, так и умеренные цвета городского пейзажа. Города на Средиземном море (Италия, Турция) нравятся интенсивностью цветового решения. Нравится бывать в Париже, где здания в массе своей нейтрального цвета, но каждый элемент отделки – будь то двери, окна или элемент ограждения балкона – уникален и неповторим. Сейчас в Братске идет эклектичное смешение европейского и азиатского. Мне кажется, надо просто пережить это время перемен. Считаю, что сибирский город в цветовом решении должен быть спокойным, теплым по колеру.

3. Желая Братску неожиданных, вызывающих спор архитектурных проектов и цветовых решений, которые могли бы сформировать образ неповторимого сибирского города. Считаю, что основная застройка Братска должна выдерживаться в нейтральных тонах, а вот новые объекты могут и привлечь внимание новыми цветами. Необходима мера, и это – главное.

4. Взвешенная градостроительная политика администрации и градостроителя-мэра. Возможность финансирования разработки концепции колористики светового решения районов и города; наделение соответствующими полномочиями Градостроительного совета; подготовка на муниципальном уровне и четкое исполнение физическими и юридическими лицами нормативных документов, регулирующих проектирование, строительство и реконструкцию зданий и сооружений в аспекте цветового решения архитектуры.

Сегодня в городе появляется несколько спорных по цветовому решению объектов:

1. Здание бывшей швейной фабрики (ТЦ «Байкал»), по адресу: ул. Янгеля, 120.
2. Магазин по улице Возрождения (утвержден Градостроительным советом).
3. ТЦ «Арена» по улице Крупской.

Коллекция классических светильников

Известные мировые бренды

Элегантность – качество – престиж

Для тех, кто ценит стиль и традиции

Иркутск:
тел./факс (3952) 480-956
тел. (3952) 480-881

accentlighting@mail.ru
www.gotar-art.ru

Торговый центр
по ул. Крупской, г. Братск

Цветовое решение фасадов
домов по ул. Мира,
г. Братск

Магазин по ул. Ленина,
г. Братск

Торговый центр «Байкал»,
г. Братск

Продовольственный магазин
в 26-м микрорайоне,
г. Братск

В.В. Астраханцева, председатель правления Братской организации Союза архитекторов России, руководитель персональной мастерской «Аллегро»

Думаю, что идеальное цветовое решение Братска, точнее, то, что под этим подразумевается, невозможно: ведь цвет и свет – лишь элементы городской архитектуры, дополняющие ее. Но ее обновление в самом начале пути. Тем не менее их воздействие на геометрию напряжённых, зарегулированных типовыми домами пространств неоспоримо. Это отчётливо видно на уже имеющихся в городе примерах.

Вспоминается цитата: «То ли у нас с архитектурой всё так хорошо, что можно уже и ерундой заняться, то ли всё так плохо, что только это и остаётся». Именно «это

и остаётся» является приоритетным в городе направлением в последние годы. Ушло время масштабных строек. Больше внимание сосредоточено на инфраструктуре уличного дизайна. Сюда включается всё, что взаимодействует с формой и цветом: от обновления, порою даже коренного изменения полихромии фасадов старых домов и использования современных отделочных материалов до разнообразных элементов пространственных композиций.

Особое место в городе занимает система пространственных цвето- и светорекламных установок и вывесок, выполненных, по мнению специалистов, на приличном уровне. Разнообразные пилборды, билборды, пилоры, скролеры иногда спасают периферийные улицы от монотонности. Порой в них видна непритязательная игра с

символами, а порой – претенциозное использование пространственных метафор. Сейчас количество этих «украшений» разумно сокращено.

В течение нескольких лет «раскручивается» тема подсветки фасадов, но пока она реализуется лишь эпизодически. В новые проекты обязательно включаются предложения по цветовому и световому оформлению объектов. Сейчас повсеместно используется контурная архитектурная, экстерьерная и интерьерная подсветка сооружений светодиодными системами (например, типа «Tetra LED»). Экономичность и работа при низких температурах подтверждают целесообразность их использования в наших условиях. Так, содержание одной неоновой вывески в Москве – 1 530 ватт, 536 долл./год; системы «Tetra LED» за ту же вывеску – 275 ватт, 6 долл./год при сроке эксплуатации до 50 тыс. часов. Думаю, нашлось бы немало творческих людей, желающих с удовольствием и пользой для города заняться этим направлением.

Утомлённые монотонностью массовой застройки, подавляюще действующей на психику человека, сегодня архитекторы увлеклись радикальными цветами при отделке фасадов крупных общественных зданий (хоть нас и учили разумной экономии цветовых средств). В каких-то случаях это смелый эксперимент, достойный уважения поиск, иногда допускаются явные ошибки. Конечно, можно испытывать удовольствие и от противоречий, но всё же хочется логики, обоснованных цветовых впечатлений.

Нужна разработка схем полихромии фланкирующей застройки улиц, площадей, микрорайонов, нужно требовать строгого соблюдения проектов. При их отсутствии результат может оказаться непредсказуемым. Разговоры о колористическом равновесии «композиции», «цветовом балансе», тем более об ансамблевости застройки в целом кажутся преждевременными, когда перед глазами хаотично разбросанные, пронзительно яркие, без места для вывесок, здания. А пока ситуация именно такова.

Сегодня Братск в отношении градостроительной колористики, включая светодизайн, являет собою пример господства стихийности. Появляются локальные интересные решения, но лишь как частности. В поисках новых средств самовыражения иногда случается, что небольшие пристроенные сооружения превращаются в арт-объекты.

Необходим альянс архитекторов с близкими по творчеству партнёрами – дизайнерами, рекламистами, художниками, чтобы эффективно использовать весь диапазон современных выразительных средств архитектуры, все многообразие среднего дизайна.

Хочется видеть северный город полихромным, но цветогармоничным: чтобы в оформлении любого ансамбля, – будь то комплекс зданий, улица или дворовое пространство – шире использовался эффект отражающих материалов, цветного освещения, так усиливающих эмоции. Значение света и цвета в наших условиях проживания, где велика продолжительность тёмного времени суток, переоценить нельзя. Особенно это актуально для Братска – легендарного поставщика электроэнергии.

Я считаю, что площадки Братска пригодны для экспериментов, для использования любых прогрессивных приёмов, но только при условии осуществления этих экспериментов профессионалами.

П.Г. Зильберман, архитектор (Улан-Удэ)

1. Невыразительное.
2. Города Японии, Америки.
3. Намного интересней и привлекательней. Более радостным и приветливым.
4. Обеспечение местными властями и собственниками объектов заказов на разработку коллективами архитекторов, художников и дизайнеров комплексных дизайнерских проектов оздоровления, модернизации, благоустройства и колористики городской среды, а также их качественное, своевременное и профессионально-грамотное исполнение.

В.И. Сизов, главный архитектор ОАО «Бурят-гражданпроект» (Улан-Удэ)

1. Удовлетворительное. Сегодня чувствуется серость, не хватает ярких цветовых пятен, особенно зимой. Хочется большего разнообразия, но в теплой цветовой гамме.

2. Киев – много зелени летом. Сиена – маленький, уютный... Впечатлил благоустройством, уютными улочками, заботой о туристах. Хороши здания из местного песчаника.

3. ?

4. Необходимо единое цветовое стилистическое решение при меньшей этажности, комплексные решения по колористике и стилистике города на стадии проектирования

Увеличение бюджета на благоустройство.

А.В. Кушнарев, Н.И. Кушнарева, архитекторы, учредители ООО «Архитектурная студия» (Улан-Удэ)

1. Как очень разномастная, разрозненная, иногда случайная, стихийная, дисгармоничная, соответствующая окружающей среде и архитектуре самих зданий.

2. Лондон, Сеул, Пекин, Харбин.

3. Весьма привлекательным и красивым, запоминающимся и желанным.

4. Нужно привлекать финансовые средства города и застройщиков. Работать на основе предварительных комплексных планов.

В.Б. Шараев, заместитель начальника УАиГ (Улан-Удэ)

1. Заметное улучшение за последние годы, хотя общее состояние еще неудовлетворительное.

2. Очень интересны отдельные объекты в прибрежной зоне Средиземноморья и в Крыму в сочетании с ландшафтом берега и моря.

3. Общий светлый фон, с отдельными вкраплениями разноцветных кварталов и микрорайонов. Идеальным представляется белый цвет, так как этот цвет лучше всего выявляет тектонику объемно-пространственного решения.

4. Необходимо активнее использовать возможности колористики в выявлении тектоники (характера) застройки за счет обновления и покраски фасадов жилых домов и объектов общественного назначения.

Н.П. Крадин, доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

1. Мой город – Хабаровск... Мне нравится в принципе цветовое решение его центральной части, где применяются цвета сдержанных, пастельных тонов. При наличии у нас большого количества солнечных дней, яркого солнца и голубого неба это производит благоприятное впечатление. Нет диссонанса цветов, нет слишком ярких, грубых цветовых соотношений.

2. Больше всего меня удивили и порадовали своим цветовым решением средневековые европейские и прибалтийские города – Прага, Таллин, Будапешт, Мадрид, Рига, Вильнюс, Белград и др. с их яркими цветными черепичными крышами, со стенами домов из естественного материала (камень).

3. На мой взгляд, идеальное цветовое решение – это несколько надуманное понятие, весьма и весьма относительное. В разное время года, в разное время суток цветовое решение города меняется, меняется оно и под воздействием природных факторов. И потом – каждый из жителей или гостей города по-разному воспринимает одно и то же цветовое решение. Так что идеальным для всех одновременно оно быть не может.

4. Мне представляется, следует идти по пути поиска определенной гармонии, избегая цветового диссонанса.

Десять задач академика Гинзбурга

текст
Константин Лидин
Марк Меерович

Ровно семьдесят лет назад вышел специальный номер журнала «Современная архитектура», посвященный цвету и свету. Одна из центральных статей номера написана крупнейшим советским архитектором, лидером конструктивизма М.Я. Гинзбургом.

Конец двадцатых годов прошлого века – время расцвета русского архитектурного авангарда и, прежде всего, конструктивизма, который особенно плодотворно продемонстрировал не столько достоинства архитектурного стиля, сколько возможности метода, впоследствии, после запрещения деятельности творческих группировок, ставшего почти официальным методом архитектурного проектирования, благодаря политическому и управленческому статусу В.А. Веснина, проектной деятельности выдающихся советских архитекторов-конструктивистов М.Я. Гинзбурга, Л.А. Веснина, А.А. Веснина, И.А. Голосова, П.А. Голосова, И.И. Леонидова, А.С. Никольского, М.О. Барща, В.Н. Владимировой, Л.М. Лисицкого и других, а также научно-педагогической деятельности А.В. Розенберга.

Это метод, возможно, единственный последовательно научный метод в отечественном архитектурно-дизайнерском проектировании. Глубочайшая вера в могущество разума, вера в математическую точность организации процессов жизни и деятельности людей, в то, что формулами законов построения образа, удастся сконструировать

здоровую и счастливую среду обитания для всех трудящихся Советского Союза и жителей всей Земли, позволяла обрести силы и Дух подлинного творчества в нищей, разоренной, собирающей все силы для индустриального рывка стране.

Нам сегодня трудно себе представить, какое потрясение в умах вызвали в то время открытия Ферье о влиянии цвета на физиологический тонус человека, о возможности числовым образом определить степень эстетического восприятия, о математическом измерении психики. Судить, об этом можно, скажем, по фантастическому произведению М. Булгакова «Роковые яйца», где чудак-профессор открывает «лучи жизни» и вызывает череду ужасных и неуправляемых событий. Однако по прошествии восьмидесяти лет все это выглядит уже далеко не так ошеломляюще.

Большинство статей №2 журнала «Современная архитектура» за 1929 год представляют сегодня, скорее, лишь исторический интерес. Прежде всего потому, что и теория, и практика сделали за прошедшие 80 лет огромный шаг не только в последовательном развитии этих научных гипотез, но и в критике, и в интерпретации, развитии и даже в опровержении и отрицании некоторых из них, а также в выработке новых, более сложных понятийных конструкций, намного точнее адаптированных к различным проявлениям человеческой жизни и деятельности.

Ф. РОЗЕНБЕРГ, АРХИТЕКТУРА

ПРОБЛЕМА ЦВЕТА В АРХИТЕКТУРЕ

ДЛЯ СПОУЖИТЕЛЬСТВА В АРХИТЕКТУРЕ (ПРОБЛЕМА ЦВЕТА), М. Я. ГИНЗБУРГ СОВ. ПИИСТЕР. В. С. МЕЕРОВИЧ

РЕКОНСТРУКЦИЯ В АРХИТЕКТУРЕ (ПРОБЛЕМА ЦВЕТА), Ф. РОЗЕНБЕРГ, АРХИТЕКТУРА

ЦВЕТ В АРХИТЕКТУРЕ

FARBEN IN DER ARCHITEKTUR

von M. Ginsburg

Для того чтобы хоть несколько приблизиться к разрешению проблемы цвета в архитектуре, необходимо прежде всего во всем разнообразии возможностей использования цвета установить какую-либо примерную классификацию отдельных составных элементов этой проблемы:

1 Цвет со стороны психо-физиологического воздействия на человека и на те или иные рабочие, трудовые или бытовые процессы, им совершаемые.

Опыты, проделанные Féré (смотри СА № 2 за 1928 г. и настоящий номер — „Влияние зрительных впечатлений на трудовые процессы“), по влиянию основных цветов спектра на мускульную силу руки, дают самый первоначальный абрис возможностей постановки этой проблемы.

От цветowych дисков Féré необходимо перейти к цветowym экранам (большим поверхностям цвета) и от цветowych экранов — к пространственным сочетаниям цветowych экранов, замыкающих воспринимающего человека.

С другой стороны, от анализа воздействия на мускульную силу руки необходимо перейти к анализу сложных трудовых и бытовых процессов человека.

Воспользовавшись имеющимися уже в распоряжении психофизиологии данными о влиянии цвета на некоторые проявления человеческой деятельности, нужно перейти к организованному изучению этих вопросов под углом зрения современного архитектора.

Нужно расчленить бытовой процесс на его отдельные составные элементы: сон, принятие пищи, детские игры, отдых, домашняя работа и т. д. и т. д., как и трудовой процесс — на все основные и наиболее характерные его проявления (различные виды физической и умственной деятельности), с тем, чтобы после ряда длительных и упорных лабораторных исследований получить, наконец, те основные данные о цвете, без которых современный архитектор не может сделать и шага.

Трудности этой задачи неизмеримы. Чрезвычайно серьезной проблемой становится здесь даже конструирование основной аппаратуры для постановки опытов.

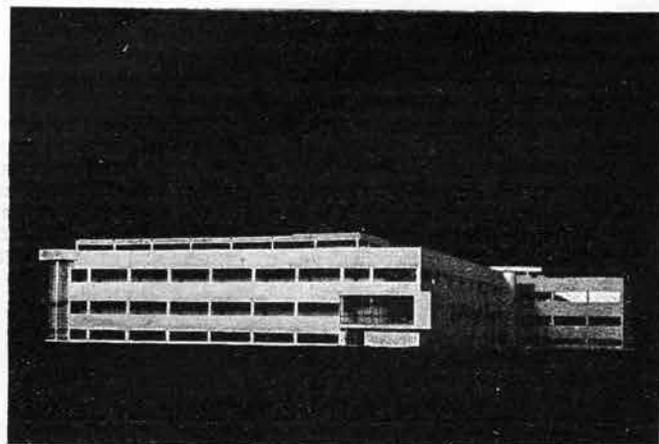
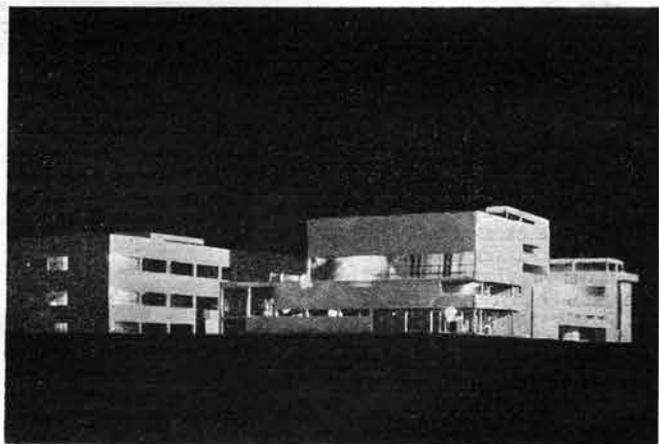
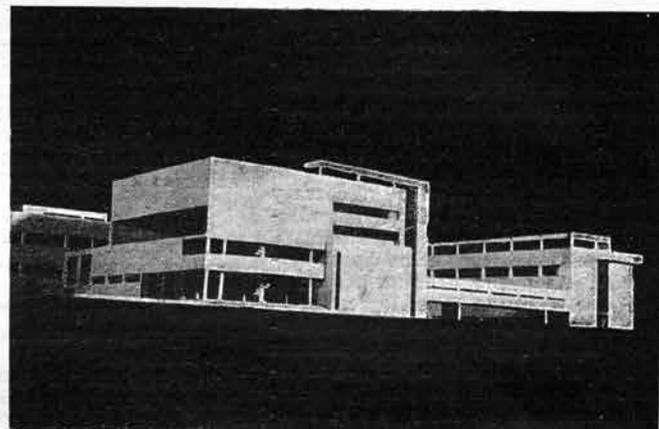
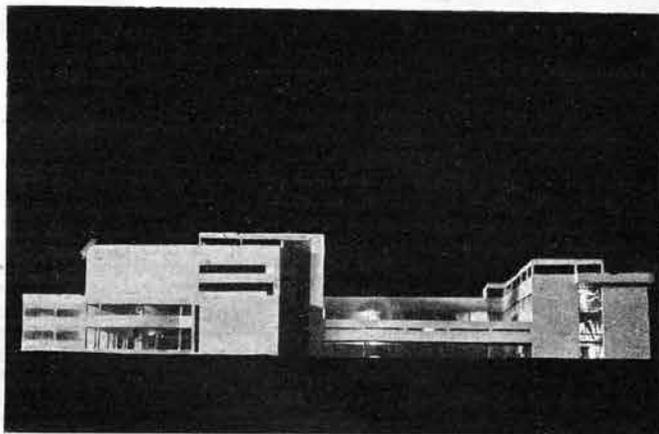
Исключительно трудно создать те необходимые условия, при которых можно было бы добиться абстрагирования от всех приводящих попутных явлений воздействия. Словом, методологическая, лабораторная и практически-экспериментальная работа в этой области бесконечно трудна. Но цели и пути ее ясны, и необходимо добиваться постановки этих вопросов.

Подобно тому, как теперь ясна для нас роль и значение графика движения для решения самой элементарной архитектурной задачи, — точно с такой же очевидностью вырастает перед конструктивистом необходимость решения новой проблемы цветowego воздействия, способствующего и облегчающего разрешение основного производственного графика. Так же, как ЦИТ хронометражем изучает движение руки мастера и течение конвейерной ленты, — точно так же экспериментальная цвето-лаборатория и современный архитектор должны приступить к изучению этих проблем при решении любой архитектурной задачи. Мы твердо убеждены в том, что через некоторое время активной работы в этой области методом конструктивизма, молодое поколение архитекторов будет уверенно прибегать при решении задачи к той или иной цветовой гамме, на базе вполне научных данных, которые могут накопить объединенные усилия психо-физиологов, колористов, производственников и архитекторов.

2 Предварительное научное изучение психо-физиологического влияния цвета на бытовые и трудовые процессы может дать правильную установку при присвоении тем или иным элементам архитектуры функционально оправданного цвета. Здесь речь идет уже не о цвете как определенной объективной данности, не о цвете как о величине, обладающей определенными качествами психо-физического воздействия, — но о цвете в его функциональной использованности в конкретной архитектурной среде.

Допустим, человек управляет несколькими аппаратами при помощи кнопочного управления. Тут функционально необходимо дать каждой кнопке иное внешнее оформление, для того чтобы легче было вести производственный процесс. Роль цвета в данном случае здесь незаменима. Однако цвет здесь участвует не по своим особенностям психо-физиологического

АКЕТ К ПРОЕКТУ ДОМА ПРАВИТЕЛЬСТВА В АЛМА-АТА. М. Я. ГИНЗБУРГ ПРИ УЧАСТИИ И. Ф. МИЛНИС. МАКЕТ ВЫПОЛНЕН Е. В. ШАВЕЛЬСКИМ

воздействия, как простой функциональный элемент,— в данном случае как система сосуществования двух цветов или их контрастного воздействия.

Другой пример, — тонкие перила какого либо мостика, перехода балкона. Часто оказывается необходимым дать сознанию ясно почувствовать их наличие, — в противном случае появляется психологическая неуверенность в прочности самого перехода. Тут опять-таки, как исключительное средство, выступает налицо цвет, опять-таки не по своей цветовой данности, а по специфическим соображениям, вытекающим из особенностей конкретной обстановки.

Чрезвычайно велика может быть эта функциональная роль цвета в смысле облегчения ориентировки среди единообразия окружающих явлений. Пример с кнопочным управлением, перенесенный в архитектурную среду, можно видеть в Баугаузе в Дессау.

Там потолки разных этажей коридоров и лестничных площадок окрашены в разные цвета, с тем чтобы, поднимаясь по лестнице, человек ориентировался сразу куда он попал, и не заскакивал случайно ни этажом выше, ни этажом ниже.

Там же, в доме Шлемера, я видел тот же прием, приведенный почти к анекдоту: двери, ведущие из одной передней в разные комнаты, окрашены в разные цвета; таким образом не перепутаешь комнат своей собственной квартиры! Но стоит только перенести этот прием из индивидуальной квартиры в бесконечный коридор гостиницы со множеством дверей и вспомнить, сколько раз, прежде чем зайти в номер, приходится искать в полумраке цифру, как сразу видишь, что в этом случае цвет может оказаться вполне надежной опорой. Опять-таки цвет не по своей цветовой данности, а по той или иной принятой системе ориентировки.

Примером более сложным, где сопряженно могут участвовать оба свойства цвета—его цветовой данность и его функционально-контрастирующее качество,— является попытка комбинированного цветового разрешения какого-либо сложного архитектурного объекта.

Так, внутреннее пространство, расчлененное на отдельные функционально-работающие части и их поверхности, может получить свое ясное и четкое разрешение при помощи цвета. Нечто подобное по мысли, правда, недостаточно отчетливо продуманное, можно увидеть в некоторых *interieur's*х Бруно Тауга.

Все эти возможности чисто-функционального использования цвета при достаточном знании всех особенностей цвета как такового и тех неожиданных изменений в его свойствах, которые вырастают при его сочетании с другими, составляют громадную и сложную область архитектурного материала, которым нам надо непременно овладеть.

3 Для удачного использования цвета, как могучего орудия функциональной архитектуры, наравне с постановкой двух перечисленных проблем—**цветовой данности** и **цветососуществования**—необходима немедленно же постановка третьей проблемы,— проблемы **свето-цвета**. Другими словами, архитектуру становится необходимым разрешать сложные проблемы участия цвета в зависимости от тех или иных условий света или освещения, ставить и решать задачи **цветовой коррекции** света или освещения различных объектов.

Причем задача эта распадается на две половины: на цветовую коррекцию объема извне и объема изнутри, при многообразии возможностей освещения со всех сторон (солнечный свет) и при сравнительно более ясном случае — внутрипространственного решения, когда источник света имеется с одной стороны (через окно комнаты например).

Элементарно задача сводится к следующему.

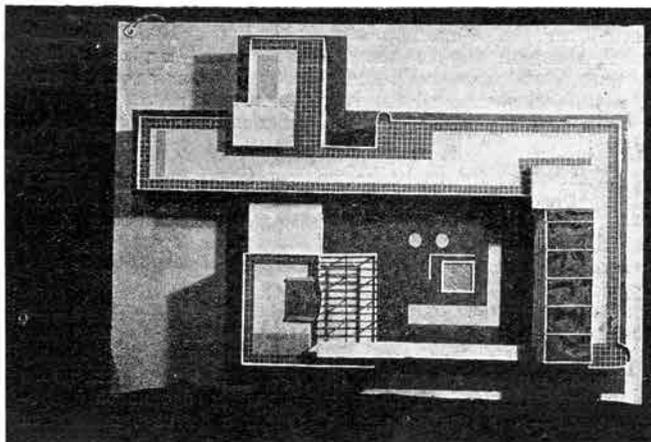
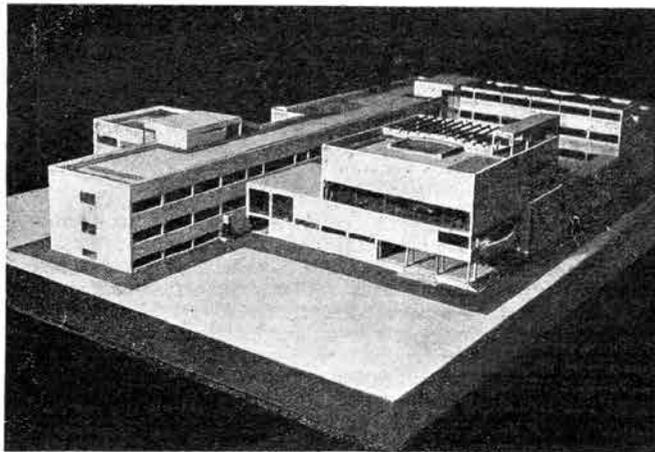
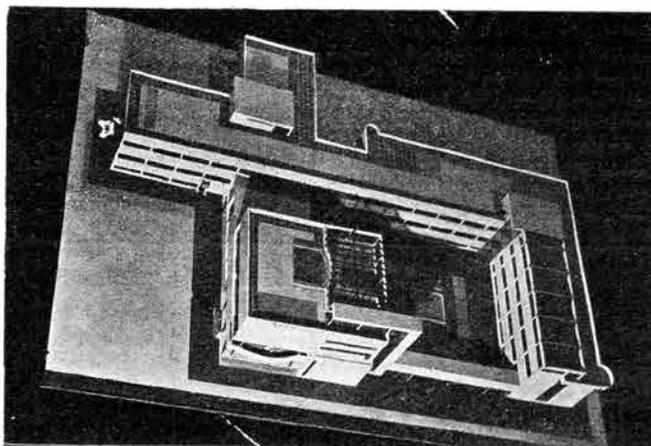
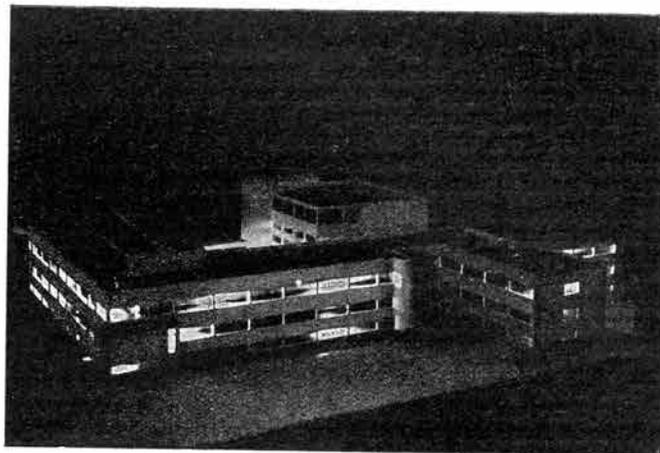
Объем, — например, куб, — читается четко, а не слитным силуэтным пятном, лишь тогда, когда при помощи освещения мы видим одну сторону светлой, а другую затененной. Этот контраст светотени — с четкою гранью водораздела двух световых плоскостей — есть источник нашей четкой ориентировки в этом объекте.

Если этот объект находится под открытым небом, то солнечный цвет уже сам заботится о выполнении этой необходимой функции.

Таким образом для объекта, находящегося под открытым небом (например, внешние архитектурные объемы), решение этой задачи становится тем менее необходимым, чем больше солнечных дней бывает в данной области.

Но зато на севере, где большую часть года солнца не бывает, постановка проблемы этой световой коррекции при помощи цвета приобретает известный смысл. Однако задача эта становится чрезвычайно сложной, именно потому, что самый источник света—солнце, как бы редко не появлялся, меняет свое местоположение, и та сторона, которая в одно время будет затененной, через несколько часов залита светом. Таким образом, условия коррекции так усложняются, что должно быть

MODELL DES REGIERUNGSHAUSES IN ALMA-ATA (KASAKSTAN SSR) ENTWURF VON M. GINSBURG MITARBEITER I. MILINIS. MODELL VON E. SCHAWELSKY

Употребление упорядоченной интенсивности цвета и становится реальным способом удовлетворения и повышения этой человеческой потребности.

Конечно, и это свойство пространственности (в зависимости от числа световых колебаний) может быть так же точно измерено и изучено в отношении закономерного изменения любой интенсивности, как и кубаж необходимого человеку воздуха. Однако, необходимо отметить, что и без всякого измерения, после ряда небольших упражнений, нормально развитый человеческий глаз научается психологически измерять эти пространственные промежутки интенсивности цвета.

Конечно, само собой ясно, что этот пространственно-цветовой распорядок не ограничивается какими-либо определенно-фиксируемыми пространственными промежутками, и исключительно равными промежутками интенсивностей. Легко представить себе, что в зависимости от конкретной обстановки возможны какие угодно проявления этого распорядка, со всеми теми особенностями, которые характерны для него.

Но что представляет для нас особый интерес, — это то обстоятельство, что ту же пространственную роль может играть не один цвет с разными интенсивностями, но и группа различных цветов. Вместо белого, светло-серого, темно-серого, черного, например, можно найти равнозначную или почти равнозначную гамму интенсивностей, начиная от белого к светло-желтому, к ярко-красному и темно-коричневому и т. д. Таким образом, принципиальной разницы между пространственной ролью одного цвета и группы цветов не существует.

Конечно, само собой понятно, что в последнем случае работа требует гораздо большего мастерства, требует глубочайшего изучения цвета и всех тех трансформаций, которые происходят от соседства двух или нескольких цветов. И, конечно, точно так же вполне понятно, что пространственные возможности, раскрывающиеся в этом случае, становятся неизмеримо большими. Мы узнаем тогда, что тот или иной цвет в соседстве с тем или другим, приобретает какие-то особые „светящиеся“ особенности, т. е. что его световая интенсивность неожиданно, но очень заметно возрастает, и что сама по себе эта световая интенсивность становится очень крупным фактором в пространственном расширении комнаты.

Точно так же изучение цвета знакомит нас с его особыми специфическими данностями: мы узнаем, что сами по себе цвета могут обладать „плоской“ или „пространственной“ природой. Например, гамма теплых (желтый, красный, коричневый)

и тяжелых (с белилами) цветов — по своей данности является „плоской“, а холодные (голубой, серый, зеленоватый — цвета дали) и прозрачные (без белил) — сами по себе „пространственны“. Но точно так же легко убедиться что эти данности цвета могут быть всегда искусственно изменены в одну или другую сторону. Например, серовато-зеленоватая гамма декоративных росписей Веронезе, при всей своей пространственной данности, никогда не разрушает стен, всегда оставаясь достаточно плотной и плоской. Таких примеров можно было бы привести множество, однако для нас сейчас важна лишь постановка проблемы и принципиальное подчеркивание пространственной роли цвета вообще.

* * *

Задачей настоящей статьи является лишь **постановка вопроса о цвете** в современной архитектуре, становящемся в сегодняшних условиях нашей действительности одной из насущнейших проблем. Участие цвета в работе архитектора, все равно неизбежное, было до сих пор стихийным и неорганизованным. В лучшем случае архитектор „выбирал“ или „подбирал“ колера. Цвет, оставаясь неизученным, оставался и неиспользованным.

Современный архитектор должен приступить к постановке и лабораторному изучению этой проблемы во всех ее четырех проявлениях.

Цветовая данность, цветовое сосуществование, свето-цвет и цвето-пространство — должны быть научно изучены и использованы архитектором в своей целевой работе.

Параллельно с этим, и неразрывно связанные с цветом, возникают и смежные проблемы, — фактуры, или, вернее, **цвето-фактуры**, т. е. цветовой поверхности, и чрезвычайно интересная задача — **искусственного освещения**, точно также связанная с цветом и выдвигающая вперед радикальный пересмотр всех тех понятий об осветительной арматуре, которыми мы живем и по сей день.

Последний вопрос, на первый взгляд столь незначительный в некоторых видах архитектуры, например, общественной, как это ни странно, может оказаться вопросом решающей важности: ведь не следует забывать, что сооружениями общественного характера (кино, клуб и пр.) мы пользуемся преимущественно при искусственном свете. Но эти вопросы, связанные с цветом, однако, выходят из рамок настоящей статьи.

М. Я. Гинзбург.

Десять задач академика Гинзбурга (продолжение)

Энтузиазм теоретиков и практиков двадцатых годов создавал ощущение: еще немного — и можно будет простыми ясными формулами управлять состояниями людей в архитектурной среде; изначально создавать пространство, соответствующее психическим особенностям потребителя!

Энтузиазм не оправдался. Все оказалось гораздо сложнее: и законы светоцветовой среды, и процессы их восприятия человеком, и психофизиологические особенности реагирования на цвет и свет, и закономерности проявления массовых феноменов, и параметры расчета силы эстетического восприятия, и характер взаимосвязи души и тела.

На общем победительном фоне статья Гинзбурга окрашена «здоровым пессимизмом». Постоянный рефрен: исследования и практические пробы только начаты, полное познание новооткрытых областей теории архитектуры потребует долгих, кропотливых усилий, практические рекомендации и новые правила применения цвета и света возникнут еще очень не скоро. Но мы работаем в этом направлении и будем неуклонно двигаться к намеченной цели.

Все случилось совсем не так, как задумывалось, — власть решила по-иному: творческие группировки советского архитектурного авангарда были запрещены, распущены, а все их участники вошли в состав архитектурно-производственных коллективов и стали заниматься не тем, что хотели и что намечали, а тем, что приказывала им исполнять власть и за что она их кормила.

А задачи или, точнее, направления, развития науки о цвете и свете в плоскости архитектуры и дизайна, сформулированные М.Я. Гинзбургом в виде стратегической программы дальнейших исследований, остались, на фоне последующего огульного охвата конструктивизма, не только не разработанными, но и вообще забытыми. Эти направления представляют ценнейшую часть всего наследия конструктивизма.

1. Придать каждой архитектурной детали функционально оправданную окраску.

Тезис в классическом дизайнерском образовании, казалось бы, очевидный. Любое дизайнерское решение должно быть функционально оправдано. В том числе и цветное решение — зоны активных движений и экспрессивных эмоций должны быть окрашены в активизирующие цвета, зоны спокойного отдыха и сна — в расслабляющие и успокаивающие.

Но современная практика дизайн-проектирования покаывает, что во многих ситуациях интерьер производит на потребителя сильное воздействие не благодаря функционально правильному использованию цвета, а вопреки ему, методом «от обратного». Например, сегодня хорошо известна сила эмоционального воздействия так называемого «театрального эффекта» — когда верх и низ меняются местами, то есть цветные массы переворачиваются «с ног на голову»: свет не падает сверху, а подсвечивает предметы и персонажи снизу; на месте «тяжелого фундамента» размещается прозрачное основание, а там, где должно располагаться легкое воздушное навершие, располагаются угрожающе нависающие массы. Для достижения «театрального эффекта» потолок перестает быть традиционно белым, он окрашивается в плотные глухие тона; пол утрачивает материальность и превращается в прозрачную дематериализованную мембрану, стены отрываются от пола и как бы повисают в воздухе...

Но подобные решения лишь в очень редких случаях могут быть обоснованы логичным и доказуемым образом. Дизайнеру не часто удается уверенно и четко, с опорой на теорию объяснить выбор цвета в своем проектном решении, а определение конкретного оттенка вообще не поддается разумному обоснованию и полностью остается в сфере интуитивно-бессознательно. Прежде всего потому, что теория подобные правила до сих пор так и не сформулировала.

2. Исследовать воздействие цвета не только на мускульную работу, но и на сложные виды деятельности (не только трудовой).

Поставленная М.Я. Гинзбургом задача и сегодня весьма далека от полноценного разрешения. Возбуждающее действие красного и угнетающее – сине-фиолетового является сегодня широко известным фактом, но эти закономерности справедливы лишь для мышечных усилий простейшего типа. Использование этого эффекта было новшеством в те далекие времена, когда конвейер Генри Форда казался архисовременным открытием в организации производства. С тех пор человек в качестве источника мускульной энергии используется все меньше. Вопрос же стимуляции или, напротив, подавления умственной деятельности в результате воздействия на человеческий организм цветом и / или светом остается весьма спорным и на практике почти всегда также решается либо интуитивным, либо чисто эмпирическим путем.

3. Разработать систему функциональной окраски различных помещений по аналогии с различной окраской органов управления.

В дизайне оборудования эта задача, в отличие от предыдущих, оказалась серьезно проработанной, благодаря работам эргономистов второй половины XX века. Однако все достижения в данной области относятся к задачам управления в системе «человек-машина» (например, при организации места пилота реактивного истребителя или в дизайне рабочего места пользователя компьютера). Но не в отношении дизайна интерьеров, – предложение М.Я. Гинзбурга для облегчения ориентации окрашивать потолки разных этажей коридоров и лестничных площадок в различные цвета так и не привилось в практике дизайна.

То же самое в отношении архитектуры: никому из практикующих и теоретизирующих архитекторов так и не удалось применить к цветовому решению фасадов функциональный метод конструктивистов. Так же, как не удалось и сформулировать правила «цветосветовой» ориентации в современных общественных интерьерах.

То же в отношении градостроительства: ни теория цвета, ни, тем более, теория света (так до сих пор и не оформленная онтологически) не достигли практически никаких успехов в выявлении законов «освоения крупномасштабных объектов», например в целенаправленной организации управляющих сигналов городских пространств.

«Органы управления» движением людей в современном городе или большом офисе по-прежнему слепы и неэффективны. А «навигационные» способности цвета и света, так и не приобрели операционности в своем повседневном использовании. Анекдотическая ситуация, на которой построена завязка фильма «Ирония судьбы, или С легким паром», остается вполне реальной для крупных современных торговых сооружений или административных комплексов. Редкие исключения и неожиданные удачи следует отнести скорее не за счет развития теории и методики проектирования, а опять же за счет случайных находок, не поддающихся научно обоснованным обобщениям с последующим выведением правил.

4. Перейти от дисков Ферье к большим цветным экранам или сочетанию таких экранов.

Большинство исследований по восприятию цвета традиционно проводится на маленьких окрашенных объектах – дисках, карточках, веерах, причем эта традиция имеет весьма почтенный возраст (со времен выхода в свет классического труда Шарля Ферье прошло уже более ста лет)¹. Как соотносить впечатление от цвета в маленьком объеме с воздействием большой массы цвета? На этот вопрос до сих пор нет внятного ответа. Каждый практикующий архитектор и дизайнер сталкивается с данной проблемой, когда ему нужно выбрать колер по вееру. Любая крупная лакокрасочная фирма (например, так популярная в России «Тиккурила») предлагает сотни оттенков краски каждого тона. Но как выбрать оптимальный? Как изменится впечатление от цвета, когда это будет не крошечный бумажный квадратик, а многометровая плоскость стены? А если это будет замкнутое пространство, в котором стены отражаются друг в друга и усиливают впечатление от цвета, в который покрашены? Надежных объективных методик «масштабирования» эффектов воздействия цвета так и не выработано.

Выбор происходит исключительно на основе личного опыта и интуиции архитектора-дизайнера.

5. Сформировать систему цветоцветового обозначения микрофункциональных зон интерьера.

Конечно, в своей статье М.Я. Гинзбург этот термин не использует. Термин появится лишь в середине 1990-х годов как результат развития методологии дизайн-проектирования интерьеров, как выражение необходимости «микроскопического» расчленения функций в целях как можно более точного их оформления.

И это одна из немногих «задач Гинзбурга», успешно решаемых современным дизайном интерьера. Широкому распространению принципов микрофункционального зонирования во многом способствовала мода на японский минимализм в 1960-80-х годах. Во всяком случае, устойчивые решения микрофункциональной организации внутреннего пространства были перенесены в европейскую культуру дизайн-проектирования прямо из интерьеров традиционного японского дома. Однако и здесь еще многое предстоит изучить и понять, чтобы использовать разумно. В частности, остается открытым вопрос о маркирующем и символическом использовании цвета и света для выделения микрозон. Как должна быть окрашена игровая микрозона детской комнаты, в отличие от зоны приготовления уроков в той же комнате (чтобы обеспечивать цветовую гармонию, но выражать при этом функциональное различие этих микрозон и формировать соответствующую цвето-световую среду)? Как должна меняться цветовая маркировка этих же двух зон в зависимости от времени суток, если днем нужно сосредоточить внимание ребенка на уроках, а вечером – на игре? Как сочетать цветное и световое решение кабинета, чтобы функция сосредоточенной работы за компьютером не конфликтовала с функцией деловой беседы? Как обозначать границы между функциональными микрозонами в условиях единого пространства помещения? И так далее...

За 80 лет, прошедшие с момента написания статьи, искусство далеко ушло в понимании своей миссии – и от провозглашавшейся в те годы, «функциональной правды», и от «соцреализма», отрицавшего все прочие «-измы» – символизм, футуризм, экспрессионизм, имажизм, дадаизм, сюрреализм и т.п. Современный дизайн интерьера очень многое заимствовал от различных направлений и даже видов искусств, особенно расширивших свою палитру в последние десятилетия. В частности, многое воспринял от современной театральной сценографии, подчас являющей «сюжет» и «образы» как два отдельных, принципиально не связываемых воедино слоя. Вслед за театральной сценографией, дизайн интерьера утверждает автономность и самостоятельность «содержания» и «оформления». «Функция» и «образ», при таком подходе, начинают трактоваться, как два отдельных и в достаточной степени независимых друг от друга предмета проектирования. С очень неоднозначными правилами взаимодействия. Причем настолько, что современная «сценография жилого интерьера» даже позволяет себе подвергать сомнению приоритет «функции», оспаривает ее право быть первостепенной, доминировать и предопределять построение «образа». Она утверждает первичность «образа», подмечая за «функцией» способность гибко приспосабливаться под размеры пространства, «мимикрировать» в соответствии с навязываемыми ей художественными характеристиками.

В рамках подобной идеологии внутреннее пространство, «расчлененное на отдельные функционально-работающие части и их поверхности», не следует раскрашивать в разные «функционально оправданные» цвета, как это предлагает делать М.Я. Гинзбург. Особенно в случаях, когда функции мобильны и помещение многократно изменяет свой облик и свое функциональное наполнение в течение недели, дня или даже одного вечера. Современный дизайн интерьеров в этом случае опытным путем обнаружил цветосветовые приемы «оформления» – белая, нейтральная поверхность стен способна выступать в роли киноэкрана, на который светом проецируются цветные формы или создается меняющийся цветовой фон.

6. Выявить закономерности для приведения в соответствие объемно-пространственной и цветовой структуры архитектурного объекта (с учетом особенностей места – климата, продолжительности светового дня и т.д.).

1. Ch. Fr Sensation et Mouvement: tudes experimentales de Psychomcanique: Par. Second edition, revised. Paris: Alcan, 1900.

Одной из основных задач «разрешения проблемы цвета в архитектуре» М.Я. Гинзбург называет приведение объемно-пространственной структуры архитектурного объекта в соответствие с цветовым решением. Подобная задача должна быть достигнута в результате строгого учета: а) интенсивности и количества солнечных лучей, попадающих в комнату в зависимости от величины, формы и места расположения окна, а также географических условий освещения (прообраз будущих правил инсоляции), б) мощности искусственных источников освещения (прообраз будущей теории расчета искусственного освещения), в) цветовой палитры.

К сожалению, современная практика дизайн-проектирования, достаточно глубоко разработав каждый из указанных аспектов по отдельности, так и не дошла до определения законов их взаимосогласования. Сегодняшний дизайн интерьеров игнорирует естественное освещение и больше предпочитает работать с эффектами освещения искусственного. Солнечный свет почти совсем выпал из палитры осмысленных приемов «визуальной трансформации» пространства. Возвращение в список актуальных средств создания искусственной среды возможностей эффективного использования естественных качеств среды природной – ближайшая задача современной теории дизайна интерьера.

Другой задачей является разработка правил создания определенного ощущения от пространства за счет сознательного формирования «пространственного эффекта цвета». Решение подобной задачи основано на способности цвета расширять или сужать пространство в зависимости от степени отражения и поглощения света. Грамотно осуществляемая корректировка той или иной цветовой гаммой способна сформировать то ощущение от помещения, которое стремится создать архитектор, несмотря на то что физические габариты пространства вызывают несколько иное психофизиологическое воздействие. В этой связи Гинзбург указывает на две такие специфические данности цвета, как «пространственность» и «плоскостность», то есть способность «размывать», дематериализовать плоскость стен, расширяя пространство и, наоборот, усиливать ощущение от ограниченности пространственного объема. Первым свойством обладают теплые (желтый, красный, коричневый) и тяжелые (с белыми) цвета. А вторым – холодные (голубой, серый, зеленоватый) и прозрачные (без белил).

Отдельные приемы в рамках предложенного направления начали реализовываться уже во время написания статьи М.Я. Гинзбурга. И даже чуть раньше – в начале 1910-х годов. Чаще всего использование эффекта «растворения» плоскости стен за счет вибрации градиентного цвета связывают с первой волной органической архитектуры. Философское учение Рудольфа Штайнера, именуемое «антропософией», и его своеобразная эстетика настойчиво утверждают нежелательность и дискомфортность ощущения материальной твердости стен. Согласно антропософии, материальное вообще вторично, и архитектурно-дизайнерские решения строятся как потоки духовной субстанции, лишь по необходимости материализованные. Поэтому антропософская органическая архитектура активно использует техники лессировочной многослойной окраски стен, создающие очень убедительные иллюзии «исчезновения» плоскостей и растворения их в цветном мареве. Из этого марева, чисто цветовыми методами, и лепится форма среды. Например, добавление желтого слоя в углах прямоугольной комнаты и синего – в центре потолка на фоне общего светло-красного колера формирует куполовидную, округлую иллюзорную форму. В итоге вылепленная цветом форма влияет на самочувствие человека гораздо сильнее, чем «настоящее» прямоугольное пространство. Человек чувствует себя в такой комнате именно как под куполом, а не как под плоским потолком.

Однако после смерти Штайнера антропософская архитектура и дизайн сдвинулись на позиции крайнего консерватизма. Большинство приемов перестали восприниматься как живые проявления метода и превратились в застывшую рецептуру и, соответственно, перестали переосмысляться, развиваться и совершенствоваться. Использование градиентного окрашивания, далеко не исчерпав своего творческого потенциала, перешло в разряд экзотических редкостей.

7. Сформулировать законы составления цветосочетаний и научиться осуществлять световую коррекцию цветового решения интерьера с учетом искусственного освещения разных типов.

Ассортимент источников искусственного освещения расширился за прошедшие 80 лет в сотни раз. Индустрия осветительных приборов накопила огромный спектр разновидностей осветительных приборов. Потребительский рынок ежегодно предлагает не только разнообразные источники света (от ламп накаливания и дневного света до галогенных, металлогалогенных и даже светодиодных), дающие широкий диапазон оттенков света (от множества оттенков белого до чистейших тонов спектра) и различные по интенсивности и «плотности» виды светового потока, но также разнообразнейшие типы светильников, различающиеся и функциональным предназначением (настольные лампы, торшеры, подсветки, люстры, бра, встроенные, интерьерные прожектора и проч.), но и способами направлять световой поток: прямой свет (световой поток направлен вниз), рассеянный свет (направленный вверх и вниз), отраженный свет (световой поток направлен вверх).

Но, несмотря на технический прогресс, интеллектуальное обеспечение построения гармоничных цветосочетаний для создания конкретных эмоционально-психологических состояний в условиях разных видов световых сред, похоже, сегодня еще дальше от решения, чем во времена конструктивистов. Иоханнес Иттен, Пауль Клее и Василий Кандинский, преподававшие в Баухаусе, Пётр Флоренский, развивавший одновременно с ними аналогичные идеи во ВХУТЕМАСе, оставили замечательные системы гармонизации цвета и создали научные, глубоко обоснованные методы гармонизации цвета. И все это за 80 лет не получило практически никакого развития в теории и практике российского дизайн-проектирования! Мало того, современные архитектурно-дизайнерская теория и практика полностью забыли даже об этих концепциях, пусть интуитивно нащупанных, во многом наивных, безнадежно оставших сегодня от развития техники, но таких важных для осмысленного формирования цветосветовой среды. О цветовом решении, которое нравится критику, сегодня пишут «удачное». Если не нравится – «неудачное». Как будто построение цветосочетаний окончательно превратилось в интуитивную игру с непредсказуемым результатом.

Современная осветительная арматура способна обеспечить световой поток практически любого свойства, как в смысле количества света, так и в его спектральном составе. Она позволяет динамично изменять освещенность интерьера.

Сравним для примера свет и звук, хотя звук в качестве выразительного средства далеко уступает свету и цвету. Динамическая обработка звука давно стала нормой в формировании звукового фона массовых действий (концертов, шоу, публичных акций) – компрессоры, лимитеры, экспандеры, гейты, комбинированные устройства способны весьма эффективно обеспечивать точно рассчитанное целенаправленное воздействие на слушателя. В дизайне среды общественных сооружений звуковые эффекты только лишь начинают свой путь сознательного применения. В дизайне интерьера пока аналогичные процессы еще и не начинались. Это область будущего. Но очень близкого будущего!

Динамическое управление светом также сопровождает пока лишь концерты и праздничные шоу. В дизайне интерьера подобное присутствует лишь единичным образом, в виде домашних самодельных светомузыкальных установок. Цветосветовая среда интерьера, как правило, статична, создается раз и навсегда и дает возможность лишь самостоятельного экспериментирования с зажиганием светильников в тех или иных сочетаниях (причем только в том случае, если это изначально предусмотрено проектировщиком). Перспектива привнесения в жилой или общественный интерьер возможностей динамичного сценирования световых эффектов – область перспективных разработок теории и практики дизайна интерьера.

8. Применение приемов «свето-цвета» к внешнему объему архитектурных сооружений.

Казалось бы, окраска, росписи и подсветка фасадов образуют давно известную и даже традиционную группу архитектурных приемов. Для чего М.Я. Гинзбургу понадобилось снова включать

2. Гинзбург М.Я. Конструктивизм как метод лабораторной и педагогической работы // Современная архитектура. 1927. № 6. С. 162-166.

эту задачу в число актуальных проблем, порожденных развитием конструктивизма? Очевидно, он имел в виду нечто, принципиально отличное от муральных фресок Ренессанса, рельефной резьбы готического собора или мозаики модерна. Идеология конструктивизма железной рукой отсекает всякое бесполезное украшательство – в архитектуре имеет право на жизнь только то, что выполняет центральную задачу формирования тектонического образа здания. Цвет и свет, по мысли М.Я. Гинзбурга, должны не просто украшать фасад, набрасывать на него «одежду» декора, они обязаны участвовать в формировании объемно-пространственной структуры. Пластика здания (а не его разукрашенная поверхность) должна быть выражена всеми средствами, включая свет и цвет. К сожалению, решение и этой задачи осталось без систематического научного обоснования.

Пожалуй, единственный пример последовательного использования светоцветовых приемов в формировании внешних объемов строения составляет творчество Бернгарда Хундертвассера. Та доля хаоса, которая, согласно идеям австрийского дилетанта, должна присутствовать в структуре здания, вносилась им в основном при помощи неправильных пятен цвета и неожиданных световых эффектов. Репутация странного и даже скандального (если не сказать – сумасшедшего) таланта, окружающая немногочисленные произведения Хундертвассера, однозначно указывает на то, что его приемы не стали общей практикой. Формирование объемно-пространственного облика фасадов средствами света и цвета продолжают существовать только в виде единичных примеров. Можно назвать некоторые находки Антонио Гауди, эксперименты Бруно Таута, самодельки арт-брю, может быть, еще несколько разрозненных фактов архитектуры XX века. Но научно обоснованный метод, позволяющий на равных связать объемно-пространственную и свето-цветовую компоненты облика здания – такой метод так и не родился.

9. Формирование «цвето-пространства».

Теоретические положения конструктивистов и метод их проектировочной работы основывались на идее социального управления («социальной инженерии», как сказали бы сейчас). В соответствии с ней всякое архитектурное сооружение рассматривалось как средство искусственно-технической организации жизни и деятельности людей. То есть объектом проектирования выступала собственно жизнедеятельность. А сооружение выполняло роль лишь средства материально-пространственного обеспечения процессов жизни и деятельности (социальных, производственных, бытовых, культурных и проч.). Таким образом, предметом архитектурного проектирования становилась не архитектурная форма с ее пластикой, символикой, тектоникой, образностью и т.п., а, прежде всего, сама «жизнедеятельность». Не изготовление проекта сооружения, воплощающего кем-то и когда-то определенную совокупность протекающих в нем процессов. А, прежде всего, работа с самой совокупностью процессов – определение их необходимого и оптимального набора, выявление закономерностей их реализации, формулирование требуемого характера их связи в целом и, в конечном счете, изменение их состава и трансформации их содержания в целях усовершенствования. В представлениях конструктивистов, цель архитектурного творчества кардинально изменяется: теперь она заключается в «создании оптимальной организованности социально-культурных процессов». А постройка есть лишь «обрисовка» стенами и перегородками этой оптимальной организованности, графически изображенной как «функциональная структура»; плюс расстановка (в пределах «функциональных зон») соответствующего оборудования. Постройка выступает, при таком подходе, лишь как условие обеспечения нормального протекания оптимальной организации процессов жизни и деятельности, называемой конструктивистами «социальным конденсатором»².

В статье «Цвет в архитектуре» М.Я. Гинзбург дополняет этот метод положением о том, что процессы, протекающие в жилище: сон, принятие пищи, детская игра, отдых, домашняя работа и др. – требуют не только своего адекватного воплощения в пространстве, но и соответствующего цветового выражения. Гинзбург указывает на сложность этой задачи и необходимость концентрации на ней лабораторных и практически-экспериментальных исследований. Но колористика так

Мастерская «Макет-Сервис»

Предлагает макеты любого масштаба, сложности и назначения:

- архитектурные макеты зданий и жилых комплексов
- макеты для инвестиционных проектов
- градостроительные и планировочные макеты
- макеты промышленных объектов
- макеты оборудования специального назначения
- разборные, с разрезами и визуальной доступностью планировки
- макеты мостов, автомобильных развязок и т.д.

www.maketservic.ru

e-mail: m-s38@mail.ru

г. Иркутск,

ул. Франк-Каменецкого 24
оф.205

Тел. 21-72-74, 20-34-99.

до сих пор и не выработала знания, необходимого для построения «графиков пространственного размещения цвета» в жилых и производственных помещениях. Однозначные, законосообразные правила в этой области отсутствуют. А все попытки сформировать рекомендации применения цвета для «сопровождения» (в целях «активизации») процессов жизнедеятельности оказываются либо очевидно примитивными, либо надуманными, либо остаются на уровне случайного личного опыта тех, кто на подобные эксперименты решается.

Как следует использовать цвет для сознательного и целенаправленного формирования того или иного ощущения от внутреннего пространства из определенным образом окрашенных и освещенных поверхностей (стен) (М.Я. Гинзбург называет этот эффект «пространственным комплексом»)? С помощью каких правил можно добиваться определенного эмоционально-психологического состояния потребителя, пребывающего в данном помещении?

10. Использовать эффекты псевдосвечения за счет цветового контраста.

Перцептивное усиление яркости комплементарных тонов при их оптическом смешении открыли импрессионисты и использовали для того, чтобы достичь смешанных тонов уникальной свежести и чистоты. С этого времени эффекты псевдосвечения широко используются в станковой и монументальной живописи, в полиграфическом дизайне и в дизайне одежды. Правда, психофизиологический механизм этого явления был расшифрован на сто лет позже, в работах Д. Хьюбела и Т. Визела (Нобелевская премия 1981 года). Но, несмотря на все же сформулированное научное обоснование, и интерьер-дизайн, и архитектура, и городская дизайн так и не освоили операторику этих визуальных эффектов. Мало того, со времен написания М.Я. Гинзбургом своей статьи в живописи и графике были найдены еще несколько своеобразных оптических областей (например, оп-арт Виктора Вазарели или «движущиеся» картинки Акийоши Китаока). Об их использовании в архитектурно-дизайнерском проектировании пока что и речи нет. И чего тут больше – консерватизма, недостатка эрудиции, профессионального высокомерия архитекторов или?..

Экономика наглого пинка

Минеральные пигменты и качество цвета в архитектуре

текст
Константин Лидин

Первыми на земле красками были растертые в порошок минералы. Цветные глины, руды марганца и меди, свинца и даже урана – все эти камни чаровали глаза наших весьма отдаленных предков. Через десятки тысяч лет человек познакомился с красителями растительного и животного

происхождения. Синяя краска, содержащаяся в листьях кустарника вайда, считалась священной у кельтов и служила для росписей и татуировок по телу. Красные красители добывали из морских моллюсков (пурпур) или из насекомых (кошениль, кармин). Для производства некоторых красителей приходилось прибегать к странным и малоаппетитным процессам, например прекрасная желтая краска извлекалась индусами из мочи слона, питающегося листьями мангового дерева. И все-таки, количество пигментов оставалось сравнительно небольшим. Даже палитра художественных красок (которая, по экономическим соображениям, гораздо богаче палитры красок строительных) включала лишь десяток-полтора самостоятельных тонов. Остальное разнообразие получалось за счет смешивания базовых пигментов¹.

Первыми и наиболее распространенными минеральными пигментами были охры – глинистые минералы желтого, оранжевого и красного тонов. Красные охры, по-видимому, почитались палеолитическим человеком как символ самой жизни. Применяются охры и сегодня – как в строительных, так и в художественных красках. Сорок тысяч лет насчитывает история использования охры, и окончание этой истории еще далеко².

Впрочем, ближе к нашему времени (в XVIII–XIX веках) в практике живописцев и дизайнеров уже насчитывалось более трех десятков цветных минералов, пригодных для получения краски. Скажем, русские иконописцы были тонкими знатоками цветных минералов и способов их обработки. Колорит иконы должен быть сияющим, светоносным даже в полутьме храмового иконостаса. Закопченные, почерневшие иконы обязательно подновлялись каждые пятнадцать-двадцать лет, чтобы краски оставались насыщенными и звонкими, чтобы радовали глаз и возвышали душу.

XX век в небывалой степени расширил ассортимент красителей, доступных нам в быту, и остро поставил проблему выбора. Сегодня веер крупной фирмы, производящей лакокрасочные материалы, – это сотни самостоятельных тонов, десятки тысяч оттенков. На дизайнера и архитектора всей тяжестью обрушилось «время изобилия».

Пока красок было немного, каждая из них обладала своей историей и своим характером. Многие красители овеваны романтическим дыханием легенд, да и собственная их история весьма поэтична.

Выкраски основных оттенков пигментных охр, добываемых в России. Внешние фрагменты выполнены яичной темперой на основе чистого пигмента. Внутренние, более светлые фрагменты – темпера с добавкой молотого кварца. Выкраски выполнены В. Слетовым в 1997 году

Выкраски наиболее часто используемых в иконописи минералов:

1. Гематит – «сметанный» («мафорный»)
2. Гематит – «кровавик» (кусковой, прокаленный)
3. Киноварь
4. Реальгар
5. Вад
6. Лимонит
7. Ярозит
8. Аурипигмент
9. Виванит
10. Лазурит (непрокаленный).
11. Азурит (старое название – «голубец»).
12. Диоптаз
13. Малахит
14. Хлорит
15. Глауконит (железистый, «холодный»).
16. Глауконит (магнезиальный, «тёплый»).

Выкраски В. Слетова

Основной тон	Символические значения в различных культурах	Общий смысловой элемент
Черный	Траур, депрессия, угроза, элегантность, изящество, официальность, ученость	Непроявленные возможности «Я сам не знаю, чего от себя ждать»
Серый	Деловитость, скромность, сдержанность, незаметность, невыразительность, стандартность	Отсутствие «Не обращайтесь на меня внимания»
Белый	Гордость, чистота, невинность, парадность, милосердие, печаль, траур, переход к новой жизни	Полностью реализованные возможности «Я никому ничего не должен»
Общий смысл ахроматических тонов – отстраненность, дистанцированность		
Красный	Агрессия, страсть, сексуальность, борьба, безрассудство, праздник, торжество, власть, жизнь, кровь, огонь, солнце	Телесная активность, направленная во внешний мир «Я преобразую мир активностью своего тела»
Желтый	Легкость, свет, открытость, общительность, жизнерадостность, детство, эмоциональность, изменчивость, предательство, вульгарность, почва, плодородие	Эмоциональная активность «Мои чувства легко и переменчиво выплескиваются в окружающий мир»
Синий	Холод, логика, мудрость, меланхолия, изысканность, мечта, абстракция, порядок, возвышенность	Интеллектуальная активность «Мой разум изучает окружающий мир»
Общий смысл триады экстравертивных тонов – активность, направленная вовне		
Зеленый	Растительность, покой, мир, натуральность, природность, весна, молодость, уравновешенность, неподвижность, здоровье, ядовитость, соблазн	Активность внутренних органов тела «Внешне я малоподвижен, но внутри моего тела кипит работа»
Фиолетовый	Ночь, тайна, темнота, глубина, тяжесть, духовность, печаль, скрытность, сдержанность, колдовство, старость, мудрость	Скрытая эмоциональная активность «Мои переживания глубокие и сильные, но я их никому не показываю»
Оранжевый	Оптимизм, жизнерадостность, энергия, сила личности, смирение, жестокость, бунтарство, единство и борьба противоположностей	Самопознание «Я изучаю сам себя, я хочу себя понять»
Общий смысл триады интравертивных тонов – активность, направленная вовнутрь		

Символические значения основных тонов

Несколько веков город-государство Генуя пиратствовал на морях, охраняя свою монополию на вывоз из Индии синей краски. По месту своего происхождения пигмент получил название «индиго». Генуэзцы даже паруса своих кораблей красили этой драгоценной краской, впрочем, по вполне прагматическим соображениям: синяя парусина выполняла маскировочные функции, растворяясь в синеве океана. Корабль трудно было заметить, и он легко подбирался вплотную к жертве. На французский манер Европа стала называть синюю парусину «жин бле» – генуэзская синяя. В эпоху освоения Дикого Запада в Северной Америке лихие пастухи-ковбои стали шить себе рабочие штаны из парусины. Проводящий жизнь в седле, ковбой по достоинству оценил прочность синей генуэзской парусной ткани и переименовал ее название на английский манер – «джинс»³. Во второй половине XX века джинсы превратились в интернациональную моду, заполонившую весь мир. Недостаток индиго – способность постепенно смываться

с ткани – превратился в достоинство. Только настоящая джинсовая ткань светлеет на вытертых местах, придавая одежде неповторимый «узор» из сине-серо-белых пятен.

Синтетические пигменты лишены романтической истории. Нет своей легенды ни у азокрасителей, ни у фталоцианиновых, ни даже у анилиновых. Можно сказать «дети индиго» – получится интересно и многозначительно. А вот «дети желтого светопрочного С» – как-то не звучит. Работая во всей широте современной палитры, архитектор не может опереться на исторически сложившуюся легенду красителей, но лишь на смысл самого цвета.

Цвет обладает символическим смыслом. Вряд ли кто-то в этом сомневается. Однако в вопросе, что считать самостоятельным цветом, а что – смесью цветов, а также в том, каков именно символический смысл каждого цвета, – вот здесь единства нет и в помине. Скажем, черный цвет в Европе может означать траур, элегантность, официальность – в зависимости от конкретной ситуации. А для китайцев черный в первую очередь означает высшую степень уче-

1. Серов Н.В. Античный хроматизм. СПб : ЛИСС, 1995.
2. Слетов В. Минеральные пигменты в иконописной традиции. www.mindrav.web.ru/bibl15a.htm
3. Rzepinska M. Historia kolora w dziejach malarstwa europejskiego. T.1 – Krakow, 1983.

Деревянные дома по улице Чкалова, раскрашенные в честь Байкальского экономического форума. Использование органических пигментов с их повышенной яркостью и «химическим» характером цвета, придает домикам неестественный, бутафорский вид – старинные покосившиеся строения начинают смотреться более броскими, чем рекламный биллборд

Деревянный дом, окрашенный акриловыми красками на основе минеральных пигментов. Цвет сочный и яркий, но без той ядовитости, которая неизбежно отличает органические пигменты строительных красок

ности, приобщенность к самым глубоким тайнам бытия. В современном глобализующемся мире не хочется пренебрегать ни западным, ни восточным пониманием цвета. Это возможно, если целенаправленно искать некий «общий знаменатель», смысловой элемент, повторяющийся в различных трактовках символики цвета. Для черного таким элементом является неизвестность, непроявленность, потенциальность. Тайна смерти, официальная закрытость, загадка – необходимый аспект элегантности, ученость как погружение в тайну. Если бы черный цвет был словесным высказыванием, то он звучал бы примерно так: «Я сам не знаю, чего от себя ждать».

Наиболее удобная, на наш взгляд, цветовая система И.-В. Гете включает девять основных тонов – три ахроматических и шесть спектральных. Все остальные цвета рассматриваются в качестве смесей. В таблице представлены значения каждого из основных тонов.

Шесть спектральных тонов, таким образом, делятся на три цветовые диады: диада тела (красный – зеленый), эмоций (желтый – фиолетовый) и интеллекта (синий – оранжевый).

Группа зданий по улице 5-й Армии. Характерное для Иркутска сочетание песочно-желтого, кирпично-красного и белого дает яркий, но не кричащий цветовой аккорд. Кстати, в одном из этих домов живет Валентин Распутин...

Сложные оттенки несут свои, сложные, смыслы, которые образуются как суммы смыслов основных тонов, входящих в оттенок. Например, джинсовый цвет образован синим и серым, так что его смысл выглядит как «скромный интеллект»: «Я умный и не хочу, чтобы меня замечали». Более сложные оттенки символически означают более развернутые высказывания. Например, оливковый оттенок (зеленый + желтый + серый) эквивалентен такому рассказу о себе: «Я спокойный, здоровый и уравновешенный, эмоции мои легко выплескиваются вовне, но в сдержанной форме и не привлекая лишнего внимания окружающих».

Как раз в плоскости смыслов особенно очевидна разница в качестве цвета минеральных пигментов и органических синтетиков. Природный краситель всегда сложен по цвету, его смысл – развернутый дискурс, иногда парадоксальный и всегда лишенный однозначной простоты синтетического красителя. Кроме того, что собственный цвет минерального «родителя» натуральной краски сложен и разнообразен, такая краска причудливым образом взаимодействует с падающим на нее светом. Цвет природного пигмента – это результат разнообразных процессов частичного поглощения и рассеивания света внутри микрокристаллов цветного минерала. Например, натуральный ультрамарин (молотый лазурит) под сильным микроскопом дает завораживающую по красоте картину сверкающих удлинённых кристаллов, дивного разнообразия глубоких оттенков синего. Отсюда и сияющий тон природного ультрамарина, краски, которая у русских иконописцев ценилась буквально на вес золота. А натуральная киноварь холодного рубинового оттенка при перетирании желтеет и сдвигается к алому и даже оранжевому (так называемый «эффект повышения цветового тона») – за счет того, что мелкие кристаллы иначе преломляют свет, чем крупные. В огненном тоне киновари ощущается и энергия оранжевого, и подвижность желтого.

В результате сложной природы образования цвета минеральный краситель чутко реагирует на любые нюансы освещения, играя оттенками и проявляя все новые стороны своего непростого характера.

К сожалению, архитекторам и строителям далеко не всегда хватает деликатности и чувствительности к цвету, которым они красят здания. Нетренированному глазу, наверное, и впрямь все равно – желтый так желтый, розовый так розовый. Почувствовать разницу между минеральным и органическим пигментом тоже не всякий сможет. И вот, появляются на улицах городов дома, окрашенные гламурным оттенком «наглый пинк». Для человека чувствительного, привыкшего различать характер каждого оттенка, такой колер ошпаренного поросенка может стать буквально мучительным – а ведь над его пошлостью издевались еще Ильф и Петров. В их время анилиновые красители пронзительно-розового цвета были технической новинкой, но великие сатирики иронично обозвали такой тон «цветом бедра испуганной нимфы»...

Я вовсе не хотел бы прослыть ретроградом и противником научно-технического прогресса. Достижения химии красителей не могут вызвать ничего, кроме глубокого уважения. Палитра современных органических пигментов насчитывает сотни индивидуальных веществ и десятки тысяч смесей. Однако архитектурно-строительная практика густо замешана на экономике, так что в широкое применение попадают только самые дешевые, крупнотоннажные пигменты. Тут уж не до тонкостей характера тона.

Поэтому минеральные пигменты и их искусственные аналоги все-таки остаются более надежной основой для украшения исторического города. Дерзкий и броский характер органической палитры может быть хорош для архитектурных экспериментов. Но здания исторического центра все-таки пусть будут окрашены в спокойные, сложные тона минеральных красок. Пусть цвет рассказывает свои легенды и сказки о старых домах и их обитателях.

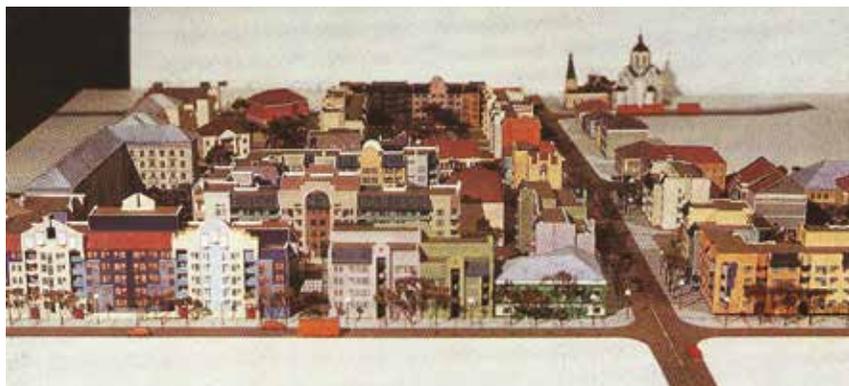

фото
Александр Вавилов

Цвет в городе

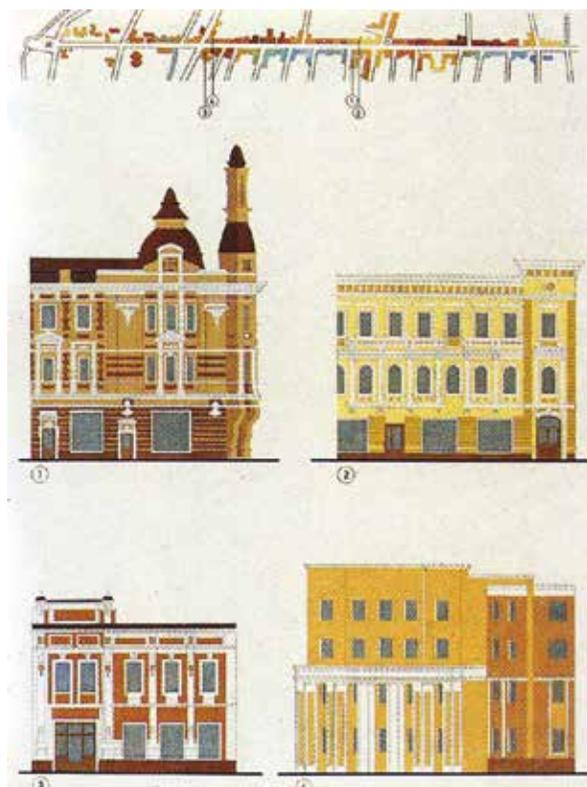
текст
Ольга Железняк

Обращенность профессионального сознания и культуры в целом к цвету, к его осмыслению как парадигмы профессии и культуры, как особого, основополагающего символа нового мироощущения не случайна, так как в ситуации происходящих трансформаций в культуре и социуме, цвет оказывается средством, созвучным моменту, настроению эпохи, времени. Обсуждая же специфику формирования цветовой среды города, профессиональных представлений и внепрофессиональных цветовых идеализаций, необходимо коснуться достаточно дискуссионной проблемы, не имеющей по сей день однозначного ответа: должен ли город иметь свой цвет как некую идентификационную характеристику, своеобразный имиджевый цвет, выступающий в качестве ключевого сюжета для построения колористики города; и можно ли вообще говорить о цвете города, либо только о цвете в городе. Исторический экскурс свидетельствует, что проблема имиджевого цвета и колористической целостности города неоднократно поднималась профессионалами, обсуждаясь в различных контекстах, а также становилась объектом административного регулирования; при этом принципы цветовой идентификации и «параметры» определения идентифицирующего цвета или цветовой темы предлагались разные.

Проект реконструкции
Подполя. Киев. (Макет)

Проект цветового решения
ул. К. Маркса. Иркутск

Так, например, И. Жолтовский в 40-х годах XX века видел, прежде всего, социально-политическую основу цветовой дифференциации городов. Выделяя столицы капиталистических стран, он определял Берлин как мрачный и серый, а Вена, по его мнению, «в своем цветовом решении – типично мещанский город: дома окрашены в темные тона – серо-коричневые и красные». В то время как социалистический город по версии И. Жолтовского, в противовес городам капиталистическим «должен решаться в светлой, радостной гамме. Он должен при помощи цвета создавать иллюзию солнечности даже осенью и зимой».

Пафос созидания социалистического города как цветовой целостности, отличной от города капиталистического, характеризует и ленинскую идею монументальной пропаганды, предложенный в ней образ нового социалистического города, поскольку стремление насытить городскую среду художественными произведениями на темы революционных событий (в России и Европе) способствовало становлению целостного представления города как города революции и новой жизни, победившей старую.

Из других принципиальных позиций исходит французский колорист Ф. Риети при создании своего «Голубого города» (Марн-ла-Валле). По сути своей Марн-ла-Валле практически наследует концепцию Рая – Града Небесного, делая земной город похожим на «осколок неба, упавший на землю». Город, задуманный Ф. Риети как небесный отблеск, идеал, непохожий на все земное, должен вызывать в человеке мысли о небесах, но он не должен слиться с ними. Такой образ и наталкивает на мысль об отождествлении его с образом священного небесного города или «земным раем», перенесенным с востока. В то же время здесь прослеживается некоторая связь с представлением о рае как о небесах; о чем свидетельствует стремление Риети «оторвать» город от земли, почти уподобить небу, употребив в основном неземные, трансцендентные цвета. Ведущая синяя гамма используется автором еще и для того, чтобы увековечить город, наполнить его духовной силой, умножить его значение идеального, избранного, как это сделано в Библии (например, через применение драгоценных материалов и магических чисел – 3, 12, 1000, что также возвращает нас к мысли о Небесном Иерусалиме). Ассоциация-образ, которой следует автор, проектируя центральную часть города, еще больше подчеркивает единство «Голубого города» с идеей рая как пространства, светящегося внутренним светом и сверкающего драгоценными материалами и камнями. Так, по замыслу Риети, центр должен производить впечатление прекрасного кристалла турмалина или лазурита, излучающего цветной свет. Для сравнения можно обратиться к Библии: в Евангелие (гл. 21) Небесный Иерусалим уподобляется «камню яспису кристалловидному». Усиливает сходство с идеальным городом – Иерусалимом – и живительный всплеск оранжево-охристого цвета, пронизывающий сверкающий кристалл-город, подобно «реке воды жизни», «исходящей от престола Бога и Агнца», и древу жизни на берегах этой реки в святом городе Иерусалиме.

Попытка зафиксировать в цвете идеальность города, рассматривать цвет в качестве феномена, означающего контакт между идеальным и реальным миром, в качестве проводника такого контакта, как специфического отображения трансцендентного в реальном мире является одной из ключевых позиций в определении ведущего сюжета для создания цветовой среды города.

Следующим важным источником порождения идентифицирующего цвета (или целостной цветовой темы) является собственно «место», его цветовые характеристики, мифология место-пространства, структурные характеристики города и пр. Цвет передает ощущение принадлежности

месту, осознание тождественности, попытку создания пространства и образов, ему соответствующих.

К наиболее характерным и показательным относятся работы Ж.Ф. Ланкло и его методики, в которых он апеллирует к своеобразным «знакам места» при выборе идентификационных цветов; его проектные предложения строятся на основе природных цветностей, использовании палитры естественных материалов, присущих конкретному участку. Региональная специфика, особенности местного колорита также заложены в основу цветовых концепций, разработанных в свое время под руководством и/или при участии А.В. Ефимова для городов Иркутска, Сургута, Сочи, Мурманска и др.

И, вероятно, следует наряду с этим выделить ситуацию, в которой иницилирующим началом для определения цветовой идеи города служит закрепленный в сознании и культуре целостный образ города, что собственно и проявляется, и подчеркивается имиджевой цветностью, например «всецветность» Москвы Кандинского начала прошлого века: «Розовые, лиловые, белые, синие, голубые, фиштакшковые, пламенно-красные дома, церкви – всякая из них как отдельная песнь <...> красное, жесткое, непоколебимое, молчаливое кольцо кремлевской стены, а над ней <...> белая, длинная, стройно серьезная черта Ивана Великого. И на его длинной, в вечной тоске по небу, напряженной, вытянутой шее – золотая глава купола, являющая собой среди других золотых, серебряных, пестрых звезд, обступивших ее куполов – Солнце Москвы» (Кандинский В. Текст художника. Ступени).

В качестве еще одного примера можно рассмотреть колористику Таллина, созданную к Олимпийским играм и к началу 90-х годов XX века воспринимавшуюся уже сложившимся цветовым имиджем города, с яркой, почти ярмарочной, декоративностью Нижнего города и сдержанной изысканностью колористики Верхнего.

Обращаясь же к Иркутску, важно отметить, что, по мнению гостей города и отдельных специалистов (конец XX века), Иркутску и, прежде всего, центральной его части присущи оттенки золотистой и красно-коричневой гаммы (и возможно – голубой цвет) или «теплые темные тона и узкий диапазон холодных». В проведенных исследованиях цветовой среды и цветовых предпочтений в 2005-2007 годах мы выявили значительный приоритет, отдаваемый различным оттенкам синего цвета, что проявилось не толь-

ко в «физической экспансии» синих цветов, но и в выборе их оттенков в качестве предпочитаемых и имеющих положительную эмоциональную оценку и смысловую нагрузку¹.

Несомненно, цветовая идентификация городов – это очень красивая идея, и именно подобная идеология, на наш взгляд, была изначально заложена в самой основе и методологии возникновения градостроительной колористики. Но реалии сегодняшней ситуации оказались значительно сложнее. И тем не менее мы полагаем, что создание имиджевой цветовой палитры города, имиджевого цветового образа возможно, в частности, на основании детального исследования исторической цветности (для исторических городов) или на основе формирования тщательно продуманной и обоснованной проектной концепции – для современных городов.

Апеллируя к историческому опыту, можно выделить разные методы и способы достижения «фирменного», имиджевого цвета города; при этом немаловажно проследить роль профессионала-проектировщика в формировании/становлении фирменного цвета, цветовой системы как идентифицирующей характеристики города и различить профессиональные и непрофессиональные цветовые образы.

Вариантами традиционного способа создания цветовой целостности города, его цветового имиджа могут служить примеры административного регулирования типов окраски зданий и элементов городской среды, достаточно распространенные в России. В частности, в утвержденных в начале XIX века Правилах об устройстве городов «запрещается пестрить дома» и указано «какими дозволено цветами красить дома». В соответствии с этими требованиями властями одной из провинциальных столиц – Пензы – проводятся различные мероприятия «по переустройству города». Так, губернатор Ф.П. Лубяновский в своих распоряжениях указывает городничему: «Во въезде улиц ветхие заборы должны быть исправлены и приведены в такой вид как около дома и Сада г-на губернского предводителя и все должны быть выкрашены желтою краскою... Лавочки с навесами... отломать и сделать по плану буде кто пожелает, или... обнести забором по фасаду. Поперечные мосты... сделать все одинаковые во всю ширину улиц, такие точно, как на базарной площади и выкрасить... краскою... Всю площадь очистить и привести точно в то положение, как она должна быть по плану... Где крыльцы посредине лавок выдающиеся из планской линии, отломать и сделать по бокам лавок, а по площадкам

Особенности цветовой среды исторического города. Турин

Турин. Историческая полихромия

1. Работа проводилась студенткой кафедры дизайна ИрГТУ А. Ануфриевой под руководством автора статьи.

Torino 2006

Red Area
Area Rosso

Buildings
Edifici
1 - 2 - 3 - 5 - 6 - 8
9 - 10 - 11 - 14

Blue Area
Buildings 15 > 28
Area Blu
Edifici 25 > 28

Yellow Area
Buildings 29 > 41
Area Gialla
Edifici 29 > 41

NOC Services Centre

Resident Centre 1

сделать перилы... и выкрасить белую или палевою краскою... В трактирах и в харчевнях... приделки и навесы все отломать и выкрасить дома белую или палевою краскою»². Организация городской среды цветом (своеобразный прообраз колористики города) происходит не только за счет определения цветовой структуры центральных улиц, но и при помощи жесткой регламентации цвета заборов (красить «желтою краской»), призванных выравнивать «красную линию» улицы и создать целостность среды.

И далее из рапорта городничего из Нижнего Ломова губернатору следует: «В дополнение Правил об устройстве городов... запрещается пестрить дома. В 46-й означено какими дозволить цветами красить дома, – а как в сей статье не упомянуто о зеленой, живущей в вверенном управлению моему городе отставного... комиссара Губорева жены выкрасить крышу вновь выстроенного дома зеленым цветом, может ли сим цветом быть позволено». Губернатор дозволяет покраску крыши указанным цветом и упоминает «разрешенные для покраски крыш цвета – «дикий», зеленый и красный»³.

Система государственного регулирования и регламентирования в течение длительного времени замещает правила и нормы профессионального формирования цветовой среды и ее мониторинга. Так, в частности, в указе от 4 сентября 1816 года запрещаются зеленые, красные, вишневые, темно-зеленые, голубые колера, а с 1818 года вводятся новые стандарты⁴. Для крыш назначаются «колера светлые: дикий, бланжевый, палевый и с прозеленью»; для цоколей – дикий (серый); для стен рекомендуются белый, палевый, бледно-желтый, светло-серый, дикий, бледно-розовый, симбирка (с большой примесью белого), желто-серый колера.

Такое тотальное регулирование цветовой среды задает своеобразную цветовую идеологию-имидж российского города, что в немалой степени перекликается с более поздними концепциями колористики социалистического города.

Широкомасштабные работы по созданию цветовой образа города, такие, как, например, в Турине (1800 г.), представляют собой образцы градостроительной деятельности, воплотившей результат совместных действий «отцов города» и целенаправленных профессиональных усилий. Основная цель работы заключалась в формировании органичной месту колористики через «координацию окраски главных улиц и площадей»⁵, приведение в соответствие цветового решения главных улиц и площадей, а также – улиц, примыкающих к основным магистралям, ведущим к центральной части города. Важное значение в принятии решения играли жители, чьи цветовые предпочтения учитывались при выборе цвета, не менее существенная роль отводилась хозяину дома (домовладельцу), что позволяло адаптировать идеальную модель в реальную жизненную среду.

И еще один пример целостного программного цветообразования, относящийся к началу XX века – эксперименты Бруно Таута в Магдебурге и Берлине, Э. Мая в Бунцлау, Неймаркте, Франкфурте-на-Майне и др. В частности, целенаправленное использование Б. Таутом достаточно активных цветов и сочетаний (ярко-красного, оливкового, золотисто-коричневого, темно-синего и белого) имело целью взорвать сложившиеся стереотипы, создать новый образ городской среды, пригорода, города (пригород-сад Фалкенберг, восточная часть Берлина). По представлениям Б. Таута, именно цвет мог выступить средством «освобождения германской архитектуры от смиренной рубашки грязно-серого стиля»⁶. Эксперименты в жилом районе отражали намерение автора подчеркнуть объемно-пространственную структуру застройки: выявить «акцентные дома» и рядовую застройку, создать с помощью цвета оптические иллюзии трансформации пространства (расширение); а также учесть природно-климатические особенности, в частности ориентацию здания по сторонам света. В соответствии с авторским замыслом восточные фасады зданий «были окрашены в серый цвет, а западные – в красный. Цвета оконных переплетов подбирались соответственно цвету стен»⁷. В Магдебургский опыт кроме профессионалов активно включились домовладельцы и жители города.

В России цветные эксперименты этого времени охватывают работы архитекторов и художников в Ленинграде и Москве, предложения Л. Антокольского по проекту окраски Москвы, цикл работ К. Малевича по Витебску и пр.

В 70-х годах прошлого столетия в нашей стране начинает развиваться архитектурно-градостроительная колористика, которая, будучи естественным порождением сложившейся ситуации, возникает как реакция на состояние культуры и общества и его отражение в профессиональном сознании. Нормы и правила, цели, задачи и методика колористической деятельности складываются в существующей системе архитектурно-градостроительного проектирования и принятой в отечественной теории и практике идеологии целостного города, созданного профессионалом, как попытка компенсировать цветовую неартикулированность реальной городской среды, низкие возможности строительной базы, недостаточность цветового образования архитектора и т.д. (И все положительные и отрицательные стороны современного состояния теории и практики архитектурно-градостроительной колористики оказываются во многом предопределенными ситуацией, в которой она формировалась.)

Примерами таких работ служат проекты, выполняемые в Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства отделом исследований архитектурной полихромии и колористики города, возглавляемом А.В. Ефимовым; цветные реконструкции исторической части Киева, Тбилиси, новые цветные образы Таллина и др. Ефимовым же формулируется наиболее полное и цельное среди отечественных исследователей того времени представление колористики города как понятия и модели⁸, но и оно оказывается подверженным общей тенденции подмены реальностью существования цветовой среды города профессиональными идеализациями.

В действительности особенности бытия цветовой феномена в городе, на наш взгляд, точнее было бы интерпретировать как процессы становления культуры цвета при «освоении» цветопространства города, которые развиваются на пересечении реалий «жизни цвета» и образа жизни горожан и анализируются через призму отношений «профессионал-непрофессионал», «создатель-потребитель».

Различая трактовку цветных образов города профессионалами и потребителями, следует отметить, что цвет в сознании потребителя как знак-символ среды невольно проявляет отношение горожанина к характеру среды, ее образности и качеству; создает индивидуальные цветные структуры, формируя мифологический цветовой портрет города, отдельных его фрагментов. Так, в соответствии с материалами опроса, проведенного в Москве⁹,

Турин. Олимпийская деревня: яркая, почти спектральная колористика современного Турина построена на контрастном сопоставлении с исторической полихромией

- ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 630. Л. 8, 9, 11-13.
- ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 630. Ил. 506-507; цит. по: Летучева О.А. Феномен целостности городской среды первой трети 19 в. (на примере губернского г. Пензы) // Город. Прошлое. Настоящее. Будущее. Проблемы развития и управления городами на пороге третьего тысячелетия. Иркутск, 2000. См. также: Петербург и другие новые российские города 18 – первой половины 19 в. // Русское градостроительное искусство. М., 1995. Т. 3. С. 130; Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Пг., бг. С. 169; Архитектурные ансамбли Москвы 15 – начала 20 веков. М., 1997. С. 259.

Цвет как ключевая характеристика, определяющая образ городской среды

4. См. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М.: Стройиздат, 1987; Стародубцева Л. Поэтика цвета русской старгородской застройки // Колористика города. М., 1990. Т. 1.
5. Мировоззрение и практика. Зодчество мира. 2-98.
6. Цит. по: Г. Майнах. Изучение роли цвета в городе // Архитектура и строительство России. 3.98-2.98.
7. Там же.
8. Ефимов А. В. Колористика города. М.: Стройиздат, 1990. 272 с.
9. См.: С. Габидулина. Цвет как психологическая характеристика среды // Колористика города. М., 1990.
10. Авторы исследования интерпретировали этот факт как ассоциацию с красной кирпичной стеной Кремля и революционным значением цвета и места, с одной стороны, и с традиционным означением красивого красным цветом – с другой.

– зеленый – один из самых «положительных» цветов – был «приписан» Чистопрудному бульвару (48%), ВДНХ (36%), Ленинским горам (49%);

– серым цветом (при полном осознании его непозитивного значения – отчужденности, тревожности, замкнутости) «окрасили» Калининский проспект – Новый Арбат (35%), Октябрьскую площадь (36%), улицу Воровского (32%), то есть места средоточия государственных учреждений и официальных представительств (по стилю серый отнесен к конструктивизму);

– красный был присвоен Соборной площади Кремля (при ее реальной цветовой палитре – бело-золотой)¹⁰;

– фиолетовый цвет у 25% опрошенных ассоциировался со Старым Арбатом. Романтизм, беспечность и жизнерадостность фиолетового цвета (по оценке М. Люшера), наряду с иррациональностью и мистицизмом, в представлениях обывателей как нельзя более соответствует декоративной театральности и внутреннему трагизму «ненастоящего» Старого – Нового Арбата;

– самым негативным местом Москвы в цветовом тесте оказалась Комсомольская площадь – такая своеобразная «черная дыра». Мнения опрошенных разделились примерно поровну между черным, коричневым и серым цветами, которые сами по себе оценены как нелюбимые цвета почти в 50% случаев.

Полученные оценки среды и цветовые образы, представленные этим исследованием и рядом других работ, далеко не во всем совпадают с профессиональным осознанием этих место-пространств, определением их роли в общей городской структуре, но достаточно точно соответствуют типу и непрерывно трансформирующемуся образу внепрофессионального, потребительского освоения этих фрагментов среды, их значимости в общей шкале городских ценностей.

Современное «потребительское» понимание города как особой цветовой структуры, например, может быть проиллюстрировано также представлением о Москве, когда цветная схема метро служит образцом своеобразной потребительской цветовой модели города: в сознании многих горожан и приезжих структура города зафиксирована в передвижении с зеленой линии на серую, а затем на голубую, либо в ежедневных поездках по оранжевой линии и т.п. Возможно, что попытка какого-либо соотношения этого устойчивого знакового представления с реальным городским пространством может оказаться одной из тем для формирования колористики городской среды.

Авторская концепция колористики города, отражая особую специфику бытия цвета как постоянно становящегося в культуре феномена, предопределяет культурно-деятельностный ракурс интерпретации колористики. Это в свою очередь предполагает вскрытие внутренних смыслов, важных для определения места и роли цветового феномена в культурном развитии, так как разностороннее исследование цветового феномена в контексте культуры позволяет не только воспроизвести современную картину «проживания» цветового феномена в городе, но и воссоздать достаточно полную и достоверную картину «жизни» цвета в культуре в целом. Именно в рамках целостного пространства существования цвета возможно проследить, каким образом и почему происходит смена имиджевого цвета, какую роль в этом играют профессиональные проектировщики, а также – насколько внепрофессиональное сознание влияет на создание имиджа. При этом затронутая в статье тема составляет лишь одну из множества проблем существования колористики города и архитектурной полихромии как составляющих общей цветовой культуры.

Цветосветовая среда города

Идеология целостности и органичности городской среды и культуры, комплексности процесса их проектирования неизбежно обращает нас к обсуждению возможностей трансформации среды городов, динамике ее цветовых изменений как важных свойств городского пространства.

Характерным образом современного города, включающим различные варианты прочтения идеи комплексности и образной целостности среды, а также ее трансформируемости, является Дефанс¹. Основной «средовой сюжет» Дефанса задается через 18 удивительных разноцветных башен (Cloud Towers), покрытых декоративной плиткой, главные цветовые темы которых соответствуют базовым природным мотивам: растительности – зеленые, небу – синие; а форма и структура пятен напоминает облака и массивы зелени. Рафинированные идеальные формы небоскребов третьего поколения, «одетые» в стекло и зеркало, превращаются в удивительные миражи, растворяясь в окружающей среде. Многократно отраженный и просвечивающий сквозь прозрачные здания мир природы наполняет пространства, созданные человеком, воплощая мечты об идеальном городе, городе-саде и райском граде. Дополняют картину и вводят в среду идентифицирующие образы и смыслы фантастические полихромные фигуры Миро, 15-метровый красный «Stabile» Калдера, сияющий цветами радуги фонтан Адама, миражи мозаик Рieti, «Бассейн» Такиса, акцентирующий «специфические вибрации» Дефанса днем и ночью, «Маятник» Моретти, «вводящий время в архитектуру», и еще множество других произведений. Завершают органику среды Дефанса системы вечернего и праздничного освещения. В целом, урбанизированная застройка бизнес-района, пожалуй, может составить «выставку» представительской архитектуры второй половины XX века. Три «поколения» небоскребов и самые последние стилистические поиски, конструктивные достижения и современный дизайн среды воплотили в себе вечную идею синтеза искусств, превратившись в музей современного искусства под открытым небом. Около 70 различных произведений выдающихся художников в полном смысле слова украшают площади, скверы, фасады зданий и интерьеры Дефанса².

Предпринятая в Дефансе попытка современной интерпретации фасадных росписей (суперграфика) является достаточно распространенным способом формирования целостности городской среды, средством ее идентификации, временных и пространственных трансформаций.

Очень ярким примером является организованный Б. Таутом в 20-х годах прошлого века в Германии конкурс на «лучшую покраску дома и рекламу», который объявил «войну серым улицам», чтобы «вернуть зданиям их характер» с помощью цвета. Илья Эренбург, побывав в это время в Магдебурге, писал: «...как избежать улиц? Здесь вместо фасадов – «кровавая симфония» и «лило-

вое безумие». Это не один дом-чудак, а десять, двадцать, сотня – не перечеть... Началось с киосков. Одно здание, другое... Домовладельцы свирепо увлекались новой модой». Однако, во многом, эти эксперименты оказываются переносом средств из одного вида деятельности в другой. Цветовое решение городского пространства и архитектуры аналогично (по методу и приемам) художественным работам по агитационному оформлению, но только другого масштаба³. И это, в общем, закономерно, так как имеется богатый опыт художественного оформления городских зрелищ, театральных постановок, который пока почти напрямую переносится в городское пространство. В то же время сценарность этих действий, динамика их содержательного развития в известной степени закладывают основы концептуального подхода к колористике города.

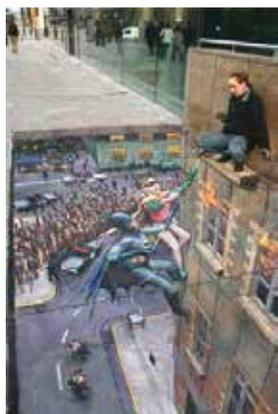
Сегодня модернизация внешнего вида зданий, в том числе и средствами суперграфики, подверглись целые комплексы домов в Берлине, Варшаве и других европейских городах. При этом палитра сюжетов, методов и техник суперграфики разнообразна, включает в себя постмодернистские реминисценции в отделке типового жилья Восточного Берлина и авангардистские мотивы на фасадах жилых кварталов Варшавы, противопоставленные традиционной росписи зданий в исторической части города; кроме того, нередко мы можем увидеть полноценную иллюзию нового пространства или фрагмента городской жизни, придающих среде индивидуальность и трансформирующих ее пространственные характеристики (см., например, фасадные росписи в США, комплексов зданий в Берлине, Бремене и др.). Еще один заслуживающий внимания эксперимент – «тротуарные росписи» Джулиана Бивера⁴, владеющего «уникальной техникой анаморфических иллюзий, которые рождают трехмерный образ» и создают своеобразные игровые ситуации, различные по содержанию, образным и композиционным решениям, идентифицируя отдельные фрагменты среды и наполняя их дополнительными смыслами.

Кроме того, нельзя не отметить столь же популярный, сколько и порицаемый в обществе способ превращения фасадов в «яркие и необычные картинки» – граффити. Этот вид самодельного «украшения» среды, относящийся к спонтанной, неуправляемой колоризации города, представляет собой часть современной цветовой культуры города, которая, на наш взгляд, будет прогрессировать и развиваться (наряду с другими формами стихийного самодельного «внедрения» полихромии в городскую среду), что никак нельзя не учитывать.

Новую, актуальную линию в развитии городской культуры и облика городской среды, изменяя сложившиеся в профессиональном сознании стереотипы, задают многочисленная реклама и возможности цветосве-

текст
Ольга Железняк
Елена Киселева

1. Принципиально разделенный на две части – деловой и парковый районы, – Дефанс представляет собой актуальную тенденцию развития современного города. Принятая планировочная концепция, развитый уровень технологии позволили разграничить транспорт и пешеходное движение, превратив Дефанс в одно из немногих мест, где пешеходам предоставлено более 70 га площади.
2. Оригинальная архитектура и яркие (светлые) цвета, комфортная среда с одним из крупнейших современных парижских парков (25 га) отличают и Парковый район Дефанса (более 60 га территории), где проживает 15 тыс. жителей. Здесь камерные сооружения католической часовни Св. Жозефа, Архитектурной школы (Paris-La Defense) и Национального центра драматического искусства прекрасно гармонируют с крупномасштабными жилыми комплексами (арх. J. Kalisz) и более поздними жилыми и общественными постройками. Светлые тона Школы танцев Парижской оперы и верхних этажей комплекса жилых зданий (Parc Nord, Paul Riquet) К. Портсампарка. Особый интерес представляет Diderot Parc, центром которого является водный каскад. Сложная композиция объемов, свобода и «пестрота» форм, ощущение света, несмотря на остроу современных образов, органично вписываются в природный ландшафт, образующий центральное ядро. Тема природы, «природосообразности» в целом, представляется очень актуальной для этого района.

Рождественские огни и
декорации (Regent Street)

товой трансформации городской среды и архитектуры, создания оригинальных, динамичных образов за счет цветного освещения.

При этом масштабность городской рекламы делает ее все более важным компонентом формирования среды, естественно превращаясь в фактор, определяющий процессы сложения колористики города. Не менее характерной особенностью современного города является освещенный вечерний город, также влияющий на «цвет города», формирование его колористики, динамику цветовой среды, ее способность к изменениям. А трансформация пространства и формы, физических и образных свойств среды с помощью цветосветовых эффектов вырастает сегодня в особую сферу деятельности в городе, которая требует специального анализа и осмысления. Прозревая это, Энди Уорхол еще во второй половине XX века говорил: «Самый лучший недолговечный способ построить здание, о котором я когда либо слышал, – построить его светом».

Цветосветовая реклама, все шире распространяющаяся цветовой подсветка зданий, цветосветовые проекции на фасадах и новые «медиафасады», будучи важными средствами визуальных (и временных) трансформаций позволяют в корне изменить образ зданий и предметно-пространственной среды в целом. Так, в частности, эффектная ведущая синяя тема освещения в парке La Villette позволила дизайнеру Ж. Берну не только придать особую силу и

экспрессию красному цвету Б. Чуми, зеркально-структурной («кинематографической») фантазии «Города науки и индустрии» и зеркализованной сфере кинотеатра «Жеод», но и соткать новый образ из объемов, линий и плоскостей, из природных и архитектурных ландшафтов. Многоликий и многоцветный, наполненный живыми и естественными цветами днем, La Villette превращается ночью в мистическую феерию света и цвета XXI века.

Еще большая свобода и самостоятельность, а соответственно, и возможность формирования новых образов, возникает при использовании динамических цветосветовых установок, создающих непрерывную ткань изменяющихся образов-впечатлений, например цветосветовая драматургия «поющих фонтанов», которая превращает каскад фонтанов на горе Монжуик (Montjuic) в Барселоне в магический спектакль «движущихся водных форм, цветного света и музыки»; или цветосветовой дизайн электростанции в Эдинбурге преобразующий производственное здание в произведение «кинетического искусства».

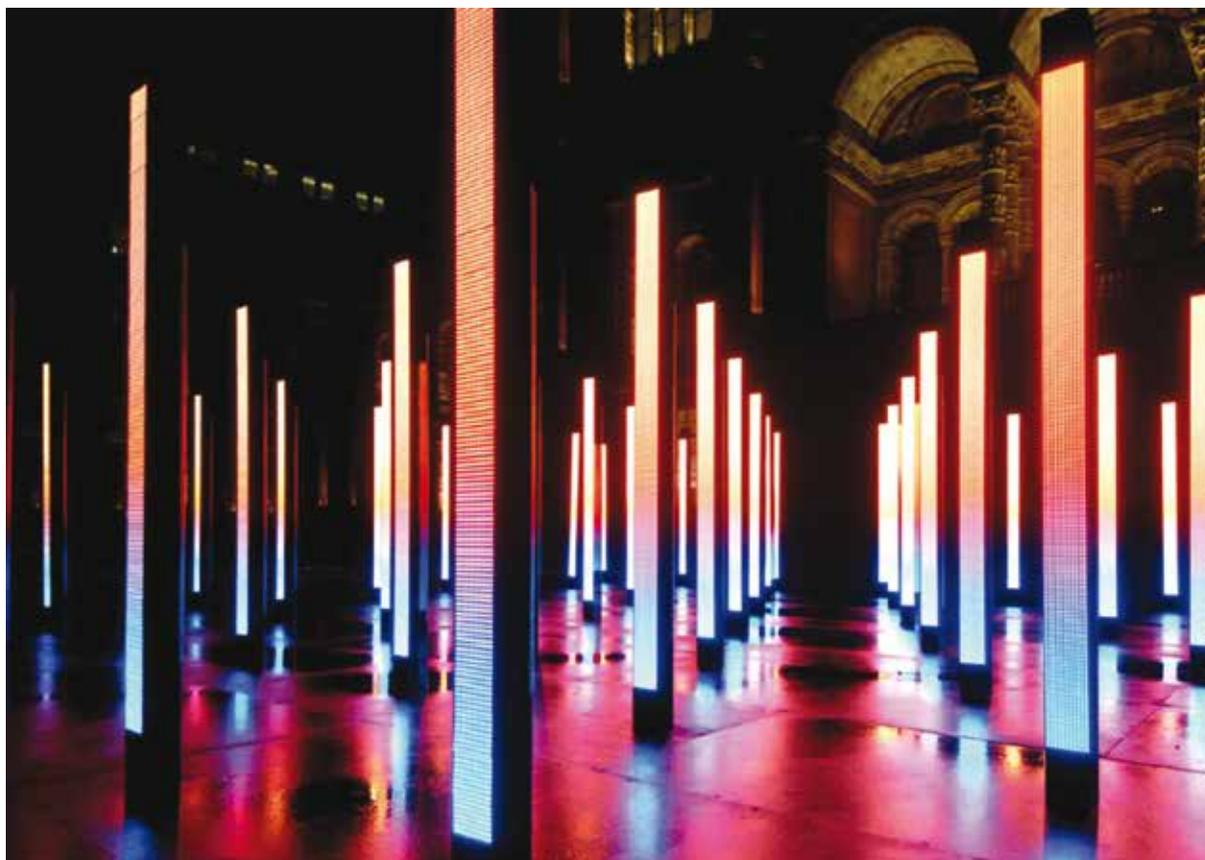
В России истоки светосветового дизайна восходят, пожалуй, к первым авангардным опытам 10-20 годов прошлого века. Начиная с татлинского проекта Башни III Интернационала, Балихинской «световой проекции» как составляющей общей драматургии мемориального комплекса – мавзолея Ленина⁵, цветовая подсветка значимых зданий города и световые проекции становятся практически неизменной частью оформления города (в качестве примера можно напомнить о световых панно Г. Клуциса с изображениями партийных лидеров и пролетарскими лозунгами).

Современной версией соединения суперграфики, рекламы и светосветового декорирования фасада является медиафасад, который воплощает идею непрерывной изменяемости среды. Эта новая форма не только создает «нескучные» фасады, но одновременно реализует концепцию трансформирующейся среды и динамичной рекламы, по сути своей, откликаясь на пророческие описания будущего города как «города вечно изменяющихся фасадов» (один из известных российских проектов с медиафасадом – многофункциональный комплекс на месте Черемушкинского рынка в Москве, выполненный мастерской А. Асадова).

Кроме того, говоря о динамике трансформаций городской среды, следует также отметить ситуации праздничных преобразований среды, временных инсталляций, хэппенингов и пр. Праздничное оформление города составляет отдельный сюжет в жизни города и в его способности к трансформациям и динамическим преобразованиям среды. Традиции такого «действия» уходят глубоко в древность – в сложно сценарно-организованные ритуально-обрядовые мистерии, карнавалы и пышные феерические государс-

Элементы цветосветового
дизайна среды: праздничная
иллюминация

Интерактивная инсталляция
(studio UnitedVisualArtists)

твенные празднества – «въезды» государя / победителя в город; дни рождения царствующих и королевских особ, императоров и императриц; государственные праздники и пр. В частности, первые послереволюционные годы в нашей стране отличались массовыми торжествами, посвященными вновь учрежденным праздникам. Такие празднества сопровождалась тотальным декорированием городов, начиная с покраски деревьев в сквере у Большого театра в сиреневый цвет, украшения фасадов и улиц масштабными разноцветными панно, транспарантами и цветным освещением и кончая возведением гигантских конструкций в ключевых точках города, воспевающих успехи социалистического строительства. Всему этому сопутствовали многотысячные демонстрации с костюмированными шествиями, сценические постановки на специально созданных и оформленных площадках и пр.

Сегодня в праздничные феерии все активнее вторгаются цветной свет, разнообразные цветосветовые и интерактивные инсталляции, фейерверки и салюты. Примерами могут служить световые представления «Останкино: перезагрузка» (в честь 40-летия Останкинской башни), пасхальные иллюминации на фасадах храма Христа Спасителя с проекциями сакральных картин, цветосветовое декорирование Вашингтонского национального собора (в честь столетия собора, автор Джерри Хофстеттер), праздничные иллюминации городов и фейерверки во время Рождественских и новогодних торжеств и пр., которые создают фантастические миры и нетривиальные пространства в городе.

Новые представления о принципах организации цветосветовой среды, новые идеи также воплощают интерактивная среда Зала Фрагментов, разработанная Rockwell Group для Венецианской биенале архитектуры и реагирующая на каждого посетителя индивидуальными архитектурными мирами; работы студии UnitedVisualArtists в контрастных цветовых сюжетах для городских пространств, выставок современного искусства, рок-концертов и др. Они характеризуются динамичностью и создают специфический «альтернативный мир», свободный от физических ограничений. И «расцветшая пустыня» Брюса Манро – инсталляция «Field of Light», установленная на крыше центра для посе-

Трансформирующиеся
цветосветовые проекции

тителей в Корнуолле в рамках проекта «Рай», – представляет собой не менее оригинальную по своему решению работу: полихромную авторскую интерпретацию живой природы с ее постоянной изменчивостью, органичной красотой и целостностью, качествами, столь необходимыми современной городской среде.

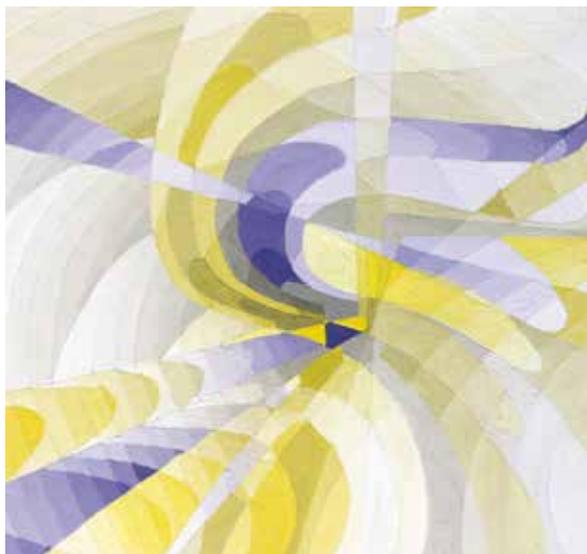
3. При этом советские профессионалы идут в ногу со своими зарубежными коллегами, существуя в сложном поликультурном образовании. Из художественной (живописной) сферы переносится в полихромную городскую среду и ряд проблем извечно занимавших живописцев, например соотношение формы и цвета. Выполняя свои изобразительные и композиционные работы, П.Клее пытается представить основные «пути» цвета в городе (эта тема позднее находит последующее развитие в практических и теоретических работах О. Хайека, Б. Мейтленда) через соотношение формы и цвета, выделяя три основных «пути». Исследуя работы П. Клее, Б. Мейтленд (Colour in environmental design / Proceedings of the AIC Symposium 1988. Winterthur, Switzerland, 1988. 179 p.) усматривает в них основные проблемы колористики, ее плюсы и минусы. По его мнению, три основных «пути цвета в городе» могут представлять цвет «фундаментальным аспектом согласованности целостного образа», своеобразным «средством артикуляции городской структуры и опознавания» отдельных частей этой структуры. Они также служат двойственным средством – для выражения-подчеркивания урбанизированной формы или для ее разрушения-усложнения.
4. Джулиан Бивер (Julian Beever) – британский художник, основоположник своеобразного уличного искусства «псевдо-трехмерных изображений» на тротуарах. Он создает свои рисунки на асфальтовых улицах Нью-Йорка, Эдинбурга и Лондона, в Бельгии, Нидерландах, Германии и Австралии, работы выполняются английскими мелками.
5. «Прожекторы будут освещать окрестные деревни и селения, парки и площади, заставляя всех и ночью обращать мысли к Ленину».

Формирование цветовой культуры

Идеология и специфика цветовой подготовки художника-проектировщика в высшей школе

текст
Ольга Железняк

1. По мнению Д.Э. Боулта, достаточно существенное влияние на развитие советского авангарда и формирование цветowych концепций оказали труды В. Оствальда и французские исследования по теории цвета, в частности работы Мишеля-Эжена Шеврёля. Говоря о значении разработок В. Оствальда, нельзя не согласиться с Боултом, так как переведенная С. Кравковым на русский язык книга Оствальда «Цветоведение» действительно стала важным методическим пособием для подготовки профессионалов.
2. В. Кринский. Из доклада «Новое в обучении композиции» (1970): «В организации художественных дисциплин основного отделения – «пространство», «объем», «цвет», «рисунок» – сказался результат теоретической мысли в определении специфических формальных признаков изобразительного искусства: архитектура – пространство, скульптура – объем, живопись – цвет. Овладение началами композиции в этих областях для всех художественных специальностей было задачей основного отделения» (Мастера советской архитектуры об архитектуре).

В XX веке живопись, долгое время являвшаяся основным предметом цветовой подготовки специалистов, перестает быть единственным средством для получения знаний о цвете. Более того, даже для освоения собственно живописи постижения лишь ее внутренних закономерностей оказывается недостаточно. Накопленные другими науками и смежными дисциплинами представления требуют не только теоретического осмысления и практического применения, но и методик их трансляции в процессе подготовки специалистов (художников, дизайнеров, архитекторов), приемов и принципов перевода этих знаний в язык художественных образов.

Ощутимый толчок в развитии новых тенденций профессионального цветового образования был дан авангардной культурой. Возникший в этот период пропедевтический курс «Цвет» во ВХУТЕМАСе невольно вообрал в себя характерные проблемы и противоречия времени. Здесь нашли отражение и интерес Л. Поповой к «новой живописи», и ее симпатии к супрематизму; и опыт Г. Клуциса в художественном проектировании, его эксперименты в технике фотомонтажа и знакомство с К. Малевичем; методы формального анализа и поиски закономерностей формообразования в архитектуре и искусстве, проводимые в различных классах ВХУТЕМАСа И. Голосовым и Н. Ладовским, обобщенные сведения по теории цвета С.В. Кравкова и Т.Н. Федорова¹ и др., а также – влияние теоретических и методических работ В. Кандинского.

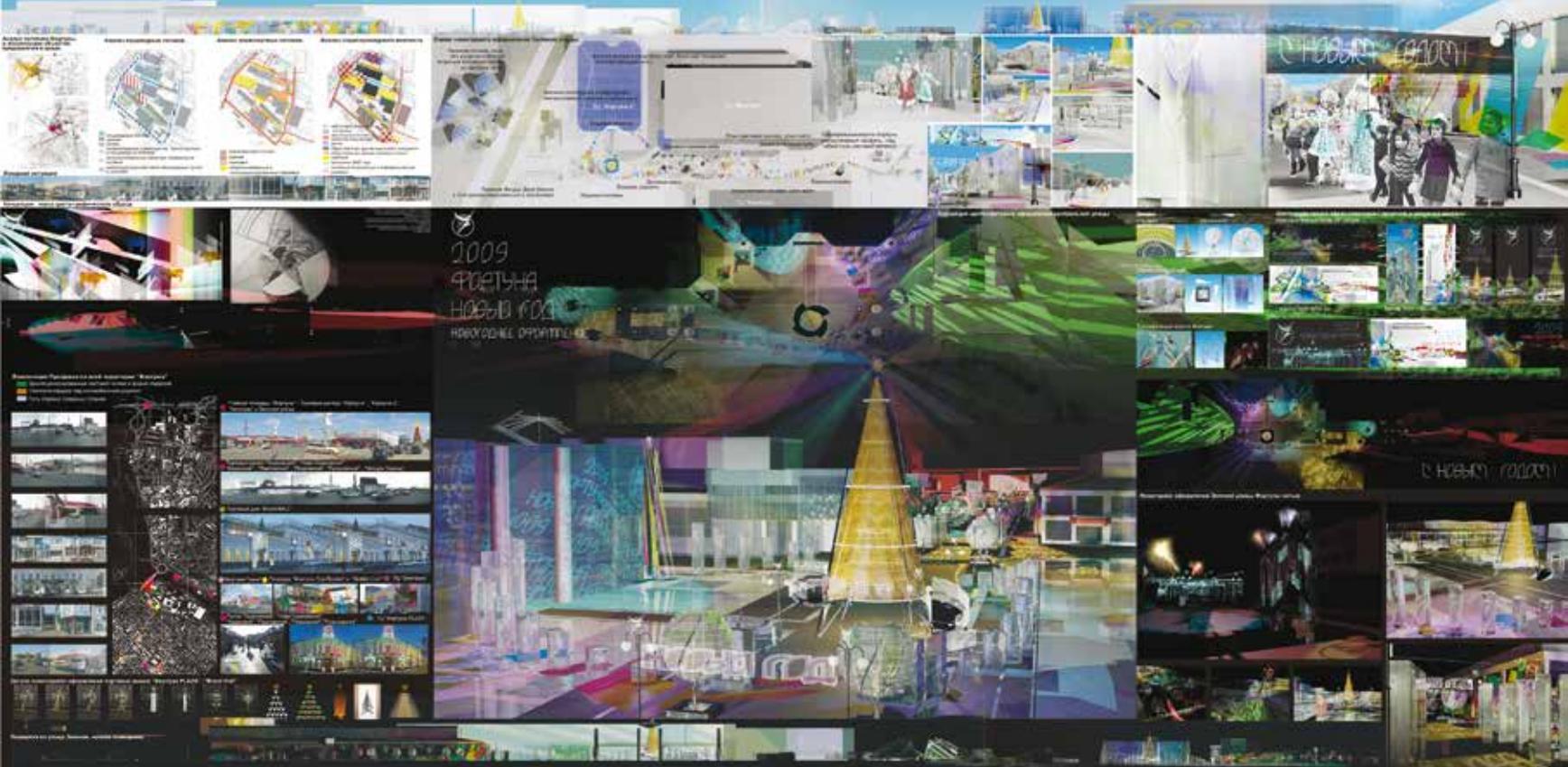
Уже сам факт появления курса «Цвет» в числе базовых дисциплин, наряду с «Пространством», «Объемом», «Графикой», говорит о многом. Цвет как одно из важнейших профессиональных понятий, как характеристика специфических признаков искусства становится особой базовой категорией², изучение которой обязательно для создания «нового искусства», новой архитектуры, для формирования специалиста, способного постичь смысл новой «созидательной целостности», которой можно достигнуть взаимодействием разных видов искусства и архитектуры.

И это не просто натурная живопись, а главная сущность живописи (и любого формо-пространства или конструкции) – цвет, во всех его множественных проявлениях. Именно он предстает объектом изучения. Стремление выявить истинные компоненты реального мира через анализ цветовой структуры, определение цветовых составляющих, проявление пространственности и фактурности цвета характеризуют основные направления и методические установки Л. Поповой и А. Веснина.

При этом пристальное и пристрастное «рассматривание» цветовых возможностей и свойств, творческая инициатива и индивидуальные исследования отражают идеологию глубокого и всестороннего знакомства с цветом как базовой категорией профессии. Сочетание натурной работы с формальным, абстрактным «композированием» и последующим изучением цвета «как реального производственного материала, а не эстетического придатка» в программах Г. Клуциса, наряду с лекционными курсами цветоведения С.В. Кравкова, – все это закладывает систему целостного, комплексного обучения цветовой дисциплине.

Сформулированная Г. Клуцисом идея-концепция нового подхода к обучению цвету в архитектурно-художественном образовании: «...Отныне живописи нельзя учить живописью...» – отразила не только сложившееся к этому времени представление о цветовом образовании, но и во многом предопределила тенденцию развития этого направления в настоящее время. Если отвлечься от категоричности высказанного лозунга-идеи, то становится совершенно естественной и целесообразной методическая установка

Изучение формообразующих возможностей цвета.
(Студентка Н. Угрюнинова, рук. О.Е. Железняк)

на необходимость обращения к различным способам работы с цветом в процессе профессиональной подготовки. И в этом смысле идея-лозунг, предложенная Клуцисом, представляется нам плодотворной и современной по сей день, так как фактически задает и отражает концепцию комплексного цветового образования.

Отдельные тенденции такого понимания основополагающей роли цвета и его методических интерпретаций в процессе профессиональной подготовки, свойственные советскому авангарду, нашли отражение в структуре базового курса живописи для архитекторов, в разработанных кафедрой МАРХИ программах колористики – учебной дисциплины и научного представления-предмета (70-е годы XX века). В них П.П. Ревякин (зав. кафедрой живописи МАРХИ), формулируя идею колористики как науки и учебного предмета, предлагает различить формальные и содержательные категории цвета. Он включает в «сферу действия и проявления» цвета физику, физиологию, психологию и эстетику, определяя место и значение колористики в каждой из них. Сообразно этому учебный курс колористики делится на адаптации, иллюзии, эмоции, ассоциации и тенденции, соответствующие «основным группам закономерностей», действующим «в субъективной сфере в процессе творчества». Позднее, в 1989 году, курс архитектурной колористики, созданный в МАРХИ под руководством А.В. Ефимова на базе всестороннего анализа и критики предыдущих разработок, выделяется в отдельную дисциплину, которая начинает изучаться одновременно с курсом живописи и затем вводится в образовательные стандарты архитектурных специальностей³.

Сегодня многие современные архитектурные и художественные школы / вузы, отдавая должное классическому цветовому обучению в курсах живописи, наряду с этим (в рамках вузовского компонента, дисциплин по выбору или спецкурсов) также имеют развитые циклы цветоведения, сформировавшейся в последние годы XX века дисциплины «Колористика»; авторские методики цветовой композиции, прикладной цветопсихологии, изучения основ цветового проектирования и моделирования, цветовой традиции и современной колористической культуры и т.д. Нередко все эти циклы объединяются в единые курсы, охватывающие всю специфику восприятия цвета, формально-организующие и образные свойства цвета и т.д.

Авторская концепция цветового образования⁴ исходит из представления цвета как парадигмы культуры и части картины мира, одного из ее первоэлементов, и отражает идею комплексного подхода к обучению цвету в художественно-проектном образовании, сочетающего в себе натурную живописную, композиционно-аналитическую, исследовательскую и проектную работу с цветом, изучение цветового феномена в широком контексте жизни цвета в культуре и деятельности человека, что и представляет, на наш взгляд, целостную систему познания цвета.

Несомненно, наряду с собственным педагогическим опытом, на формирование методических установок и методологических ориентиров (авторской концепции) оказало влияние знакомство с различными современными и традиционными методиками.

Как специфическую характеристику предлагаемой методики следует особо выделить обращение к субъективным цветовым представлениям в процессе обучающей работы с цветом, что происходит в разных формах и типах упражнений. Помимо того что такие задания являются своеобразными тестами на психологическое состояние студента и «тренингами», выделение субъективных цветовых стереотипов как составляющей личной культуры, способа и средства идентификации и самоидентификации будущего профессионала представляется крайне важным моментом базового цветового образования для проявления индивидуальных характеристик субъекта. Осознание собственных предпочтений и сформировавшихся «шаблонов», взаимовлияния между личностными цветовыми представлениями (и стереотипами) и становящейся профессиональной цветовой культурой необходимо для последующей работы с заказчиком.

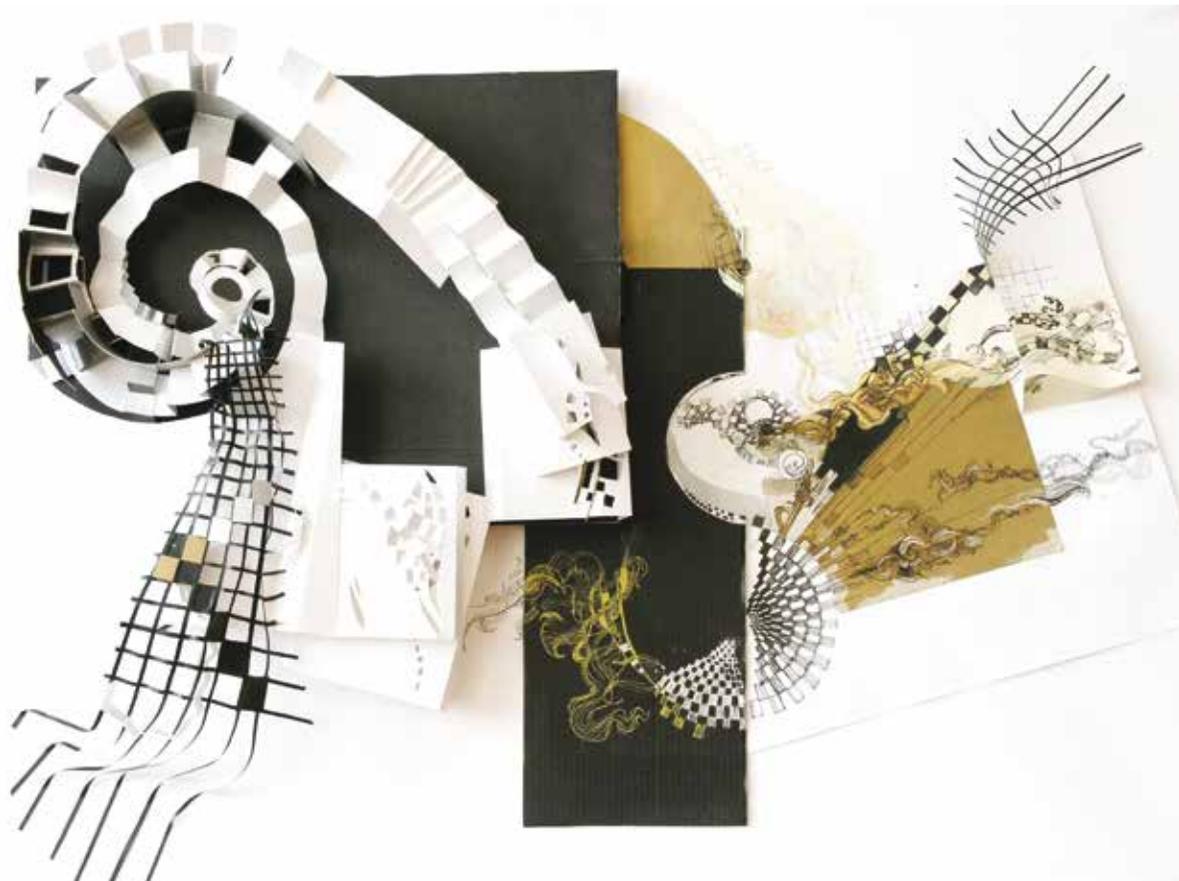
Цветовая идентификация образов, проявление «содержательных» возможностей цвета, наряду с изучением эмоционального и психофизиологического воздействия цветов также составляют важную часть колористической подготовки художника проектировщика.

Еще одним обязательным разделом авторской концепции становления и развития колористической культуры, приобретения знаний и навыков работы с цветом является овладение основами формообразующих и пространственно-организующих свойств цвета.

Подчеркивая важность изучения цвета и формы, «цветопластической конструкции» живописи, Малевич еще в 1915

Комплексное решение проблемы создания целостной цветосветовой среды. Дипломная работа; автор Е. Киселева, рук. О.Е.Железняк

Цвет и образ.
Композиционная работа
(Студентка В. Комарова,
рук. О.Е. Железняк,
Т.Ю. Смертина)

году утверждает «раскрашенную плоскость» как «самую элементарную форму выражения» чистого цвета, «освобожденного от давления предметов»⁵. Отрицая традиционные взаимоотношения формы и цвета, «новая живопись», фактически, создает новую систему взаимодействия цвета и формопространства, что впоследствии собственно и проявляется во всех учебных курсах архитектурных и художественных институтов и мастерских, в проектных работах, в прикладных и научных исследованиях по цвету. Оптические цветовые иллюзии, цветовые трансформации геометрических параметров формы и пространства, моделирование формообразующего воздействия цвета в различных сферах профессиональной деятельности образуют целый блок заданий и упражнений и включены в различные циклы художественно-проектной подготовки.

Изучение цветовой культуры обращено к специфике традиционного бытия цвета с выявлением традиционных способов воспроизводства и трансляции цвета, к особенностям советского периода и современному отечественному и зарубежному опыту работы с цветом. Выделение профессиональных и непрофессиональных составляющих цветовой культуры является немаловажным моментом для понимания процесса возникновения цветковых образов, их создания и формирования цветовой среды, а также осознания их воздействия и восприятия / освоения потребителем. Цветовая символика, цветовые стереотипы являются результатом сложного взаимодействия различных факторов между собой и во многом предопределяются самим процессом сложения цветокультурных норм.

Колористика как сфера профессиональной деятельности, наука, объект и метод; цветовое проектирование и специфика цветковых объектов; цвет, образ и функция в дизайнерской композиции; цветовое формообразование и образная концепция в структуре сложной объемно-пространственной композиции – все это находит отражение в комплексе композиционно-проектных заданий.

Работа в городе, с городской средой также строится на сочетании натурной, композиционно-проектной и иссле-

довательской работы. Она включает в себя не только познание законов восприятия и передачи цвета на открытом воздухе и особенностей архитектурной полихромии, но и цветовых характеристик стиля, закономерностей создания цветковых целостностей, особенностей становления цветокультурной нормы и пр. Все это позволяет в реальном пространстве обратиться к цветовой традиции места, к культурным представлениям и современным тенденциям в профессии, что в свою очередь требует осмысления категорий «целостность» и «специфичность». В связи с этим для учебного процесса важным становится формирование навыков проявления и считывания цветовой целостности (как объекта и процесса, как социокультурного и чисто профессионального явления), ее качеств и характеристик, способов исследования и создания, а также трансмутационных взаимодействий внутри целостности. Еще одним важным моментом для работы в городской ситуации является сложение и развитие навыков исследования и определения специфических, сущностных характеристик места, отличительных цветковых черт городского пространства, архитектурной среды и ее наполнения (приемы, методы, средства выделения).

В целом программа подготовки в вузе представляет собой первый этап становления профессионального сознания проектировщика. Соответственно, конечной целью всего комплекса цветковых дисциплин является формирование базовых основ цветовой культуры, авторского цветкового языка и навыков цветкового проектирования предметно-пространственной среды, для чего предусматривается практикум и теоретический курс по цветовым художественно-проектным дисциплинам как целостная программа цветкового изобразительного, композиционно-аналитического и проектного обучения. Дальнейшее развитие индивидуальной колористической культуры происходит в процессе профессиональной художественно-проектной работы в разных сферах деятельности на базе заложенных в процессе обучения ключевых парадигм существования цветкового пространства.

Шард Лондон Бридж / Shard London Bridge

Место: Лондон,
Великобритания
Архитектор: Renzo Piano
Тип: многофункциональный
комплекс

Это сооружение, достигающее 310 м в высоту, станет самым высоким зданием в Европе и, возможно, главной достопримечательностью Лондона. Спроектированная итальянским архитектором Ренцо Пьяно, устремленная в небо башня-шпиль будет покрыта «сверхбелым» стеклом, цвет которого станет меняться в зависимости от естественного освещения, так что в солнечную погоду сооружение будет выглядеть как ярчайший луч света, а в пасмурную казаться почти невидимым. С близкого расстояния пронзающая небо конструкция будет выглядеть еще более высокой, а многослойные стеклянные фасады будут покрыты сложным геометрическим узором; такая изысканность отделки – редкость для современных небоскребов.

Лондонский Бридж-тауэр – www.allremont.com.ua/content/view/45/2, www.archi.ru/foreign/news/

Renzo Piano Building Workshop – www.rpbw.rui-pro.com

Официальный сайт проекта: www.shardlondonbridge.com

Использован материал сайтов: www.shardlondonbridge.com, www.allremont.com.ua

Санкт-Якоб Турм / St. Jakob-Turm

Место: Базель, Швейцария
Архитектор:
Herzog & de Meuron
Тип: многофункциональный
комплекс

Новая постройка будет содержать в себе одновременно и офисы, и квартиры. Также в ходе чемпионата в ней расположится пресс-центр УЕФА. Решение здания в виде башни определено небольшой площадью участка под застройку, а также – задачей предоставления всем будущим владельцам офисных помещений и жилья панорамных видов из окон и защитой их от излишнего солнечного света.

Первый ярус будет занят магазинами и открытыми для всех общественными пространствами с естественным освещением и вентиляцией. Над ним идут два этажа конторских помещений, а с пятого по тринадцатый этажи с северо-восточной стороны расположатся офисы, и с юго-западной – квартиры. Четырнадцатый этаж будет полностью отдан под жилье.

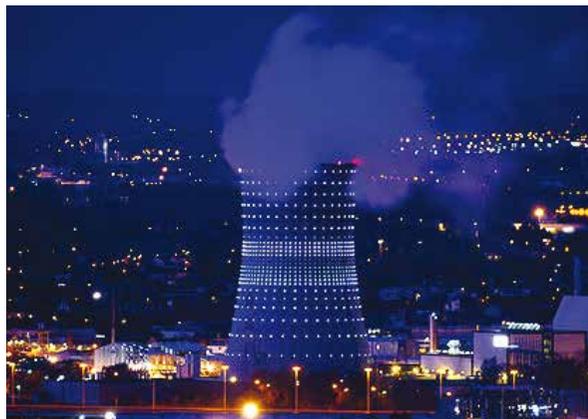
Сами архитекторы описывают форму здания как «заточенную призму».

В Базеле начато строительство высотного здания в комплексе футбольного стадиона «Санкт-Якоб» – www.archi.ru/foreign/news/

Страница Herzog & de Meuron на портале archinform – eng.archinform.net/arch/291.htm

Использован материал сайта: www.st-jakob-turm.ch

Игра иллюзий

текст
Инна Дружинина

Еще в древности зодчие демонстрировали не только высокохудожественное мастерство, умение выполнять гениальные инженерные и астрономические расчеты, но и знание оптических приемов. Сегодня, благодаря развитию оптических наук, на архитектурном рынке появляются новые материалы, делающие доступной интерактивную медиаархитектуру. Декоративно-театрализованные архитектурные фасады со светодиодным освещением или светоцветовая среда помещений создают совершенно иное пространство. Медиаприемы позволяют добиваться футуристической новизны.

Оптическая игра с пространством, которую придумал около трех десятилетий назад Феличи Варини, порой может вызвать шок. Использование геометрических форм

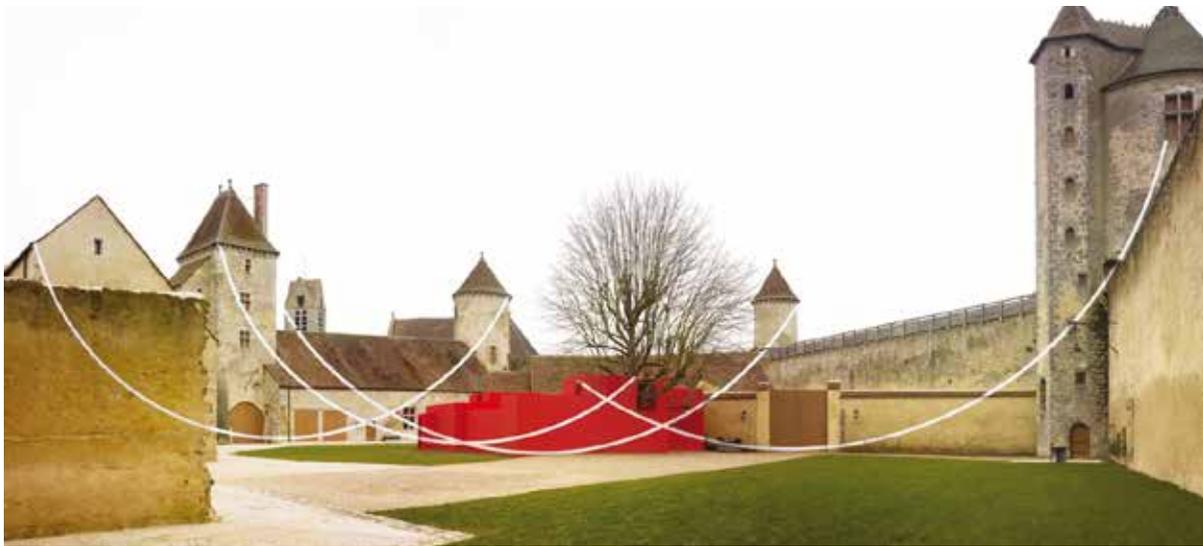
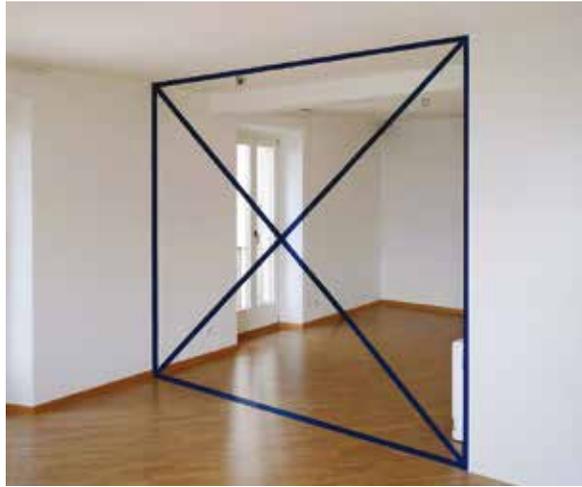
или цветных пятен в интерьере или экстерьере не является чем-то новым. Но висящий в воздухе в дверном проеме перекрестный прямоугольник или парящая мишень визуальнo и психологически не позволяют проходить за границы «дозволенного». Этот эффект достигается светопроецированием конкретной геометрической композиции с определенной точки помещения. Под любым другим углом зрения вся композиция преобразовывается в непрерывные полосы или разрозненные рисунки. Изображения, тянущиеся по всему помещению, включая перепады и выступы стен, пола, потолка, колонн или вдоль фасадов здания разрушают традиционные представления о цвете и пространстве. При этом сохраняется целостность образа объекта, звучащего по-новому.

Дополнительная информация на сайтах:
www.varini.org
www.habrahabr.ru

Эта техника и ее многочисленные вариации уже получили широкое распространение в Европе в рисунках на асфальте, фасадах домов. Аксель Пеемеллер выполнил систему навигации в паркинге самого высокого в Мельбурне небоскрёба Eureka Tower. Его художественные изображения в той же технике несут не только эстетическую функцию, но и информативную. Возможно, в будущем так будет решаться не только система въезда и выезда с парковок, но найдет логическое продолжение в дизайне рекламы или, например, в дорожной разметке.

И вновь передвижение в пространстве превращается в поиск точки обзора, где картина сложится как пазл и «повиснет в воздухе».

Современный интерьер и свет

текст
Марк Меерович

Окна в современном жилом интерьере почти перестали играть свою традиционную роль источника света – они превращаются больше в своеобразные панно, формирующие цвето-фактурную составляющую интерьера. А основной световой поток несет искусственный свет. Частный интерьер. Диз. А. Якубовский, конс. М. Меерович, Иркутск, 1995

XX век привнес в человеческую культуру не только понятие «пространство», но и феномен «света». Философское, научное, культурологическое осмысление этих понятий никак не обеспечило их связи. Для любого дизайнера интерьера их объединение в рамках одного проекта является не следствием применения теоретического постулата, не итогом нормативного использования того или иного набора средств, но результатом либо эксперимента, либо творческого озарения, либо интуиции. Не столько теоретическое сознание, сколько сама практика архитектуры и дизайна XX века воплотили эти понятия в реальность: свет размывает плоскости, помещения выходят за рамки стен, распахиваются, следуя за световыми ориентирами, перетекают друг в друга. Сооружения перестают быть укрывными убежищами. «Светонесущее пространство» становится универсальным средством взаимосвязи помещений и главным «смыслом» интерьера.

Коридор может превращаться в своеобразную световую нить Ариадны, направляющую посетителей и постоянных обитателей в «нанизанные» на нее помещения. Здесь воплощены три «светонесущих» структуры – «площадное», «экспозиционное» и «микрофункциональное» освещение. Частный интерьер. Диз. М. Меерович, А. Якубовский, Иркутск, 2001

Сегодня традиционные элементы интерьера перестают играть свои традиционные роли. Окна, вещи, двери, оборудование в современном интерьере несут иной, чем прежде, культурный, мировоззренческий и даже утилитарный смысл.

Окна перестают играть свою роль единственного источника света (и воздуха) – они закрываются шторами, жалюзи, занавесями, причем в два, три слоя, заменяются кондиционерами. Они становятся, скорее, искусственными цветными и фактурными панно, нежели естественными источниками света. По сути, окон как отверстий, через которые «внешнее» входит вовнутрь, больше нет – современная концепция освещения почти полностью исключает окна как источник света. Есть внутренний «световой кокон», искусственная световая аура, возникающая, благодаря усилиям и таланту дизайнера, внутри помещения. Она создается, а затем существует по своим законам, превращаясь как бы в универсальный атрибут интерьера.

Вещи и сегодня продолжают оставаться знаками персоны владельца. Но таинственно-уникальное отношение к вещам, свойственное нашим бабушкам, у современных владельцев сменяется отношением обладания «орудиями» (обеспечивающими достижение утилитарной цели) или «знаками» (обозначающими причастность, престиж, статус и проч.). Вещи в современном обществе потребления – это мощнейшие знаки; это реликвии и ценности. Для многих они являются главным содержанием жизни. Наряду с теми, кто в соответствии с традицией связывает облик вещей со своим воображаемым обликом, все больше тех, кто связывает стоимость вещей со своим желаемым местом в социальной иерархии.

Дизайнеру интерьера необходимо знание о предметах, наполняющих интерьер, как о знаках, символах, магических предметах, энергетических носителях, культурных при-

чудах, объектах любования, объектах поклонения. Только в этом случае световое решение становится «вещно-ориентированным», т.е. зависящим от вещи, выявляющим и подчеркивающим и ее саму, и ее место в интерьере.

Современный дизайнер прекрасно представляет, как располагать и употреблять вещи в соответствии с их утилитарным предназначением. Эргономика почти за сто лет своего существования исчертила, пожалуй, все возможные графики и схемы оперирования человека приборами, вещами, оборудованием. И здесь что-нибудь может измениться лишь с изменением антропологических параметров человеческого тела. Область же культурного (социокультурного), эмоционально-психологического взаимодействия света и вещей (особенно вещей современных) – сфера до сих пор абсолютно не изученная. Вещей много и они разные – личные, семейные, публичные, нейтральные. И существуют они не только для реализации определенных утилитарных функций.

Искусственный свет в современном интерьере не однороден – указующий, манящий, фиксирующий, нейтральный, акцентирующий, всеобъемлющий. И существует он вовсе не для утилитарного замещения света естественного. Он превратился в самодостаточную ценность. Искусственный свет сегодня становится знаком особо укромной интимности. Поэтому так сильна мода современного дизайна интерьера скрывать источники света. Исходящий из многих невидимых источников, свет накладывает на вещи и оборудование, на стены, потолки и полы, занавеси и комнатные растения особую значимость, подчеркивая важность их присутствия, их репрезентативный вид, их неординарность. Свет выступает спутником каждой вещи, он символически оттеняет ее место и статус, приподнимает бытовое значение предмета до таинственной неординарности, выделяет и подчеркивает тот или иной элемент интерьера.

Дверь перестает играть роль границы двух миров: сакрального – дом или квартира, в которых обитают владель-

цы и которые они обустривают в соответствии со своим представлениями о «порядке», о «должном», – и профанного – внешний мир, в котором живут все остальные и в котором царят «хаос» и «неустроенность». Дверь перестает выполнять функцию знака персоны владельца, становясь, в отечественной действительности, все больше лишь средством безопасности. Освещение входной зоны, заменяя пограничную функцию двери, становится способом фиксации того порядка, который ждет посетителя внутри. Ясность и простота. Интимность и таинственность. Страстность и энергичность. Свет способен с первых шагов восприятия пространства интерьера задать стиль и способ его чувственного освоения и «тональность» дальнейшего обживания.

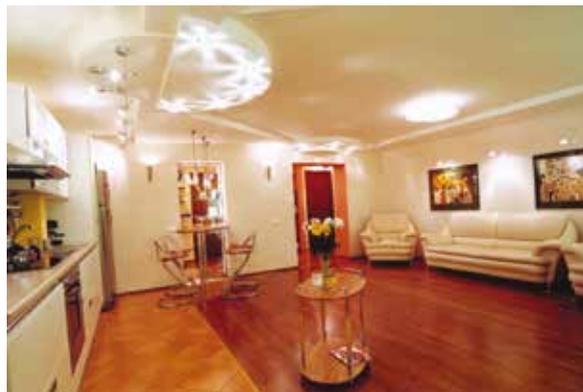
В современный интерьер активно возвращается зеркало, претендуя на некогда утраченное значение символического объекта. «Как источник света, зеркало представляет собой особо отмеченное место в комнате: в богатом доме оно всякий раз играет роль избытка, излишества, отсвета, в этом предмете выражается богатство, и в нем уважающий себя буржуазный хозяин обретает преимущественное право умножать свой образ и играть со своей собственностью»¹. В современном интерьере создаваемые зеркалом оптические эффекты искажают пространство, придают ему чарующую неопределенность объема. Зеркало усложняет формы вещей, заставляя их смотреть на своих нематериальных двойников; насыщает внутренний объем помещения глубиной иллюзорных пространств. Зеркало умножает источники света, делает их более таинственными за счет нематериальности их отраженного существования. Зеркало прячет материал вещи, являя его оборотную сторону из высветленной направленным светильником таинственной дымки зазеркалья.

Семейный портрет, семейные фотографии – неизменные составляющие традиционного интерьера. Свадебная фотография в супружеской спальне, ростовой или групповой портрет хозяина дома в гостиной, развешанные повсюду изображения детей или репродукции шедевров мировой живописи. Сегодня каждое место размещения подобных изображений играет роль своеобразных «заданий на локальное освещение», потому что современная концепция освещения интерьера требует направленного освещения каждого предмета, который несет для обитателя интерьера не просто утилитарное значение.

Подобные вещи на разных этапах эволюции интерьера по-разному отвечали вкусам и моде: в дворцовых интерьерах XVIII века они фокусировали на себе целостность пространства; в эклектике лишь драпировали стену; в модерне вписывались в декоративное убранство комнат. В современном интерьере фотографии попрятались в альбомы, а стены и полки все плотнее оккупируют знаки причастности: к миру искусства, престижным местам пребывания, религиозным конфессиям, знаменитостям и проч. Но если фотографии все же появляются, то непременно в сопровождении светильников, призванных

сияющим ореолом приблизить портретный лик к зрителю. Светильники в этом случае концентрируют марево растворяемой светом стены в своеобразное паспарту, фон-подкладку.

В традиционном интерьере, предметно-вещный ансамбль формировался в течение длительного времени. Традиционный вкус подбирал и компоновал в интерьере вещи постепенно, по мере их появления в жизни хозяев. Композиция разрасталась сама собой – новой вещи находилось место в рамках уже сложившегося целого, и ее появление гармонично изменяло самое целое, создавая новую целостность композиции интерьера. Предметно-вещный ансамбль являлся результатом естественного накопления вещей и их «самопритирки» друг к другу – те, что не подходили, «не вставали на место» и диссонировали – переставлялись, убирались, заменялись. А те вещи и предметы быта, что оставались, несли их владельцу свое осмысленное значение – воспоминаний (безделушки, открытки, фотографии); самовыражения (портреты хозяев дома, дипломы, грамоты о наделении титулами и проч.); поклонения (портреты предков, фамильное оружие и т.д.); престижа (произведения искусства, сувениры).

Отсутствие в магазинах светильников, позволяющих одновременно обеспечивать «площадное» и «микрофункциональное» освещение, принуждает дизайнеров проектировать штучные светильники, соответствующие масштабу и зонированию помещения.

Частный интерьер.
Диз. М. Меерович,
А. Якубовский,
Иркутск, 2002

1. Жан Бодриар. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. С. 17.

Источники света умножаются в зеркале, делаются более таинственными за счет своих нематериальных двойников; подчеркивая расширение внутреннего объема помещения глубиной иллюзорных пространств. Зеркало прячет материал вещей, являя его, оборотную сторону из высветленной направленным светильником таинственной дымки зазеркалья.
Частный интерьер.
Диз. М. Меерович,
А. Якубовский, Н. Шубина
Иркутск, 2000, 2001

Появление в современном интерьере картин, репродукций, фотографий или знаков причастности, сопровождается светильниками, которые превращают растворяемые светом стены в своеобразное паспарту, фон-подкладку.

Арх. Меерович М.,
Якубовский А. 2004.

Специальные светильники иногда приобретают совершенно необычные функции – создателя иллюзий. Небольшая лампа – и на гладкой стене вдруг возникает окно и даже дерево за окном.
Диз. Адам Франк, 2007

2. Проектирование искусственного освещения интерьера с участием, например, верхнего естественного освещения, а также системы освещения (подсветки) экстерьера здания необходимо осуществлять на основе иных принципов.

Несущие чувственную нежность в своих плавных изгибах чаши гидромассажных ванн живут почти самостоятельной, напряженной, вибрирующей жизнью, эффектно подчеркиваемой светом. Частный интерьер.
Диз. М. Меерович, А. Якубовский, Иркутск, 2001

Искусственный свет становится знаком особо уюточной интимности. Нижний свет создает театральный эффект, накладывающий на вещи и оборудование, стены и потолки, занавеси и комнатные растения и даже на присутствующих в интерьере людей особую значимость, подчеркивая их неординарность, необычность, индивидуальность. Частный интерьер.
Диз. А. Якубовский, конс. М. Меерович.

Сегодня композиция изначально создается единомоментно, уже на стадии проектирования планировки и структуры пространства в целом. И вещи все больше подбираются целевым образом в соответствии с требованиями композиции и занимают изначально предписанные им в проекте места. Также целенаправленно подбирается и формируется (в соответствии с расстановкой вещей и предметов оборудования) и композиция светового антуража. Но в результате этого жилище все более утрачивает свое традиционное качество – выражать мир души хозяев. Оно перестает цениться за удобство, уют и интимность обстановки. Оно все более становится персонально ориентированным знаком, с помощью которого хозяева утверждают свое положение в существующем мире и относительно друг друга. Сегодня в основе диалога с внешним миром, в который вступает значительное количество людей посредством интерьера, лежит «выставочная» концепция домашнего убранства. Вещи изначально превращаются в элементы строгой связности, создаваемой дизайнером. Они выступают в роли фрагментов формируемой мастером целостной структуры композиции интерьера. Дизайнер, так же, как и художник при написании картины, бдительно отслеживает целостность композиции, осуществляя взаимосогласование и упорядочивание элементов и удаляя все лишнее и случайное. И орудием его творчества, помимо других средств, выступает свет (скрывающий и подчеркивающий, кричащий и затуманивающий, влекущий и указующий).

Коль скоро современный интерьер уже «неприлично» делать своими руками, то «самодельным» становится управление им. Хозяева с удовольствием демонстрируют возможности домашней машинерии. Упрятанные в изгибах мебели и в «нарочито скрытых» закутках пространства, бары и барные стойки приоткрывают свои недра, манящие не только хрустальной частотой. Скрытые в карнизах невидимые светильники, управляемые из переносных пультов, создают почти органный полифонию световых аккордов. Источники света, встроенные в подиум, несут театральные эффекты, дематериализуя массы и «переворачивая» верх и низ. Отъезжающие либо складывающиеся перегородки распахивают новые пространственные перспективы. Иная ипостась сущности света – «электроэнергия» посредством широкого спектра бытовых приборов: кондиционеров, увлажнителей, нагреваемых полов и т.п. – разворачивает перед восторженным

зрителем климатический калейдоскоп. Несущие чувственную нежность в своих плавных изгибах чаши гидромассажных ванн живут почти самостоятельной, напряженной, вибрирующей жизнью. Ставшие уже обязательными компьютерные «оазисы» – своеобразные «двери в виртуальность» – своими светящимися экранами обозначают зоны близкого будущего. Проекционные кино- и слайдоустановки, неожиданно превращающие потолки и стены в живые изображения, привносят в жизнь почти сверхчеловеческую активность.

Для идеологии современного светового дизайна обращение к чувственно-эмоциональной, символической, биоэнергетической природе интерьера, становится очередным шагом на пути изменения самого подхода к проектированию световой среды интерьера.

Можно указать на шесть накладывающихся друг на друга и сложным образом взаимодействующих «светонесущих» структур, составляющих, в конечном счете, систему современного освещения жилого интерьера²:

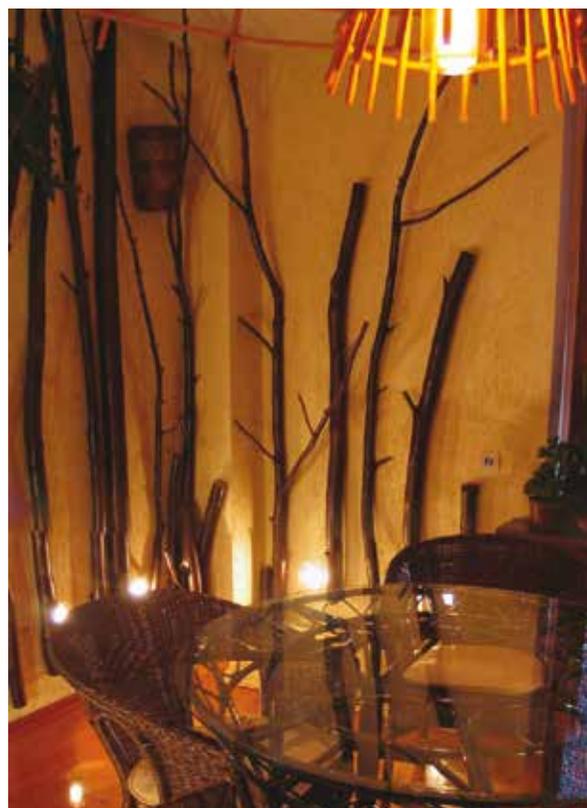
Первая – «микрофункциональное освещение» – осветительные приборы (как правило, точечные источники света) располагаются в микрофункциональных зонах (формируемых дизайнером в проекте интерьера). Их расположение, стилистика, мощность, спектр, степень мобильности, внешние свойства определяются той конкретной функцией, которую они обеспечивают. Светильники подбираются и рассчитываются исключительно в расчете на освещение конкретной микрозоны и выполняют больше утилитарную функцию, нежели какую-либо иную.

Вторая – «площадное освещение» – целиком освещающее (как правило, из одного источника света) всю площадь каждого отдельного помещения.

Третья – «экспозиционное освещение» – выделяющие и заостряющие внимание зрителя на отдельных экспозиционных точках интерьера (вещах, картинах, фотографиях, знаково-символических элементах, нишах, вазах, фито-дизайнерских композициях и проч.).

Четвертая – «сценическое освещение» – слайд-изображения, экспонируемые на экраны, стены, потолки диапроекторами, кинопроекторными установками, цветомузыкальными системами, цветовыми подсветками и проч.

Пятая – «специфические эффекты освещения» – осветительные приборы со специфическим спектром света, или

светофильтрами, или цветными лампами, «бегущий свет», «звездное небо» и т.д., обеспечивающие светоцветовые эффекты в целях создания определенного настроения (праздничный, спокойно-расслабляющий, возбуждающий или любой другой, в соответствии с темпераментом заказчика или ситуацией, «разыгрываемой» владельцем квартиры).

Шестая – к этой же структуре следует отнести и «специальные технические» осветительные приборы – эвакуационные светильники, лампы ультрафиолетового облучения для стимуляции роста растений в условиях отсутствия естественного света, приборы для кварцевания помещений и т.д.

Каждая из этих «светонесущих» структур предполагает не только автономное функционирование, но и разбивку на отдельные группы. В частности, «микрофункциональное освещение» разбивается на группы по числу микрозон, предусматривающее, в том числе, и розетки для переносных светильников – торшеров, настольных и напольных ламп и т.п.

Каждая из этих «светонесущих» структур предполагает свои типы светильников и может в процессе проектирования системы освещения объекта (интерьера) «выдвигать» свои требования к стилю, форме, материалу, характеру крепления, степени мобильности, устройству самой световой арматуры, что позволяет осуществлять подбор или эксклюзивное проектирование светильников.

Современное проектирование системы освещения жилого интерьера есть фактически создание и взаимоувязка шести вышеуказанных «светонесущих» структур в единое непротиворечивое целое.

При разработке системы освещения помещения, безусловно, следует специально прорабатывать и отдельную «техническую» структуру – питание электроэнергией всей «машинерии» (холодильников, стиральных машин, телефонных аппаратов, микроволновок, кофеварок, пылесосов, телевизоров, звуковоспроизводящей аппаратуры, джакузи, подсветки бассейнов и гидропомп миниатюрных водопадиков, компьютерных сетей и проч.). Сюда же следует отнести и слаботочные установки: телефонные кабели, телевизионные антенны, модемные линии, систему охранной сигнализации, систему наблюдения, домофоны и внутридомовые переговорные устройства, систему домашних кинотеатров, систему типа «умный дом» и т.п.

Система освещения современного интерьера – это не только изумительная возможность эксперимента с символическими, знаковыми, эмоциональными, психофизиологическими феноменами за счет оперирования с цветом и светом, но и практически до сих пор так и не развернутая область очень специфической теории дизайна, способной интуитивные находки превращать в рецептуру, а творческие озарения – в выверенный арсенал и эффективно работающие проектные средства.

Светильники, объединенные в группы, сопровождают каждую микрофункциональную зону. Каждая группа светильников включается отдельной (или несколькими) клавишей выключателя. Частный интерьер. Диз. М. Меерович, А. Якубовский, Иркутск, 2002

Современный дизайнер бдительно отслеживает целостность вешной и световой композиции, осуществляя взаимосогласованность и взаимопорядочивание элементов. Он изначально ставит вещи в строгую связность друг с другом, подчеркивая их значение и место освещением.

Частный интерьер. Диз. М. Меерович, А. Якубовский, Иркутск, 2001

Специфические эффекты освещения способны придать помещению совершенно иной вид, нежели привычный повседневный. Создать праздничное настроение. Или любое иное, в соответствии с темпераментом заказчика или сценарием, «разыгрываемым» владельцем квартиры. Частный интерьер. Диз. М. Меерович, Б. Стасенок, Иркутск, 1999

«Экспозиционное освещение» способно подчеркивать и выделить не только отдельные предметы – вещи, картины, фотографии и проч., но и специально сформированную пластику стены. Частный интерьер. Диз. М. Меерович, А. Якубовский, Иркутск, 2002

Реконструкция и дизайн-проект интерьера кафе «АвтоСОС»

Авторский коллектив:
Ирина Теплякова,
Евгений Гришкевич

Кафе входит в комплекс общественных заведений, объединенных автомобильной темой (СТО, автомойка, магазин автозапчастей).

Планировочное решение, обусловленное конструктивными возможностями расширения площадей, поставило перед авторами проекта задачу гармонизировать вытянутое помещение основного зала с низким потолком. Графические и декоративные приемы, которые были использованы, просты в исполнении и в тоже время решают поставленную задачу. Помещение основного зала условно разделено на две части. Зона бара, жирно и убедительно подчеркнутая цветом и подсветкой, и зона танцпола, обрамленная четырьмя вертикальными оранжевыми полосами на стенах. Черный лаковый натяжной потолок удачно сочетает автомобильную тематику с высокими отражающими свойствами, он создает ощущение таинственности и бездонной глубины. Из него выплывает плоскость подвесного острова (в котором расположена вентиляция и основной свет).

Цвет интерьера напрямую связан с функцией: оранжевый возбуждает аппетит и поднимает настроение. Основным фоном служит светло-кремовый, визуально расширяющий помещение и делающий его более теплым. На полу фактура натурального темно-коричневого дерева, которая добавляет естественности и уюта. В целом цветовое решение построено на контрасте к унылому

монохромному пейзажу за окнами. Авторы старались убедить посетителя, что, войдя внутрь, он попадает в яркий мир позитивных эмоций. Освещение интерьера многоцелевое и гибкое, оно позволяет подстроиться под настроение или задачу, например добавить «клубности», оставив включенными лишь светодиодную подсветку в натяжном потолке, или включить основной свет, объединив помещение зала.

Автомобильная тема в интерьере решена опосредованно, за счет намеков и тематических отсылок. В первую очередь это диванные группы (выполненные на заказ по эскизам авторов), которые хотя и снабжены подголовниками, все-таки не являются автомобильными креслами в прямом смысле. К таким приемам можно отнести и точечные галогеновые светильники, напоминающие фары. Двери, купленные на авторазборках, выкрашенные под «хамелеон» и обрамленные в раму из ажурного багета, по замыслу авторов, представляют собой скорее арт-объект, чем прямую цитату. Стеклянные столы и барная стойка выполнены в той же стилистике.

На контрасте к основному залу в духе классических мотивов решен зал «VIP».

Помещения двух санузлов заигрывают друг с другом при помощи цветовых приемов, находясь в постоянном «диалоге».

Каждый охотник желает знать...

К вопросу о манипулятивных возможностях цвета

Для дизайнера свет и цвет – средства выразительности при проектировании. Поскольку около 70% людей являются «визуалами», то есть воспринимают в первую очередь зрительную информацию, проблема прогнозируемости их воздействия становится весьма актуальной в современном дизайне, архитектуре, рекламе и т.д. В различной литературе постоянно говорится о его влиянии, о некоем воздействии цвета и даже возможности манипулировать сознанием с его помощью. Манипулятивные возможности цвета в дизайн- и архитектурном проектировании кажутся той уникальной технологией, которая, якобы, может дать стопроцентно эффективный результат. Поэтому и публикаций, особенно связанных с рекламным воздействием цвета и света, огромное количество. Казалось бы, все так просто: покрасил упаковку, товар или стены в определенный цвет – и потребитель уже покупает ваш товар, ходит в ваш магазин или ресторан, предпочитает ваш салон и т.д.

«Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент»¹.

Чтобы разобраться, возможно ли манипулятивное воздействие цвета, необходимо вспомнить, что понятие цвет имеет два значения. Во-первых, оно может относиться к характеристике самого источника света, и это вполне физическое явление – электромагнитная волна, которая имеет длину, мощность и т.д. и подчиняется физическим законам; во-вторых, оно может относиться к психологическому ощущению, вызванному наблюдением самого источника или отражением света от некоего объекта. При этом надо помнить, что различный спектральный состав света может давать одинаковый отклик на зрительных рецепторах (эффект метамерии цвета), а также, что количество цветов приближается к бесконечности (компьютерный монитор воспроизводит 16 мил. цветов), соответственно многие из них не имеют названия. В то же время свет не бывает – черного, серого (ахроматический цвет), коричневого, бурого, пурпурного света. Также важно, что само электромагнитное излучение цвета не имеет, цвет появляется в нашем мозге, но, как всякое излучение, оно может воздействовать на весь организм, передавая его клеткам свою энергию.

Соответственно, влияние цвета на человека можно рассматривать в двух отношениях – физиологическом и психологическом. Еще в начале XX века Василий Кандинский писал: «Цвет может осуществлять как чисто физическое воздействие, так и психическое. Если в первом случае зритель просто испытывает чувство удовлетворения, радости или же раздражения, то во втором случае обнаруживается психическая сила краски, она вызывает душевную вибрацию. Так как душа, в общем, крепко связана с телом, то, возможно, что душевное переживание путем ассоциации вызывает другое, ей соответствующее»².

Объективное физиологическое воздействие цвета подтверждено экспериментальным путем и зависит от количества, качества, времени воздействия, особенностей нервной системы, возраста, пола и других факторов. Физиологическим действием на весь организм человека объясняются явления, вызываемые в процессе облучения организма человека светом определенной длины волны, от которой зависит цвет. Цвет, в особенности при максимальной его насыщенности, например, красный, возбуждает нервную систему,

вызывает учащение дыхания и пульса и активизирует работу мускульной системы. Синий цвет оказывает тормозящее действие на нервную систему. Оранжевый и красный цвета возбуждают, вместе со зрительным, и слуховой центр мозга, что вызывает кажущееся увеличение громкости шумов. Все эти явления подтверждаются многочисленными исследователями. Но необходимо отметить, что когда говорится о физиологическом воздействии цвета, речь идет о характеристике самого источника света, облучающего весь организм. Но, несмотря на обилие экспериментального материала по специфике зрительного восприятия, вопрос, можно ли, используя цвет, добиться от человека более сложного действия – например, создать предпочтение при выборе того или иного товара, – остается открытым.

На этот вопрос пытался ответить швейцарский психолог Макс Люшер. Интересно, что свои исследования он проводил по заданию одной рекламной фирмы. Однако, постигнув всю глубину и сложность проблемы, ученый стал разрабатывать ее фундаментально. В конечном итоге его усилия привели к созданию системы психодиагностики, которая до сих пор интенсивно используется, никак не отвечая на вопрос о природе воздействия цвета на человека.

Конечно, разнообразные источники света достаточно широко используются в современном дизайне, архитектуре, рекламе, но они, как правило, выполняют декоративную роль, поэтому далее мы будем рассматривать процесс наблюдения отраженного света, который обуславливает цвет предмета и его влияние на аудиторию.

Индивидуальное восприятие цвета определяется его спектральным составом, а также цветовым и яркостным контрастом с окружающими источниками света и несветящимися объектами.

На наш взгляд, психологическое действие цвета необходимо рассматривать в нескольких ракурсах:

- 1) эмоциональное восприятие цвета, которое определяется возбуждающим или угнетающим его характером и является производным от его физиологического воздействия;
- 2) вызываемые им ассоциации, обусловленные социальной символикой³;
- 3) его эстетическое воздействие.

Большинство исследований эмоционального восприятия цвета объединяет то, что в эксперименте реципиент облучается светом разных цветов. Эмоциональное переживание в таком случае является производным от физиологического состояния организма, которое вызвано этим облучением. Отдельно стоят исследования Уэллера и Ливингстона⁴. Ими исследовалось влияние цвета бумаги, на которой печаталось короткое криминальное сообщение, на «приговор», выносимый испытуемыми преступнику, и на характер эмоций, переживаемых при обдумывании ответа. Для установления этого характера использовался короткий вопросник. Вопреки ожиданиям оказалось, что именно синий цвет бумаги был связан с большим количеством агрессии и эмоциональных ответов, а не розовый⁵, хотя именно красный свет действует на организм возбуждающе.

Этот факт является одним из многих свидетельств того, что в случае отраженного света – цвета, например, в рекламе или графическом дизайне, где цветовое пятно имеет небольшие размеры и находится в контексте, не наблюдается прямой связи между эмоциями и физиологическим воздействием цвета. В этом случае можно, скорее, говорить о способности цветового пятна привлекать внима-

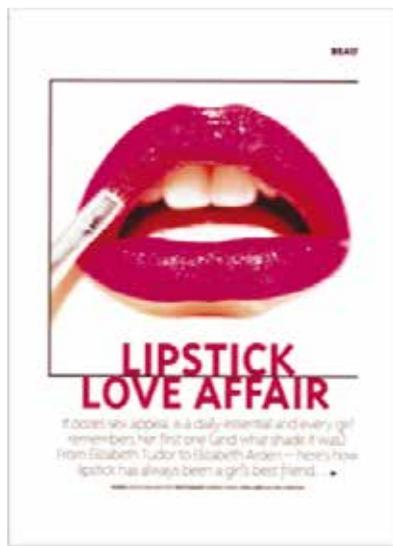
текст
Андрей Шолохов

1. Доценко Е. Манипуляция: феномен, механизм, защита. Психологическое определение манипуляции. По мат. : www.polbu.ru/dotsenko_manipul/ch02_all.html
2. Кандинский В. О духовном в искусстве (Живопись). Л. : Фонд «Ленинградская галерея», 1990. С. 65.
3. Веда Г. В. Тоновые и цветовые отношения в живописи. М. : Сов. художник, 1964.
4. Weller, L., Livingston, R. Effect of color of questionnaire on emotional responses // The J. of General Psych. 1988. 115(4). P. 433-440.
5. Цит. по: Яншин П. В. Введение в психосемантику цвета. Учебное пособие. Самара : Изд-во СамГПУ, 2001.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

6. Яньшин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта : диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. М. : МГУ, 2001.
7. Трайндл А. Нейро-маркетинг: визуализация эмоций / Арндт Трайндл ; пер. с нем. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
8. И. Рожнов. Рекламный мир. 1996. № 4.

ние. Но тогда мы имеем дело со сферой художественной практики, а не психологической. Поэтому можно считать, что использование исследований, касающиеся эмоционального восприятия цвета, возможно только в тех случаях, когда воздействие данного цвета носит тотальный или близкий к нему характер. Например, в архитектуре, дизайне интерьеров, где учет физиологического воздействия цвета обязателен.

Эти законы цветового восприятия учитывали и советские СНиПы, рекомендовавшие окрашивать стены школ в светло-зеленый цвет, и современные проектировщики fast-food, окрашивающие интерьеры в красно-оранжевой гамме (возбужденный посетитель больше съест за более короткое время). И на этом уровне можно говорить о манипулятивном воздействии цвета, ибо использование цвета в подобной ситуации приводит к прогнозируемой реакции аудитории.

Во многих других случаях воздействие цвета обусловлено рядом других факторов. Как утверждает П.В. Яньшин, «цвет, как совокупность оттенков, представляет собой устойчивую семантическую структуру, соотношенную с эмоционально-личностными особенностями человека»⁶. Восприятие цвета обусловлено гендерными, социальными, культурными, национальными и т.д. особенностями реципиента. Каждый человек в процессе социализации приобретает опыт по декодированию смыслов и эмоциональных переживаний, заложенных в цвет, но этот опыт во многом является уникальным для каждого конкретного человека. Соответственно, говорить об универсальности воздействия цвета на аудиторию не представляется возможным. Манипулятивные возможности цвета можно отслеживать только на достаточно однородной по составу аудитории. И даже тогда индивидуальные качества реципиента будут препятствовать получению прогнозируемого результата.

Безусловно, цветовые отношения являются семантической системой, но ориентированной на «внутреннее потребление» и основанной на индивидуальном опыте. И только в тех отраслях, где люди договариваются о значениях цвета, функционируют общие цветовые коды: дорожные знаки, служебные пиктограммы, геральдика и вексилология (наука о флагах).

В процессе жизнедеятельности мы, по большей мере, не сталкиваемся с абстрактным проявлением цвета: цвет, как правило, есть признак определенного предмета или явления. Поэтому цвет следует трактовать как «вторичную моделирующую систему», нуждающуюся для своего осуществления в языке первого порядка – системе предметного мира. Можно говорить, что значение цвета определяется индивидуальным чувственным опытом человека, а эмоционально окрашивается в процессе его опредмечивания.

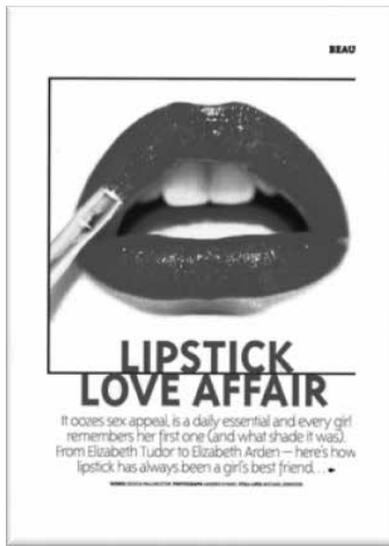
Существует еще одна сложность, которая затрудняет возможность корректного ответа на вопрос о воздействия цвета, – это субъективность его восприятия. Понятно, что все люди по-разному воспринимают цвет; существует огромная разница между восприятием художника и нехудожника, ибо в обыденной деятельности восприятие всей широты цветового диапазона просто не нужно. Достаточно сложно также ответить на вопрос, какой цвет видит конкретный человек.

Поэтому на индивидуальном уровне мы можем говорить о воздействии цвета, но все вышеизложенные аргументы не позволяют признать, что возможности эмоционального воздействия цвета применимы к массовой аудитории. Но если говорить об опредмеченном цвете, то тогда совокупное значение, через созданный им образ, становится инструментом эмоционального воздействия на массовую аудиторию.

Как отмечает А. Трайндл, «с одной стороны, эмоциональное воздействие цветов обусловлено свойствами универсальных объектов (голубое небо, красная кровь, желтое солнце, зеленая трава и др.), с другой стороны – влиянием культуры, и не важно, осознаем мы ее влияние или нет»⁷.

Культурная обусловленность эмоционального воздействия цвета не вызывает сомнения практически ни у кого из исследователей. Но нет однозначного ответа на вопрос, насколько это воздействие универсально. Расширить границы интерпретации пытаются некоторые исследователи, связывающие его воздействие не только с физиологическими особенностями человека, но и с его генетической памятью. Например, Р. Франсэ, М. Сент-Джордж, В. Уолтон и др.⁸ считают, что существует биологически обусловленное врожденное предпочтение цветов. По их мнению, на детей грудного возраста, независимо от расы и места проживания, одинаково положительно влияют красный, оранжевый и желтый больше, чем зеленый, голубой и фиолетовый. Для подростков и взрослых голубой, зеленый, красный, желтый, оранжевый, фиолетовый, белый предпочтительны в разной степени: голубой, например, более предпочтителен, чем белый. Таким образом, эти ученые считают психологическое предпочтение цвета в значительной степени объективным фактором, а следовательно, и средством воздействия на человека, применимым в сфере рекламы, дизайна, маркетинга.

На наш взгляд, основным фактором воздействия цвета все-таки является тот образ, который является совокупным графическим конструктом. Например, на приведенных примерах используется красный цвет, но образы, которые создаются при этом, воздействуют совершенно по-разному, вызывая разные эмоции. Если эти образы лишены цвета, они не теряют своей узнаваемости и прак-

тически не зависимы от цветового решения. Это может служить подтверждением примата визуального графического образа по сравнению с цветом в графическом дизайне и рекламе, в то время как цвет является дополнительным артикулирующим средством.

На наш взгляд, механизм воздействия цвета в дизайне, архитектуре, рекламе обусловлен «перцептивной» памятью в том смысле, который вкладывал в это словосочетание Р. Арнхейм, описывая принципы функционирования графического образа. Это память о физиологическом состоянии организма, которое вызвано воздействием цветового излучения, возможно, память генетическая или архетипическая. На черно-белых иллюстрациях мы видим предметы и легко их идентифицируем; при этом мы знаем, что губы и ягода — красные. Являясь, по существу, архетипами, эти изображения вызывают эффект, который не снижается даже в отсутствие цвета. Сложнее с изображением на рис. 3, так как графическая подсказка в данном случае не столь очевидна. От зрителя требуется большая работа; соответственно, опознание и переживание происходят не сразу. Увеличенная экспозиция вызывает и больший эмоциональный отклик, что, в конечном итоге, приводит к большей эффективности этого постера как продукта некоммерческой рекламы.

Образ вызывает переживание и «является результатом, во-первых, непосредственного чувственного восприятия, во-вторых, — процесса интерпретации, актуализирующего личный опыт и интеллектуальный багаж субъекта»⁹. Таким образом, воздействие цвета в дизайне, рекламе, архитектуре есть производная от эстетического переживания; эмоционально-эстетическое воздействие образа обуславливается национальными, гендерными, социальными, возрастными факторами и базируется на знании и осознании моральных, исторических и творческих реалий, сложившихся в данном обществе в данное время.

Учитывая эти факторы, можно говорить, что эмоциональное воздействие в дизайне, архитектуре и рекламе осуществляется, прежде всего, через создаваемый образ, а цвет выступает как дополнительный маркер, артикулирующий это воздействие. Соответственно и манипуляция возможна только через создаваемый визуальный образ, который, в свою очередь, должен быть дешифрован аудиторией-реципиентом.

Но если объект прикладного творчества становится предметом искусства, то говорить о манипуляции невозможно, поскольку изначально создателей этих произведений больше волнуют задачи самовыражения и самопрезентации, а влияние на аудиторию является интуитивным и не рефлексивным. Произведение искусства может быть инструментом манипулятивного воздействия только в рамках идеологии, а не маркетинга. Так как «произве-

дение искусства может восприниматься как таковое (а именно: символический объект, наделенный ценностью и значением (Бурдые)) только в том случае, если зритель соответствующим образом предрасположен...»¹⁰.

Можно сказать, что искусствоведческая парадигма предполагает рассмотрение цвета через категории прекрасного, художественного и т.д.; но манипулятивные его воздействия не рассматривает.

С начала 90-х годов цвет приобретает в культуре огромное прикладное значение. Большую роль в этом сыграло развитие цифровых технологий. Кажущаяся легкость получения цвета создает ощущение понятности и очевидности его воздействия, а значит, и манипулирование с его помощью. Тем не менее на современном этапе говорить о манипулятивных возможностях цвета не представляется возможным.

Приходится признать, что психологическое воздействие цвета (как отраженного света) не имеет научных доказательств, или, по крайней мере, достаточно спорно. Скорее можно говорить о культурно обусловленных ассоциациях, связанных с цветом и его сочетаниями. Более того, это направление в использовании цвета представляется наиболее продуктивным, поскольку в основе своей имеет архетипические механизмы, которые напрямую обращаются к нерелексированной части человеческого сознания. Как дополнительный инструмент при квалифицированном применении они могут усилить воздействие визуальных конструкций.

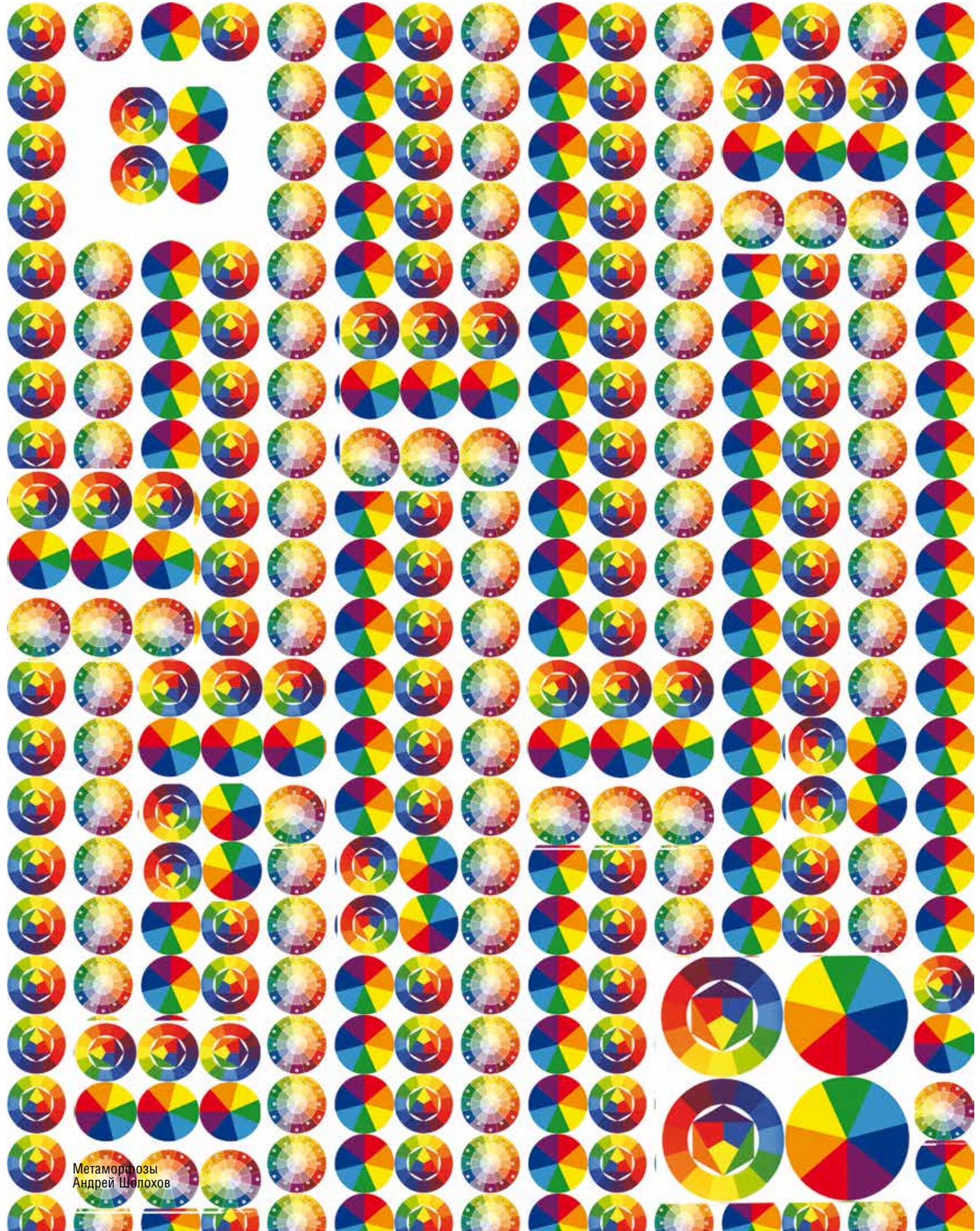
Мифы о манипуляции при помощи цвета сродни истории о пресловутом 25 кадре, использование которого тоже вроде бы приводило к потрясающим результатам, которые не подтвердились.

Мы считаем, что только через образ как основное выразительное средство при дизайн- и архитектурном проектировании можно добиться прогнозируемой реакции аудитории. Цвет в этом случае является инструментом актуализации образа, который может как усиливать его воздействие, так и противоречить ему, приводя к прагматической несостоятельности объекта дизайн-проектирования.

Конечно, значение данной проблемы для тех, кто занимается дизайном, архитектурой рекламой, достаточно ясно и важно. Ведь любое визуальное произведение создает цветовую среду, так или иначе формирующую душевное и физиологическое состояние человека, влияющее на строй его мыслей и степень внимания. Особенно это актуально при создании продукции, рассчитанной на разные этнокультурные сообщества. Для дизайнеров и архитекторов России эта задача особенно важна, если учесть разнообразие социо-демографических, психологических, культурных и конфессиональных различий ее населения.

9. Беззубова О. В. Историчность эстетического взгляда. По мат.: www.anthropology.ru/ru/texts/bezzubova/aest.html

10. Там же.

Метаморфозы
Андрей Шолохов

Галерея The Public / The Public

Здание представляет собой прямоугольный объем, обшитый почти черными металлическими панелями с разноразмерными окнами – «желейными конфетами» (сравнение Олсопа) – в ярко-розовых рамах. В целом, пространства и части этой постройки невозможно описать обычными терминами и необходимо использовать наименования, предложенные самим архитектором. Так, правильную призму здания разбивают два выступающих наружу обшитых блестящими листами цинка объема под названием «Булжник» и «Носок». Внутри их скошенных под разными углами стен находятся выставочные залы. Олсоп считает эту галерею своей лучшей работой, яснее всего выразившей его творческое кредо: архитектура – это больше, чем строительство, она должна быть интересной, забавной, повышать людям настроение, а не просто выполнять возложенные на нее функции.

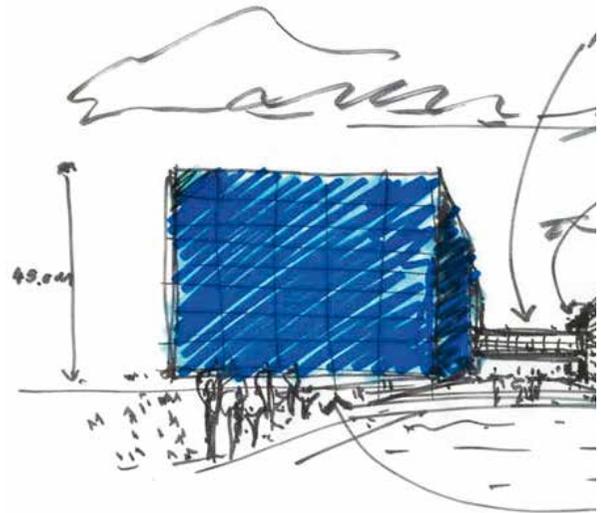
Архитектура веселья – www.archi.ru/foreign/news

ALSOP: www.alsoparchitects.com

Использован материал сайтов: www.alsoparchitects.com, www.archi.ru

Место: Уэст-Бромидж, Великобритания
Архитектор: William Alsop
Тип: культурный, культурный центр

Концертный зал DR / DR Concert Hall

Нувель четко отделил интерьер сооружения от пространства города: прямоугольный объем высотой 45 м затянута синим экраном, в дневное время играющим роль занавеса, а в ночное служащим для проецирования различных изображений. Поддерживающий его металлический каркас напоминает леса; мотив «стройплощадки» продолжает фанерная обшивка внутреннего пространства здания, чередующаяся с участками необработанного бетона, в который при отливке были добавлены тонкие листы пластика: в результате получилась слегка складчатая поверхность типа «слоновой кожи».

Собор XXI века – www.archi.ru/foreign/news

Atelier Jean Nouvel – www.jeannouvel.com

Использован материал сайта: www.archi.ru

Место: Копенгаген, Дания
Архитектор: Jean Nouvel
Тип: культурный, концертный зал

Семь чудес цвета. Синий

текст
Марина Ткачева

фото
Андрей Шолохов

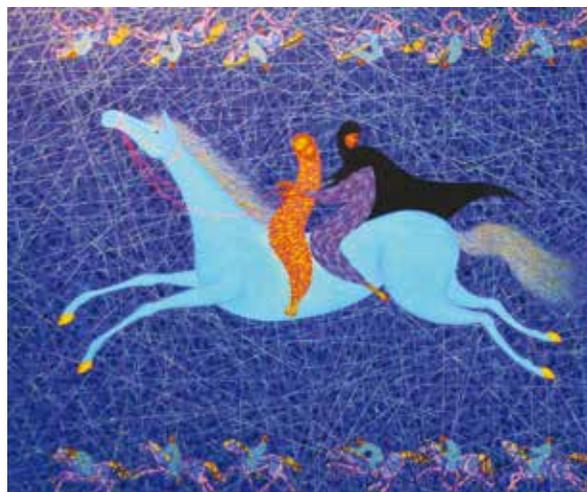
Он прекрасен без прикрас –
Это цвет любимых глаз,
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой,
Это цвет моей мечты,
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружён земной простор.
Н. Бараташвили

Концептуальный художественный проект «Семь чудес цвета» стартовал в галерее «Дом художника» почти два года назад. Все, кто интересуется творчеством иркутских художников, уже успели познакомиться с тремя выставками этого проекта: «Белый», «Желтый», «Зеленый». С 29 декабря 2008-го по 1 февраля 2009 года работала четвертая – «Синий цвет». Куратором проекта является заслуженный художник России Сергей Элоян. Он рассказал, как появился замысел проекта:

– Довольно давно в Русском музее проходила выставка «Красный цвет в русской живописи». Мне понравился свежий, необычный подход. Родился каламбур: семь чудес света – семь чудес цвета. Мы начали с белого – с белого холста, с белого листа, белого света, который все вбирает. Хотелось освежить хрестоматийное восприятие, приблизить его именно к художественному взгляду, реально существующей художественной практике. Ведь для художника голубой-синий, красный-оранжевый – это оттенки одного и того же. А вот белый и черный – совсем другое; они для художника очень важны. И вообще

Ю. Карнаухов. Утренний кофе Валерия Чупрова. Х., м. 2000. 190×60

С. Элоян. Похищение невесты. Х., орг., м. 2008. 98×120

Е. Шпирко. Последние лучи. Х., м. 2001. 60×80.

важно, что цвета несут свой собственный смысл, свою символику. Мы стремимся рассмотреть философию цвета. Синий, например, насыщен бесконечностью, он уходит вдаль не только в пространство, но и во время. Он очень абстрактен, глазу эти сущности не даны, но внутренний глаз его видит. Вечность... Он близок экзистенциальным переживаниям.

Я стараюсь, чтобы тема выставки находилась в гармонии и с ритмами природы, сезонным созвучием цвета и времени года. Проект в голове никогда не совпадает с тем, который складывается в результате организации: ты ожидаешь от художника одного, а они предлагают совсем другое, то, что и предположить было трудно. В таких неожиданностях скрыто своеобразное очарование...

На выставке были представлены живописные, графические, декоративные работы пятидесяти художников из Иркутска и городов области. По сравнению с первыми тремя масштаб выставки значительно увеличился, экспозиция оказалась интересной и разнообразной: после ремонта появилась возможность организовать выставочное пространство для графики, керамики, гобеленов и т.п.

Легко сложился и состав участников. В него вошли не только заслуженные и известные в регионе мастера; главное – благодаря проекту получают возможность выставляться молодые художники, у которых достаточно сложная выставочная биография. «В отличие от нынешних молодых, мы имели почти тепличные условия: и средств для творческих поездок, и возможностей выставляться у нас было гораздо больше. Сегодня художники, начинающие творческий путь, должны стараться зарабатывать какими-то иными способами, подчас не имеющими отношения к своим способностям и полученному художественному образованию, – замечает Сергей Элоян. – Мне казалось, что такой длительный проект способен постепенно преодолеть реально существующую разобщенность художников, побудить их «освежать глаз» в диалоге с коллегами и единомышленниками».

Фрагмент экспозиции

Художники очень по-разному мыслят, используя такое общее средство выражения, как цвет. В материальном отношении цвет – это тюбик с краской, и оттенков синего всего около десятка. Но результат использования цвета оказывается у всех разным. Взаимодействуя с другими цветами, цвет образует сложные структуры смыслов. Живопись обращается к цвету как самостоятельной сущности, основному средству, которое может воздействовать независимо от сюжетных построений и других специфических приемов изобразительного искусства. Тема выставки настраивает зрителя на восприятие именно живописной составляющей: как цвета соседствуют друг с другом, звучат, как они помогают, подыгрывают друг другу. Подчас в нешне неяркая работа позволяет судить о тонкости восприятия цвета, переходах и изяществе внутреннего мира художника.

По словам Сергея Элояна, важно было показать, как художники мыслят цветом, как у разных мастеров мысль сплетается с ощущениями, переживаниями, каким образом результат внутренней работы переносится на холст, приобретая форму. И именно движение вглубь профессии, сосредоточенность на индивидуальности своего видения нравится участникам проекта. Экспозиция – это овеществленный профессиональный разговор, когда каждый из участников беседует на своем, но понятном для собеседников языке.

Идея объединить разные стили, разные индивидуальности в одной выставке несет в себе определенную опасность эклектики. Но выставка производит впечатление достаточно цельной и гармоничной. Цвет цементирует достаточно разнородный сплав экспозиционных предложений – от традиционного натюрморта и байкальских пейзажей до неожиданной «обнаженки» и беспредметных композиций. Интересно наблюдать и то, как складываются новые художественные приемы; молодые живописцы показывают себя более раскованными, смелыми в способах высказывания и стиливых поисках. Пусть у них подчас не хватает мастеровитости, но подкупает желание проявить себя, остановить внимание на своих находках.

Следующий цвет – фиолетовый...

А. Поляница. Поклонение Светилу. X., м. 2006. 100×100

Sony Center

«Сони-центр» на Потсдамер-платц (Берлин)

текст и фото
Лариса Крылова

Недалеко от рейхстага и бульвара Унтер-де-Линден, на площади Потсдамер-платц (Potsdamer Platz), находится один из современных символов Берлина – «Сони-центр» (Sony Center). Этот торгово-развлекательный комплекс, состоящий из 7 зданий, в сумме занимает 48 га. В его застройке принимали участие известные международные компании, в том числе «Сони» и «Даймлер-Крайслер». Здесь расположено офисное здание корпорации «Сони», четырехэтажный магазин по продаже ее продукции, а также сервисный центр. Комплекс производит необычайно яркое впечатление на людей, которые его посещают или просто проходят через него. Немалую роль в этом играют свет и цвет.

Пронизанный солнечным светом днем, сверкающий радужными огнями ночью, атриум похож на театральную сцену, на которой ты и зритель, и участник действия одновременно. Сочетание естественного света и искусственной подсветки в рассветные и вечерние часы делают атриум на Потсдамер-платц заманчивым местом для времяпрепровождения. Удивительной кажется и универсальность центра: что-то интересное, удобное, приятное

CineStar

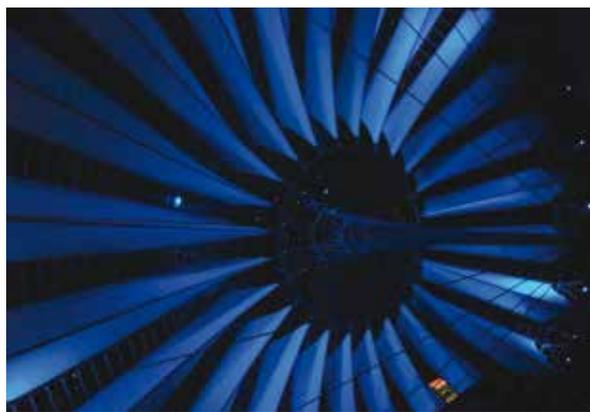
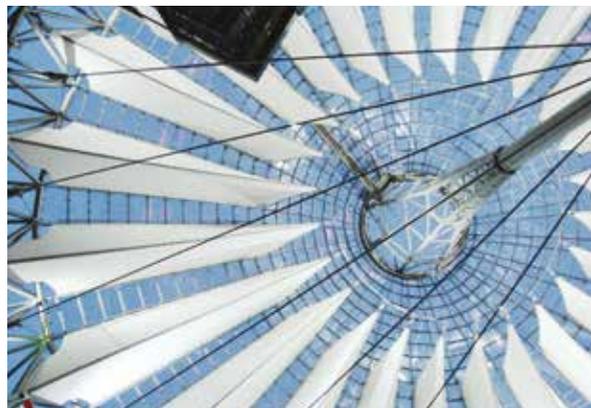
IMAX

IMAX
GRUNDGESAMEN
PRINZIPIEN
Jetzt neu in 3D

IMAX
DELFINE
WALE
Mit
MIRIAM GEBEL

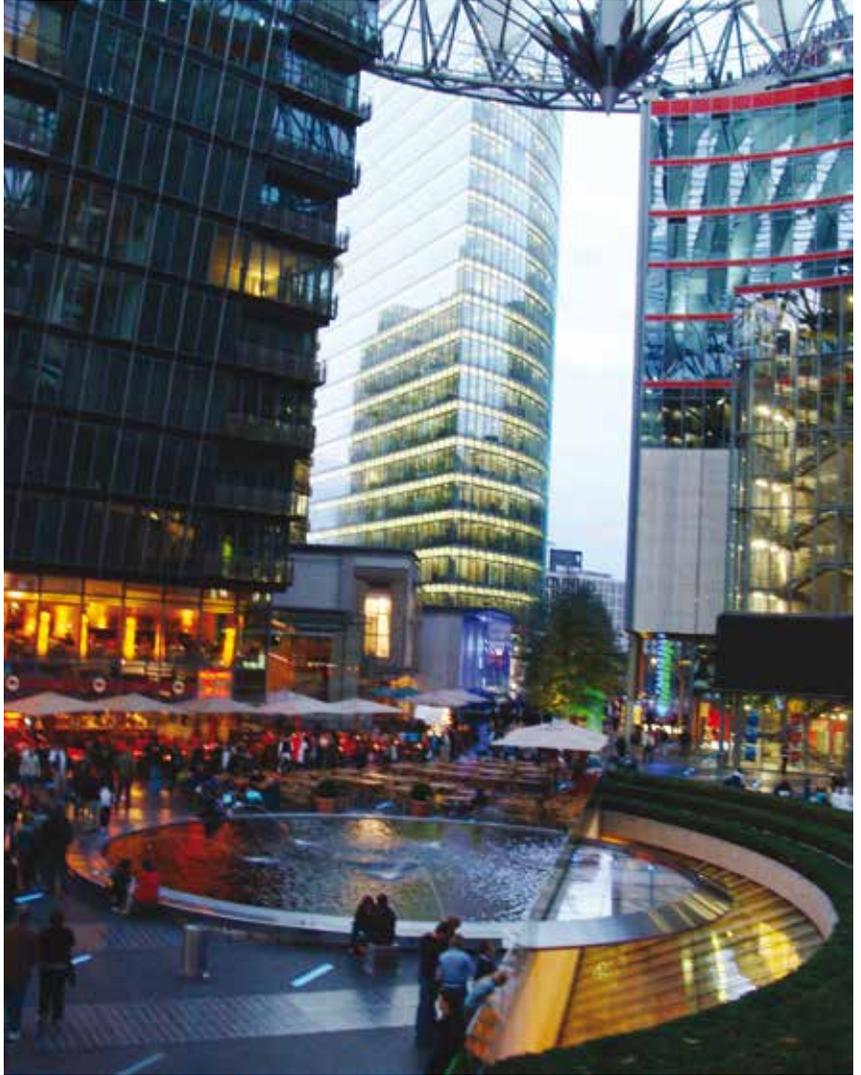
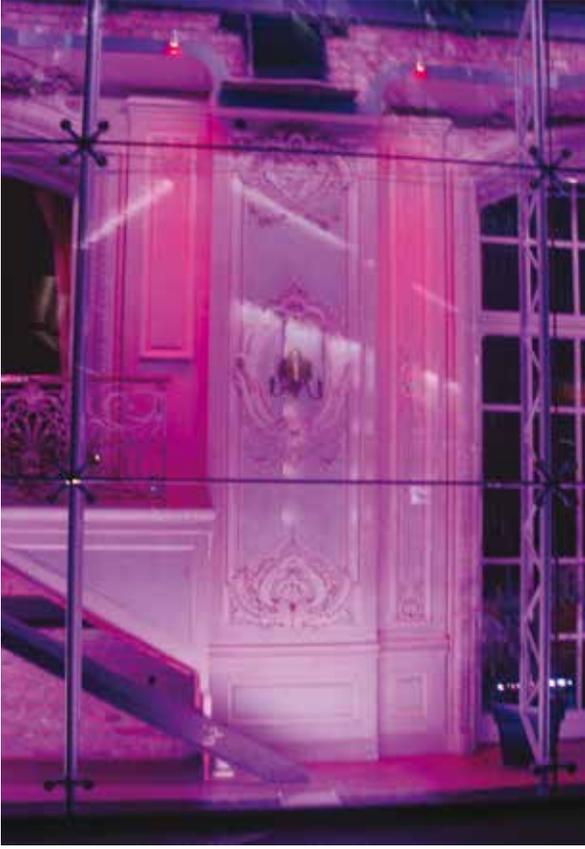
MANDOPOP

People sitting at outdoor tables on a terrace level.

для себя здесь находит и бизнесмен, устроившийся в одном из многочисленных офисов, и пожилая пара, ужиная в ресторанчике, и их внуки, очарованные игрой фонтана, и компания молодых людей, собравшихся в кино и, конечно же, многочисленные туристы. Ежегодно центр посещают восемь миллионов посетителей, – и это не удивительно, ведь по функциональной начинке «Сони-центр» огромен и разнообразен: офисный массив, отель, апартаменты, музеи, выставочные пространства, демонстрационные интерактивные залы, магазины, рестораны, кафе и кинотеатр образуют уникальную среду. Это место, благодаря интимной атмосфере центрального сквера, – предназначено именно для людей, не для автомобилей, не для компьютеров. Потому что здесь задействованы все способы восприятия окружающего: радующее глаз хочется потрогать, журчание воды интригует, постоянная смена цветовой гаммы завораживает.

Объект построен в 2000 году, но, не успев стать обыденным, он продолжает обновляться, он живет. Недавно на Потсдамер-платц произошли новые перемены: там открылся медиа-фасад SPOTS, созданный автором «Сони-центра» – архитектором Хельмутом Яном (Helmut Jahn). На месте теперешнего медиа-фасада «Сони-центра» когда-то была печально известная Берлинская стена. Многие жители не только Берлина, но и других городов Германии были против ее полного сноса и требовали не облагораживать местность, дабы не «стирать следы истории» (по материалам karkas-dom.ru/architecture). Но кажется, что такой футуристический элемент в центре консервативного Берлина производит поистине ошеломляющее впечатление. Феерическое шоу цвета, света, его преломлений непременно объединяет в своеобразную «тусовку» совершенно разных людей. Пространство атриума спокойное и одновременно оживленное в любое время суток. Его наполняют удивленные и восхищенные взгляды туристов, спешащих бизнесменов, прогуливающих пенсионеров и, конечно, молодежи. В «Сони-центр» хочется приходить снова и снова, каждый раз открывая для себя новое, не замеченное прежде.

Красный город Марракеш

текст и фото
Елена Григорьева

Стоило подняться на верхнюю террасу самого старого ресторана Кафе де Франс и ради чашки лате, и ради панорамы площади Джема-эль-Фна с мечетью Карабуш в центре

Марокко – по-арабски Maghreb el Aksa – самый крайний запад. Крайний запад арабского мира и крайний запад античного мира. А Марракеш – город, давший название этой удивительной стране. Когда-то это был оазис. В город он превратился в XI веке и сразу же стал столицей государства Альморавидов. Сейчас этот один из четырех имперских городов Марокко – стремительно растущий центр провинции: если в 1960 году его населяли 220 тысяч жителей, то сейчас уже около миллиона, а в агломерации – все полтора. И не удивительно, по некоторым данным, в XX веке численность населения Марокко выросла в 7 раз.

Королевство Марокко бережно относится к традициям и архитектурному наследию. А как же, туризм – второй источник валюты после экспорта сырья и вторая сфера занятости после сельского хозяйства. Ежегодно страну посещают более трех миллионов туристов. Впрочем, в

Мечеть Кутубия возведена в эпоху династии Альмохадов (1121-1269). Самая большая по тем временам в странах Магриба мечеть была построена со второй попытки. Первый вариант был разобран после того, как выяснилось, что михраб, ниша в молитвенной стене, не был сориентирован на Мекку

уважении к истории не только точный экономический расчет, это свидетельство культуры народа и власти. Даже во время колонизации новые города строили по генпланам снаружи старых и благодаря этому сохранили в первозданном виде медины¹ – исторические центры городов.

В старом городе Марракеша – Медине – живет третья часть жителей миллионника. Сердцевина Медины – Джемаль-Фна, одна из великих площадей Магриба. Когда-то здесь казнили преступников, вывешивали на стене отрубленные головы на всеобщее обозрение. Мрачное название «Собрание мертвых» или «Площадь Небытия» не имеет, слава Аллаху, никакого отношения к современности.

В разное время дня здесь сменяют друг друга и мирно сосуществуют самые разные явления и функции. Торговля с утра слегка ленивая, к полудню активнее, увеличивается и поток туристов. Постепенно площадь заполняют заклинатели змей, торговцы, зеленщики, танцоры, сказители, чистильщики сапог и живописные водоносы – и к вечеру это уже настоящий театр с музыкой, танцами, арабскими и берберскими нарядами и праздничными блюдами.

Марракеш пленяет живописью ремесел и акварелью стен. Издавна притягивает европейцев архитектурой и традициями арабов, берберов и туарегов, искусством и гастрономией. Это любимый город Уинстона Черчилля и Ив Сен Лорана, здесь искали и находили вдохновение Эжен Делакруа и Анри Матисс. Наряду с Кабулом и Катманду Марракеш был прибежищем хиппи, отсюда стартуют маршруты сафари на джипах и верблюдах, а с некоторых пор здесь возник еще один магнит – прекрасный горнолыжный курорт в горах Высокого Атласа, на горе Тубкаль (4 165 м), с шестью подъемниками и самой высокогорной в Африке подвесной дорогой (3 275 м). Кстати о дорогах: в отличие от российских, дороги Марокко не отнесешь к бедам. Здесь сосредоточена пятая часть всех асфальтированных шоссе Африки, и они хорошего качества. А в будущем планируется суперпроект – строительство тоннеля длиной 27 км под Гибралтаром, он соединит Европу и Африку. Спортивный туризм включает, кроме сафари, трекинга и горных лыж, кайтинг и виндсерфинг на побережье Атлантики, поездки на лошадях, охоту и рыболовство на озерах Атласа. А гольф (30 частных современных гольф-полей) вообще находится под личным покровительством короля Мухаммеда VI, 36-го прямого потомка пророка Мухаммеда.

Марракеш в переводе с арабского означает «красивый, красный». Это имя он получил из-за красноватого, охристого и розового цвета глинобитных зданий и крепостных стен, окружающих Медину. И современные архитекторы с почтением продолжают колористическую традицию жемчужины Магриба.

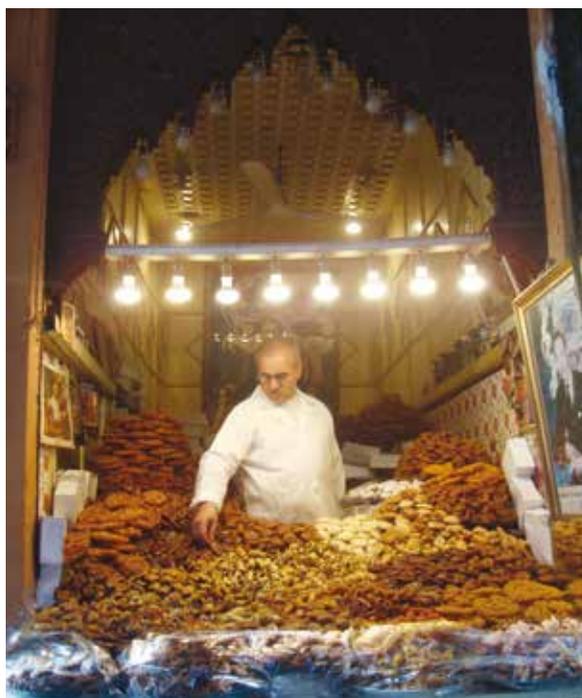
Какого цвета ремесла

На красном фоне города разворачивается праздник любимых цветов и фактур Магриба. В торжестве ремесел он шествует от главной площади Джема-эль-Фна по узким извилистым улочкам, часто перекрытым перголами, раскрывается цветками маленьких рынков, заглядывает в ряды¹.

«Навесные фасады» из ковров закрывают стены зданий, выходящих на маленькую площадь коврового рынка сверху донизу. Язык цвета ковра особенный – для каждого племени берберов свойственна своя цветовая гамма и свой орнамент. Ковры, изготовленные горскими берберами, считаются сельскими, а арабские – городскими. На их стиле сказалось влияние Ближнего Востока, и этим объясняется преобладание красного и оранжевого, но присутствуют также желтый, синий, зеленый, черный и белый. Для окраски применяются химические красители, а часто и натуральные растительные – ореховые листья, хна, шафран, мята и индиго. Ковры изготавливают из верблюжьей, козьей или овечьей шерсти.

Керамику в Марокко завезли бежавшие в IX веке из Андалузии мусульмане. Изделия отличаются яркими красками, а иногда и современной тематикой (желтая луна на голубом небе, рыбки). Самое популярное изделие – таджин слауи, неотъемлемая часть марокканской кухни. Это блюдо с конусообразной крышкой служит для пригото-

текст и фото
Елена Григорьева

1. Риад – городской дом в медине с внутренним двором и небольшим фонтаном в середине, часто переоборудуется в маленький уютный отель или ресторан.

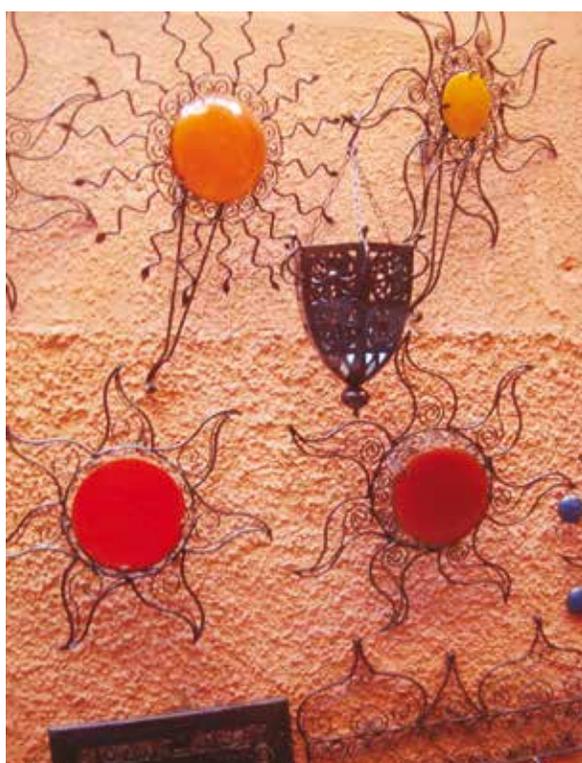

ления таджина (что-то вроде рагу из баранины, ягненка, курицы или рыбы с добавлением овощей, иногда изюма и чернослива, томится несколько часов в собственном соку с добавлением имбиря, тмина и прочих пряностей). Считается, что именно от соприкосновения с глиной таджин приобретает уникальный вкус.

Традиционные кожевники, вышивальщицы, резчики по дереву (в основном берберийская туя), инкрустаторы перламутром, лимонным и черным деревом (кипарис), плетельщики корзин из камыша, травы и тростника предлагают свой товар наперебой. Завораживают экспозиции мастеров по металлу (медь, бронза, железо, олово, золото и серебро), витрины жестящиков, кузнецов, граверов. Золотые арабские и серебряные берберские ювелирные изделия не только служат украшением, но и отражают культурные традиции, обозначают принадлежность к определенному клану и даже лечат.

Каждый цех, специальность, возглавляется своим главой, амином. Это издревле существующее саморегулирование: амин наблюдает за порядком в профессии, улаживает конфликты. Молодой ученик проходит все ступени обучения, выдерживает испытания, и лишь спустя годы получает разрешение и основывает собственное дело. Две трети населения городов занимаются ремеслами. Правительство готовит ремесленников в специальных учебных центрах. Ведь туризм – второй источник валюты после экспорта сырья и вторая сфера занятости после сельского хозяйства.

Главные герои торговых улочек и рынков – это ремесленники – кожевники, гончары, резчики по дереву (в основном берберийская туя), инкрустаторы перламутром, лимонным и черным деревом (кипарис), плетельщики корзин из камыша, травы и тростника, мастера по металлу (медь, бронза, железо, олово, золото и серебро) – жестящики, кузнецы, граверы. Славятся ковры, вышивка, золотые арабские и серебряные берберские ювелирные изделия. Две трети населения городов занимаются ремеслами

Сад Мажорель (Jardin Majorelle)

фото
Тильман Принц

Вот уже много лет, как я нахожу в саду Мажорель неиссякаемый источник вдохновения, и мне часто снятся его неповторимые цвета и краски.
Ив Сен Лоран

Этот сад был студией художника Жака Мажореля, который переехал жить в Марокко в 1919 году, для того чтоб продолжить карьеру и вылечить туберкулез. Территорию, на которой сейчас расположен сад, влюбленный в Восток художник приобрел в 1924 году и обосновал здесь свою студию. Мажорель, как и Клод Моне, был увлечен коллекционированием растений, финансировал ботанические экспедиции, поддерживал деловые отношения с ботаниками всего мира, обменивался с ними редкими экземплярами. Из своих поездок он привозил североамериканские и мексиканские кактусы, азиатские лотосы, необыкновенные растения из Южной Африки. Сэр Уинстон Черчилль, большой поклонник Марракеша, регулярно посещал Жака Мажореля в этом саду, цвета и запахи которого очень отличались от городских. В 1924 году Жак Мажорель построил резиденцию в традиционном стиле марокканских дворцов: уникальное сочетание архитектуры,

воды и растений. Спустя несколько лет архитектор Поль Синуар возвел для него «синюю» мастерскую. Идея заключалась в том, чтобы выкрасить дом в ярко синий цвет, который бы резко контрастировал с пышной растительностью сада. Впоследствии этот цвет назвали «Синий Мажорель».

С 1947 года сад был открыт для посетителей. Эта традиция не прерывалась даже тогда, когда, после смерти художника в 1962 году, дом и сад пришли в упадок. Сад некоторое время был заброшен, а дом шел под снос. Вдова Жака Мажореля продала «марокканское поместье» Иву Сен Лорану и его другу Пьеру Берже, и они с восторгом и энтузиазмом принялись за его реставрацию. Кутюрье поручил восстановление сада американскому пейзажисту Мэдисону Коксу и марокканскому ботанику Абдерразака Бен Шаабана, которые блестяще справились со своей задачей, вернув саду Мажореля былое величие.

Было потрачено немало сил и средств и на восстановление дома. В старой студии Мажореля сейчас расположен музей исламской культуры. Здесь размещена уникальная коллекция предметов искусства Магриба, Востока, Африки и Азии. Керамика, украшения, оружие, текстиль, ковры.

Здесь можно увидеть и акварели Мажорея, посвященные природе и ландшафтам южного Марокко. Также здесь находятся частные коллекции Ив Сен-Лорана.

Здание цвета индиго, так любимого Матиссом, гармонично вписывается в общий садовый ансамбль. Синий и желтый – основные цвета, в которых оформлены сады: синие и желтые клумбы, синие и желтые бордюры дорожек, синие и желтые ограды. Почему именно желтый и синий? Это традиционные цвета марокканских мозаик, марокканской керамики. Не случайно выбраны и оттенки. Ярко-ярко синий и солнечно-желтый «примитивные» цвета, как цвета детских карандашей или фломастеров. Но слово «примитивный» ни в коем случае нельзя понимать буквально, это уникальный «примитивизм» в искусстве Востока, чистые краски, подаренные самой природой. Игра контрастов, сочетание несочетаемого – вот что такое цвета Магриба.

Маракеш – красный город, и тем сильнее контраст между раскаленными улицами цвета охры и садом Мажорея, где сочная зелень соседствует с лимонно-желтым и пряным синим, где в бассейнах растут лотосы и папирус, лилии и кувшинки. Сад Мажорея – сплав мастерства художника и опыта ученого, одно из величайших произведений искусства, интереснейший образец садово-паркового творчества, жемчужина Марракеша и место паломничества туристов.

Желтый–Белый дом, Серый город...

Судьбы архитектурного наследия в городе и регионе – постоянная тема журнала «Проект Байкал». О цвете и свете в историческом Иркутске член редколлегии журнала Марина Ткачева беседует с Алексеем Константиновичем Чертиловым, доцентом кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, экспертом Федеральной службы Росохранкультуры.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Здания в городе еще хоть как-то сохраняются. Но с цветом – ситуация иная: «освежая» архитектуру, владельцы и ремонтники перекрашивают каждый памятник на свой лад, используя современные краски и чаще всего не считаясь с общим впечатлением от панорамы улицы. Можно ли реконструировать цветовую среду Иркутска, какое значение имел цвет в историческом городе?

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ

Цвет города Иркутска, каким он сложился в начале XX века, был очень прост и понятен: использовались естественные, природные краски, элементы красителей. Это зелень,

«Серый» классицизм в дереве – Дом декабриста Волконского. Иркутск, пер. Волконского, 10

земля, лазурь, сажа, белила, наконец. Если говорить о цветовой гамме, то она была просто природная. Сегодня мы имеем искусственные красители, искусственные цвета. Подчас они настолько интенсивны, что глаз этих цветов не принимает. А раньше это было бы просто невозможно. Тогда лишнюю краску не тратили. Во-первых, это было дорого. Во-вторых, материал «говорил» сам за себя: или кирпич со своим естественным цветом, или дерево; пока молодое – желтенькое, потом тускнеет, краснеет, коричневеет, сереет и, в конце концов, состарившись, чернеет. И эта гамма, по-моему, преобладала. К сожалению, я не гулял в начале XX века по Иркутску, но довольно точно могу судить о городской цветовой гамме по обнаруженным во время реставрации памятников покрасочным слоям. Краски использовались в тех местах, где нужно защитить тонкое дерево от разрушения. Пропильная резьба, которую в то время называли «мещанская», обязательно красилась для того, чтобы защитить тонкий слой древесины от внешнего воздействия; также покрывалась краской и обшивка домов. Все дома, которые в то время были окрашены – это обшитые доской фасады; бревна не красились. А что вытворяют сегодня в Иркутске? (Да и в деревнях забыли смысл дерева.) Ведь от покраски бревна его качество сразу меняется, дерево перестает дышать. Обшивка же в то время могла быть окрашенной либо неокрашенной. Тем более, что она была фоном для выделенных вертикальных и горизонтальных декоративных деталей: наличников, карнизов, поясков, пилонов. Дом мог быть покрашен полностью, но в нем могли сочетаться и неокрашенные плоскости с окрашенными деталями. Были и аскетичные, совсем не имеющие деталей фасады, которые не красились вовсе. От того времени до нас дошли некоторые неокрашенные наличники. На то две причины: экономия краски и, возможно, восприятие обывателем красоты естественного дерева.

С камнем, кирпичом все сложнее. Если их штукатурили, то обязательно красили; это уже правила стиля. Даже в стиле модерн подходы к дереву и камню были разные. Каменные улицы города были более европеизированы, фасады подчинялись общим законам каменного строительства, каменной архитектуры. Важно отметить, что тогда, при наличии общих традиций использования природных цветов, их тона отличались. Даже на Транссибе, где соблюдалось стилевое единство, оттенки не везде были одинаковыми. В одном месте сурик погуще, краснее, охра темнее, где-то пожелтее. Это очень важно. Если сегодня заниматься научной реставрацией, то необходимо знать места добычи пигментов в те времена. Нужно применять или эти же самые, или же аналогичные. Сейчас в Иркутске есть уникальная возможность восстановить производство песчаника, хотя бы для реставрации. Благороднейший материал с редкими строительными, цветовыми качествами. Недалеко от Иркутска были карьеры, обрабатывается он легко. Удивительно, что песчаник не используется сегодня. Мы не нагибаемся, не берем то, что есть под ногами, а покупаем чужое и дорогое.

Как узнать, каким был город в начале XX века? В то время, до Первой мировой войны, был период расцвета производства открыток и существовала добротная технология окраски тех почтовых карточек. Цветная фотография только набирала силу, технология была еще очень дорогой, и многие фотографы и фотосалоны использовали простой способ окраски изображений акварелью. Очень популярны были открытки с видами нового тогда Транссиба и городов на нем. Эти открытки ценны тем, что окрашены вручную: весь тираж окрашивался подмастерьем по образцу, сделанному художником. И ни один уважающий себя издатель не мог себе позволить нафантазировать то, чего в действительности нет: он добывался

«Желтый» классицизм в камне – дворец купцов Сибиряковых, позже – дом генерал-губернатора Восточной Сибири (т.н. Белый дом). Иркутск, бул. Гагарина, 24

от подмастерья наиболее достоверного окрашивания открыток, чтобы они были более покупаемы.

Цветовая гамма пигментов, которые использовались в масляных, известковых красках и в акварелях, имели одну и ту же основу: они были взяты из природы. Добиться передачи, соответствия цвета не составляло труда. Как источник информации открытки достоверны, им можно верить, ими нужно пользоваться. По книге Сергея Медведева «Иркутск на почтовых открытках» можно восстановить достоверный образ города-столицы. Удивительно, что самыми активными цветами красились крыши. Фасады были неброскими, имели довольно спокойную гамму. А крыши были просто загляденье! Ярко-голубые, ярко-зеленые, кирпично-красные, сложно-красные, синие. Зимой эти крыши были покрыты снегом, а в теплый период придавали потрясающий вид городу. Иркутск был городом-садом. И в этом саду, зеленом летом, желтом осенью, выделялись яркие крыши. Соседи не договаривались меж собой, поэтому складывалась пестрая, интересная палитра. Человек, когда шел по улице, не мог полностью воспринимать яркие крыши, он видел лишь фасады спокойных тонов, не было каких-либо ярких цветowych пятен. Сегодня проекты реставрации не совсем передают историческую правду, к сожалению, добавляются украшательства, «вкусовщина». Но это поправимо. Город не может законсервироваться, его образ все равно будет меняться со временем. Только надо понимать, что исходным материалом для архитекторов, которые строят в исторической среде, должны быть старые постройки, их цветовая составляющая. Только отталкиваясь от этого, можно обогащать имеющуюся цветовую гамму города. Сегодня же у многих глаз «зашорен»: каждый красит объект по своему усмотрению, не глядя на соседние здания, на общий колорит улицы. К сожалению, принцип цветового единства не отрабатывается ни на уровне властей, ни на уровне творческих коллективов, ни на уровне отдельных проектов.

ПБ
Это что касается цвета. А свет?
АЧ

Первая электростанция у нас была построена в начале 1900-х годов, достаточно рано для сибирского города. А до этого фонарики ходили, зажигали фонари. Свет был, но только на главных улицах. У нас не было потребности в

ночном освещении. Ведь в наших краях тогда рано ложились спать: работали с раннего утра, да и опасно было по улицам бродить ночью. Сейчас же у нас появляется ночная жизнь, но света в темное время явно не хватает. Хотя даже Москва жалуется на недостаток освещения.

ПБ
Известны ли случаи, когда тонирование домов становилось отдельным вопросом? Не в наше время, а тогда, когда эти дома строились?

АЧ
Нет, не было. В обывательской застройке это делалось само собой, по надобности хозяина, городские власти не требовали красить фасады. Другое дело – приезд важных гостей. Когда проезжал по России, Сибири цесаревич Николай, его встречали «иллюминацией» – зажженными масляными плашками, зелеными гирляндами. Но иллюминация была только в праздники. Власти не требовали от жителей постоянного украшения города. Конечно, на центральных улицах дома коммерсантов хорошо выглядели: тот, кто содержал магазин, не мог позволить себе иметь обшарпанные фасады, а ухаживал за ними. О требованиях по цвету зданий я не слышал. Это про конец XIX – начало XX века. А раньше навязывался государев стиль, но только лишь к цветовому решению это не относилось. Например, в классицизме были свои каноны, в том числе и для цвета. Классика – это серый, белый, охра. А в период эклектики от канонов отказались, у каждого – свой стиль, свой цветовой тон.

ПБ
Как получилось, что наш «Белый дом» стал желтым?
АЧ

Дворец купцов Сибиряковых был построен в стиле классицизма. Есть предположение, что к проекту имеет прямое отношение знаменитый итальянец, ставший питерским зодчим, – Джакомо Кваренги. Это, пожалуй, самый чистый, самый яркий представитель этого величественного стиля, и не только в Иркутске. Изначально в его покраске использовались те самые классические цвета: детали – белые, фон плоскостей – желтая охра. Проект реставрации выполняла группа архитекторов-реставраторов, которая и вынесла решение о первоначальной окраске. Профессионалам было понятно, что «Белый дом» вовсе не должен быть белым. Хотя прекрасно понимали, что последует реакция обще-

Открытый кирпич в сочетании с окрашенными деталями. Иркутск:

Музей ВСОИРГО в мавританском стиле по ул. К. Маркса, 2;

здание
Общественного собрания по ул. Ленина, 23;

дом Файнберга по ул. Халтурина, 1

ственности, как оно и случилось. Кроме того, считалось, что «Белый дом», святыню времен гражданской войны, нельзя перекрашивать. Но у меня из чтения исторических записей сложилось мнение, что «Белый дом» был желтым, когда в него нещадно стреляли. После боев 1918 года его отремонтировали, и он стал почему-то белым. Скорее всего, причина банальна: не было охры. А в монастырях, церквях сохранялись ямы с запасами гашеной извести (с той краской сегодня ничто не сравнится). Воспользовавшись этими запасами, новая власть и покрасила дворец сплошь в белый цвет. Пусть это будет не до конца проверенная моя гипотеза, но я считаю, что время покраски дворца в один тон – после декабрьских событий 1918 года. А до этого периода работали мастера, зодчие, разбиравшиеся в стиле и цвете. Первая датировка – 1800–1804 – дворец построили, в 1830-е годы после сильного пожара здание восстановили, и в 1837-м Сибиряковы его продали в казну, на многие годы дворец стал домом генерал-губернатора Восточной Сибири. Таким образом, он простоял сто лет в желто-белом сочетании, затем его перекрасили, и он

простоял еще сто лет в белом цвете. Теперь снова дворец классицизма справедливо стал желто-белым. Желтый – белый – желтый. Жизнь продолжается.

ПБ

Меня интересует Богоявленский собор. Он стал как-то странно выглядеть после внешней реставрации. По моим понятиям, стилю барокко он соответствует, там всего было много. Но не слишком ли ярко это оформление?

АЧ

Не знаю, насколько это исторически верно. В 90-х годах во время ремонтных работ обнаружили покрасочные слои на деталях. Они действительно были яркими, разноцветными. Когда сделали пробную выкраску на тыловой стороне, то даже профессионалы изумились. Такого никто не ожидал. По высказываниям настоящего профессионала В.П. Шматкова, в то время главного архитектора области, который был воспитан на академической классике, церкви должны были быть белыми. Потому что они насыщены деталями, которые сами по себе давали тени, полутени для выявления архитектуры. Среди архитекторов, наших старших коллег, в том числе реставраторов, бытовало мнение, что не надо подкрашивать детали, должна работать сама архитектура. Тогда и применялся один тон. В советское время совсем забыли старую цветовую гамму храмов. Если заниматься настоящей реставрацией барокко, то не надо забывать его разноцветье. Но каким оно было – это уже вопрос профессионализма, вкуса и совести реставратора. Я не берусь судить, но мне кажется, что с цветами на этом памятнике перебор. Если же это историческая правда, то к этому надо просто привыкать.

ПБ

Мне показалось, что выкраска Богоявленского собора, в смысле исторического стиля, выглядит достаточно адекватно...

АЧ

...Хотя я не уверен в том, существует ли реставрационный паспорт покраски.

Это разноцветье нужно принять и не бояться его. Первый подобный шок у нас был, когда покрасили так называемую Красную церковь (Казанскую) в Рабочем предместье. Всем было привычно, что она кирпичная, хотя было заметно, что детали какие-то пегие, а не красные. Когда установили

Иркутская эклектика
в камне.

«Гранд-Отель»
по ул. Литвинова, 1;

доходный дом
по ул. Сухэ-Батора,
18;

административное
здание
по ул. Фурье, 1;

дом Попова
по ул. Чехова, 23

леса, сделали расчистку, все встало на свои места. В эскизе восстановили цветовую гамму. Непривычно. Состоялся выездной реставрационный совет, ходили, смотрели когда-то окрашенные места. Коллегиально приняли решение, закончили реставрацию, леса сняли. Для многих был сюрприз. Тут же последовали телефонные звонки: объект добротной реставрации возмущенно сравнивали с гамбургским петухом. Ничего, со временем привыкли.

ПБ

Действительно, возвращение яркости добавляет городу оптимизма.

АЧ

Меня радует тот факт, что за последние 5–10 лет цветовая гамма одежды иркутян кардинально изменилась. Люди потянулись от серых, черных цветов к более ярким. Также и в архитектуре. Жизнерадостный человек не может мириться с серостью фасадов. Купец в начале XX века раскрашивал свой дом, потому что душа просила радости. Это тема отдельного исследования. Иркутские купцы воспитывались по-иному. Они привозили впечатления из Москвы, Петербурга, европейских, восточных стран. Все это отражалось на фасадах, брличках, женских платках. Они и сами не ходили в сером. Те времена давно прошли, но народ всегда хочет праздника, раскрепощается.

ПБ

Представители европейских домов мод говорят, что один из симптомов кризиса – насыщение красочной гаммы дефицитом яркими цветами. Яркий цвет – компенсация кризиса.

АЧ

По большому счету, нашим властям нужно об этом задуматься. Цвет не только образ города, это и настроение горожан, и, в какой-то степени, деньги. Комфортная цветовая среда города, горожане в добром расположении духа будут приносить больший доход. А здоровье? Ведь цветом лечат. А у нас сегодня цветом калечат, самый печальный цвет в центре Иркутска – цвет гниения «деревяшек». В этом отношении мы живем в ужасном городе.

ПБ

Какие города вам нравятся своей цветовой атмосферой?

АЧ

Меня радует движение в Томске. Они перебирают разные цвета, пытаются изменить серость. Это правильный подход. То же самое в Эстонии: когда реставрировали Таллин, колористы провели серьезную работу. Он ведь изначально, исторически был бледным, некрашеным портовым городом. Когда там задумались о туризме и привлечении инвестиций, то приняли волевое решение. Причем оно было принято коллегиально – архитекторы, общественность, власти. Выкрасили

Старый город в сложные пастельные тона, близкие к природным. В то время для нас это было новым. Это был писк, восторг! Я тогда не знал, что созданная цветовая среда была искусственной. Мне кажется, что именно для Таллина это правильный подход. Во Львове я не был, но знаком по литературе, что для обогащения цветовой гаммы там придумали, добавили новое. Это не реставрационные принципы, но они имеют право осуществиться, если продуманы, заданы определенной целью и сочетаются с уже сложившимся городским контекстом. Много зависит от качества красок: если краски выгорают быстро, нужно цвета делать насыщеннее; если краска стойкая, то ее тон сохранится до 15 и более лет.

ПБ

Наш завод «Кедр» плохо выглядит: краски тяжелые, темные.

АЧ

Во-первых, к ужасу, это уже не «наш» завод, а московский, и не «Кедр». Во-вторых, видимо, покрасили половой краской. Практика покраски кирпича и дерева – пагубная практика, которая еще усугубляется химией. Например, когда красят бревно, то красят еще и стыки, а там другой материал. То же и с межкирпичными швами – их раствор имеет почти белый, известковый цвет. В этом контрасте кирпично-красного с белым и состоит весь интерес. Не дай бог, если у нас закроют или закрасят задний фасад бывшей конфетной фабрики

Использование иркутского песчаника:

а) в домостроении – пристрой с главным входом т.н. Голландского дома по пер. Черемховскому, 1;

б) подпорная стенка по ул. Грязнова

(стоит по ул. Фурье), который смотрит на улицу Урицкого! Четыре этажа, голая стена без окон – а какая выразительность! Приведите пример, где в городе есть что-то подобное. Это полный эксклюзив, предмет охраны заповедной улицы. Такое надо только реставрировать, чтобы фактура кирпичица работала. Такой же пример был, и мы его утратили, на месте, где сейчас построили гостиницу «Киото», перекрыв «средневековую» фактуру кирпичной глухой стены здания типографии Макушина и Посохина (сегодня – типография № 1).

В поселке Тельма, рядом с храмом, есть ряд деревянных домов. Фасады одного – желто-красное дерево, будто его покрасили. Цвет звенит. Это удивительно, ведь обычно дома на магистрали запыленные, тусклые. Спросили у хозяйки, почему дом такой чистый. Оказалось, она его каждый год моет (просто шваброй). Потом я стал обращать внимание, что и в других местах так делается: как полы в доме, также моют и фасад. Если в Иркутске просто помыть некрашенные «лица» старых домов, то они заиграют, заулыбаются только одним цветом дерева. Кстати, олифа дает «звенящий» эффе́кт, при этом она меняет цвет, золотится. Есть даже такая реставрационная технология: в ванне с кипящей олифой вываривают деревянные детали. После такой обработки их хватит надолго.

ПБ

Вы начали говорить о Таллине как хорошем примере того, как городу вернуть привлекательность с помощью цвета.

Есть ли еще такие примеры, которые вы сами видели?

АЧ

Я сейчас мало езжу по стране, в основном в Забайкалье. Надо отдать должное: местами там относятся к историческим зданиям достойно, например в Нерчинске. И стратегия сохранения – это не городская программа. Каждый дом красит тот, кому он принадлежит. Ряд шикарных деревянных домов в модерне, эклектике, с барочными элементами находится в ведении муниципальных служб. И эти здания аккуратно покрашены. Безусловно, это не уровень реставрационных работ, но памятники хотя бы содержатся в порядке. В сочетании с окружающей природой, панорамой реки это выглядит потрясающе. Это порадовало.

В деревянном Иркутске такого нет, и никто этим не занимается. Единственное, что за последнее время появилось, – это гостинично-административный комплекс мэрии, там, где «Кружевной дом» на улице Энгельса. Если же все сделать правильно, с учетом реставрационных методов, то улица заиграет. Будет понятно, что такое цвет, фактура дерева. Проектировщики и заказчики должны понимать, что нужно добиваться целостной цветовой гаммы улицы, комплекса. В Чите отношение властей к памятникам не очень хорошее, за ними не ухаживают, должно не красят.

ПБ

Там было здание почты...

АЧ

Оно и сейчас, к счастью, есть – здание почтовой конторы. Но, оно неважно окрашено, да и пожелтое уже. Архитектура великолепная, а подъема в цвете нет. Если его грамотно покрасить, здание взлетит. Ведь оно является акцентом в окружении. В Улан-Удэ цветом совсем не занимаются. Центральная улица Ленина (точнее, ее пешеходный фрагмент) еще более-менее цельная, но цвета использованы не в соответствии с реставрационной методикой. Дома там красят по своим представлениям, и та же беда – краской по открытому срубу. Есть отдельные объекты, которые радуют: например, кирпичный Дом с атлантами приятный. Кыхта тихо угасает, там не до колористики.

ПБ

Есть ли проекты, которые показали бы, что наведение цветового благоустройства в Иркутске возможно?

АЧ

Проекты есть, но они теоретические; это, извините за каламбур, бумажная цветовая архитектура. Когда-

Неокрашенные и окрашенные знаменитые барочные наличники иркутских деревянных домов:

ул. Грязнова, 17а;

Степана Разина, 35;

Халтурина, 1б,

Грязнова, 22;

Седова, 15

то Ольга Железняк делала цветовую концепцию улицы Большой (К. Маркса), но без учета памятников, их первоначальной покраски. Ее проект был сделан в рамках научной концепции колористики города вообще, а не специфики реабилитации исторической застройки. Практика же всегда сложнее. Чтобы покрасить улицу, нужно внимательно работать с каждым домом. Если это памятник, то нужно изучить его первоначальные покрасочные слои. Хорошо, что сейчас у нас утверждается паспорт покраски в соответствии с требованиями органов охраны памятников. Архитектор, дизайнер должен применять эти рекомендации при использовании красителей. Если заняться такой сложной работой, то прежде всего нужно сложить цветную панораму старых построек, привести их в баланс. По Большой улице – 2/3 памятников, к ним нужен один подход. На Пестеревской (Урицкого) – совсем другой подход; там все памятники – дореволюционные, советских построек практически нет. На Тихвинской улице (Сухэ-Батора) тоже все по-другому. Так что одна общая концепция не сработает. Для каждой улицы должен быть индивидуальный подход. В прошлом году на одном из градостроительных советов города рассматривали проекты цветового решения неко-

Естественный цвет неокрашенного дерева в деревенских постройках, не подверженного экологическим воздействиям. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 47 км Байкальского тракта

Печальный цвет дерева. Доведенные до полного разорения уникальные иркутские памятники деревянной архитектуры:

т.н. дом Шубина по ул. Лапина, 23;

доходный дом по ул. Чкалова, 20 (вдруг ставший не памятником и недавно снесенный)

торых исторических улиц (муниципальный заказ). Все они сделаны без научной концепции, без реставрационного подхода. Если осуществить этот заказ, то, по моему, мы еще больше потеряем город как исторический. Уж пусть он лучше будет серым, чем таким необоснованно выдуманным. Банальная истина: ремонтно-реставрационным работам должны предшествовать научные исследования. Надеюсь, что к юбилейному 2011 году есть шанс в отношении цвета что-то привести в порядок. Хотя бы одну центральную каменную улицу, одну деревянную. Я бы сделал Пестеревскую и 5-ю Солдатскую (Богдана Хмельницкого) улицы, привел бы их в порядок. Если показать возможности цвета, то это сработает и даст новый импульс для работы с другими комплексами.

У меня сложилось четыре разнохарактерных образа каменных улиц Иркутска: Пестеревская – конец XIX – начало XX века; Большая улица – того же времени, но советским периодом многое туда привнесено и надстроено; очень интересна Тихвинская улица, у нее совершенно другой характер. И совсем иное – Амурская улица (Ленина), если исправить несуразности и пустоты, то она будет очень привлекательной. Эти каменные улицы в композиции, в масштабе разные, и в цвете они тоже должны быть разными. Если мы этого добьемся, это станет подарком городу. Тогда

можно будет говорить о колористике Иркутска. Но это может случиться в лучшем случае лет через 10-20.

ПБ

А пораньше нельзя?

АЧ

Для этого нужно первое – чтобы администрация города знала, чего хочет. Второе – чтобы она умела делать то, что она хочет (ставить задачи и управлять процессом). Третье – власть должна ставить задачу профессионалам, которые умеют грамотно работать. Чтобы эта цепочка сработала, должно пройти много лет. Сначала возникает идея, проходит год – объявляется тендер. После него еще несколько лет пройдет, так как нужно получить серьезные обоснования. Потом выдается задание проектировщикам. Разработка проекта – еще минимум год. Вот уже пять-шесть лет. Все сразу улицы мы не сделаем. Красить бессмысленно, если не ремонтировать фасады, значит – лет десять, но в нашей действительности нужно умножать цифру на два. Итого 20 лет. Я предполагаю, что все может случиться раньше. Так было в Москве и Петербурге. Пришел человек – личность, и все сразу поменялось, буквально на глазах. Например, в Москве – Ю.М. Лужков. Появился бы в Иркутске подобный лидер, мы бы сделали эту работу намного быстрее.

Колористика улиц Иркутска

О проекте комплексного цветового решения фасадов зданий центральных улиц города Иркутска, представленном на заседании Градостроительного совета при администрации г. Иркутска 9 декабря 2008 г.

Именной Указ императора Александра I от 13 декабря 1817 г.
Параграф 46: «...вообще дозволяется красить дома нижеследующими только цветами: белым, палевым, бледно-желтым, светло-серым, диким, бледно-розовым, сибирской, но большею примесью белой краски и желто-серым».

Разработка концепции цветовой колористики улиц Свердлова, 5-й Армии, Литвинова, Богдана Хмельницкого, Карла Либкнехта выполнена на основании муниципального контракта № 010-64-000658/8 от 26.03.2008 года с комитетом по градостроительной политике администрации г. Иркутска.

При выполнении данной работы учитывался опыт разработанного ранее проекта концепции цветовой колористики основных городских улиц Ленина, Карла Маркса, Урицкого, выполненный в 2004 году, а также цветовое решение фасадов улиц Степана Разина, Желябова, Горького, выполненных в 2007 году. При разработке проекта учитывалось, что данные улицы формируют градостроительную структуру города, имеющую статус исторического, крупнейшего административно-хозяйственного, культурного, учебного и научного центра Сибири.

Существовавшая цветовая среда исторического центра, как правило, представляла случайно возникший конгломерат исторических и современных пластов. Цветовая среда неизбежно будет видоизменяться, поэтому важнейшая задача в области колористики города – это постоянный контроль над ее изменением, поддержание и развитие ее преемственности. Этой фиксации служат паспорта отделки фасадов, утверждаемые главным архитектором города и выдаваемые для исполнения собственникам и арендаторам зданий.

Для Иркутска, как исторического города, большое значение имеет анализ эволюции структуры и палитры его архитектурной полихромии в прошлом. На протяжении трех веков цвет деревянной застройки составлял основу цветовой ткани города. Темный коричневый массив постепенно разбавлялся вкраплениями светлых каменных зданий и белых храмов, обретал желтовато-красновато-охристые, зеленые и синие оттенки.

В последние десятилетия цветовое лицо города резко изменила колористика новых районов. Существующая цветовая среда города оказалась хаотичной, разбитой на разрозненные фрагменты. В историческом ядре,

среди кварталов деревянной застройки, цветовой активностью выделяются улицы Карла Маркса, Ленина, Урицкого. Основу цветовой палитры Иркутска составляют две контрастные области: теплые темные тона и узкий диапазон холодных.

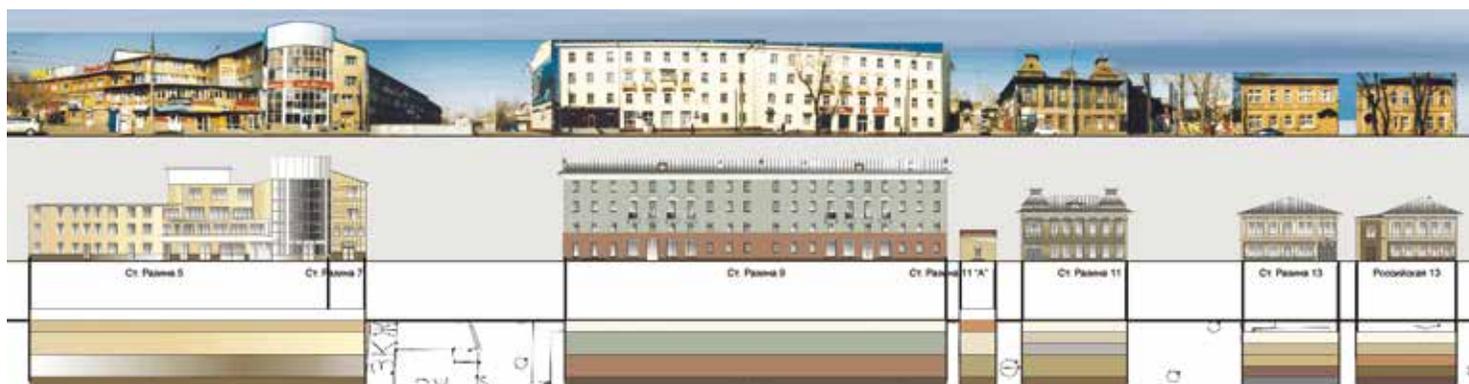
Улица Литвинова (бывшая 6-я Солдатская) располагается перпендикулярно улице Карла Маркса (бывшая Большая) и улице Дзержинского (бывшая Арсенальская). В центре улицы, по четной стороне на две равных половины, делит переулок Пионерский (бывший Власовский). На углу улиц Карла Маркса и Литвинова в 1903 году было построено здание «Гранд-Отеля» – доходного дома по проекту А.И. Кузнецова. Здание традиционно окрашивается в теплые охристые тона. Трехэтажное здание в стиле классицизма построено в 1901 году по проекту архитектора В.И. Коляновского (Литвинова, 15). В доме располагалась Казенная палата и Служба пути Забайкальской железной дороги. С 1923 года здание передано ВЧК, в настоящее время ФСБ. Первый этаж здания решен в темно-синих тонах, два верхних в бежевых, с выделением архитектурных деталей белым цветом. Современное торговое здание «Пассажа» окрашивается в теплые сиено-умбристые тона. Исторический памятник (Литвинова, 16), с арочным проездом, окрашивается в два тона. Верхний этаж – сиренево-серый, с выделением пилястр белым цветом, первый этаж – табачный. В целом, в отличие от улицы Карла Маркса, улица Литвинова не представляет единого архитектурного ансамбля. Авторы колористического решения фасадов стремились объединить разные по стилям, объему, времени постройки здания в единое архитектурное решение.

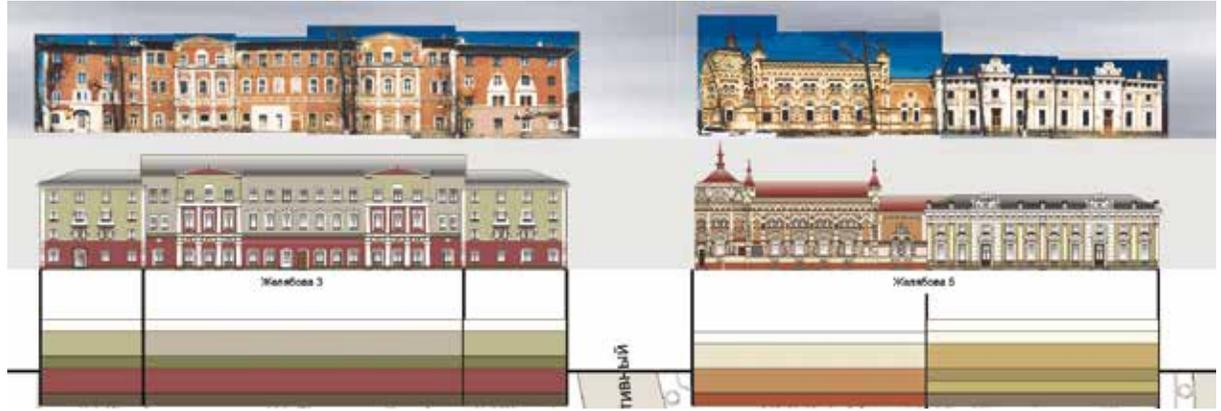
Улица Карла Либкнехта (бывшая Саломатовская) образована от улицы Карла Маркса до улицы Советской (бывшая 1-я Иерусалимская). По левой стороне улицы исторически располагались в основном усадьбы евреев, к 1882 году лицам иудейского вероисповедания принадлежало 113 усадеб. В начале улицы до перекрестка улицы Дзержинского располагается синагога, поостренная после пожара, к концу 1882 года. Монументальное здание окрашено по проекту реставрации в цвета изумрудный и охристый.

По правую сторону улицы селились лица мусульманского вероисповедания. Между улицей Горной и Ямской расположена мусульманская соборная мечеть, построенная на пожертвования верующих в 1902 году. Здание из тесаных

ТЕКСТ
Александр Яковлев

Фрагмент
ул. Степана Разина

блоков песчаника сохраняет естественный охристый цвет камня. Двухэтажные деревянные доходные дома-памятники по обе стороны улицы традиционно имеют свой теплый коричневый тон, разбавленный светлыми цветами новой застройки на пересечении с улицей Советской.

Улица Свердлова (бывшая Баснинская) первоначально названа в честь В.Н. Баснина, иркутского купца первой гильдии, известного мецената и общественного деятеля второй половины XIX века. Улица протянулась от бульвара Гагарина (бывшая Набережная) до улицы Каландаришвили (бывшая Грамматинская). Через перекресток с улицы Пролетарской расположены два монументальных здания, построенных в середине прошлого века (Свердлова, 28), фасады которых красятся в теплые светлые охристые и бежевые тона.

На углу улиц Свердлова и Ленина расположено два монументальных здания. Здание мужской классической гимназии построено в 1907 году по проекту архитектора Г.Д. Магидея. Ныне это Художественный музей им. В.П. Сукачева. Здание выстроено в стиле классицизма, фасады окрашиваются в традиционные охристо-горчичные цвета. Второй этаж и детали – стронцианово-желтый, почти белый.

На противоположной стороне улицы Ленина, далее по Свердлова, расположено здание бывшего Базановского воспитательного дома по проекту архитектора В.Г. Розена. Комплекс зданий решен автором в стиле «неоготика»,

окрашивается по уличным фасадам в контрастные резкие тона. Основной тон стен терракотовый, карнизы, фриз, наличники, пилястры – цвет светло-бежевый, почти белый.

Улица Богдана Хмельницкого (бывшая 5-я Солдатская) расположена от улицы Карла Маркса до Тимирязева (бывшая Преображенская). Решением Иркутского областного исполнительного комитета № 149 от 25.03.1985 года улица Богдана Хмельницкого утверждена заповедной.

Четная сторона улицы начинается со здания училища искусств (К. Маркса, 28), бывшего здания Иркутского отделения товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры «Торговой фирмы «Треугольник»». Каменное трехэтажное здание выполнено по проекту петербургского архитектора В.Ю. Иогансона. Строилось в 1911–1913 годах под наблюдением иркутского архитектора В.И. Коляновского. Одна из лучших построек в городе в стиле модерн. Первый торговый этаж здания облицован розовым гранитом и покраске не подлежит. Пилястры второго и третьего этажей облицованы светлой сине-сиреневой глазурированной плиткой и также окраске не подлежат. Параллели, фриз, карнизы здания окрашиваются.

Нечетная сторона улицы начинается с четырехэтажного дома (Б. Хмельницкого, 1), перестроенного в начале 50-х годов прошлого века по проекту архитектора Б.М. Кербеля, два нижних этажа фасадов – фисташковые цвета, верхние – светлая охра. Здание нового магазина

Фрагмент
ул. Ленина

«Золотое время» (Б. Хмельницкого, 1б, 3) – реконструкция усадьбы конца XIX – начала XX века. Три смежных жилых дома, доходный дом, флигель и службы – цветное решение по проекту архитектора Л.М. Гуревской. Здания предусмотрено покрасить в темно-бежевые, краснокирпичные, фисташковые цвета.

Улица 5-й Армии (бывшая Троицкая) простирается от Цесовской набережной на берегу реки Ангары до улицы К. Маркса. Улица была названа в честь церкви Пресвятой Троицы (5-й Армии, 8). В 1718-1721 годах на берегу Ангары, в болотистой местности, которая называлась Потеряихой, была построена первая деревянная Троицкая церковь. Троицкая церковь – памятник федерального значения – характерный пример декоративного убранства в стилистике сибирского барокко. Традиционно стены Троицкой церкви красились (белились), купола, главки – изумрудно-зеленого цвета, подкрестные яблоки, кресты – золоченые. Троицкая улица от реки Ангары начиналась с Николаевского понтонного моста. Справа – двухэтажный каменный особняк, построен до пожара 1879 года, известен как прогимназия Гайдук, которая арендовала помещения в 1915-1917 годах. После реставрации 1984-1985 годов здесь располагается Центр сохранения историко-культурного наследия. Здание и ограда традиционно красятся в теплые охристые тона (5-й Армии, 2). Следующее здание, через улицу Чкалова, – торговый центр «Галерея “Планетарий”» (Степана Разина, 6) и проектный институт «Промстройпроект», панели которых окрашены в серый цвет. Жилые пятиэтажные здания типовой застройки начала 60-х годов XX века № 31 и 37 традиционно окрашены в теплые охристые тона. Фасады школы №17

после недавнего ремонта на облицовке приобрели теплый светло-серый цвет.

Двухэтажные дома-памятники, стоящие в ряд по обе стороны улицы 5-й Армии, окрашены в теплые охристые и терракотовые тона.

Церковь Михаила Архангела (Св. Харлампия) (5-й Армии, 59) 1777-1790 годов постройки и реконструируемая ограда и стены фасадов по проекту реставрации окрашиваются в светло каштановый, почти белый цвет, кровля изумрудно-зеленая, подкрестные яблоки и кресты золотые.

Здание бывшего юнкерского училища постройки начала XIX века (архитектор А.И. Посев) предложено окрасить: первый этаж – темно-пурпурный, второй этаж – бежевый. Следующий ряд домов, от переулка Ярослава Гашека до Карла Маркса – жилые здания железной дороги постройки начала 50-х годов XX века. Первые этажи этих построек – цвет терракотовый, верхние – охристые теплые, бежевые, архитектурные детали – белые.

В колористическом решении фасадов улицы 5-й Армии в основном присутствуют теплые охристые, бежевые, терракотовые цвета гражданских и жилых зданий и светлые цвета культовых построек.

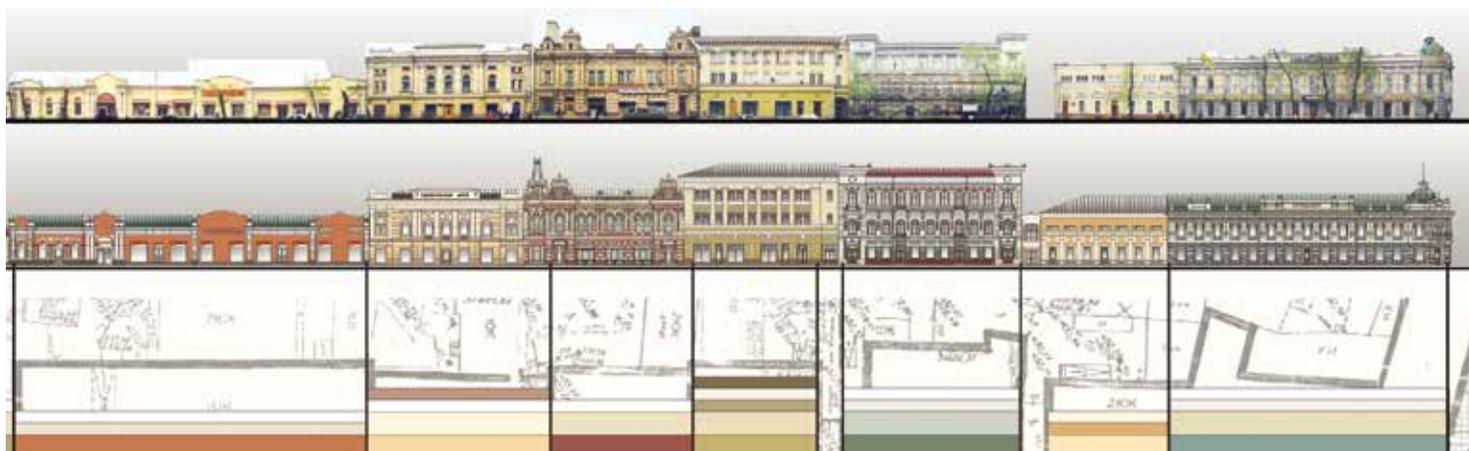
Реализация проекта цветового решения фасадов убедила городские власти и жителей в значении колористики, радикально изменившей не только цветовой облик, но и ощущение пространства улицы 5-й Армии, его художественную содержательность. К сожалению, единственным негативным пятном в строе отреставрированных фасадов смотрится здание бывшего юнкерского училища.

Фрагмент
ул. Урицкого

Фрагмент
ул. Карла Маркса

Summary

Page 10

24th UIA CONGRESS UIA TOKYO 2011

The next International Union of Architect's world congress will take place in Tokyo, Japan, on 25 to 29 September 2011, at the Tokyo International Forum. The UIA General Assembly will take place from 29 September until 1st October 2011. A mecca of contemporary architecture, Tokyo and all of Japan offer to visitors a brilliantly dynamic architectural environment.

TOKYO 2011 will be a milestone event for exchange, elaboration and sharing of a vision for the design future towards 2050 and beyond.

"DESIGN 2050", the main theme for this congress, will be approached from three perspectives: environment, life and survival.

ENVIRONMENT: our planet, sustainable architecture, natural disasters, water, agriculture, cosmic environment.

LIFE: population problems, the aging society, infectious diseases, artificial life, biodiversity.

SURVIVAL: our advanced information-oriented society, urban problems, economy, transportation, education, historical legacies.

Yoshiaki Ogura will preside over this 24th UIA congress. Fumihiko Maki chairs its Advisory board.

Fumihiko Maki was awarded the UIA Gold Medal in 1993. Another Japanese architect received this distinction in 2005: Tadao Ando.

<http://www.uia2011tokyo.com/en/>

Page 26

"To a large extent the fire beautified it"

The world financial and economic crisis can hardly give birth to optimistic hopes. But architects and designers, as Steven Bailey from the newspaper "Observer" says, may become an exception.

To prove his design optimism, he gives an example of how the economic crisis of the 1930s influenced the American car industry. At that very time the designers Raymond Loewy, Norman Bel Geddes and Henry Dreyfuss came into the industry. They reassured nervous businessmen and hopeless house owners by creating impetuous aerodynamic lines of limousines and sounding futuristic names of highways. Mickey Mouse is also worth mentioning. Being made by Walt Disney, it inspired Americans with believe in the future.

As Steven Bailey says, we are on the threshold of new demand for design. As an example he refers to the interiors of two restaurants in London. However, the new interest in design, as the author thinks, will be contrast: the demand will be both for kitsch and refinement together.

What will the design boom provide Russian architecture with?

Drop in construction may strengthen "paper architecture". I think the latter can now include not only conceptual fancies of youth, but also glamorous magazines for respectables, as well as interest in reading.

Like Steven Bailey, I believe in rich yield foreboded by crisis. Certainly, much, that is the weakest, will die out. The crisis will retain only the heroes, the Spartans of unbending spirit. These heroes will indulge in high reveries and funny recollections from old life. But it is quite possible, that out of sheer boredom and idleness someone will begin to think little by little...

Alexander Rappaport

Page 87

Poets of Color

"Color" is not an easy word. This term has at least four meanings, which are quite far from each other.

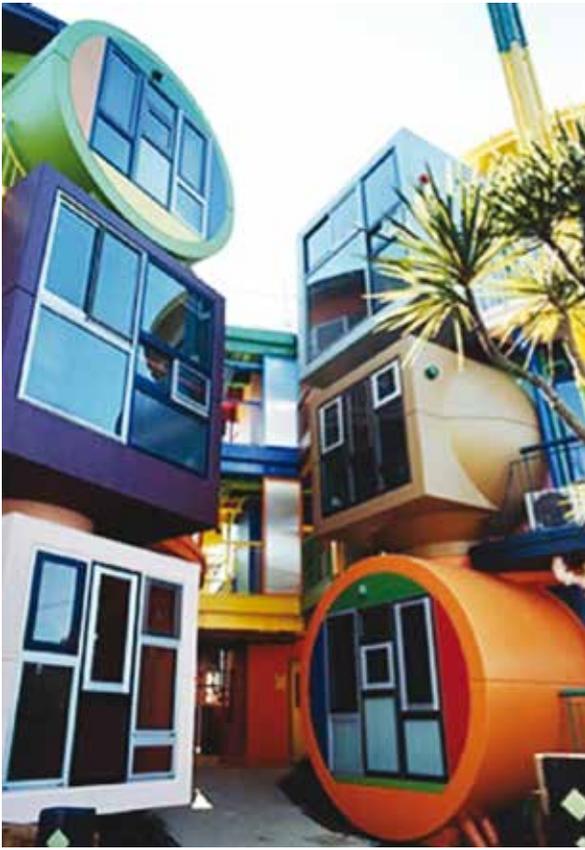
First, color means a spectral distribution of the light. White color is a mixture containing rays of all visible colors in equal parts, for example the day sunlight. There is also a pseudo-white color, which is equally composed by rays of additional (complementary) tones. For example, on a color TV screen a white color is imitated by a mixture of red, green and blue in equal proportions. If the mixture of rays with different wave lengths is not balanced, the light looks colored.

Second, color is a property of solids, liquids or gases to selectively absorb incident light. When we say "this fabric is red", what does it mean? It means that the white light impinging on the fabric is partially absorbed, and partially reflected. Mostly the rays of the red region of the spectrum are reflected, all the rest are absorbed. Or the "green" region of the spectrum is absorbed, and all the rest are evenly reflected. The result is the same, the fabric looks red, but in the second case its color is brighter and lighter. Most of the colors are colored in the second meaning of the word. Besides, there are special dyes absorbing all incident rays and radiating the absorbed energy in one narrow region of the spectrum. Such dyes are called fluorescent. They look very bright, as if glowing.

The third meaning of the word is connected with visual physiology. In this case color is an eye reaction to extrinsic and intrinsic stimuli. An eye is a complicate structure; it not merely fixes the falling light. For example, one and the same color spot against a black background is perceived brighter and clearer, and against a white background – darker and more earthy. A grey color looks greenish near a red one and gets a yellowish tinge being placed close to a blue color. Moreover, an eye responds to the general condition of the organism.

And, finally, the fourth meaning of the "color" is a psychophysiologic condition associated with visual effect. This condition of mind and body is connected through our inner emotions with a certain picture, with something we can see. For example, a green color, a color of leaves and grass, arouses a feeling of tranquility,

relaxation and even a kind of laziness, such a “vegetable” feeling. However, plants may also include poisonous ones, so some tinges of green color look rather irritant.

For each meaning of the word “color” there is a certain group of applied and abstract sciences. The first meaning is used in optics, spectroscopy, production theory and technique for monitors, television receivers and lighting equipment. The second one is applied in color chemistry, production and utilization technique for paints and coloring ingredients. The third one – in physiology and medicine. The fourth meaning is used in art history, art theory and special branches of psychology and psychiatry.

Architecture and design, due to their synthetic nature, have to take into account all the four meanings of the word “color” and all the effects arising at the intersection of different interpretations of this polysemantic word. It is architecture and design that reveal specific color experience, which combines thoughts, bodily sensations and emotions. Requirements of reasonableness, comfort and beauty in architecture serve as a basis for multiple color utilization. Like all other expressive elements of an architectural form, such as space, size, mass or rhythm, a color and light decision should be rational, comfortable and beautiful.

Unfortunately, to keep this balance in the area of color and light is more difficult than anywhere else. And the achievements of color physics, color chemistry and color perception psychology make a contemporary architect’s goals even more complicated.

If to observe different color tones appearing in the palette over thousands of years, one may notice a certain regularity. As one would expect, first come black and white, shade and light, the most archetypical and elemental visible states of mind. Among spectral tones, red was the first to come into use.

As an urban civilization progressed, people’s emotional life became more and more sophisticated and subtly differentiated. In relation to such process, more and more new color areas get realized as independent tones.

However, this process is not at all smooth and simple. There are periods when reason advances to the forefront and starts dominating over culture as a whole. According to the compensation law, in such periods worship of logic leads to denial of emotions. Emotional area is deprived of attention and care, and therefore it returns to its primitive form.

Almost a hundred years have passed since the time when poets and architects were planning to bring up a new human being in a new society. Technologies make a spurt again, challenging architectural conception. But, without involving poets and dreamers, architecture of the XXI century becomes colorless. Plenty of glass, which is more often a plate glass, leads to mere masking of buildings and their melting into the environment. Facades pretend to be the sky and clouds, rocks and hills. In the nighttime city the lighting breaks buildings to pieces and gives them a fantastic look of fragments hanging in the space. The color and the light do not collaborate with architecture and much less become their part. But they act as a cover, which shelters and hides architecture out of sight.

The word “color” is polysemantic, and its effect on a human being is diverse. Engineers, creators of solidity, security and ergonomics, oracles of comfort, poets adoring beauty – they all comprehend color in their own way, they all have their own professional truth about the essence of color. Only the architect cannot confine himself to the truth alone. The architect has to be both an engineer and a poet, so that both color and light become obedient.

Olga Zheleznyak

Page 110
Color in the City

It is evident, that color identification of cities is a brilliant idea, and that very ideology served initially as the basis and the strategy for creation of city planning coloristics. But today’s reality turns to be much more complicated. However, we consider it possible to create

an image color palette of the city on the basis of detailed historical color-grade research (for historical cities in particular) or on the basis of elaborate and sufficient project conception (for modern cities).

One of traditional methods for creating a city's color integrity and color image is, for example, administrative control over types of building and urban environment painting, which is quite common in Russia.

Peculiarities of color phenomenon existing in a city may be interpreted as processes of color culture formation during color space "development" of the city. Such processes propagate at the intersection of the "color's life" reality and the citizens' way of living; they are analyzed through the prism of "professional-nonprofessional" and "creator-consumer" relations.

In the frameworks of integral space of color's existence it is possible to determine how and why the image color changes, to observe the role of professional designers in this process, and to reveal how ex-professional perception influences the creation of image. The subject of the article is just one of the number of problems concerning city coloristics and architectural polychromia as components of the overall color culture.

authors

Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), member of the Presidium of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize

Inna Druzhinina – head of the architectural bureau-2 of the Irkutskgrazhdanproject open JSC, architect as project manager, member of the Board of the Irkutsk regional organization "Union of Architects of Russia"

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design of the Faculty of Fine Arts at Irkutsk State Technical University, member of the Union of Designers, of the Union of Architects, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences

Andrei Ivanov – city planner, Master of City Management and Development (Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands), deputy editor-in-chief of "Architecturniy Vestnik" magazine, Moscow

Elena Kiseleva – assistant lecturer of the Department of Design at Irkutsk State Technical University, chief designer of "Profit Group" LTD

Alexandra Kozak – architect, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization "Union of Architects of Russia"

Larisa Krylova – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, employee of the architectural bureau-2 of the Irkutskgrazhdanproject open JSC

Victor Kuzevanov – director of the Botanical Gardens of Irkutsk State University, Ph.D. in Biology, member of the East-Asian Botanic Gardens Network international bureau

Alexander Levintov – Ph.D. in Geography, expert of the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, research officer of the Museum of Architecture at the Irkutsk regional organization "Union of Architects of Russia"

Mark Meerovich – Ph.D. in Architecture, Doctor of Historical Sciences, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University

Artem Olshevich – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization "Union of Architects of Russia"

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Moscow Union of Architects, member of the Union of Designers, observer of the internet magazine "Architector" of the MUA website, member of the International Association of Architectural Critics

Alexandra Sokolova – architect, senior engineer of the Greenhouse Group of Siberian Institute of Plant Physiology and Biochemistry SB RAS, assistant lecturer of the Department of Architecture and Town Planning at Irkutsk State Technical University

Anton Stavrov – public relations consultant of the Irkutsk regional organization of the all-Russian social organization "All-Russian Society of Disabled Persons"

Irina Teplyakova – architect, Irkutsk

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Vladimir Fedchin – Doctor of Philosophy, professor of Irkutsk State University

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University, expert of the Rosokhrankultura Federal Agency

Andrei Sholokhov – designer, Irkutsk

Alexander Yakovlev – chief architect of the Restoration Studio for Research and Design "Traditsiya" LTD, member of the Union of Designers of Russia, member of the Union of Architects of Russia

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии РФ

Дружинина Инна Евгеньевна – начальник АПМ-2 ОАО «Иркутскгражданпроект», ГАП, член правления Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Железняк Ольга Евгеньевна – профессор, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства Иркутского государственного технического университета, член Союза дизайнеров России, Союза архитекторов России, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (отделение «Художественный и индустриальный дизайн»)

Иванов Андрей Владимирович – градостроитель, магистр городского менеджмента и развития (Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Нидерланды), заместитель главного редактора журнала «Архитектурный вестник» (Москва)

Киселева Елена Валерьевна – ассистент кафедры дизайна Иркутского государственного технического университета, главный дизайнер ООО «Профит Групп»

Козак Александра Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Крылова Лариса Александровна – студентка архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, сотрудник АПМ-5 ОАО «Иркутскгражданпроект»

Кузеванов Виктор Яковлевич – директор Ботанического сада Иркутского государственного университета, кандидат биологических наук, член международного бюро East-Asian Botanic Gardens Network

Левинтов Александр Евгеньевич – кандидат географических наук, эксперт Академии народного хозяйства (АНХ) при Правительстве РФ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, научный сотрудник Музея архитектуры при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Ольшевич Артем Юрьевич – студент архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Раппалорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского союза архитекторов, член Союза дизайнеров, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Соколова Александра Викторовна – архитектор, ведущий инженер группы «Оранжерея» Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН, ассистент кафедры «Архитектура и градостроительство» Иркутского государственного технического университета

Ставров Антон Викторович – специалист по связям с общественностью Иркутской областной организации Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов»

Теплякова Ирина Анатольевна – архитектор (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Федчин Владимир Сергеевич – доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, эксперт Федеральной службы Росохранкультуры

Шолохов Андрей Викторович – дизайнер (Иркутск)

Яковлев Александр Всеволодович – главный архитектор ООО «Научно-исследовательская проектная реставрационная мастерская “Традиция”», член Союза дизайнеров России, член Союза архитекторов России

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ

664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 27, т.: (3952) 34-23-06, ф.: 20-23-15, e-mail: igr@irgp.ru

4 5 л е т с в а м и

Институт свою цель определяет в решении ряда задач:

- продвижении новых конструктивных и инженерных систем и решений
- оптимизации архитектурно-планировочных решений
- улучшении потребительских свойств проектной продукции
- принятии правил на конкурсное проведение проектирования для градостроительно значимых объектов
- культивировании понимания необходимости и первоочередности градостроительных решений

Основной стратегией института является рост и развитие:

- сферы и объема проектных услуг
- качества принимаемых проектных решений
- уровня автоматизации системы управления и создания проектной продукции
- информационной базы

Мы по-прежнему главной задачей ставим создание полноценной среды